

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В. Н. Шубкин

Социология и общество:
Научное познание и этика науки

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sociologia_i_obshestvo.pdf

Перепечатка с сайта Центра социального
прогнозирования и маркетинга
<http://www.socioprognoz.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

СОЦИОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО:
НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ И ЭТИКА НАУКИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

В.Н. Шубкин

СОЦИОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО: НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ И ЭТИКА НАУКИ

Центр социального
прогнозирования и маркетинга

Москва • 2010

УДК 316.1/.2(035.3)
ББК 60 55
Ш 95

Шубкин В.Н.
Ш 95 Социология и общество: Научное познание и этика науки. Монография. — М.: ЦСПиМ, 2010 – 424 с.

ISBN 978-5-98201-050-6.

Книга В.Н. Шубкина – это яркий образец новаторского творчества ученого, находившегося у истоков возрождения социологии в государстве, в котором общественные науки были обременены диктатом идеологической апологетики. Излагаемые в книге методология и методические принципы социологии сохранили свою актуальность и сегодня. По мастерству научного анализа по сей день непревзойденным остается опыт проведенных Шубкиным многолетних лонгитюдных исследований профессиональных траекторий молодежи, а также реализованная им социологическая модель роли образования в воспроизводстве социально-профессиональной структуры общества. Показывая сложность выбора жизненного пути выпускниками школы, автор впервые в социологической литературе пишет об этической дисфункции общего образования. Отдельный раздел посвящен доказательству важности этического содержания социологических исследований, тесной связи социологии и литературы.

Книга адресована социологам; преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных факультетов вузов; специалистам, работающим в области управления образованием.

УДК 316.1/.2(035.3)
ББК 60 55

ISBN 978-5-98201-050-6

© Шубкин В.Н., 2010
© Центр социального прогнозирования
и маркетинга, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	10
Годы Шубкина	13
От автора	18

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ОТ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ К СОЦИОЛОГИИ

ГЛАВА I

Методология социологических исследований	24
1. Общество как система социальных отношений	24
2. Социологические аспекты управления общественными процессами	32
3. Место социологии в системе социальных наук	39
4. Количественные методы в социологии	48
5. Социологический исследовательский проект	65

ГЛАВА II

Социально-экономическое исследование села	74
1. О цели и специфике исследования	74
2. Динамика благосостояния крестьян	79
3. Рабочий день колхозников как отражение взаимосвязей общественного и личного	87

ГЛАВА III

Отношения коллектива и личности	104
1. Методические вопросы социально-психологических исследований	104
2. Личность и коллектив	117
3. Руководитель, коллега, подчиненный	127

ГЛАВА IV

ТРУДОУСТРОЙСТВО И ВЫБОР ПРОФЕССИИ 141

1. Цели и методы исследования 141

2. Социальная мобильность при выборе профессии 158

3. Влияние социальных различий на привлекательность профессий 176

4. Личные планы и их реализация 191

5. Об оптимальной структуре профессионального обучения 202

6. Миграция выпускников школ 207

7. Эхо войны 214

8. О социальном прогнозировании шансов молодежи 219

9. Заглядывая вперед 230

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ВЫБИРАЯ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ**

ГЛАВА I

МОЛОДЕЖЬ ВСТУПАЕТ В ЖИЗНЬ 237

1. Банк грез и баланс судеб 238

2. У пирамиды профессий 240

3. Между Сциллой и Харибдой 243

4. Тайны селекции 245

5. Наследуют ли дети профессии своих отцов? 250

6. Интеллектуальный потенциал и социальное равенство 253

7. Демографическое эхо войны 256

8. Охота к перемене мест 260

9. Дороги, которые нас выбирают (десять лет спустя) 262

10. В мире профессий 265

11. Личные планы и реальность 269

12. Балансы и «мезальянсы» 271

13. Мобильность: вчера и сегодня 273

14. Тяжкое бремя выбора 280

ГЛАВА II

ОБЛИК ПРАВСТВЕННОСТИ 288

1. Ночь после выпуска 288

2. Какой быть школе 290

3. Не разберетесь ли вы сами 292

4. Задача не школьного масштаба 295

Оглавление

---

5. Прежде и теперь	297
6. Трагедия свободы	299
7. Непокоренная тьма	302
8. Как научить добру	304
9. Прочны ли опоры?	307
10. 22 марта 1968 года	310
11. На распутье	312
12. Власть и образование	315
13. Столпы и жертвы иерархии	321
14. «Группаки»	326
15. Мертвые хватают живых	328
16. Истэблишмент за работой	334
17. Per aspera ad astra	340
18. Человек и его работа	344
19. Социология и нравственность	345
20. Из легенды о великом инквизиторе	347
21. С чего начинается социолог?	349
22. Увлечения и ограничения	353
23. Вагранка или модель человека	357
24. Социология и художественная литература	360
25. К человеку нравственному	364
26. Вместо заключения	371
В. Н. ШУБКИН: «ВОЗРОЖДАЮЩАЯСЯ СОЦИОЛОГИЯ И ОФИЦИОЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ»	374
Приложения	389

Социологические исследования в нашей стране, берущие свои истоки в пионерском почине общественной науки 1920–30-х годов, проделали большой путь — от социально-экономических очерков, описывающих традиционными методами отдельные объекты и явления, до социологических исследований, опирающихся на массовую, репрезентативную информацию, математические, статистические методы, электронно-вычислительную технику с выходом на социальное прогнозирование.

Конечно, декларировать те или иные теоретические и методологические требования значительно проще, чем конструктивно реализовать их в ходе научного поиска. Именно эта реализация, несмотря на все трудности, и оказалась весьма плодотворной для тех конкретных социологических исследований в различных районах страны — в Сибири, Молдавии, Москве, обобщению опыта которых и посвящена данная работа. Автор назвал ее «Социологические опыты». Стремясь подчеркнуть таким заглавием, что речь идет лишь о некоторых подходах к изучению сложных явлений и процессов, он тем не менее сумел увязать эти подходы со своей общей научной позицией. И она отчетливо прослеживается во всей работе: не преувеличивать роль эмпирических методов, реалистически оценивать их возможности, видеть огромные трудности, с которыми приходится сталкиваться исследователю такой сложной системы, как общество.

В монографии дается анализ ряда собственно методологических проблем социологии — исследования общества как системы социальных отношений, ее роли в прогнозировании и управлении, специфики социологического обобщения и т.п. Наряду с этим здесь систематизируются методические средства и технические приемы научного анализа тенденций в сельской жизни, социально-психологических проблем личности и коллектива, трудоустройства и выбора профессии.

Анализ проблем общественного поведения различных групп учащихся при переходе их из сферы образования в сферу практической деятельности дал автору возможность выявить особенности социальной структуры и мобильности,

роль образования в этих процессах, взаимодействие объективных, и субъективных факторов при выборе профессии, влияние демографической ситуации на трудоустройство молодежи и др., а также уяснить целый ряд общеметодологических проблем марксистских социологических исследований. Едва ли можно усомниться, например, в том, что выраженные наглядно пирамидами социальные процессы, характеризующие противоречия между объективными потребностями в кадрах по профессиям и субъективными склонностями молодежи, не заинтересуют многих читателей.

Особого внимания заслуживает позиция автора в подходе к методам разрешения социальных противоречий, в частности, обусловленных имеющимися различиями в области образования. Он правильно подчеркивает, что эти противоречия должны разрешаться не административными мерами, а путем ускоренного изживания социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней. Следует отметить, что полученные автором результаты помогли государственным и общественным организациям в решении ряда практических вопросов планирования трудоустройства молодежи, связанных с так называемым «демографическим эхом войны», повышения привлекательности ряда профессий, эффективности производственного обучения, профессиональной ориентации.

Некоторые положения, выдвинутые автором, имеют дискуссионный характер, еще не прошли всесторонней проверки и видимо, будут уточняться в ходе дальнейшей работы. Но В.Н. Шубкин принимает это исследовательское ограничение и убедительно показывает его естественность, а отчасти и неизбежность. Об этом свидетельствует и весь пафос публикации. Она направлена против профанации в социологии, против легкомысленных подходов к этой важной и сложной области знания, требующей для своего развития, как и любая другая сфера науки, огромного трудолюбия и таланта¹.

Академик *А.М. Румянцев*

---

¹ Основу книги составляют работы В.Н. Шубкина: Социологические опыты. (Методологические вопросы социальных исследований). М.: «Мысль», 1970; Начало пути. (Проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы). М., «Молодая гвардия», 1979.

К ЧИТАТЕЛЮ

Владимир Николаевич Шубкин – выдающийся российский социолог, один из тех, кому наша страна обязана возрождением отечественной социологии, автор многих научных трудов, не потерявших актуальности, но, пожалуй, становящихся все более востребованными, создатель научной школы, успешно функционирующей по сей день и, надеюсь, имеющей все возможности сохраниться и в будущем.

Институт социологии Российской академии наук вправе гордиться тем, что исследования молодежи и образования, начатые и развернутые В.Н. Шубкиным, продолжают в нашем институте. Их проблематика расширяется, охватывая новые когорты и социальные группы. Не просто сохраняется преемственность в исследованиях – благодаря основанному В.Н. Шубкиным в Сибири динамическому ряду и его продолжению создана уникальная информационная база, позволяющая судить об изменениях, происходящих на протяжении более четырех десятилетий. Изменения не только в ожиданиях и реальных жизненных путях молодежи; имеющиеся данные говорят о многом в жизни общества в целом, о трендах его развития и модификации.

Показательны, например, результаты исследований, касающиеся привлекательности профессий у молодежи, – результаты, интерпретационный потенциал которых, возможно, недооценен. В динамике привлекательности профессий отражаются (в той или иной степени) многие явления и процессы, происходящие в обществе. На основе данных о динамике привлекательности профессий создается возможность судить об изменениях в системе ценностей общества и отдельных социальных групп; устанавливаются связи между динамикой привлекательности профессий и важнейшими социальными факторами, которые в состоянии влиять на нее; между демографическими, экономическими, политическими процессами, которые могут ее определять; между объективными изменениями в условиях жизни общества, определенных его слоев, с одной стороны, и субъективными факторами, определяющими социальное поведение людей как их реакцию на эти изменения, с другой. Социальные изменения, при том, что они являются комплексом, включающим в себя и модификацию привлекательности профессий, выступают интегральной причиной динамики привлекательности профессий. А она, в свою очередь, вместе с другими влияниями, ведет к новым социальным изменениям.

В начале 1960-х годов, когда В.Н. Шубкин предпринял первые свои исследования, наиболее привлекательными для молодежи оказались профессии ученых, среди которых лидировали физики и математики, а также инженеры. Вполне естественно, что самые привлекательные занятия для выпускников средних школ в те годы – профессии, традиционно престижные в относительно благополучный период советского времени, отражающие систему ценностей общества, воспринятую школьниками.

К настоящему времени новая реальность трансформировала картину мира профессий в сознании выпускников школ. Перемены в стране не могли не сказаться на характере динамики ориентаций молодежи. Иерархия привлекательности профессий отражает уже не прежнюю, а в значительной степени другую систему ценностей. Молодежь иная, как и изменившееся общество. Соответственно другие статусы, а следовательно, и другие профессии взошли к вершине общественной пирамиды.

Прежние лидеры у выпускников средних школ отошли на периферию их интересов – произошла революция в представлениях о профессиях и социальных статусах. Для одних «морально устаревшие», для других – чуждые, властители дум покатались вниз по крутой лестнице иерархии привлекательности профессий, социальных статусов. Исчезли из числа наиболее привлекательных профессии ученых и инженеров. Иерархию профессий, увиденную глазами выпускников средних школ, теперь возглавляют юрист, бизнесмен, банковский работник, программист, переводчик с иностранного языка. Здесь преимущественно занятия, которые прежде не были столь актуальными и столь престижными или не существовали в нашей действительности вовсе.

Сохраняются высокие aspirations, четкая установка на успешную жизненную карьеру, на престижный статус и соответствующий уровень достатка. Однако новые выпускники стали предпочитать «новые» профессии, актуальные для модифицировавшегося рынка труда. Идеологические стандарты советского времени, предполагавшие престиж символических статусов, лишенных наполнения возможностями самореализации или материального вознаграждения, отошли в прошлое. Вместе с тем, достижение успеха мыслится, в основном, через получение высокой квалификации, преимущественно – вы-

сшего образования. Наблюдается немалая прочность в нашем обществе такой ценности, как стремление к образованию.

Что все это означает? Надо ли, вслед за некоторыми морализаторами, порицать «нынешнюю молодежь» за приземленность устремлений, за некую прагматичность при планировании жизни?

Едва ли. Трансформация привлекательности профессий отражает и новые возможности, открывшиеся перед молодыми, и новые ограничения из-за свертывания наукоемких отраслей, экономического спада, и ужесточение обстоятельств выживания, и перемены условий получения качественного образования, и внедрение новых образцов поведения. Молодежь чутко улавливает, что происходит вокруг; сигналы, воспринимаемые извне, преобразуются в решения, какие модели жизненного пути следует выбирать. Профессии, которые выпускники стали оценивать выше, дают шансы в большей мере реализовать себя, экспериментировать, получить большую свободу деятельности.

А как это следует оценить с точки зрения интересов страны, например, в связи с задачами модернизации экономики?

Молодежь не может не отражать в своих ориентациях процессы, происходящие в обществе. Это отчетливо показывают результаты социологических исследований. Более того, являясь, в силу стартового характера своей жизненной позиции, группой восприимчивой и устремленной в будущее, молодежь особенно отчетливо выражает тенденции процессов обновления общества. Можно смело прогнозировать: когда прогрессивные тенденции найдут реальное воплощение в жизни страны, молодежь сразу же откликнется на новые потребности в квалификациях и видах деятельности, на востребованность инициативы и креативности.

Задачи социологии в ситуации нашего времени – интенсивно изучать актуальные проблемы общества, информировать общество о его состоянии и искать пути решения социальных проблем. Это в полной мере относится к проблематике, которая была инициирована В.Н. Шубкиным и продолжает реализовываться его социологической школой. Можно рассчитывать, что это направление будет развиваться и даст новые результаты, ценные и в научном, и в практическом отношениях.

*М.К. Горшков,
член-корреспондент РАН*

ГОДЫ ШУБКИНА

Открыв дверь данным мне ключом, я сразу прошел в кабинет хозяйина (расположение комнат было мне знакомо по прежним посещениям этой квартиры). И увидел листок, лежавший на письменном столе. Предположив, что это может быть записка, адресованная мне, я начал читать и прочел верхнюю строку. Там было написано: «На что стоит потратить следующие годы?» Далее следовали пункты, явно не предназначенные для постороннего взгляда. Я осторожно взял листок за край и перенес его на книжную полку.

Ключ я получил из рук хозяина накануне. Я пришел к нему с заявлением, в котором просил принять меня в аспирантуру. Плохо ли, три года вольницы! Через минуту мое заявление в виде клочков бумаги лежало в мусорной корзине, а взамен мне был вручен ключ. «Я уезжаю в отпуск, – сказал Шубкин. – Вот вам ключ от моей квартиры. К моему возвращению сделайте, пожалуйста, первый вариант диссертации».

Разговор тогда получился серьезный, и отправился я в его квартиру, чтобы приняться за работу, и все же настроен был весьма легкомысленно. Но то, что я невольно прочел на том листке – всего лишь верхнюю строчку, – заставило меня задуматься и о своей жизни, весьма уже к тому времени связанной с его жизнью.

Кто он – Владимир Николаевич Шубкин – сегодня для социологов, да и не только для социологов?

Сотни научных трудов; монографии, ссылки на которые продолжают множиться; международная известность... Человек, который одним из первых возрождал отечественную социологию; автор каждому знакомых исследований; прошедший очень негладкий, очень трудный путь и выдержавший все удары, нападки, превратности академической жизни... Фронтвик, которому выпали тяжелейшие дни войны... Исследователь, который изменил мнение о социологии как науке, не находящей практического применения, когда инициировал принятие правительственного решения о помощи молодежи, оканчивавшей школу (это было в 1966 году, когда состоялись одновременно два многочисленных выпуска)...

В этой книге собраны его основные труды. Здесь и изложение его главных методологических подходов, и первое исследе-

дование – о жизни села, – по форме как бы экономическое, но по сути уже совершенно социологическое; изящный анализ отношений в коллективе; многогранное исследование проблем молодежи, вступающей в самостоятельную жизнь, с подробным изложением и результатов, и методики; наконец, чрезвычайно важные для тогдашних современников и нынешних потомков размышления о нравственности, в том числе – о нравственной позиции социолога. Что-то в этой книге покажется читателю дискуссионным – а как же иначе, ведь это труды исследователя. Что-то поможет лучше понять годы, когда были написаны эти работы. Но чаще, я уверен, читатель станет отмечать то, что точно соответствует сегодняшнему или показывает его истоки.

В эту книгу не вошла автобиографическая проза Шубкина. По причине понятной – здесь только научные труды. Не потому, что те его произведения малозначительны. Я, к примеру, немало прочел книг о войне, но понял, что это было, – из прозы Шубкина.

Одна из глав книги называется – «Социология и нравственность». На эту характеристику профессиональной работы как-то далеко не всегда, признаемся, в нашем сообществе обращают внимание. Будто выборка, использование изоциренных методик или удача в получении хороших заказов – важнее нравственных качеств исследований (и исследователей!) или что-то в этом плане искупают. Социологический анализ должен сочетаться с гуманистическими представлениями о человеке – в этом смысл предостережений и размышлений (но не морализаторства) Шубкина, прозвучавших очень своевременно и очень значимо. Как публицист, он обращался не только к коллегам, но ко всем, кто мог и хотел его услышать, утверждая ценность и достоинство личности.

Это написано, как предупреждение: «Трудно представить себе развитие современной области знания – да еще такой самоутверждающейся, как социология, – без борьбы честолубий, без ярмарки тщеславия» (стр. 345). Шубкин приводит слова Ф.М. Достоевского, одного из любимых своих авторов, который словно предвидел происходящее в нашей среде: «... Захочется славы, вот и явится в науке шарлатанство, гоньба за эффектом, и пуще всего утилитаризм, потому что захочется и богатства. И не может это не подталкивать отдельных сжигаемых страстью к продвижению молодых научных ра-

ботников к экспериментам, рискованным не столько для них, сколько для реципиентов — людей, которые должны давать им информацию»² (стр. 346).

Кто из нас не обольщался возможностями науки? Один из немногих, кто принадлежит к цеху науки и, тем не менее, видит пределы ее возможностей, Шубкин настаивает: «Только очень наивные люди могут надеяться, что проблемы самоопределения (молодежи — Д.К.) могут быть решены психотехниками или экономистами, ибо не все понимают их многоплановость и глубину». Его убеждения основаны на опыте исследований, на размышлениях о сути того, что выявлялось при анализе материалов: «Чем больше мы в ходе нашего социологического исследования вникали в проблемы молодежи, тем яснее становилось нам, что наш анализ ограничен, что есть такие нравственные и духовные глубины в жизни юношей и девушек, которых не постигнешь с помощью традиционных научных методов» (стр. 288).

Уж коли есть термин «понимающая социология», — давайте признаемся (хотя бы себе, я обращаюсь к коллегам), что чаще всего в публикациях мы встречаемся с *регистрающей* социологией, сыплющей процентами, но не достигающей сути исследуемого, не вскрывающей ее; не стану распространяться и о так называемой *утилитарной* социологии, которая обслуживает чьи-либо интересы. В противовес этому, работы Шубкина — это *думающая* социология. И — *честная* социология.

В размышлениях о молодежи, изучению которой Шубкин отдал много лет и много сил, для него также наиболее важны нравственные проблемы: «...Самое сложное и самое важное сегодня — *нравственное воспитание*» (стр. 234). Притом: «Самостоятельное мышление как в области естественных, так и общественных наук [...], — важнейшее условие формирования личности» (стр. 295).

Мне доводилось слышать несколько версий того, почему Шубкин посвятил такую значительную часть своей жизни именно молодежи. Но настоящее объяснение находим у него: «...Изучение молодежи — ключ к пониманию будущего» (стр. 235). И он действительно, как впоследствии стало всем понятно, результатами этих исследований в значительной степени прогнозировал будущее страны.

² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч., т. 10, СПб., 1985, стр. 155–156.

Шубкин в этих работах – не холодный аналитик. Не случайно эпиграфом к одной из своих книг он взял цитату из романа Дж. Л. Сэлинджера – тот пронзительный монолог, где лирический герой объясняет: «Знаешь, кем бы я хотел быть? – ...Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятишки играют вечером в огромном поле во ржи. Тысячи малышей и кругом – ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю обрыва, над пропастью, понимаешь? И мое дело – ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть. Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи...».

Вот настоящая позиция социолога. Все остальное – поиски истины, да все, что угодно, – ничто перед этим.

Впервые я встретился с ним в новосибирском Академгородке на вполне типичной там тусовке (тогда, правда, так это не называлось). Он стал рассказывать мне об исследованиях старшеклассников: какие они строят планы перед окончанием школы и что на самом деле у них потом получается. Короче говоря, – ожидания людей и действительность! Как можно было не увлечься? Шубкин предложил: «Походите к нам, может, понравится». Я и пошел. И остался.

Уверен, что в тот вечер мне по-настоящему повезло.

Где истоки, где основа жизненной и профессиональной позиции Шубкина, откуда в нем этот императив, определивший его путь?

Его жизнь могла бы стать основой для большого романа о судьбе нашей страны. К счастью, удалось издать дневники его отца, учителя-словесника (мать тоже преподавала литературу). В этой книге – не только картина жизни барнаульской гимназии, но, может, главное – образ русского интеллигента. Вот истоки шубкинского ума, характера, нравственных правил. В тридцатые годы – репрессии, Шубкин остается без отца и без перспектив. Все двери закрыты. Даже когда начинается война, его не берут в армию. Потом ему удается пойти на фронт. Ранения, контузия, чудесное спасение... После войны – экономический факультет МГУ, потом – успех, международное признание...

То, что было унаследовано от родителей, было укреплено собственным жизненным опытом; негативный опыт не сломил, а укрепил Шубкина в позиции настоящего русского интеллигента.

Как определить жизнь Владимира Николаевича – те годы, что остались позади и продолжаются сегодня? Испытания – триумф – испытания? Или: испытания несправедливостью, лишениями, болью – испытание успехом – испытание болезнью? Судьба его не щадила и не щадит. Он боролся и борется с ней. Труженик, мыслитель, учитель для очень многих. Его послания коллегам, согражданам, миру – получены. Авторитет его был и остается огромным. Мы, те, кто работает с ним давно, общается постоянно, знаем его как человека сердечно-го, заботливого, но и требовательного.

Попробую поставить вопрос более узко, но и более жестко – в плане профессиональном. Вопрос, который не может не беспокоить каждого, кто задумывается о своей судьбе как социолога. Что остается после нас? Устаревшие эмпирические данные? Методы, которые, может быть, пригодятся, а может, нет? Теория, что будет развенчана и пересмотрена?

Словом: на что, таким образом, потрачены годы?

Я завидую Владимиру Николаевичу. Результаты его эмпирических исследований – не только прекрасный материал для историка, но и как раз то, что необходимо для понимания многого в настоящем, истоков настоящего и его продолжения. Исследовательские подходы и социологические методики Шубкина продолжают использоваться: как была территория СССР покрыта его анкетами (без ссылок – «слова народные»), так и сегодня они прорастают в обследованиях российских и не только. Нравственные основы, которые он искал, находил и утверждал, продолжают работать в становлении самосознания социологов; то, что он написал и вообще всячески старался внедрить в умы коллег по поводу моральной, нравственной стороны нашего труда, его роли в жизни общества и отдельных людей, – это не менее ценно, чем его отраслевые исследования.

Владимир Николаевич Шубкин – человек, который изменил мировоззрение многих современников. Да и судьбу целого поколения, по крайней мере – возрастной когорты, вышедшей из школы в середине 1960-х. В значительной мере изменил отечественную социологию. И еще – мою жизнь.

Д. Константиновский

ОТ АВТОРА

Одной из примечательных особенностей жизни страны во второй половине 1960-х годов явилось быстрое развитие социологических исследований. Они привлекли к себе многих энтузиастов³. В разгар гражданской войны и сразу после нее в СССР проводились оригинальные социальные исследования. При этом речь идет не об отдельных авторах, а о целом потоке прикладных социологических исследованиях.

Приведем для примера некоторые, в основном сибирские, материалы.

Что представляет собой новый читатель? Какого типа разговор должны вести газеты со своим собеседником — с десятками миллионов рабочих и крестьян? Что нужно сделать для того, чтобы читатель понял суть газетного материала и активно откликнулся на него? Как добиться наибольшей эффективности печатной агитации и пропаганды? На эти вопросы хотели получить и получали ответ исследователи тех лет. Уже в начале 1920-х годов проводится широкое изучение читателей газет «Рабочая газета», «Северная деревня» и др. Исследователи обращаются к читателю с предложением высказать свое мнение по поводу актуальности тематики газет.

Наиболее распространенной формой изучения читателей становится анкета. Анкетные опросы проводились как центральными, так и провинциальными газетами. Материалы тщательно анализировались. При этом результаты исследований, с одной стороны, публиковались в печати и тем самым содействовали накоплению методического опыта, с другой — использовались для принятия решений, направленных на улучшение содержания газеты.

Первой из сибирских газет в 1923 г. провела анкетирование читателей тюменская газета «Трудовой набат». Вслед за этим аналогичные обследования проводят томская газета «Красное знамя», барнаульский «Красный Алтай», иркутская «Власть труда».

---

³ Хотя в СССР в период 1930–1960 годы социология как самостоятельная общественная наука была запрещена, в рамках признанной советской властью доминирующей теории марксизма социология находила «иллюстрацию» в вузах посредством широкого ознакомления студентов с социологическими работами К. Маркса «Капитал», Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», В. Ленина «Развитие капитализма в России».

В ходе исследований иркутская газета «Власть труда» определила социальный состав своих читателей. Обработав статистический материал, издатели выявили новые типы читателей и их отношение к различным тематическим разделам газеты. Стало известно, что газету многие читают коллективно (на одного подписчика приходилось в среднем три читателя). Читатели «Красного Алтая» просили расширить разделы «Международная жизнь», «Действия и распоряжения центрального правительства» и др.

В этот период успешно закладывались основы методологии, методики и техники изучения общественного мнения. В связи с этим можно отметить книгу жителя Томска В.И. Кузьмичева «Печатная агитация и пропаганда». В ней содержалась интересная разработка ряда методологических и методических проблем изучения общественного мнения.

Не меньший интерес представляют проводившиеся после 1917 года исследования социальных проблем села. Власти уделяли этим вопросам особое внимание, стремясь получить всестороннюю и максимально достоверную информацию о социальных процессах в деревне. Ряд крупных обследований в стране был проведен комиссией под руководством В.В. Куйбышева. В Сибири первые социальные исследования сельской жизни начались по инициативе Сиббюро ЦК РКП(б) сразу после завершения гражданской войны в 1922–1923 годах. Их целью было отобразить социальную ситуацию в сибирской деревне. Крупные обследования проводились в 1924, 1925, 1926 и 1928 годах. На основе этих обследований, как отмечал С.В. Косиор на II Пленуме Сибирской краевой контрольной комиссии, партийные органы принимали «решения, основанные не на умозаключении, а на точном, проверенном материале».

Исследования, проводившиеся в Сибири, касались проблем социальной структуры и социальной дифференциации села, налоговой политики в отношении разных социальных групп, их отношения к Советской власти. Все эти обследования проводились как научными, так и партийными работниками. В проведении обследований широко участвовали курсанты советско-партийных школ, коммунистических университетов.

В ходе исследований сибирского села применялись различные методы: специальные опросы, сбор документов, интервью, непосредственные наблюдения. Большое внимание уделялось

определению объектов исследования. При этом использовались случайная выборка, отбор типичных хозяйств, тщательное учитывалась специфика отдельных районов⁴.

Возрождение социологических исследований в СССР началось после XX съезда КПСС. Создаются социологические группы в Москве, Ленинграде⁵, Новосибирске, Свердловске⁶. В 1968 г. организован Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР. Все это не могло не породить большой популярности социологических исследований. В то же время необходимо реально видеть трудности, с которыми сталкивалась советская социология на начальной стадии возрождения. Они были обусловлены, прежде всего, недостаточной разработкой теоретических, методологических и методических проблем эмпирического социологического исследования. Причем не только тем, что социологические исследования стали особенно быстро развиваться и что численность людей, профессионально работавших в этой области, была мала и не шла ни в какое сравнение с кадрами экономистов, историков, философов, юристов, но и с тем, что информация о личных планах, намерениях, склонностях, потребностях, интересах получается здесь от человека. В какой мере можно доверять этой информации? В какой мере она отражает действительные процессы в общественном сознании и психологии? В какой мере и с какой вероятностью можно ее использовать в качестве показателей для решения проблем управления?

Возрождение и активизация социологических исследований в СССР отражали специфику этапа развития советского общества, понимание властью того, что социальные проблемы нельзя решить техническими средствами или административными мерами⁷.

Наступило осознание того, что и для социалистического общества свойственны противоречия и социологические исследования способны давать общественности объективную информацию о причинах этих противоречий.

---

⁴ Эти и вышеприведенные материалы любезно предоставлены автору преподавателями Новосибирского государственного университета В.З. Коганом и А.Н. Соскиной.

⁵ Ныне Санкт-Петербург.

⁶ Ныне Екатеринбург.

⁷ См. А.М. Румянцев. Проблемы современной науки об обществе. М., 1969.

Осознание противоречия — решающий шаг на пути его преодоления. Роль социологических исследований в связи с этим трудно переоценить. Они позволяют в зародыше вскрывать противоречия, содействуют конкретному осознанию противоречий общественного развития, скорейшей разработке мероприятий по их разрешению.

Необходимость повышения социологической культуры исследователей требовало обобщения накопленного опыта, серьезной научной разработки проблем методологии, методики и техники исследований. Обобщению опыта конкретных социальных исследований, проведенных автором в Сибири, Молдавии, Москве, разработке на этой основе некоторых методологических проблем и практических предложений и посвящен первой части книги. При этом в известной мере в ее структуре отражается путь социологических исследований в СССР в середине и второй половине 1960-х годов — от социально-экономических очерков, описывающих традиционными методами социальные проблемы в прошлом, к социологическим исследованиям, опирающимся на массовые обследования и современные количественные методы с подходом к прогнозированию ряда социальных процессов.

В первой главе делается попытка осмыслить общество как очень сложную, динамическую, вероятностную систему, которая способна производить, хранить и использовать информацию для целей управления, а также наметить некоторые аспекты применения количественных методов в социологических исследованиях. Последующие главы книги посвящены опыту, методике и технике конкретных социологических и социально-психологических исследований.

Большой раздел работы написан по материалам социологических исследований проблем трудоустройства и выбора профессии, проведенных под руководством автора в Сибири. Их цель состояла не только в том, чтобы практически помочь юношам и девушкам в момент, когда они принимают весьма ответственные решения, не только в изучении закономерностей социальных, профессиональных и территориальных передвижений, которые происходят в связи с выбором первой профессии. Эти исследования дали возможность на массовом и достаточно представительном материале проверить ряд гипотез, которые имеют общеметодологическое значение: об устойчивости и согласованности субъективных оценок, об их

обусловленности социальным положением семьи, о противоречиях между личными склонностями разных групп молодежи и объективными потребностями экономики, науки и культуры, между личными профессиональными планами и выбором профессии, о взаимосвязи информации, получаемой в ходе социологических исследований, с реальными решениями и поведением социальных групп.

Большая часть рассматриваемых в первой части книги вопросов прошла своеобразную проверку во времени и в пространстве благодаря массовым повторным обследованиям по единой методике и по сопоставимым объектам в 1963, 1964, 1965, 1966, 1967, 1968, 1969 годах в Новосибирской, а также в Ленинградской области, Бурятской АССР. Другие материалы (например, социально-психологические исследования роли коллектива в профессиональном самоопределении личности) были реализованы лишь в 1965 г. Поэтому уровень обобщений различных материалов неодинаков. Некоторые вопросы, рассматриваемые в первой части книги, носят дискуссионный характер и требуют дальнейшей теоретической, методологической разработки и эмпирической проверки. При этом автор отчетливо сознает, что методологические проблемы социологических исследований чрезвычайно многообразны и сложны и что в данной работе удалось рассмотреть лишь некоторые из них.

Автор глубоко признателен всем, кто своими советами и замечаниями помогли реализации и публикации материалов исследований, и прежде всего А.М. Румянцеву, Г.В. Осипову, Б.Ц. Урланису, В.А. Ядову, Ю.А. Замошкину, Б.А. Грушину, Г.М. Андреевой, И.С. Кону, Н.Ф. Наумовой, Н.И. Лапину, А.Г. Здравомыслову, В.Ж. Келле, В.Э. Шляпентоху, А.Г. Харчеву, В.Б. Ольшанскому.

Особенно хочется поблагодарить своих коллег, с которыми на протяжении ряда лет автор вел совместные исследования, — В.В. Водзинскую, Д.Л. Константиновского, М.Х. Титма, Е.Д. Гражданникова, А.Г. Ашкинази, О.И. Зотову, Е.И. Козлову, Ж.А. Чернышеву, Л.Ф. Лисса, Г.М. Кочетова, Ю.Д. Карпова, Л.Г. Борисову, В.Д. Ковалеву, В.К. Сенницкую, А.Ф. Гукову, Г.И. Антонову, В.А. Калмык, Н.П. Москаленко, Н.В. Бузукову, Ю.Д. Воронова, Ф. М. Бородкина, М.М. Траскунову, В.И. Артемова, Ж.К. Архангельскую, Ю.П. Коваленко, М.А. Жданову и многих других.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ОТ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ
К СОЦИОЛОГИИ**

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1. Общество как система социальных отношений

Когда мы думаем о человеческом обществе, перед нашим мысленным взором проходят тысячи образов и понятий. Человеческое общество — это миллиарды мужчин и женщин, старых и молодых, богатых и бедных, представителей разных профессий, национальностей, религий, рас. Человеческое общество — это села и города, дворцы и хижины, фабрики, заводы, университеты, магазины и кинотеатры, которые созданы людьми и стали необходимым условием их жизнедеятельности. Человеческое общество — это государственные границы, конфликты, армии, тюрьмы, войны, классы, касты, это титулы собственности и власти, которые не объединяют, а разделяют людей, подчиняют одних людей другим, сталкивают их друг с другом.

Общество представляет собой очень сложную, динамическую, вероятностную систему. Это значит, что оно состоит из множества подсистем — классов, наций, государств и т.п., каждая из которых является очень сложной системой. Как динамическая система оно представляет исторически обусловленный, развивающийся организм.

Наконец, общество является системой вероятностной, в отношении которой невозможны точные прогнозы и модель поведения которой носит стохастический характер.

Характеризуя общество в терминах современной кибернетики, нельзя забывать о специфике социальных явлений. В человеческом обществе люди обеспечивают себе определенную независимость от природы, создают искусственное окружение из продуктов своего труда, вырабатывают определенные знания и навыки, нормы поведения и общения, различные социальные институты. Все это, в широком смысле слова определяемое как культура, играет важнейшую роль в развитии человека, преобразует его биологические потребности, регулирует поведение

человека и выполняет роль социальной информации, которая передается по наследству из поколения в поколение.

Культура предстает перед исследователем, с одной стороны, как результат взаимодействия человечества с природой, а с другой — как продукт определенных отношений между людьми. С этой точки зрения закономерным является анализ общества как системы социальных отношений, которая по отношению к системе человечество — природа является под-системой.

Отношения, в которые вступают люди друг с другом, чрезвычайно разнообразны. Каждый член общества, хочет он того или нет, связан с другими людьми и его жизнь, удовлетворение его потребностей, его судьба зависят от них. Развитие общества, рост производительных сил и общественного разделения труда ведут к усилению связей между людьми, а отношения между людьми приобретают все более сложный характер.

Поскольку производство материальных благ играет особо важное значение в жизни человечества, постольку в системе общественных отношений экономические отношения также играют весьма важную роль. Эти отношения изменяются независимо от воли и сознания людей и обусловлены развитием производительных сил. В общественном производстве люди вступают в определенные необходимые, от их воли не зависящие производственные отношения, «которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»⁸. Производственные отношения определяются формами собственности на средства производства.

Однако эти отношения не исчерпывают форм общения и связей между людьми. Люди вступают в непосредственные контакты между собой в процессе труда, которые, строго говоря, выходят за рамки экономических отношений. Они становятся членами политических, профсоюзных, спортивных, молодежных организаций. Они общаются с другими людьми, с друзьями, соседями, знакомыми во внерабочее время, в семье, на отдыхе и т.п. Во всех этих случаях они сталкиваются с реальными людьми, вступают с ними в «очные», а не в «зачные» связи. Такие контакты связаны с резким повышением роли субъективных, личностных факторов, с определенным

---

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 6.

интересом к конкретным людям, с эмоциональной оценкой их поведения, их взглядов, их ценностей.

Общественные связи весьма разнообразны. В частности, они различаются по степени полноты. Видимо, можно было бы представить себе широкий набор связей между людьми, начиная от полной связи, основанной на всестороннем интересе к данному человеку, и кончая неполной, ограниченной связью с человеком, который интересен лишь одной стороной, одной своей функцией. Поэтому часто различаются всесторонние (полные) и частичные (неполные) связи.

Рост общественного разделения труда и развитие товарно-денежных отношений ведет к дифференциации связей. Это обуславливало не только разделение производственных операций между членами общества и образование социальных институтов, специализирующихся на удовлетворении тех или других потребностей, но и появление «частичного работника», дробление единой человеческой личности на «роли», «функции», которые человек играет в разных организациях и группах. Поэтому с развитием человеческого общества, особенно в современную эпоху, появляется все большая потребность в изучении специфических связей, в которые вступает человек, и функций, которые он выполняет в различных организациях и группах⁹.

Таким образом, наряду с экономическими отношениями, которые характеризуются определенными формами собственности на средства производства и распределения продуктов и определяют классовую структуру общества, необходимо анализировать и другие общественные связи, которые, разумеется, имеют специфический характер и обусловлены, в конечном счете, общественно-производственными отношениями.

Их можно подразделить на:

- безличные общественные связи, в том числе на связи, основанные на общественном разделении труда, на базе которых общество, классы делятся на социальные слои, и связи, основанные на национальных, расовых, религиозных и других различиях, которые делят общество на национальные, расовые, религиозные слои (группы);

---

⁹ См. подробнее: Ю.А. Замошкин. Кризис буржуазного индивидуализма и личность. М., 1966; И.С. Кон. Социология личности. М., 1967.

- личные общественные связи, которые обусловлены полными или частичными непосредственными контактами человека во всех сферах жизни. Их можно подразделить на неполные связи, которые обусловлены тем, что он является членом какой-то организации (учреждения, предприятия, партии и т.п.) и играет в ней определенную роль. При этом роли могут быть определены разделением труда, профессией, квалификацией, должностью и т.п. Наконец, полные связи, в результате которых человек является членом группы (семья, друзья и т.п.).

Все охарактеризованные выше элементы дают представление о структуре системы общественных отношений. Но их роль неодинакова. Определяющую роль играют экономические (производственные) отношения людей. Именно «сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественноисторическим процессом»¹⁰.

Главное, решающее в характеристике социальной структуры общества — деление его на классы. Так, частная форма собственности на средства производства, капиталистический способ производства обуславливают существование групп людей, одна из которых присваивает труд другой. Это является основой антагонистического конфликта классовых интересов. Обобществление средств производства обеспечивает разрешение этого антагонистического противоречия.

Наряду с классовыми различиями существуют и внутриклассовые различия, обусловленные не формами собственности на средства производства, а другими причинами,

---

¹⁰ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 138. Анализируя капиталистическое общество, К. Маркс и Ф. Энгельс выделяли решающие факторы, определяющие главные тенденции исторического процесса, обращая особое внимание на экономический аспект. Одновременно они подчеркнули, что исторический процесс зависит не только от экономических условий, которые, в конечном счете, являются определяющими, но и от политических условий, традиций, жизненных обстоятельств, формирующих сознание и волю каждого отдельного персонажа «исторической драмы». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 396).

важнейшими из которых являются различия, вызванные профессиональным разделением труда¹¹.

Но что такое профессия?

«Профессией, — пишет С.Г. Струмилин, — мы назовем совокупность приобретенных школьной или внешкольной выучкой специальных трудовых навыков, совмещаемых обычно в одном лице и объединяемых общим названием, например, слесарь, столяр, скрипач. Родственные профессии могут быть объединены, конечно, в высшие группы разных наименований, например металлисты, деревообделочники, музыканты». «...Некоторые профессии подразделяются на специальности, например столяры — на белоделовцев, красноделовцев. Специальностью, стало быть, нужно называть такую сумму навыков, которая уже профессии, но тем не менее вполне исчерпывает обычный круг трудовой деятельности одного лица и носит особо присвоенное ей название»¹².

Профессия сама по себе является своеобразной «пограничной категорией». Это связано с тем, что проблемы общественного разделения труда затрагивают в разной степени все гуманитарные науки. Изучением профессий занимается целая группа общественных наук, в частности, экономическая. Большое место занимают профессиональные проблемы и в социологических исследованиях.

Экономистов, естественно, интересуют при этом такие вопросы, как профессиональная структура рабочей силы, удельный вес различных категорий в статике и в динамике, взаимосвязь между структурой и результатами производства и т.п. Социологи исследуют профессии под другим углом зрения. Их интересует профессия, прежде всего, как один из показателей социальной структуры, социальной позиции, места, которое занимает человек в системе общественных отношений и связей. Анализируя профессии, социологи стремятся изучить, как и в каком виде в сознании человеческих групп отражается система общественной дифференциации, как складывается

---

¹¹ «...Как только появляется разделение труда, каждый приобретает свой определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти: он — охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оставаться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни...». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 31).

¹² С.Г. Струмилин. Избранные произведения, т. 3. М., 1965, стр. 12.

иерархия различных профессиональных слоев и групп, что имеет важное значение для понимания специфики поведения различных профессиональных и социальных групп¹³.

Сейчас в мире насчитываются десятки тысяч различных профессий. Естественно, что выделение слоев внутри классов в разрезе отдельных профессий повело бы к чрезмерной дифференциации. Поэтому наряду с членением, проводимым на профессиональной основе, используется и деление на сферы и отрасли хозяйства, которые характеризуются уже с точки зрения конечного продукта или услуги.

Своеобразным проявлением общественного разделения труда являются также различия, обусловленные квалификацией, должностью работников, связанные с уровнем подготовки, стажем, образованием. Социальные слои, образованные на основе различий в квалификации, играют существенную роль в общественной жизни.

При характеристике системы общественных отношений обычно используют понятия группы и организации.

Группа — одно из важных понятий в социологии¹⁴. Термин «группа» чрезвычайно широко употребляется в литературе. Им нередко обозначают семью, профессиональный слой, партию, класс. Такая неопределенность как бы размывает со-

---

¹³ Не случайно в определении профессии социологи включают некоторые новые элементы. «Мне кажется, — пишет польский социолог профессор Ян Щепаньский, — что в определение профессии должны быть включены следующие элементы:

- а) система действий, внутренне гармонически связанных между собой, которая основана на определенном знании и умении и направлена на создание определенного предмета или благ, удовлетворяющих потребности (в широком понимании);
- б) действие или работа, которые выполняются работником систематически или постоянно. Тот, кто выполняет работу, использует приобретенные навыки и знания;
- в) исполнение этих действий является экономической основой существования как самого работника, так и его семьи. Мы не затрагиваем вопросов общественной полезности профессии, подчеркиваемой в некоторых определениях, поскольку считаем, что профессия разбойника, хотя и не пользуется общественным признанием, также является основой существования, особенно если выполняется профессионально;
- г) наконец, эти действия и обусловленные ими социальные последствия являются основой престижа и общественной позиции работника» (см. *Sociologia zawodow*. W., .1965, s. 7).

¹⁴ См. *Н.И. Ланин*. Проблема неформальной группы в «индустриальной социологии». — «Социальные исследования», [сб.], вып. 2. М, 1968.

циальную структуру и создает дополнительные трудности при изучении общества. Поэтому понятие группы, слоя, организации целесообразно разграничивать. Разумеется, было бы ошибочным отождествление понятия группы с понятием класса, которое получило в марксистской литературе четкое определение. Систематизируя имеющиеся многочисленные определения, можно попытаться характеризовать группу как совокупность людей, между которыми существуют полные личные общественные связи. Если принять подобное определение, то нужно иметь в виду, что речь здесь, как видно, идет о малой группе — семье, круге товарищей и т.п. Такая группа характеризуется обычно наличием лидера, а также целей, норм, правил, которые имеют социальный характер и предписывают определенные модели поведения членам группы, адаптируя их тем самым к выполнению определенных социальных ролей.

В отличие от группы для обозначения совокупности людей, не связанных полными личными, общественными связями, но объединяемых какой-то общей чертой или признаком (слесари, квалифицированные рабочие, выпускники средних школ и т.п.), можно использовать понятие «слой».

Наконец, мы используем термин «организация». Это определенная, строго координирующая свои действия совокупность людей, каждый из которых специализирован на выполнении определенных функций и между которыми существуют неполные общественные связи для осуществления определенных целей. В этом плане понятие организации употребляется довольно широко. Организацией являются завод, армия и научно-исследовательский институт, объединение спортсменов, торговая фирма и т.п.

В любой организации всегда есть орган, который принимает решения и осуществляет контроль. Ее структура многоступенчата, на каждой ступеньке имеется начальник, который выполняет задания вышестоящих органов и руководит подчиненными. При этом функции и роли всех в организации должны быть четко распределены вне зависимости от личных отношений, в соответствии с квалификацией и компетенцией¹⁵.

---

¹⁵ Вопрос о технической и личностной деформации модели организации является одной из главных проблем, которые изучает специальная область знания — социология организации.

Социальная структура общества, деление на классы, слои, группы существуют объективно, независимо от сознания классов и социальных слоев. Объективное положение, которое занимает в общественной структуре тот или иной человек, определяет характер отношений его к классам общества, вне зависимости от того, как и в какой мере осознает индивид свое место в обществе и свои отношения с другими людьми. Это, разумеется, не означает, что отражение социальной структуры в общественном сознании, осознание своего общественного статуса, единства своих интересов, целей, стремлений с другими людьми не имеют существенного значения. Субъективный аспект социального деления можно охарактеризовать как дополнительный, возникающий в результате отражения в головах людей объективно, реально существующих связей и отношений, показывающий, в какой мере различные слои и группы осознают общественную структуру, свое место и свои роли в ней.

На этой основе формируются такие специфические понятия, как ценности жизни, престиж профессии или должности, отношение к тем или иным институтам, организациям, группам, без которых нельзя понять закономерности поведения различных социальных групп.

Вот почему невозможно игнорировать субъективный аспект социального деления, вот почему важно изучать престиж, мотивы, личные планы, шансы и т.п. категории, которые являются органической частью социальной жизни и без знания которых представление об обществе всегда будет неполным и искаженным.

Итак, общество являет собой сложную и разветвленную систему общественных отношений. Человек объективно всегда не только «дитя человеческое», но и представитель определенного класса, того или иного профессионального и национального слоя, он играет определенные роли в организациях и группах. Человек, его личность, его судьба представляют собой совокупность всех видов общественных отношений и связей. Нельзя изменить судьбу человека, поведение группы, слоя, класса, не изменяя в той или иной мере системы общественных отношений, ибо «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства»¹⁶.

---

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 37.

2. Социологические аспекты управления общественными процессами

Специфика общественного строя имеет решающее значение для понимания закономерностей управления социальными процессами. Говоря об управлении обществом, иной раз совершают одну подмену — экстраполируют законы управления малыми группами или отдельными организациями на все общество. В связи с решением проблем управления обществом подобных ошибок не смогли избежать и некоторые кибернетики, особенно те, которые прежде занимались решением чисто технических задач. В самом деле, очень удобно процесс управления обществом представлять в традиционной схеме: директивный орган (единоличный или коллегиальный), команды, обратные связи. Действительно, управление предполагает орган, принимающий решения, и процесс, который определенным образом реагирует на эти решения. Управление обществом осуществляет государственная власть, которая влияет на поведение различных социальных групп. Однако для понимания того, кто и как управляет обществом, недостаточно видеть лишь группу политических деятелей на авансцене истории. Нужно ясно представлять себе, почему именно они появились на сцене, почему и в чьих интересах принимают они решения, почему эти решения видоизменяются при реализации и результат часто оказывается совсем иной, кто поправляет их, кто является незримым соавтором их решений, кого поэтому с полным правом можно дополнительно включить в число управляющих.

Характеристика социальных отношений уже дает некоторые представления о том, насколько сложна такая система, как общество¹⁷. Вся эта масса обстоятельств в каждом конкретном случае и формирует те отдельные воли и стремления, которые не равны друг другу, но которые, суммируясь, определяют течение социальных процессов, ход исторического развития. «История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества от-

---

¹⁷ К этому при анализе общественного поведения людей следует добавить, во-первых, действующие «изнутри» биологические факторы, которые, передаваясь по наследству, оказывают существенное влияние на поведение индивида и, во-вторых, воздействие на человеческое общество окружающей природы.

дельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, *бессознательно* и *безвольно*. Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена... тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете экономические, обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, — из этого все же не следует заключать, что эти воли равны нулю»¹⁸.

Эти воли не только не равны нулю, но они обычно не равны и между собой. Воля невооруженная и воля вооруженная не равны друг другу. На характер равнодействующей большее влияние, естественно, оказывают те, кто располагает разного рода рычагами, прежде всего собственностью и властью.

К тому же управление обществом осуществляется всегда не только в результате команд «сверху», но и «сбоку», «снизу» — традициями, обычаями, привычками, всей совокупностью элементов материальной и духовной культуры в самом широком смысле этого слова, полученной данным обществом в наследство от предыдущих. В определенном смысле сами «команды» руководящего органа, цели, которыми он руководствуется, средства и методы, которые он использует для достижения целей, решения, которые он принимает, знания, стереотипы, предрассудки, которые лежат в основе этих решений, — все это есть порождение определенных производственных отношений, определенной культуры, определенного уровня развития общества.

Чтобы управление успешно осуществлялось, необходимо достаточно конкретно знать о повторяющихся и поэтому до не-

---

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 395–396.

которой степени предвидимых действиях общественных сил, о том, как формируются относительно на долгое время силы, действующие с определенной последовательностью и автоматизмом, о том, каковы предпосылки их формирования, как и в какой мере осознаются они разными группами, как складывается особый комплекс мнений, оценок, убеждений, как он влияет на поведение, деятельность¹⁹. Иначе говоря, речь идет об изучении того, как формируются потребности, оценки, интересы, личные планы, какую форму поведения они обуславливают, к каким решениям ведут, насколько массовыми являются, в течение какого срока действуют. В связи с этим возникают конкретные вопросы: в какой мере можно использовать эти оценки, в том числе информацию, получаемую в результате социологических исследований для прогнозирования решений, поведения, для разработки показателей социального управления.

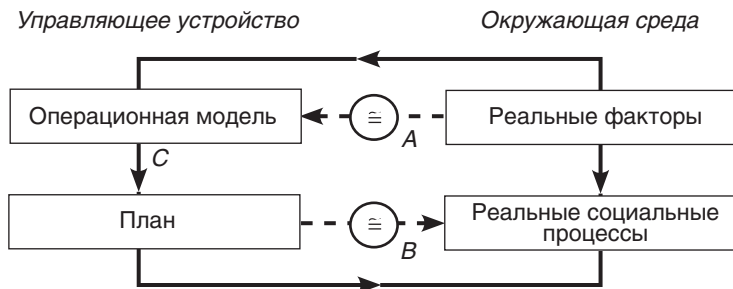
В настоящее время изучение различных форм общественного сознания и общественной психологии, оценок, ценностей, идей, стереотипов резко повышается. При этом органы управления, которые дают директивы, так же как и те механизмы, которые без приказов «сверху» регулируют поведение социальных групп, необходимо рассматривать не вне, а внутри саморегулирующейся системы. Социальное управление здесь необходимо понимать в широком смысле слова. В него включаются общественные отношения, идеология, как и другие факторы, которые обеспечивают целостность, функционирование и развитие общества. Такой широкий подход к анализу общества является необходимым условием принятия оптимальных решений. Так как общество представляет собой очень сложную вероятностную, динамическую систему, то для иллюстрации регулирования социальных процессов в нем можно использовать общую кибернетическую схему²⁰.

Как видим на рис. 1, на социальные процессы влияет окружающая среда (она на схеме представлена реальными факторами). В процессе познания изучаются реальные факторы, что позволяет создать операционную модель, которая более или менее верно отражает их.

---

¹⁹ Б.А. Грушин. Мнение о мире и мир мнений. М., 1967.

²⁰ См. С. Вир. Кибернетика и управление производством. М., 1963.

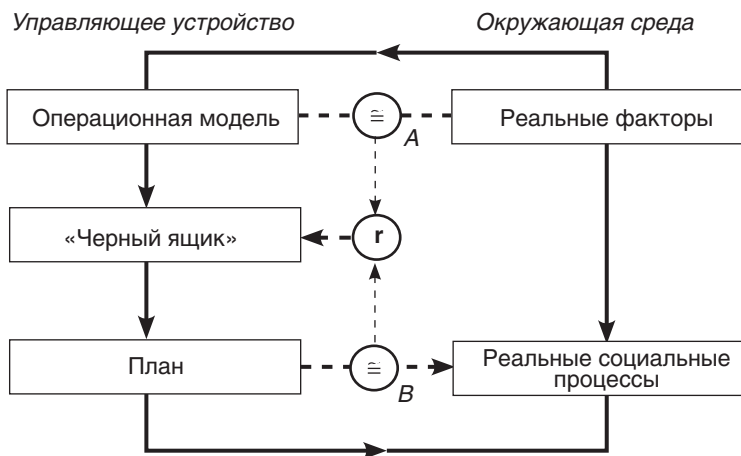

Это дает возможность планировать и прогнозировать процессы. Однако между планом и реальным социальным процессом будет лишь приблизительное соответствие (это отмечено знаком *B* на пунктирной линии). В схеме справа изображаются реальные социальные процессы и действительные факторы, влияющие на них, а слева показывается отображение этих факторов в модели и в плане. Обратная связь между ними осуществляется по следующему пути: изменения внешней среды (через механизм обратной связи) меняют операционную модель и через нее вновь приводят план в соответствие с реальными процессами. Таким образом, если *A* в среднем отображает реальную действительность, то и план в среднем будет реализован. Само управляющее устройство в этом случае считается устойчивым, если переход *C* от операционной модели к плану совершается без помех.

Такая система может функционировать, если социальный процесс происходит на основе саморегулирования, т.е. если отвлечься от тех влияний, которые могут быть порождены самим управляющим органом. Однако последний в силу тех или иных соображений, не отраженных в операционной модели, может внести определенные изменения в план. Казалось бы, что в этом случае особых проблем не должно возникнуть. Но в действительности это не так. Поскольку на план теперь влияют наряду с внутренними внешние для данной системы воздействия, порожденные вмешательством руководства, — переход от операционной модели к плану изменился. В результате язык управляющего устройства стал неопределенным, возникли настолько запутанные взаимодействия, что более или менее точно определить поведение данной системы стало невозможно.

Выход из этого положения, предложенный С. Биром (это видно на рис. 2), сводится к переходу к метаязыку, включению «черного ящика» в цепь управления, для того чтобы обеспечить приблизительное соответствие A и B , ибо эти звенья непосредственно определяют, с одной стороны, связь модели с реальными факторами, а с другой — связь плана с реальными социальными процессами. В этом случае при устойчивости системы A и B будут коррелированы между собой.

Рисунок 2

Если же на систему будут действовать какие-то возмущения, то r будет меняться. И тогда при наличии в системе управления контура обратной связи, который обеспечивает переход от модели к плану благодаря изменениям r , язык управления не будет более неразрешим. Однако, поскольку описывается поведение не системы, а ее управляющей части, информация, поступающая в план по этому новому контуру обратной связи, представляет собой не что иное, как выход из «черного ящика». Именно его включение в цепь управления позволяет устранить неполноту языка управления.

Эта общая схема управления, как нам представляется, имеет определенное значение как для понимания управления развитием общества в целом, так и отдельными социальными процессами. В последнем случае определенная часть внутрен-

них для данной системы условий (при сужении задачи) станут внешними. Эти условия будут включать в себя не только естественные, но и социальные факторы. Так, в ряде случаев при постановке задач социального прогнозирования и планирования вне системы могут быть, например, экономические факторы. Но при широком подходе в единую систему должны будут включаться все социальные факторы.

Как уже отмечалось, управление социальными процессами в любом обществе осуществляется как посредством прямых решений соответствующих органов управления, так и через обычаи, традиции, привычки. Взаимодействие этих двух форм управления обуславливает, в свою очередь, весьма сложные и противоречивые воздействия на социальные процессы. Причем результаты оказываются нередко совсем не такими, которые ожидал управляющий орган. Естественно, что в этом случае успех в огромной степени зависит от того, насколько глубоко изучены и учитываются социальные, автоматически действующие формы управления сами по себе и насколько серьезно исследованы последствия комбинированного воздействия этих двух различных форм управления. С этой точки зрения изучение данных проблем социологами является важным условием повышения уровня управления.

Не следует думать, что эта схема связана только с математическим моделированием. По существу она просто отражает то, что всегда происходило в обществе, ибо общество всегда управлялось. Жизнь в нем всегда была связана с определенными ограничениями. Общество, организации, группы, манипулируя этими ограничениями, целями, идеями, всегда управляли поведением людей. Вместе с тем было бы неверно не видеть возрастания возможностей средств и методов влияния на поведение людей в современных условиях.

Общественное поведение людей и сейчас в значительной степени определяется теми нормами, ограничениями, обычаями, которые выработало человечество и которым оно сознательно или автоматически подчиняется. Поэтому соотношение между реальными факторами и операционной моделью по существу характеризует процесс познания, который, разумеется, в свою очередь определяется в конечном счете условиями материальной жизни. И этот процесс идет как по линии все более глубокого понимания специфики лич-

ности, так и по линии осознания роли внешнего давления, различных норм, институтов в формировании поведения социальных групп.

Как прежде, так и теперь представления — пусть полуфантастические, но отображающие реальные факторы — становились и становятся, с одной стороны, личными целями, планами, стремлениями, а с другой — ограничениями, нормами поведения. В этом смысле операционную модель мы вправе рассматривать просто как представление о социальной действительности, которое имеет в данном этапе развития общество, класс или группа, а планы — как цели, стремления, которые вырабатывались на основе этих представлений и под влиянием которых формировалось поведение тех или иных социальных групп. В таком «повороте» можно сказать, что общество не только всегда управлялось, но и всегда планировалось, хотя это и были индивидуальные планы, а ход истории, как уже отмечалось, определялся результирующей линией.

Таким образом, управление поведением социальных групп достигается в результате комплексного воздействия саморегулируемых и внешних факторов, через всю систему социальных отношений и институтов, т.е. через изменение экономических отношений, безличных и личных общественных связей. При этом команды «сверху», планы, директивы, предполагающие изменения (или напротив, стабилизацию) поведения социальной группы, реализуются так, как намечалось тогда, когда они подтверждаются командами соответствующих организаций, слоев и групп. А это происходит в том случае, когда команды сверху учитывают интересы этих классов, слоев, организаций и групп.

Следовательно, для достижения поставленных целей руководящий орган должен быть отлично осведомлен о них, так как иначе получаются весьма запутанные взаимодействия и результаты. Изучение потребностей, интересов, норм, ценностей, склонностей, стереотипов социальных групп, механизмов, регулирующих их поведение, накопление определенного эмпирического материала — необходимое условие повышения эффективности руководства социальными процессами, и вместе с тем показатель того реального вклада, который уже сейчас могут вносить социологи в совершенствование управления общественными процессами.

3. Место социологии в системе социальных наук

Отнюдь не надеясь разрешить много раз обсуждавшийся вопрос о предмете социологии²¹, можно попытаться указать то место, которое занимает социолог среди обществоведов. Если в поле зрения специалистов по историческому материализму находятся прежде всего наиболее общие законы развития общества, а у политэкономов — законы экономических отношений, то социологи занимаются изучением конкретных общественных связей, в которых, разумеется, отражаются и общие, и экономические законы, и которые непосредственно определяют поведение различных социальных групп.

Такая позиция способствует углубленному исследованию общественных явлений, дополняет анализ экономических отношений изучением общественных связей, исследования общей модели общества — изучением организации и группы и обуславливает, во-первых, конкретизацию исследования, обогащение его новой информацией, своеобразное приближение к человеку, а, во-вторых, психологизацию исследования. Она требует широкого использования достижений целой группы наук, связанных с изучением личностных и межличностных отношений, анализа различных форм общественной психологии, мотивов, интересов, ценностей.

Интерес, который вызывают социологические исследования, связан с тем, что они, используя конкретные методы, обычно дают конкретные результаты, которые могут быть проверены другими исследователями и использованы в практике руководства хозяйством и т.п. Поэтому термин «конкретные» вполне применим к таким социологическим исследованиям. Он подчеркивает важную особенность как их методов, так и их результатов.

Вместе с тем этот переход, или, вернее, дополнение экономических исследований социологическими исследованиями, дает возможность конкретно изучать поведение слоев, групп,

---

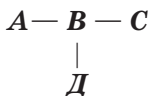
²¹ Из последних работ см., например: *А.М. Румянцев, Г.В. Осипов*. Марксистская социология и конкретные социальные исследования. — «Вопросы философии», 1968, № 6; *Г.В. Осипов*. Социология как наука. — Сб. «Социальные исследования», вып. 2. М., 1968. *Ф. Константинов и В. Келле*. Исторический материализм — марксистская социология. — «Коммунист», 1965, № 1; *В.А. Ядов*. Актуальные вопросы конкретных социологических исследований. — «Философские науки», 1965, № 5.

находящихся в рамках классов. С этой точки зрения социологические исследования тесно связаны с управлением человеческим поведением, с наукой об управлении обществом, которая не может ограничиваться при решении практических вопросов лишь информацией, касающейся экономических отношений. Для понимания основ реальных поступков реальных людей необходимо учитывать не только производственные отношения, но и другие общественные связи, ибо человек — это продукт всей системы общественных отношений.

С переходом от изучения общества в целом к изучению деятельности людей в организации и группе совершается также переход от анализа «заочных» к анализу «очных» личностных отношений. Как уже отмечалось, последние в отличие от первых представляют собой осознаваемые отношения. Поэтому в прикладных социологических исследованиях огромное значение имеет изучение социально-психологических моментов, анализ различных форм сознания и психологии, внутренней субъективной стороны человеческого поведения (мотивы, оценки, склонности, ценности) в неразрывной связи с реальным поведением, решениями и поступками²². Благодаря этому создается возможность воздействия на поведение социальных групп через сознание.

Как известно, в социологии нередко используется следующая рабочая схема анализа:

В ней *A* — изучаемое явление (например, набор профессий или вариантов жизненных путей).

B — это то, как воспринимает индивид, или группа, или класс данное явление, с учетом деформации при восприятии, которая обусловлена опытом, знанием, социальной позицией, интересом.

C — это то, что человек сообщает (в анкете, в интервью) исследователю о своем восприятии данного явления, о своем отношении к профессии, о личных планах. Эта информация

---

²² См., например, «Социальные проблемы труда и производства». Советско-польское сравнительное исследование. Под ред. Г. Осипова и Я. Щепаньского. М., 1969.

подвержена социальному контролю. Даже тогда, когда человек вполне осознал свое отношение к тем или иным явлениям, он может не дать в силу тех или иных причин информацию о своем действительном отношении или намерениях.

Д — это деятельность, реальные поступки, решения, поведение различных индивидов и групп. Очевидно, что они прежде всего связаны с *В*, т.е. с тем, как в действительности воспринимают люди то или иное явление, а не с тем, что они сообщают о себе в анкетах и интервью. Поэтому *Д* и *С* могут совпадать друг с другом, а могут и существенно различаться.

Вряд ли нужно доказывать, как важно знать, в какой мере по информации, полученной от человека, можно с определенной степенью вероятности предвидеть его поведение в той или иной ситуации.

Такие исследования подводят к ответу на вопрос о том, в какой мере и в какой форме такая информация может быть использована в качестве показателя для социального прогноза. Изучение этих вопросов создает возможность не только прогнозировать, но и управлять поведением определенных групп. В этом случае управляющий орган, воздействуя на *В* для изменения *Д*, мог бы в качестве показателя обратной связи использовать *С*, т.е. судить с определенной степенью вероятности, скажем, о том, как изменится среднегодовой отток выпускников из села, если личные планы в их количественном выражении в такой-то мере изменились. Проверка подобных взаимосвязей особенно на материалах повторных обследований, на наш взгляд, весьма перспективна для становления социологических исследований.

Углубление анализа общественных явлений благодаря социологическим исследованиям дает возможность с более широких позиции взглянуть на цели общественного развития. Политическая экономия исследует вопрос о мотивах и целях производства. К. Маркс в «Капитале» показал, что движущий мотив и цель капиталистического производства состоят в получении прибавочной стоимости или прибыли в ее развитой форме. Было бы неправильно ставить знак равенства между целью производства и целью общества, ибо последняя шире, всестороннее и не сводится только к удовлетворению материальных потребностей²³. Социальные исследования конкретизируют

²³ См. подробнее «Человек и его работа». Под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М., 1967.

цель производства, расширяя ее до цели общества, и в известном смысле способствуют подчинению развития экономики решению социальных проблем. При этом и экономический, и социологический подход — это лишь разные подходы к изучению единого социального процесса. Экономическая наука и прикладные социологические исследования не отгорожены друг от друга, а, напротив, органически взаимосвязаны, взаимозависимы. Поэтому, говоря о соотношении экономики и социологических исследований, акцент следует ставить не на том, что разъединяет эти две области гуманитарных наук, а на том, что их объединяет.

Подобно тому как, несмотря на существование труда абстрактного и труда конкретного, нельзя сначала «поработать абстрактно», а потом «поработать конкретно», совокупность людей не может вести себя то как экономическая, то как общественная группа. Результат социального процесса, реальное поведение социальных групп представляет собой равнодействующую, которая не только не совпадает с личными планами каждого участника исторической драмы, но и отклоняется от результата, который бы имел место, если бы действовали либо экономические отношения, либо только общественные связи: «... в историческом процессе определяющим моментом в *конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни...»²⁴.

Социолог без экономиста сплошь и рядом оказывается утопистом, мечтателем, который забывает о том, что в действительности количество материальных благ и услуг ограничено, что решение нужно принимать в условиях дефицитной ситуации не с позиций желаемого максимума, а с позиций возможного оптимума. С другой стороны, экономист, особенно когда он начинает исследовать человеческое поведение, игнорируя многосторонние общественные связи, также оказывается прожектером, и его практические предложения часто становятся основой ошибочных решений. Поэтому взаимное сотрудничество, основанное на разделении труда, необходимо как экономисту, так и социологу.

Для успешного решения задач, связанных с огромными социальными преобразованиями, которые касаются всех сторон жизни социалистического общества, необходимо предвидеть

---

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 394.

социальные изменения, управлять ими. Другими словами, нужно осуществлять как экономическое, так и социальное прогнозирование.

Особенно велика роль социологических исследований в разработке основ социального прогнозирования и управления. Развивая производительные силы, экономические отношения, изменяя структуру организаций и групп, люди преобразуют свою социальную среду и меняются сами. Управление сложными социальными процессами предполагает как управление поведением социальных групп через изменение объективных условий, так и управление общественным поведением через общественное сознание, в частности планирование и управление поведением различных групп и слоев через их групповое сознание. Поэтому социальное управление тесно связано с идеологической работой, хотя в целом между задачами экономического и социального управления имеют место противоречия. Это связано с тем, что критерии развития общества и критерии развития производства неодинаковы.

Цель социального управления — решение конкретных социальных задач, достижение все большей социальной однородности, обеспечение социального равенства и свободы, ликвидация препятствий, которые мешают гармоническому развитию человека, сочетанию интересов индивида с интересами общества. Поэтому социальное управление не сводится к экономическому управлению, подобно тому, как общественные отношения не сводятся к отношениям в производстве.

Социальное управление должно заниматься и вопросами социальной патологии, например выявлением, локализацией и изживанием очагов и причин алкоголизма, преступности, фобий, проблемами экологии и т.д.

Для решения задач социального управления в большинстве случаев необходимы исследования, познание тех или иных социальных явлений по существу, разработка системы показателей, проверка их устойчивости, построение прогнозов.

Управление социальными процессами предполагает: конкретное и достаточно дифференцированное в разрезе основных классов и социальных групп *познание* общества, его структуры, взаимосвязей, закономерностей, определение на этой базе основных тенденций развития, решающих факторов, влияющих на эти процессы и меры их влияния. *Прогнозирование* социальных процессов имеет в виду не простую экстраполяцию,

выявление тенденций на будущее, а учет влияния изменяющихся условий на социальные процессы.

Если научной основой управления развитием экономики является, прежде всего, экономическая наука, то научной основой управления развитием общественных отношений являются социологические исследования²⁵. Социология при этом играет и роль обратной связи. Она обеспечивает самонаблюдение общества за процессами и явлениями, которые происходят в нем, помогает выделить главные и второстепенные задачи и распределять их между различными органами управления, участвует в разработке планов, решений, директив, в экспертизе и экспериментальной проверке готовящихся решений, развивает и конкретизирует идеальную модель общества.

Формирование социальной структуры общества, обусловленной уровнем развития производительных сил и базирующихся на них производственных отношений, сопровождается созданием общественных институтов, которые обычно существуют дольше, чем отдельный человек. Благодаря социальным институтам общественная структура как бы «окостеневает» и предопределяет уровень места, ячейки, которые могут быть заполнены представителями нового поколения. Поэтому общественная структура предстает перед каждым из них столь же материально, как ветви кораллов, атоллы, рифы, острова, образованные из известковых скелетов погибших полипов, перед новым поколением полипов, как своеобразная база, которая служит основой наследственно передаваемой информации. «Общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса определенных индивидов — не таких, какими они могут казаться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они *в действительности*, т.е. как они действуют, материально производят и, следовательно, как они действительно проявляют себя в определенных материальных, не зависящих от их произвола границах, предпосылках и условиях»²⁶.

Относительная устойчивость социальной структуры обуславливает дифференцированные и устойчивые формы общественного сознания и общественной психологии, дает возможность

---

²⁵ «Областью знания, выводы которой особенно интенсивно должны использоваться в науке управления, является социология». М.С. Старосьцяк. Элементы науки управления. М., 1965, стр. 33.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 24.

понять некоторые основные подходы к управлению социальными процессами. С этой точки зрения управление обществом в значительной степени основывается на принципах саморегулирования. Это касается деятельности не только «простых людей», но и лиц, обязанных принимать решения, т.е. управлять. Идеи, стереотипы, которые складываются у них под влиянием условий жизни или под влиянием тех или иных учений, могут оказывать — в зависимости от широты их компетенции — существенное влияние на общественное развитие.

Людьми управления постоянно приходится сталкиваться с общественными проблемами, по которым им нужно принимать ответственные решения, но которые далеко выходят за пределы той области, о которой они имеют непосредственное представление. Им нужно дать совет своим детям, какую профессию им стоит избрать. При этом сами родители имеют более или менее ясное представление о десятке занятий, а судить им приходится о сотнях и тысячах. Им приходится постоянно оценивать не только профессии, но и привычки, обычаи, высказывания, поведение других людей.

Рассказывают притчу о слепцах, которых просили описать слона. Тот, кто потрогал хобот, сказал, что слон длинный и теплый. Ощупавший клык, заявил, что слон твердый и острый. А тот, кто наткнулся на ногу слона, утверждал, что слон высокий и круглый, как дерево. Никто из них не лгал. Но нетрудно видеть, как далека картина в целом от представлений каждого из них.

Так и представления о явлениях общественной жизни часто ограничены. К тому же миллионы людей, занятых каждодневными делами — работой, домашним хозяйством, воспитанием детей, общественной деятельностью, не имеют ни средств, ни времени проводить по каждому вопросу самостоятельные «репрезентативные социологические исследования», «референдумы» и «переписи».

На помощь человеку приходит его среда, которая с малых лет и до старости вооружает его стереотипами — упрощенными формулами и образами, которые описывают свойства людей и явлений²⁷. Стереотип — это своеобразное свойство человеческого мозга, который не в состоянии переработать всю обруши-

---

²⁷ См. подробнее: *И. Кон*. Психология предрассудка — «Новый мир», 1966, № 9.

вающуюся на него информацию или, напротив, не имеющего необходимой информации, но вынужденного постоянно выдавать «приближенные решения». С этой точки зрения процесс стереотипизации — необходимый способ человеческого мышления, который позволяет обобщенно включать прошлый социальный опыт группы в сегодняшние решения.

Решения решениям — рознь. Но как бы ни различались между собой решения по масштабам и последствиям, они всегда основываются на определенном, внушенном данному индивиду в процессе обучения и общения стандартизованном опыте, т.е. стереотипе.

В связи с этим нужно сказать и об отрицательных сторонах стереотипизации. Во-первых, стереотип, который освоен в молодости, представляет собой результат коллективного опыта класса, слоя, группы в прошлом. Но в силу объективных условий неизбежно происходят определенные изменения, а мы в своих *сегодняшних* решениях сплошь и рядом основываемся на *вчерашнем* стереотипе и тем самым допускаем нередко крупные просчеты. Во-вторых, понятие всегда беднее, чем явление. Поэтому всякая стереотипизация связана с обеднением действительности. Напротив, привлечение дополнительных данных, новой информации означает отход от стереотипа, приближение к явлению.

«Взрыв» стереотипа означает вместе с тем создание нового стереотипа. Последний находится на орбите более близкой к самому явлению. Но с течением времени само явление, меняясь, все дальше «уплывает» от своего образа, от стереотипа, и нужны новые исследования для проверки их адекватности. Без этого стереотип становится догмой, а порой и своеобразной формой религиозного сознания со всеми вытекающими из этого последствиями.

Волюнтаризм, субъективизм зачастую есть не что иное, как решения, принимаемые на основе стереотипов. Напротив, научный подход состоит в том, чтобы обеспечить систематическую проверку стереотипа, максимально возможно приблизиться непосредственно к явлению и тем самым минимизировать просчеты, в основе которых лежит неполная или непредставительная информация. Степень научности становится тем выше, чем точнее мы описываем в наших понятиях, концепциях, теориях то или иное явление, тот или иной процесс, чем ближе мы подходим к нему.

Разумеется, дело не только в полноте и точности информации. Огромную роль играют социальные интересы всех уровней управления, установки в отношении принимаемых решений, определяемые позициями класса, слоя, группы. Вместе с тем было бы неправильно не видеть просчетов, обусловленных тем, что каждый руководитель, как и каждый человек, не имеет полной информации. Да полной, видимо, никогда и не может быть: слишком дорого по каждому вопросу проводить всенародные референдумы. Время не ждет. А руководитель должен принимать решения своевременно.

Как же быть? Социологи скажут: нужны оперативные выборочные исследования, математики-вероятностники точно укажут величину погрешности при проведении таких обследований (если, конечно, уже накоплен известный эмпирический материал для построения выборки). Институт Гэллага на основе опросов нескольких тысяч человек за несколько недель до выборов дает прогноз о поведении десятков миллионов избирателей. Причем сопоставление результатов прогноза с результатами выборов показывает, что максимальная ошибка в распределении голосов между партиями за весь послевоенный период не превышала 1,9%. Не дает ли это основания полагать, что можно существенно повысить эффективность и точность работы людей, принимающих решения на основе систематических выборочных обследований, проводимых специалистами-профессионалами?

Эффективное функционирование научной системы управления обществом тесно связано с обеспечением гласности результатов социологических исследований и существованием свободно формирующегося общественного мнения. Гласность создает информационные предпосылки для контроля руководителя. Она ускоряет процесс принятия и реализации решений. Она способствует воспитанию трудящихся, росту их самосознания и политической активности.

Социология в этом случае выполняет одну из самых значительных своих функций. Она показывает связь личной жизни человека с историческим процессом, осознание которой является важнейшим условием общественной активности. Давая объективную картину общества, социологические исследования демонстрируют как социологам, так и не социологам, что они представляют собой, каковы реальные основы как макро, так и микро решений. Они показывают стереотипы, которыми

представители различных социальных групп руководствуются в их повседневной жизни. Здесь функция социологии «наблюдение общества для самосовершенствования его» способствует не только разрушению предрассудков, но и росту самосознания масс.

4. Количественные методы в социологии

Социология играет важную роль в обществе. При этом реальный успех ее в огромной степени зависит от методов, которые она применяет, и прежде всего от использования статистики, математики, компьютеров. Иной раз приходится сталкиваться с настороженным отношением к количественным методам в социологических исследованиях. Это выражается в выступлениях против некоторых операционных понятий, без которых часто нельзя квантифицировать материалы обследований, в тенденции «предупреждать» против увлечения количественными методами в социологии.

Выступая против «фетишизации числа», некоторые обществоведы сомневаются даже в таких понятиях, как «среднеарифметическое», «величина погрешности», «корреляция» и др. Достается и выборочным обследованиям, которые, видимо, ассоциируются кое у кого с «ползучим эмпиризмом». Все это объясняется нежеланием или неумением некоторых критиков отделить профанацию науки, основанную на недобросовестном применении количественных методов, от самих этих методов.

Скептицизм по отношению к количественным методам в областях гуманитарных наук, лежащих за пределами чисто экономических явлений, питается также соображениями и сомнениями, связанными с тем, что здесь мы имеем дело со слишком тонкими, субъективными, неустойчивыми явлениями, такими, как склонности, интересы, потребности, настроения, мнения, мотивы, чтобы можно было выразить их в количественной форме.

Действительно, социолог имеет дело с очень сложным материалом. Во-первых, он должен постоянно учитывать, что видимость явления далеко не всегда совпадает с его сущностью, что статистический факт и факт общественный не одно и то же. Из этого вырастает один из центральных вопросов соци-

ологии — проблема достоверности полученной информации. Во-вторых, социологу постоянно приходится иметь дело с фактами не только объективными, но и субъективными. Установление достоверности субъективных фактов обычно доставляет исследователю особые хлопоты, поскольку оно тоже связано с необходимостью их измерения, квантификации. Без этого нельзя изучать взаимосвязи и взаимозависимости не только между объективными фактами, но и между объективными и субъективными, а также непосредственно между субъективными фактами.

Однако даже такие тонкие характеристики, как мнение людей друг о друге, уровень интеллектуальных, моральных, деловых, волевых качеств, могут быть выражены количественно. Об этом убедительно свидетельствуют данные социально-психологических исследований. При правильном понимании природы фактов, при реальном учете тех сторон действительности, которые они отражают, и той информации, которую они несут, не только объективные, но и субъективные факты могут быть квантифицированы, что позволяет использовать при их анализе статистические и математические методы.

Научное познание социальных явлений для нужд управления невозможно без изучения меры явлений, единства их качественной и количественной определенности. Это полностью относится и к социологическим исследованиям, особенно сейчас, когда ставится задача создания огромной, охватывающей все отрасли и предприятия системы информации, когда проектируются и создаются центры для ее хранения и переработки, связанные между собой специальными каналами, когда созданы мощные быстродействующие электронно-вычислительные машины.

Трудно назвать сейчас такую отрасль науки, где бы ни наблюдалось возрастания интереса к проблеме измерения явлений. Этот естественный процесс углубления знаний во всех отраслях науки выдвигает в социологии на первый план проблему квантификации, т.е. количественного измерения качественных признаков. Без этого нельзя сопоставлять и однозначно истолковывать полученные результаты, применять статистические и математические методы, моделирование, электронно-вычислительную технику.

Кроме того, потребность в применении количественных методов в социологических исследованиях обусловлена

практическими задачами управления всей системой общественных отношений. «С одним знанием того, что ячменный стебель и исчисление бесконечно малых охватываются понятием «отрицание отрицания», — писал Ф. Энгельс, — я не смогу ни успешно выращивать ячмень, ни дифференцировать и интегрировать, точно так же, как знание одних только законов зависимости тонов от размеров струн не дает еще мне умения играть на скрипке»²⁸. Для нужд управления требуются конкретные рекомендации, которые немислимы без количественных методов, моделирования, без выражения в виде уравнений и неравенств весьма сложной системы взаимозависимости и взаимосвязей социальных процессов.

Необходимость количественных методов вызвана и тем, что исследования и рекомендации должны осуществляться своевременно. Научные исследования должны предшествовать принятию решения. Использование же массового материала, а не отдельных примеров для нужд прогнозирования требует как в экономических, так и в социологических исследованиях широкого применения статистических, математических методов и компьютеров²⁹.

В современных условиях квантификация социологической информации является одним из решающих условий, подготавливающих широкое вторжение в область социальных наук статистических и математических методов. Поэтому сама квантификация является крупной научной проблемой, решение которой в свою очередь требует широкого использования математического аппарата.

Переводу качественных признаков в количественную форму обычно предшествует анализ, завершающийся их классификацией. При этом исследователь, разумеется, всегда старается выделить наиболее существенные признаки, характеризующие данные явления. Эта задача сама по себе нелегкая, так как предварительно должны быть определены критерии существенности и проведен анализ, который позволил бы взвесить степень влияния различных признаков на исследуемое явление или процесс. В этом важную роль призваны сыг-

---

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 146.

²⁹ См. подробнее книги: «Количественные методы в социологических исследованиях». Новосибирск, 1964; «Количественные методы в социологии». М., 1966.

рать статистические методы, методы математической статистики, в частности, корреляционный анализ³⁰.

В ряде случаев в зависимости от целей исследования в качестве существенных признаков могут выступать разные стороны одного и того же явления. Естественно, что классификация обычно ведется с позиций той или иной теории, концепции, гипотезы или, наконец, просто в зависимости от тех сведений, которыми располагает исследователь о данном явлении. И в тех случаях, когда знания о явлении весьма ограничены, критерии классификации могут быть получены при упорядочении самого материала. Иными словами, в основу классификации может быть положена та упорядоченность, которая существовала в объекте и нашла отражение в материалах исследования.

Но классификация — лишь первый шаг в квантификации явлений. Простейшим примером классификации может быть, например, определение привлекательности или престижа профессий. Можно говорить о профессиях привлекательных, безразличных, непривлекательных. Эти критерии могут быть выражены еще более дифференцированно, например: очень привлекательна, привлекательна, безразлична, непривлекательна, очень непривлекательна — по десятибалльной шкале и т.д.³¹.

Выделение наиболее существенных признаков при классификации дает возможность перейти к следующему этапу — шкалированию признаков. В этом случае шкала выступает в виде системы чисел, принятых для измерения или оценки той или иной величины. Шкалы могут быть дискретными и непрерывными, относительными или абсолютными. При этом предел мечтаний социолога — непрерывная абсолютная шкала встречается крайне редко, поэтому практически обычно приходится пользоваться разного рода дискретными и относительными шкалами.

В социологической литературе уже разработана весьма тонкая техника шкалирования. Широко используются такие ме-

---

³⁰ См. «Количественные методы в социологии», гл. I, V.

³¹ По поводу балльных оценок в социологии до сих пор идут споры. Но они отражают «молодость» данной науки. В других областях знания к ним давно привыкли и измеряют, например, плодородие земель по 100-балльной шкале, выражают в баллах скорость ветра, волнение моря, силу землетрясения и т.д.

тоды, как шкалы Гуттмана, Кумбса, анализ латентных структур и др.³² Такое внимание к этим проблемам нельзя считать случайным. Модели лишь тогда достаточно адекватно отражают существенное в социальных явлениях и процессах, когда они основываются на надежных исходных данных и достаточно точных методах измерения.

Для применения количественных методов в социологии имеет большое значение проблема надежности, которая проверяется в социологических исследованиях. Это чрезвычайно сложное и трудоемкое дело. Результаты в социологических исследованиях достигаются через многочисленные повторения, через серии однородных обследований. Наиболее эффективны с этой точки зрения повторные обследования, которые проводятся по сопоставимым объектам систематически. Примером таких обследований являются переписи населения, бюджетные обследования ЦСУ³³, материалы некоторых социологических исследований. Благодаря им — как в пространстве, так и во времени — решается не только проблема надежности тех или иных социологических показателей, но и утверждается научность самой социологии, в которой исходные условия обычно неповторимы.

Все это свидетельствует о том, что при правильном понимании природы фактов, отражающих те или иные стороны действительности, той информации, которую они несут, не только объективные, но в принципе и субъективные факты могут быть формализованы, что позволяет использовать при их анализе статистические и математические методы и модели. Поэтому вооружение социологии математическими, статистическими методами должно быть не менее разнообразным, чем в технике, естественных науках и экономике. К социологическим исследованиям полностью применимы слова К. Маркса о том, что «наука только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой»³⁴.

Единство количественного и качественного анализа наглядно проявляется при разработке математических моделей. Ана-

---

³² См. *Берт Ф. Грин*. Измерение установки; *Л. Гуттман*. Основные компоненты шкального анализа; *П. Лазерсфельд*. Логические и математические основания латентно-структурного анализа. — «Математические методы в современной буржуазной социологии» [сб.]. М., 1966; *Г.М. Андреева*. Современная буржуазная социология, гл. III. М. 1965.

³³ Ныне Росстат.

³⁴ См. *П. Лафарг*. Воспоминания о Марксе. М., 1959, стр. 6.

лиз общества как очень сложной динамической, вероятностной системы предполагает в принципе построение целого комплекса моделей социальных процессов, без которых невозможны обоснованные рекомендации для целей управления. Обычно он становится возможным на довольно высоких ступенях познания, когда основные взаимосвязи, взаимозависимости явлений, тенденции их развития достаточно глубоко изучены.

Социальные модели представляют собой системы, отражающие с той или иной степенью приближения реальные процессы и явления. При этом построение модели может преследовать как дидактические цели облегчения восприятия закономерностей в сложных системах, так и исследовательские цели, когда «моделирование позволяет в какой-то мере заменить отсутствующие или малодоступные звенья»³⁵. Модели такого типа могут представлять определенную познавательную ценность в социологии. Например, в условиях, когда специфика социальных явлений и процессов ограничивает, а иногда и совсем исключает возможность постановки экспериментов, манипулирование моделью (изменения факторов, ограничений) в известной мере может играть роль своеобразного лабораторного социального эксперимента.

Модели социальных процессов и явлений могут быть выражены в виде системы уравнений и неравенств, корреляционных и дисперсионных коэффициентов и показателей, статистических группировок. Форма модели зависит от цели, которая преследуется при моделировании качественной характеристики тех или иных социальных процессов и явлений, от степени их подготовленности для перевода с языка содержательного на язык формальный.

К социально-математическим моделям можно отнести модели воспроизводства населения, модели социальной структуры, многофакторные корреляционные модели квалификации, миграции населения, текучести рабочей силы, модели линейного программирования.

Опыт применения математических моделей и методов в социологии в настоящее время незначителен. Между тем, как справедливо замечает Г. Грениевский, при моделировании «обычно в качестве оригинала выбирают уже существующую

---

³⁵ См. Г.Н. Поваров. Предисловие к кн. Г. Грениевского «Кибернетика без математики». М., 1964, стр. 13.

систему с довольно сложным, но хотя бы поверхностно известным действием»³⁶. Поэтому во многих случаях социолог должен ознакомиться с ее действием, прежде чем приступать к моделированию социальных процессов.

Наибольшие успехи в разработке математических моделей и методов достигнуты главным образом в экономической науке и демографии. Это не только следствие молодости социологических исследований, но и результат того, что проблема квантификации, измерения в экономике и демографии неизмеримо проще, чем в социологии и социальной психологии. Тем не менее эконометрики, демографы своими работами создают определенный «задел» для социологов, поскольку разрабатываемые ими методы и модели в ряде случаев могут быть эффективно использованы и в социологических исследованиях. Так, например, во многих вычислительных центрах страны успешно реализуется на электронно-вычислительных машинах довольно простая модель воспроизводства населения, которая позволяет произвести перспективные расчеты численности и половозрастного состава населения — показателей, являющихся важнейшими исходными данными для прогностических расчетов³⁷.

Эти расчеты в огромной степени зависят от точности используемых коэффициентов дожития и фертильности, которые определяются многими факторами и имеют весьма сложную динамику. При этом наиболее достоверные из них связаны с использованием не постоянных, а таких меняющихся коэффициентов дожития и фертильности, в которых наиболее адекватно прогнозируется действительное изменение этих показателей. Для повышения точности такого рода прогнозов огромную роль призваны сыграть социологические исследова-

---

³⁶ Г. Грневский. Кибернетика без математики, стр. 60.

³⁷ Для определения половозрастного состава населения требуется установить связь численности различных половозрастных групп с показателями дожития и рождаемости. При этом численность населения следующего года (от двух лет и выше) будет равна численности базисного года, умноженной на коэффициент дожития. Для определения численности населения в 0-й возрастной группе необходимо среднюю численность женщин в фертильном возрасте (обычно от пятнадцати до сорока девяти лет) умножить на соответствующий данному возрасту коэффициент рождаемости и просуммировать полученный результат. В итоге мы получим половозрастной состав населения. На последующие годы все эти операции необходимо повторить заново. См. подробнее работу Б.Ц. Урланиса «Рождаемость и продолжительность жизни в СССР». М., 1963.

ния, без которых нельзя изучить весьма противоречивую картину факторов, влияющих на эти коэффициенты.

Перспективные расчеты населения в той или иной области или городе должны учитывать также миграционные процессы³⁸, поскольку структура мигрантов обычно резко отличается от структуры «постоянных жителей». Для этого нужно перейти к более сложной модели, в которой дополнительно должны быть учтены данные о поло-возрастной структуре мигрантов, об интенсивности миграции в разные периоды, коэффициенты дожития и фертильности у мигрантов.

Все эти показатели могут быть надежными только в том случае, если они основываются на достаточно достоверном фактическом материале, который обычно может быть получен лишь в результате специальных обследований. Такой материал особенно необходим при долгосрочных прогнозах, когда происходит своеобразное расширение воспроизводства допущенных ошибок. В связи с этим важное значение имеют социологические исследования, в частности, исследования проблем адаптации сельского населения к условиям городской жизни.

Как видим, модель воспроизводства населения касается весьма близкой к социологии области. В научном плане она интересна тем, что при необходимой «доводке» может послужить основой для перспективных расчетов социальной структуры населения. Иначе говоря, имея данные о социальной структуре населения в базисном году, можно, опираясь на определенные квантифицированные гипотетические показатели о влиянии технического прогресса, урбанизации, интенсивности социальной, профессиональной и территориальной мобильности, прогнозировать социальную структуру населения на будущее.

Трудности при моделировании общественных явлений в значительной степени связаны с тем, что поведение социальных систем определяется совокупным воздействием всей внешней среды. В этом случае возникает весьма существенная проблема, которая связана с автоматическим управлением социальными процессами через регулирование поведения социальных групп нормами, традициями, обычаями, существующими в обществе. Но можно ли ввести в модель эти трудноуловимые нормы, традиции, системы ценностей, особенно если учесть,

---

³⁸ См. «Количественные методы в социологии», гл. IX.

что они весьма разнообразны у разных групп, народов и племен? Ответ на этот вопрос зависит от степени изученности данного явления по существу и от того, в какой мере поддается оно квантификации.

Так, Р. Стоун приводит в качестве примера динамической модели социальной структуры данные об американо-индейском племени нечиз, которое проживает в бассейне Миссисипи³⁹. Многолетние исследования этого племени этнографами показали его социальную неоднородность и выявили весьма своеобразные, неписанные нормы и правила, которыми руководствуются индейцы. Так, все племя подразделялось на группы, которые условно можно назвать «аристократы» и «плебеи». В свою очередь «аристократы» делились на три группы: высшую, среднюю и низшую.

В племени нечиз существовали строгие правила женитьбы. Один партнер — муж или жена — должен происходить обязательно из «плебеев». При этом они получали свой общественный статус по статусу матери. Если мать «аристократка» высшей категории (аристократка I), выходит замуж за «плебея», то их ребенок сохраняет свою принадлежность к «высшему аристократическому слою» (аристократ I). Дети сохраняют свой статус соответственно и при браке «аристократок» средней (аристократка II) и низшей категорий (аристократка III) с «плебеями».

Однако при браке матери-«плебейки» с «аристократами» разных уровней общественный статус детей понижается на один разряд, т.е. если отец «аристократ» высшей категории, а мать «плебейка», то дети — «аристократы» средней категории; если отец — «аристократ» средней категории, а мать «плебейка», то дети — «аристократы» низшего слоя; если отец — «аристократ» низшего слоя, а мать «плебейка», то и дети «плебеи».

Эти правила можно изобразить в виде схемы 1.

Как же эти своеобразные правила женитьбы и наследования социальных статусов должны сказаться на будущем племени, на его социальной структуре, возможно ли в процессе воспроизводства сохранение существующего положения? Может ли эта система приобрести какую-то естественную стабильность и равновесие?

---

³⁹ «Scientific American», September, 1964, p. 170–171.

Родительский ряд			Детский ряд		Родительский ряд	
муж	жена				муж	жена
«плебей»	х	→	«аристократ» I			
«плебей»	х	→	«аристократ» II			
«плебей»	х	→	«аристократ» III			
			«аристократ» II	←	«аристократ» I	«плебей»
			«аристократ» III	←	«аристократ» II	«плебей»
			«плебей»	←	«аристократ» III	«плебей»
			«плебей»			
			↑			
	«плебей»		х		«плебей»	

Для математического исследования этих проблем были поставлены ограничения (население стабильно, каждый нечиз женится один раз, в каждом браке родится один мальчик и одна девочка), построена модель и проведены расчеты (см. табл. 1).

Вводя эти нормы и ограничения в модель и изучая ее поведение, исследователь приходит к выводу, что яри исходных 70 «аристократах» и 500 «плебеев» через четыре поколения будет произведено столько «аристократов», что для заключения браков не будет хватать «плебеев». Иными словами, поведение этой модели при принятых ограничениях показывает, что племя нечиз не имеет стабильной социальной структуры. Манипуляция с моделью, ее совершенствование может позволить изучить другие варианты, «расшить» некоторые ограничения, например сделать расчеты с другим числом браков для индивида, с иным числом и соотношением детей, учесть влияние некоторых внешних факторов.

Таким образом, в модель можно ввести определенные нормы и ограничения, реально существующие в том или ином обществе, и изучить данную социальную систему с помощью

математических методов. Подобные модели вполне возможно использовать и для изучения тенденции развития социальных структур, хотя здесь нельзя недооценивать опасность упрощенчества.

Таблица 1

**Модель прогноза структуры социальной иерархии
в племени нечиз с учетом гетерогенных
в социальном отношении браков**

	Первоначальное население	1-е поколение	2-е поколение	3-е поколение	4-е поколение	5-е поколение
«Аристократ» I	10	10	10	10	10	10
«Аристократ» II	20	30	40	50	60	70
«Аристократ» III	40	60	90	130	180	240
Всего «аристократов»	70	100	140	190	250	320
«Плебеи»	500	470	430	380	320	250
Всего	570	570	570	570	570	570
«Аристократ» I*	S	S	S	S	S	S
«Аристократ» II	N	$N+S$	$N+2S$	$N+3S$	$N+4S$	$N+5S$
«Аристократ» III	H	$H+N$	$H+2N+S$	$H+3N+5S$	$H+4N+5S$	$H+5N+10S$

*Обозначения: «Аристократ» I — S ; «Аристократ» II — N ; «Аристократ» III — H .

Важным классом моделей, используемых в социологических исследованиях, являются модели взаимосвязей и прежде всего корреляционные модели. Корреляционный анализ дает возможность изучить, насколько тесной является связь двух факторов. При этом остальные факторы, связанные непосредственно с исследуемыми, либо закрепляются, либо действуют без ограничений. Но здесь важно учитывать, что кор-

реляционный анализ, измеряя характер связей, «не несет ответственности» за сами связи между явлениями. Связаны ли данные факторы между собой, что является причиной, а что следствием, — на все эти вопросы ответ должен дать качественный анализ.

Примером использования корреляционного анализа является модель формирования заработной платы, многофакторная модель формирования квалификации рабочего. При этом в ряде случаев корреляционный анализ заключается в том, что он дает основание для более корректной постановки новых исследований⁴⁰.

Перспективными представляются также попытки связать теорию корреляции с теорией графов⁴¹. Классификация связей между явлениями, изображение их в виде так называемых графов связей, отделение причинно-следственных связей от так называемой «связи сопутствия», влияний без обратных связей от влияний с обратными связями, использование матриц смежности — все это ведет к упорядочению информации, позволяет гораздо корректнее формулировать задачи и анализировать связи как количественных, так и качественных признаков, не имеющих четкой количественной меры. При этом нельзя забывать, что постановка задачи, гипотезы о наличии или отсутствии связи, о направлении связей лежит на совести социолога, а не математика и предполагает известный уровень теоретической, социологической, профессиональной подготовки, определенной степени изученности явления. Без этого корреляционные модели легко могут стать орудием производства иллюзий, а не знания.

---

⁴⁰ Так, многофакторная модель квалификации, разработанная В.А. Калмык, позволяет определить влияние группы взаимодействующих между собой факторов (возраст, общее образование, общий стаж работы по специальности и т.д.) на квалификацию рабочего. Исследование и расчеты на конкретных материалах московских и сибирских заводов показали, что квалификация примерно наполовину зависит от перечисленных выше факторов, а в остальном — от факторов, которые не принимались в расчет в традиционном экономическом анализе. Причем, речь идет о таких факторах, как возможность продвижения по службе, квалификации, общественный престиж работы, привлекательность профессии и др. Моделирование показало, что анализ традиционных экономических понятий должен осуществляться с привлечением широкого круга социологических факторов и показателей.

⁴¹ См. К. Берж. Теория графов и ее приложения. М., 1962, а также статью Ф.М. Бородкина в сб. «Количественные методы в социологических исследованиях». Новосибирск, 1964.

Плодотворными являются также попытки построения цепочки взаимосвязанных между собой моделей, создающие предпосылки для перехода к более высокому этапу моделирования в социальных исследованиях — от моделирования отдельных явлений и процессов к моделированию более сложных социальных систем. Наиболее перспективными здесь являются стохастические вероятностные модели, поскольку такова объективная природа явлений и процессов, которые они отражают.

Попыткой построения социально-экономической системы моделей является разработка сводной модели дифференцированного баланса доходов и потребления населения, которая объединяет модель формирования заработной платы, модель формирования доходов, модель потребления, модель воспроизводства населения.⁴² Разработка моделей дифференцированного баланса доходов и потребления населения широко используется при прогнозных расчетах доходов и потребления населения.

Таким образом, экономистами, демографами уже предпринимаются шаги к построению цепочки связанных между собой моделей. Эти усилия заслуживают самого пристального внимания со стороны социологов. Социологические исследования требуют комплексного анализ процесса общественного развития. В принципе это предполагает построение комплексной системы моделей, которая охватывала бы цепочки моделей экономических, демографических, психологических. Однако если исходить из реального уровня развития социологии и не принимать желаемое за действительное, то следует признать, что идея объединения в одной системе комплекса экономических, демографических, социологических и социально-психологических моделей как реализация комплексного подхода к изучению сложных социальных явлений и систем не только еще ждет своих исполнителей, но и требует значительного повышения уровня качества социологических исследований.

Важное значение имеет применение методов оптимального программирования в социологических исследованиях. Обобщенная оценка этих методов, на наш взгляд, связана с анализом противоречий общественного развития.

---

⁴² См. «Применение математики и электронной техники в планировании». М., 1962, стр. 21.

Общественное развитие происходит в борьбе противоположностей. Так, в обществе имеются противоречия между достигнутым уровнем производства и растущими потребностями, между потребностями экономики в специалистах тех или иных профессий и профессиональными склонностями молодежи, между обществом и организацией, между организацией и группой, между группой и личностью, между отдельными людьми, наконец, внутри самой личности.

Важно не только теоретически признавать противоречия в развитии общества, необходимо систематически их исследовать, вскрывать, измерять, прогнозировать и планомерно разрешать. При этом нельзя не учитывать связь противоречий с дефицитностью. Если в обществе имеется неограниченное количество тех или иных благ и каждый имеет полную возможность удовлетворять свои потребности в них, то объективно по этому поводу противоречий между членами общества нет. Однако для современного общества типичным является превышение совокупной потребности в тех или иных благах над возможностью их удовлетворить.

Это касается не только предметов потребления. 82% выпускников средних школ Новосибирской области хотели в 1963 г. поступить в вузы. Но реально вузы могли принять из них лишь треть. Миллионы юношей хотят стать физиками или летчиками, но объективная потребность в специалистах этого профиля исчисляется не миллионами, а тысячами. Следовательно, объективно реализовать свои желания может далеко не каждый, а лишь тот, кто выдержит конкурс. Поэтому дефицитность порождает противоречие интересов между производителями и потребителями, между желаемым и возможным, между субъективными стремлениями и объективными условиями.

Превышение спроса над предложением, дефицитность являются результатом того, что потребности изменяются гораздо быстрее, чем объективные условия. В результате большинство решений, которые принимаются как отдельными людьми, так и общественными управляющими органами, есть решения, принимаемые в дефицитной, противоречивой ситуации.

Принцип оптимальности как нахождение максимума или минимума тех или иных функций представляет собой своеобразный подход к разрешению таких дефицитных, противоречивых ситуаций. Подобно тому, как при определенных, противоречащих друг другу значениях центробежной и центростремитель-

ной силы оптимальным способом разрешения противоречий является движение по эллипсу, подобно этому в экономической жизни методы оптимального программирования также дают наилучшие решения тех или иных проблем при определенных ограничениях. Поскольку в общественной жизни группа людей или человек сталкиваются постоянно с определенными ограничениями, выбор наилучшего варианта решения, оптимальной модели поведения играет и здесь чрезвычайно важную роль.

Выбор оптимальной модели поведения для групп или индивидов тесно связан с проблемой свободы. «Свобода действия и возможность принятия решений появляются только тогда, — пишет В.З. Шляпентох, — когда существует возможность выбора различных вариантов поведения. При этом понятие «свобода» в принципе может быть квантифицировано: свобода тем «больше», чем больше существует вариантов выбора. Известное положение Гегеля о том, что «свобода есть познанная необходимость», может быть истолковано именно в этом смысле. Знание возможных вариантов поведения является непременным условием существования «свободы» для индивида или группы. В противном случае имеет место «свобода в себе». Действительно, чем больше информирован школьник о существующих профессиях, покупатель — о наличных в торговле товарах и т.д., тем большей степенью свободы в своих действиях они обладают. Отсюда такая связь понятия свободы с категорией информации, хотя очевидно, что информация является необходимым, но отнюдь не достаточным условием свободы. Если индивидуум точно осведомлен о том, что во всех кинотеатрах города демонстрируется только один фильм, то свобода выбора тем не менее благодаря этой информации у него не увеличилась»⁴³.

Задачи оптимального программирования требуют, во-первых, определения целевой функции и, во-вторых, ограничений. Иногда в качестве целевой функции и ограничений могут выступать традиционные экономические, демографические показатели. Например, в качестве целевой функции может выступать привлекательность профессии.

Не менее важным для решения оптимальных задач является точное определение ограничений. При этом нужно иметь в виду, что поведение группы или индивида, решения, принимаемые ими, отнюдь не всегда основываются на переборе всех

---

⁴³ «Количественные методы в социологии», стр. 40.

вариантов. Человек и группа действуют обычно при весьма ограниченной информации и ориентиром для них выступают те или иные системы ценностей и норм поведения, которые приобретены ими и усвоены в процессе социального обучения. К тому же люди обладают способностью на основе весьма ограниченной информации принимать весьма реалистические решения, строить вероятностные прогнозы своего и чужого поведения в той или иной конкретной ситуации⁴⁴.

Причем, поскольку человек является одновременно членом разных групп и организаций, которые руководствуются сплошь и рядом различными, противоречащими друг другу ценностями, нормами, ограничениями, постольку решения обычно принимаются в противоречивой ситуации, когда одно из влияний в конце концов должно перевесить.

Но это не хаотический процесс. Принадлежность к тому или иному социальному слою обуславливает определенную устойчивость оценок, целевых функций, ограничений, решений и моделей поведения. Социальная принадлежность, определенная «школа социального обучения», как правило, предписывает свой тип поведения. Нередко при постановке социологических задач ограничения не могут быть выражены с такой определенностью, как в уголовном кодексе. Они могут быть не только не сформулированы, но и носить подсознательный характер типа «врожденных» симпатий и антипатий, привычек, автоматических реакций и норм поведения. Естественно, что в этом случае исследователю нелегко определить эти ограничения и тем более квалифицировать их.

Целевая функция и ограничения — необходимое требование при постановке и решении задач оптимального программирования. Это в равной мере относится как к частным задачам, так и разработке макромоделей. Однако, если целевая функция при оптимизации тех или иных социальных моделей может быть более или менее точно определена, то для нахождения народнохозяйственного оптимума, а тем более при постановке задач об оптимизации всей общественной системы, сама целевая функция становится трудно разрешимой проблемой⁴⁵.

---

⁴⁴ См. *И.М. Фейгенберг*. Вероятностное прогнозирование в деятельности мозга. — «Вопросы психологии», 1963, № 2.

⁴⁵ См.: «Количественные методы в социологии», гл. IV.

Тем не менее, сам подход к анализу предпочтения различных наборов материальных благ, который разрабатывается эконометриками в связи с анализом целевой функции, представляется весьма плодотворным для анализа различных систем ценностей. В этом случае целевая функция $U = U(x_1, \dots, x_n)$ рассматривалась бы с позиций системы ценностей, т.е. компоненты вектора x представляли бы собой различные ценности, причем благосостояние в этом случае рассматривалось бы наряду с другими ценностями жизни. При этом мы имели бы различные наборы ценностей: в одном из них ценности по своей значимости расположились бы, скажем, в таком порядке: благосостояние, любовь к истине, служение людям..., в другом — любовь к истине, благосостояние, служение людям..., в третьем — служение людям, любовь к истине, благосостояние...

Преимущество такого подхода к анализу операционных понятий ценностей жизни связано с тем, что при этом ценности жизни определяются не однозначно. Противоречие понимается не как примитивное противопоставление благосостояния любви, истине или служению людям, а как противоречие систем, наборов ценностей. Тогда приходим к выводу, что как не существует полезностей изолированных благ, так не существует и полезности изолированных ценностей жизни.

Таким образом, методы оптимального программирования перспективны для социологических исследований, хотя вряд ли можно ожидать в ближайшем будущем построения макромоделей, имеющих реальное значение для социальной практики. С этой точки зрения оптимальное программирование сейчас скорее является плодотворным способом мышления для социолога, чем реальным методом оптимизации и управления процессом общественного развития. Но и в этом случае оно может сыграть весьма важную роль в разработке принципиально новых подходов к изучению проблем управления общественной жизнью. В свою очередь это не может не способствовать выявлению показателей, которые, исходя из конкретной постановки тех или иных оптимальных задач, нуждаются в научной разработке, измерении и квантификации, что делает научный поиск в этой области более целеустремленным. Что касается применения этих методов в решении отдельных частных задач, то это может быть весьма плодотворным не только с позиций будущего, но и для решения теоретических и практических проблем сегодня.

5. Социологический исследовательский проект

Социологическое исследование проходит ряд этапов. Знание о чем-то новом может быть получено, как правило, лишь на основе тщательно спланированных исследований, обеспечивающих адекватное отображение в теориях, концепциях, моделях тех или иных объективных социальных процессов и явлений. Это достигается при разработке таких проектов исследований, которые органически включают в себя прошлый опыт и знания, обеспечивая достоверность, представительность и корректность результатов.

Для этого социологическое исследование требует в большей или меньшей степени использования различных методов и процедур на всех этапах исследования. Поэтому неотъемлемой частью социологических проектов являются тщательно продуманные процедуры исследования.

Социологический исследовательский проект можно попытаться представить в виде ряда последовательных, тесно связанных между собой этапов, которые наглядно выражают единство качественного и количественного анализа (см. рис. 3).

Как видно из схемы, исходным является достигнутый в обществе уровень знания, который находит свое отражение, с одной стороны, в социологических теориях, концепциях, а с другой — в степени разработки методов и инструментария анализа информации. Он обуславливается уровнем развития, во-первых, современной социологической теории и, во-вторых, количественных методов.

I. Достигнутый обществом уровень знания определяет цели работы (вопросы, гипотезы⁴⁶), которые должны быть проверены в ходе социологического исследования. Гипотезы, первоначально определенные в общих понятиях, необходимо конкретизировать, т.е., с одной стороны, выразить в виде операционных понятий, а с другой — в количественной форме (в виде ожидаемых тенденций, взаимозависимостей, соответствующих показателей).

На 1-м этапе раскрываются прежде всего теоретические позиции автора, его подходы к эмпирическому материалу. При

---

⁴⁶ Гипотезы предполагают обычно высокий уровень знания. Поэтому применительно к социологическим исследованиям в ряде случаев, видимо, точнее говорить о постановке вопросов исследования.

Схема социологического исследования

разработке социологического исследовательского проекта социологи уделяют этому этапу особое внимание, поскольку он во многом предопределяет и последующие этапы и результаты.

Отбор и формулирование исследовательских проблем — ответственный этап исследования, который требует не только трудолюбия, но и интуиции, таланта.

Гипотезы могут родиться на основе интуиции, или благодаря знакомству с материалами других исследований, или дедуктивным путем, т.е. исходить из какой-то теории, концепции. Но как бы ни возникла гипотеза, появившись на свет, она играет исключительно важную роль в исследовании, ибо она определяет, во-первых, данные, которые должны быть получены, во-вторых, методы, которые должны быть использованы для этого.

Социологов нередко обвиняют в тривиальности. «Я так и думал», «само собой разумеется», «а как же иначе» — такие реплики сплошь и рядом приходится слышать после научных сообщений социологов. В этом нет ничего удивительного. Общество — объект, открытый для наблюдения. Каждый человек, опираясь на свой собственный опыт, пытается судить о том, что люди любят, что им не нравится, как они относятся к тем или иным явлениям или деятелям. Эти суждения обусловлены социальной позицией и лимитированы личными, обычно весьма ограниченными наблюдениями. Поэтому их в лучшем случае можно рассматривать как гипотезы, нуждающиеся в эмпирической проверке.

В ряде исследований социологи, чтобы избежать упреков в банальности, уже на первом этапе при формулировании гипотез снимают информацию по поводу гипотез с «заказчиков», т.е. лиц, которые в дальнейшем будут оценивать полученные результаты. Так, при изучении интересов читателей газеты «Известия»⁴⁷ среди работников газеты было проведено обследование, в ходе которого их попросили дать прогноз о том, как они представляют себе распределение ответов читателей по ряду вопросов.

Вопрос к читателям газеты «Известия»	Вопрос к работникам редакции газеты «Известия»
Пожалуйста, сообщите нам, с какой подробностью Вы обычно читаете статьи на следующие темы? (Подчеркните)	Ваш прогноз о распределении ответов читателей по этому вопросу (в %)
<p>ПЕРЕДОВАЯ</p> <p><i>Читаю систематически</i></p> <p><i>Читаю частично</i></p> <p><i>Не читаю</i></p>	

⁴⁷ Исследование проводилось под руководством В.Э. Шляпентоха.

Естественно, что, сопоставляя полученные в ходе исследования ответы читателей с тем, как представляли их себе лица, делающие газету, социологи получили возможность оценить как реальную осведомленность газетчиков о читательских интересах, так и степень новизны или тривиальности полученных ими данных.

При формулировании целей исследования может оказаться, что они не могут быть реализованы, ибо нет необходимого уровня теоретической разработки или же не создан соответствующий математический аппарат. Однако и такая, казалось бы, неэффективная постановка задач в ряде случаев оказывается весьма плодотворной, ибо она обнаруживает «белые пятна» в той или иной области знания и способствует привлечению специалистов (социологов, математиков и т.п.) к решению актуальных проблем. Это создает возможность через некоторое время (когда в смежных областях будут решены лимитирующие данные исследования вопросы) вновь вернуться к этой проблеме.

II. В том случае, если общий уровень развития необходимых областей знания достаточен для эмпирической проверки той или иной гипотезы, а гипотеза сформулирована в операционных понятиях и в виде предполагаемых количественных зависимостей, создается возможность для перехода к следующему этапу, когда разрабатывается методика исследования, планируются объекты, способы сбора, анализа информации. Центральной задачей на этом этапе является обеспечение такого развития методики и техники исследования, которое позволило бы получать информацию, необходимую для решения поставленных задач. Она должна обеспечить проверку гипотез, т.е., во-первых, быть *достоверной*. Это очень сложная задача, поскольку социолог получает информацию от человека. Во-вторых, она должна быть *представительной*, т.е. отражать с заранее определенной погрешностью всю указанную совокупность, а не часть ее, так как иначе могут быть допущены серьезные ошибки при интерпретации результатов, в-третьих, — учитывать ограничения и прежде всего средства и возможности исследователя, чтобы завершить обработку к определенному сроку. Ограничения при этом должны быть сформулированы четко. На этой стадии, исходя из ограничений, нужно решить, будет ли обследование охватывать всю страну, республику, область, район, предприятие, цех, будет ли оно сплошным или выборочным, какой должна быть выборка и т.п.

Точно, быстро, дешево — такая задача всегда стоит перед исследователем. Современная математика и статистика разработали серию правил и приемов, которые позволяют успешно решать эти задачи, определять представительность выборки, возможность распространения материалов выборочного исследования на генеральную совокупность. При этом, планируя исследования, социологи должны ясно представлять себе, что, чем больше выборка, тем меньше ошибка, тем достоверней материал, но тем больше времени, средств и труда требует исследование. Напротив, чем меньше выборка, тем с большей ошибкой можно распространять полученные данные на генеральную совокупность, но тем скорее и дешевле будут получены результаты. В каждом случае необходимо обеспечить оптимальные размеры выборки, которые позволяют с необходимой точностью в определенные сроки получить соответствующие результаты.

Если проводятся анкетные обследования, объем работы при кодировке, классификации резко колеблется в зависимости от того, как ставятся вопросы. При закрытых вопросах можно брать большую выборку, при открытых — меньшую. Размер выборки зависит также от способа разработки информации. При наличии хороших программ на электронно-вычислительных машинах можно брать при прочих равных условиях более широкую выборку. Если же информация будет разрабатываться вручную, то выборку придется брать уже.

Вопросы техники и методики тесно связаны как с предыдущими, так и с последующими этапами. При этом в случае изменения техники и методики исследований требуются корректировка гипотез, иные способы сбора информации.

III. После того как гипотезы определены в операционных понятиях, намечены статистические и математические методы проверки гипотез, спланировано поле исследования и определены методы получения информации (анкеты, интервью и т.п.), подобраны и подготовлены кадры интервьюеров, наступает этап сбора информации. В зависимости от целей исследования она может представлять собой личные документы, статистические данные, наблюдения, анкеты, интервью и т.п. Задачей социолога на этом этапе является обеспечение наибольшей достоверности, объективности информации, особенно, если она поступает непосредственно от людей.

При проведении обследования необходимо минимизировать влияние анкетера и интервьюера на тех, кто дает информацию, ставить факты выше своих симпатий, авторитетов. Разумеется, вряд ли можно когда-нибудь с полной уверенностью утверждать, что от обследуемого получена абсолютно достоверная информация. Однако социолог должен стремиться к этому, как к высшей цели.

На качество информации влияют размер анкеты, место, характер опроса, порядок вопросов. Нередко оказывается, что вопросы, которые социологу кажутся понятными и важными, для анкетлируемого непонятны и неактуальны. Большая анкета попросту надоедает анкетлируемому, который либо не отвечает на значительную часть вопросов, либо, в виде своеобразного протеста против бесцеремонности анкетеров, дает заведомо неправильные ответы. Важно правильно определить и время анкетирования. Так, наиболее охотно и точно дают информацию о своих личных и профессиональных планах учащиеся непосредственно перед выпуском из школы, когда эти вопросы имеют для них не абстрактный, а вполне реальный практический характер.

Этот этап также имеет обратную связь с предыдущими, так как недобор или некачественность информации требуют уточнения методологии, методики и техники исследования. Изучение методики и техники процедур получения достоверной информации — лучшая гарантия того, что сбор информации не потребует существенной корректировки целей, гипотез исследования.

IV. Когда информация собрана, ее необходимо оценить, отбраковать заведомо негодную, «довести» те анкеты или интервью, в которых имеются пропуски или неточности, устраняющиеся на основании других вопросов или другой информации. На этом же этапе происходит агрегирование информации, т.е. внесение дополнительных сведений из других анкет, форм отчетности. Здесь же происходит классификация и упорядочение информации, которые состоят, во-первых, в объединении различных ответов в сходные группы, во-вторых, в расположении этих групп в определенном порядке, в-третьих, в присвоении им номера и на этой основе уточнении или доработке схемы кодировки. В конечном итоге это позволяет выразить в количественной форме те или иные признаки, закодировать информацию и перейти к ее компьютерной обработке.

V. Арсенал статистического и математического анализа информации в настоящее время весьма многообразен. Тут и простейшие способы, которые дают возможность упорядочить материал, представить его в доступном для обозрения и анализа виде. Для этого нередко необходимо «сжать» материалы массовых наблюдений, чтобы наиболее отчетливо выявить тенденции или взаимосвязи. Здесь широко используются методы корреляционного и дисперсионного анализа, которые дают возможность выявить меру влияния различных факторов. В социологических исследованиях могут быть успешно использованы методы линейного и стохастического программирования.

VI. Компьютерная обработка данных дает возможность перейти к анализу информации, проверке гипотез и вопросов, которые были поставлены. Это весьма ответственный этап исследования, который, как правило, требует привлечения специалистов высокой квалификации. Здесь исследователь должен дать конкретный ответ на поставленные им вопросы, решить, подтвердилась ли и в какой степени та или иная гипотеза, что следует из этого для теоретических или практических проблем, которые изучались. При анализе обычно приходится неоднократно перестраивать полученные материалы, проводить дополнительные расчеты, оформлять их так, чтобы сделать наиболее наглядными и обозримыми исследователь должен обеспечить максимум объективности и строго придерживаться фактов.

Очень важно при этом не отойти от тех операционных понятий, которые были сформулированы при разработке частной методологии данного исследования. А это нередко случается при переходе от анализа материалов, представленных в виде количественных показателей, к качественным операционным понятиям. При этом, с одной стороны, полученным данным часто приписываются совсем не те свойства, которые они имеют по своему математическому происхождению. С другой стороны, при интерпретации результатов нередко игнорируется социальная природа статистических фактов, положенных в основу расчетов, забывается, что статистический факт и факт общественный — разные вещи. Итогом этого этапа являются ответы на поставленные вопросы, проверка гипотез, вклад в частную методологию исследования.

В схеме социологического исследования важное значение имеют обратные связи. Результаты социологического исследования практически всегда обогащают методологию исследования данного вопроса. Разумеется, методология обогащается по существу на всех этапах исследования. При разработке методики и техники исследования должны уточняться как операционные понятия, так и их количественные показатели.

Те или иные изменения, обусловленные сбором информации, не могут не сказаться на деформации гипотез, а через них — на методике и технике исследования. На следующем этапе сплошь и рядом обнаруживается, что те ответы, которые надеялся получить исследователь, не получены и поэтому также необходимо корректировать гипотезы и вопросы. Расчеты не могут не вызвать уточнения целей и гипотез и всей последующей цепочки. При этом могут быть в отдельных случаях и непосредственные прямые связи между третьим и вторым, между четвертым и вторым и другими этапами. Однако все эти уточнения обычно проходят через первый этап, так как социологическое исследование представляет собой органическое единство всех этапов и «сбой» на любом из них неминуемо влияет на цели, гипотезы, количественные показатели, которые определяются на первых этапах исследования.

Этим, собственно, завершается социологическое исследование. Однако результаты исследования могут иметь общеметодологическое и теоретическое значение. Весьма важно поэтому, завершая работу, во-первых, посмотреть на результаты исследования со стороны, с тем, чтобы внести свой вклад в разработку общеметодологических проблем и, во-вторых, попытаться выяснить, какой реальный вклад в теорию вносит данное исследование. Этот вклад может быть, а может и не быть. Он может касаться социологической теории, а может явиться своеобразным толчком для развития тех или иных разделов математики, кибернетики, статистики. Поскольку критерием истины является практика, постольку из массы исследований лишь часть работ получает в конце концов соответствующую «апробацию» и входит в общую сокровищницу человеческого знания.

Приращение суммы человеческого знания, развитие социологической теории и других наук не может в свою очередь не сказаться на методологии последующих исследований, на повышении уровня гипотез, методики и техники социально-

го познания. Со временем это обеспечивает все новые и новые вклады в общечеловеческое знание. Таким образом, в результате повторения и возобновления этого процесса совершается своеобразное расширенное воспроизводство человеческих знаний об обществе.

Это расширенное воспроизводство знаний в результате повторяющихся исследований имеет принципиальное значение для разработки методологии таких работ, где социолог сталкивается с неизученными еще по существу пластами жизни. Здесь очень важно — прежде чем проводить обследование в широком масштабе — провести своеобразный зондаж, разведку путем *пробного обследования*. При всей ограниченности таких обследований, они, тем не менее, являются, как правило, вкладом в разработку методологии, методики и техники исследования, и хотя не избавляют совсем, но резко сокращают ошибки и промахи при проведении основного обследования. Наконец, поскольку социологов интересуют не столько моментальные фотографии, сколько наслаивающиеся друг на друга исследования, которые позволяют проверять устойчивость информации и в то же время выявлять тенденции, закономерности того или иного социального процесса — постольку нужны повторные обследования.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕЛА

1. О цели и специфике исследования

Важное значение для понимания социальных процессов в обществе имеет изучение сельской жизни. В этом плане интерес представляет социальное исследование села Копанка в Молдавии, цель которого заключалась в том, чтобы проанализировать на конкретном материале социальные изменения в жизни крестьян одного села⁴⁸.

Село Копанка не случайно было избрано объектом социологического анализа. Правобережная Молдавия, до конца второй мировой войны входившая в состав Румынии, представляла собой своеобразный объект для такого анализа, поскольку крестьянство здесь по сравнению с основной частью крестьянства СССР относительно недолго жило в условиях колхозного строя. К тому же перед Второй мировой войной румынские социологи провели монографическое обследование и опубликовали монографию о селе Копанка⁴⁹. Это сделало Копанку удобным объектом для сравнительного исследования.

Социологи, проводившие там обследование, дали довольно детализированное описание положения дел в этом селе. В нем, как свидетельствуют они, практически не было машин. Только лошади и волы. Плугов и тех не хватало. «Химические удобрения в Копанке не применяются. Искусственные удобрения здесь вообще неизвестны». «Практикуется посев разбрасыванием рукой». «Машинного способа здесь не знают». «Обрызгивание семян медным купоросом также не производится».

---

⁴⁸ Это была одна из первых попыток монографического исследования, предпринятая социологами Института философии Академии наук СССР. Здесь публикуются лишь отдельные фрагменты из этой работы, которые, как полагает автор, могут представлять интерес для читателя, поскольку они показывают возможности социологического подхода к анализу исторических и социально-экономических данных.

⁴⁹ Buletinul Institutului de cercetări sociale al României, Regionala; Chisinau, t. II. Chisinau, 1939.

«Лично видел, как во время молотьбы поднимались целые горы туч из черной пыли головни». «Колосовые при уборке раскашивают косой». «Молотьба в Копанке производится по дедовскому обычаю, общеизвестным способом: лошадьми, которых гоняют в одном, а потом в противоположном направлении вокруг столба, установленного у центра площадки для молотьбы». «Работ по селекционированию сельских культур для их улучшения также не проводится», говорили они.

Вместе с тем, как писали авторы монографии, префектура Бендёрского уезда и аграрная палата Бендёр давали распоряжения, которые «будучи основаны на законах страны, предписывали хорошие советы, полезные для всех землепашцев, которые живут обработкой земли». В частности, земледельцам предписывалось: расчищать дороги, своевременно, сразу после жатвы, удалять с участка остатки кукурузных стеблей и жнивье, удалять сорняки, считая даже рожь сорняком на участке пшеницы. Они обязываются производить глубокую осеннюю вспашку, очищать пастбище, уничтожать на каждом гектаре по 20 сусликов и даже предьявлять начальству их хвосты. Однако, констатируют авторы, «наблюдения показывают, что рожь из пшеницы не удаляется. Ни одна дорога или пустующее место не очищены. Работ по очищению пастбищ и уничтожению вредителей не произведено. Регистрация хвостов также не имеет места. Таких хвостов не принес в примэрию ни один житель...».

«Какая польза от советов, — восклицал один из авторов работы, — как можно кормить домашний скот, если в районе трудно с кормом? Какого результата можно ожидать от таких советов, как указание на необходимость использовать селекционные ферменты в виноделии, если у виноградаря, например, нет ни хороших бочек, ни складских помещений? Каких положительных результатов можно ожидать от советов применять удобрения, если район с точки зрения агрономии не изучен (климат, почва, осадки, температура и т.д.)? Какая выгода земледельцу, если он осознает необходимость поступать по советам агронома и сеять машиной, ибо так лучше и полезнее, если в селе нет ни одной такой машины?»

Главная причина бедственного положения крестьян крылась в безземелье, в социально-политической структуре тогдашнего общества. В какой-то мере это вынуждены были признать и авторы этой монографии. «В Копанке, — констатировали они, —

есть ряд бедных жителей совершенно без земли — единственного источника существования земледельцев».

Широко разрекламированная аграрная «реформа» 1918–1924 гг. в итоге не разрешила аграрного вопроса в Бессарабии⁵⁰.

После реформы процесс перераспределения собственности интенсивно продолжался. Он шел и в Копанке. «Безземельные были и до первой мировой войны, — констатировали автор монографии, — они есть и теперь..., хотя имело место наделение собственностью в 1918 г. Однако это наделение собственностью совершалось не без недостатков. Многие жители получили землю в «Малайе» около села Пухой уезда Лэпушны в 60–70 километрах от Копанки. Крестьянам было крайне неудобно, они не могли обрабатывать ее, живя в Копанке. И потому, не будучи в состоянии платить вовремя налоги, а эксплуатация земель была слишком дорогой, они впали в долги и, в конце концов, были вынуждены уступить землю тем, кто оказался в состоянии соблюдать условия контрактации с государством и другими кредиторами».

В результате этого перед Второй мировой войной мы видим такую картину распределения земли между семьями в селе Копанка (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение земли между семьями крестьян в селе Копанка

Количество земли	Количество семей	Доля семей (в %)
От 1 до 3 га	634	72,5
От 4 до 6 га	192	21,8
От 7 до 9 га	44	4,1
От 10 до 18 га	11	1,2
От 20 до 40 га	4	0,4

Ряд исследователей считают, что в Бессарабии сельскохозяйственный пролетариат — это хозяйства с наделом до 5 га, кулаки с наделом свыше 10 га. При всем несовершенстве этих методов (мы бы предпочли иметь дело с расчетом не только по земле, но и по степени доходности этих участков) они дают основания для некоторых выводов. В частности, они показывают, что сельский пролетариат Копанки составлял 72,5%.

⁵⁰ В. Малинский. Аграрная реформа 1918 — 1924 гг. в Бессарабии. Кишинев, 1949, стр. 3.

Аграрное перенаселение — вот причины нищенского положения крестьян села Копанка. Оно не позволяло крестьянам эффективно защищаться от стихийных сил природы. Жители Копанки страдали то от засухи, то от наводнений. «Наводнения Днестра случайны и не регулируются людьми, а потому представляют и известную опасность, ибо иногда причиняют большой ущерб... — писали социологи. — Укroщение стихийной силы наводнений помогло бы жителям Копанки использовать воды Днестра в нужное время. Это устранило бы ущерб от стихийных наводнений и к тому же представило бы возможность использовать под культуры общинные массивы, ныне заболоченные...». Но разве это можно было осуществить, если, как свидетельствовали сами же социологи, «массивы земель размельчены в длинные и узкие парцеллы»?

Социологи не скупались на соболезнования. «То, что осуществили эти трудолюбивые пчелы на берегу Днестра, указывает на их кропотливый труд, умелость и любовь к деревьям, доведенную до самопожертвования. В то же время мы сочувствуем им от души, ибо большинство из них в незавидном положении, и это при всем богатстве фруктов, культивируемых ими», — писали они. В чем же дело? Оказывается, «результатом их труда спекулируют до невозможности». Больше того, «вышеприведенные факты, — продолжают они, — представляют горький упрек в адрес тех, кто обязан им помочь организовать и избавиться от «слишком большого числа паразитов, которые жадно эксплуатируют результаты их труда». Но, видимо, авторы уже напугали своей «революционностью» самих себя и спешат сделать очередной зигзаг, столь характерный для буржуазной социологии. «Не будем вдаваться в подробности этого дела, которые представляют собой важный и сложный вопрос и воздержимся от бесплодной критики», — констатируют они.

Можно было бы еще много раз цитировать их. Например, о том, что большинство жителей были неграмотны, что в деревне свирепствовала малярия, сифилис, туберкулез, что «много лишней рабочей силы, многие покидают район и отправляются в сельскохозяйственные центры Старого королевства и Добруджу», что «для семей из трех-четырех членов потребление мяса сводится к одному килограмму в месяц, сахара и риса по 200 граммов в месяц. Почти не питаются хлебом, рыбой, молоком, чаем». Но, видимо, и сказанного достаточно, чтобы судить о прошлом села.

Преобразования, которые начались в молдавской деревне после присоединения к СССР, были направлены на ломку старых производственных отношений и ликвидацию системы частной собственности на землю. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 августа 1940 г. на территории Бессарабии было восстановлено действие советских законов о национализации земли.

В результате земельной реформы в Правобережной Молдавии произошли крупные социально-экономические перемены: было ликвидировано помещичье землевладение, кулацкое — урезано, исчезла многочисленная группа безземельных крестьян, произошло «осереднячивание» деревни. Вместе с тем земельная реформа создала необходимые предпосылки для социального переустройства села.

В 1950 г. крестьяне Копанки объединились в сельхозартель. Уже в первые годы своего существования колхоз наглядно показал крестьянам преимущества крупного социалистического хозяйства. Особенно заметные сдвиги произошли здесь с 1953 г. Они и явились предметом социологических исследований⁵¹.

Весной 1961 г. было проведено сплошное анкетное обследование всех жителей села. В ходе этого опроса были получены данные о половом, возрастном, национальном составе села, образовании, профессии. Наряду с этим проведено анкетное обследование семей села, в результате которого была получена структура семей и выяснен ряд вопросов, связанных с семейным и общественным бытом. Специальные анкетные обследования проведены также среди десяти процентов населения села, которые отбирались на основе случайной выборки в каждой из 9-ти производственных групп. В частности, среди «десятипроцентников» проведены анкеты: по внерабочему времени; по участию в общественной жизни; по общественно полезной деятельности. Ряд обследований в Копанке проводился среди так называемых бюджетных семей, охватывавшихся обследованием Госстатом. В этих семьях были проведены опросы,

---

⁵¹ В процессе социологического исследования использовались различные источники информации. Во-первых, фактический материал, собранный румынскими социологами. Во-вторых, годовые отчеты, планы колхозов и совхозов, сельсовета, районных и республиканских органов, материалов Статуправления, Бендерского оросительного управления и т.п. В-третьих, специальные обследования жителей села (анкеты, интервью, непосредственные наблюдения).

связанные с определением изменений в материальном благосостоянии колхозников, с обследованием внерабочего времени по итогам года и др. Кроме того, в работе использовались также письма, личные документы, фотографии, представленные жителями села. В ряде случаев статистические данные и анкетные обследования дополнялись методом интервью.

2. Динамика благосостояния крестьян

Уровень материального благосостояния румынских крестьян в прошлом был одним из наиболее низких в Европе. При этом самый низкий уровень жизни был в Бессарабии. Острая нехватка земли обуславливала здесь очень высокую арендную плату. Арендная плата за один гектар земли среднего качества в 1937 г. колебалась от 800 до 1700 лей, а высшего качества — от 1030 до 2000 лей. В виде арендной платы трудящиеся крестьяне отдавали собственникам земли значительную часть своего урожая.

Заработная плата в Бессарабии была ниже, чем по Румынии в целом. Заметно ниже был здесь и уровень потребления продуктов питания и одежды. Так, годовое потребление продуктов питания и одежды в Бессарабии было ниже, чем в Буковине в хозяйствах с наделом от 5 до 10 га на 14 тыс. лей, с наделом от 3 до 5 га на 7,3 тыс. лей, в хозяйствах с наделом от 0,1 до 3 га на 28 тыс. лей. При этом дифференциация в потреблении была очень велика и среди крестьян Бессарабии.

В этом отношении положение жителей села Копанка перед второй мировой войной было типичным для всей Бессарабии. Авторы старой монографии приводят несколько бюджетов крестьян Копанки за 1937 г. Они очень любопытны, так как содержат данные как о зажиточных семьях, так и о семьях бедняков. Самое же интересное, на наш взгляд, заключалось в том, что в Копанке еще проживали семьи, которые фигурировали в предвоенной монографии румынских социологов. Поэтому имелась возможность довольно конкретно выявить социальные изменения в этом плане и, так сказать, персонафицировать наше исследование.

Вот бюджет «состоятельного жителя Копанки», как его характеризуют румынские социологи, М. Мельника с семьей, которая состояла из жены и шести детей.

Часть первая. От обществознания к социологии

		Сумма, lei
М. Мельник имел:	1. Земли — 10,75 га	136800
	2. Зданий и пристроек	135200
	3. Живой инвентарь	37000
	4. Оборотный капитал	56490
	5. Мертвый инвентарь	10660
Всего имущества на		376750
М. Мельник получил доходов		103140
Его расходы, всего		81680
В том числе на:		
	1. Эксплуатацию (оплата наемных рабочих, содержание и ремонт зданий и инвентаря, налоги)	41320
	2. Расходы на питание	6850
	3. «Частные расходы» (промтовары личного потребления)	6700
	4. Собственные продукты	28820
Превышение доходов над расходами		21460

А вот данные о семье сельскохозяйственного рабочего П. Бану.

		Сумма, lei
П. Бану имел:	1. Земли 0,5 га	6000
	2. Зданий и пристроек	34400
	3. Живой инвентарь	150
	4. Оборотный капитал	1800
Всего имущества		42620
П. Бану получил доходов		8880
В том числе: наемная оплата		7000
Его расходы		8855
В том числе:		
	1. Расходы на эксплуатацию (налоги и пр.)	195
	2. На питание	4280
	3. Частные расходы	2420
	4. Собственные продукты	1880
Превышение доходов над расходами		25

«Как видно, — комментируют этот бюджет авторы книги, — сельскохозяйственные рабочие покупают все на базаре и почти не имеют собственных продуктов».

При всей возможной неточности этих бюджетов они позволяют примерно сравнить нынешний уровень колхозника с уровнем жизни крестьян в 1937 г. Для этого мы попытались установить сравнительную покупательную способность лей 1937 г. в рублях⁵².

При этом нужно учитывать методологические трудности, которые возникают при сопоставлении. Дело в том, что мы не можем сравнивать доходы в крестьянской семье в прошлом с доходами в колхозной семье, где практически все доходы идут на личное потребление семьи в то время, как в крестьянской семье значительная часть доходов шла на производственное потребление (на покупку инвентаря, скота, ремонт сооружений, налоги, наконец, оплату рабочей силы в кулацких хозяйствах). Все эти расходы в наших условиях несет не отдельный крестьянин, а колхоз в целом. Так, в расходах М. Мельника более половины — это затраты на постоянный и переменный капитал. У батрака П. Бану эти расходы включают в себя лишь налоги и они составляют одну двадцатую часть доходов. Поэтому для сопоставления бюджетов помимо расчета цен необходимо отделять производственное потребление от личного для того, чтобы судить о действительных изменениях в материальном благосостоянии крестьян.

Доходы колхозников в 1960 г. в % к расходам в семье М. Мельника в 1937 г. (в расчете на 1 члена семьи):

в среднем по» селу Копанка — 216,

в среднем по Молдавии — 154.

Сопоставление показывает, что уровень материального благосостояния колхозников Молдавии значительно выше, чем уровень жизни крестьян до войны. Так, если принять средний уровень доходов в колхозной семье Молдавии в 1960 г. за 100% , то расходы на потребительские продукты в 1938 г. составляли

⁵² Расчет был проведен следующим образом. В старых статистических справочниках мы разыскали уровень цен на рынке в 1937 г., к сожалению, только по продуктам питания, так как статистика по промышленным товарам настолько не конкретна, что исключает возможность сопоставления. Затем мы взяли типичный набор продуктов питания, который в среднем потреблял молдавский колхозник в 1960 г., и рассчитали стоимость этого набора в леях 1937 г. и в рублях. Это позволило нам примерно сопоставить бюджеты, приводимые в старой монографии с современными бюджетами колхозников.

в крестьянских семьях с наделом от 5 до 10 га (нужно иметь в виду, что в эту группу при интенсивном ведении хозяйства могли входить и кулацкие хозяйства) — 70%, с наделом от 3 до 5 га — 57% и до 3 га — 20%. Учитывая существовавшее в условиях помещичьего строя распределение земельной собственности, можно констатировать, что подавляющее большинство крестьян Бессарабии жило в несколько раз хуже, чем живет современный колхозник.

Вот как выглядит потребление основных продуктов питания в семье бывшего батрака П. Бану в 1960 г. в колхозе и в среднем по Молдавии к уровню потребления в семье «состоятельного жителя Копанки» — М. Мельника в 1937 г. (см. табл. 2).

При анализе данных табл. 2 нужно принять во внимание следующие обстоятельства. П. Бану, бюджет семьи которого приводили социологи в 1939 г., умер в 1944 г. Однако его жена и дочь проживают в Копанке. Они работают в артели. Благодаря этому мы получили возможность сравнить нынешний уровень потребления в семье колхозника (в прошлом батрака) с уровнем потребления в семье «состоятельного жителя» М. Мельника в прошлом⁵³.

Таблица 2

**Уровень потребления основных продуктов питания
в расчете на одного члена семьи колхозника в % к уровню потребления
в семье М. Мельника в 1937 г.**

	В семье бывшего батрака Бану в 1960 г.	В среднем по Копанке в 1960 г.	В среднем по Молдавии в 1960 г.
Мука и хлеб в переводе на муку	58	42	53
Картофель	197	240	136
Овощи и бахчевые	764	1041	443
Молоко	430	788	700
Мясо	317	131	208
Рыба	260	360	160
Жиры	451	197	198
Яйца	688	480	424
Сахар	225	189	185

⁵³ Семья Бану оказалась в числе 22-х семей села, по которым подразделения ЦСУ вели систематические бюджетные наблюдения.

Как видно из табл. 2, несмотря на то, что семья П. Бану лишилась кормильца, уровень потребления основных продуктов питания в расчете на одного члена семьи был в 1960 г. в несколько раз выше, чем в семье М. Мельника в 1937 г. При этом заметно сократилось потребление муки и хлеба. Теперь крестьяне стали питаться более разнообразно и калорийно. На одного члена семьи П. Бану в 1960 г. потреблялось в 4,5 раза больше жиров, в 3 раза больше мяса, в 7–8 раз больше яиц и овощей.

Семья Бану не исключение. Чтобы показать это, мы сопоставили с уровнем потребления в семье М. Мельника также уровень потребления колхозников Копанки в среднем и в целом по Молдавии в 1960 г. Из этих материалов видно, что серьезные структурные сдвиги произошли не только в отдельных крестьянских семьях. Резко улучшилось питание как колхозников Копанки, так и колхозников всей Молдавии. Достаточно сказать, что молдавский колхозник сейчас потребляет в 2 раза больше мяса, жиров и сахара, в 4 раза больше яиц, в 5–7 раз больше овощей и молока, чем потреблялось в прошлом в семье М. Мельника.

Наряду с этим нужно отметить, что между колхозниками сохранились значительные различия в размере доходов, получаемых как на семью, так и в расчете на одного члена семьи.

Таблица 3

Различие в размерах доходов между колхозниками села Копанка

Показатели	Всего доходов (в %)	В том числе	
		От общественного хозяйства	От подсобного хозяйства
Доход семьи с максимальным доходом к доходу семьи с минимальным доходом (в %)	490	1240	980
в расчете на одного члена семьи	520	990	990

Довольно значительная дифференциация в размере доходов сказывается и на питании колхозников.

Объем питания крестьянских семей села Копанка

Наименование продуктов питания	Потребление в семье с максимальным доходом в % к семье с минимальным доходом
Мука и хлеб в переводе на муку	150
Картофель	110
Овощи, бахчевые	140
Молоко	150
Мясо	240
Рыба	470
Жиры	380
Сахар	300
Фрукты	260

Дифференциация доходов в различных семьях и связанные с ней различия в уровне жизни неизбежны в условиях социализма. С этим явлением мы сталкивались и в совхозах, и в колхозах, и в промышленности, и на транспорте, и в строительстве. Оно является следствием распределения по труду.

Дело в том, что доход колхозников складывался, во-первых, из доходов, полученных от общественного хозяйства, и, во-вторых, из доходов, полученных от приусадебного хозяйства. Доля доходов от подсобного хозяйства в общих доходах колхозной семьи в Копанке была довольно велика. Это в большой степени было связано с тем, что в приусадебных хозяйствах здесь выращивали такие высокодоходные и высокотоварные культуры, как виноград и фрукты, хотя значительная часть этих продуктов шла на потребление самих колхозников. Однако и вино, и фрукты продавались колхозниками на рынке не только в Копанке, в Бендерах, но и в крупном городе Одессе. Этому в немалой степени способствовали хорошие дороги, которые обеспечивали надежную связь с рынком сбыта в течение всего года.

Исходя из общей суммы доходов, включая доходы и от общественного и от подсобного хозяйства (доходы от подсобного

хозяйства были рассчитаны в розничных ценах), был получен денежный доход на одного члена семьи. В первую группу были включены хозяйства, где денежный доход на одного члена семьи выше среднего, а во вторую — где денежный доход ниже среднего уровня.

Как видно из табл. 5, средний денежный доход на одну семью, а особенно на одного члена семьи, в первой группе значительно выше, чем во второй. Это определяется самим при-

Таблица 5

Группировка семей колхозников по размеру денежного дохода на одного члена семьи, 1960 г.

Показатели	1 группа	2 группа
Средний денежный доход семьи	1600	1097
Средний денежный доход в расчете на одного члена семьи	567	260
В том числе доход от общественного хозяйства	301	99
В том числе доход от подсобного хозяйства	266	161
Удельный вес дохода от общественного хозяйства в общем доходе (в %)	53	38
Средний размер приусадебного хозяйства (в сотках)	33	30
Денежный доход, полученный с одной сотки приусадебного хозяйства	22,5	22,6
Приходится земли на одного работающего колхозника	18	20
Имеется кустов винограда в расчете на одну сотку	96	86
Имеется плодовых деревьев в расчете на гектар	47	46
Удельный вес работающих в % к общему числу членов группы	66	28
Удельный вес нетрудоспособных в % к общему числу членов группы	23	60
Приходится земли на одного члена семьи (соток)	12	7
Имеется кустов винограда на одного члена семьи	112	61
Имеется плодовых деревьев на одного члена семьи	5,6	3,2

нципом группировки. Однако структура денежного дохода в расчете на одного члена семьи вскрывает уже нечто новое. Оказывается, что если в первой группе основным источником дохода являлось общественное хозяйство, то во второй основные доходы поступали из подсобного хозяйства, где удельный вес доходов от общественного хозяйства составлял всего лишь 33%. При этом нельзя не отметить, что размер доходов, полученных с приусадебного, а особенно с общественного хозяйства, во второй группе значительно ниже.

Чем это объясняется?

Можно было бы предположить, что это связано с тем, что колхозники второй группы менее активно участвовали в работе в общественном хозяйстве. С другой стороны, можно было бы предположить, что более низкие доходы от приусадебного хозяйства в первой группе получены потому, что размеры приусадебных хозяйств здесь меньше, или потому, что оно ведется менее интенсивно. Однако это не так. Расчеты показывают, что средний размер приусадебного хозяйства в первой и второй группах практически одинаков (33 и 30 соток). На одного работающего колхозника приходится примерно и одинаковое количество земли. Одинаков и размер доходов, который получается с единицы земельной площади (22,5 руб. и 22,6 руб.). Это вполне понятно: хотя во второй группе на единицу площади имеется меньше кустов винограда, зато там больше плодовых деревьев. Стало быть, нельзя в этом видеть причину резкого неравенства доходов.

Дальнейший анализ вскрывает большие различия в удельном весе работающих колхозников в общем числе членов семей. В первой группе доля работающих — 66%, а во второй — 28%. Можно предположить, что это объясняется слабой трудовой активностью колхозников 2-й группы. Но следующая строка в таблице заставляет отбросить это предположение: неработающие во второй группе — это нетрудоспособные.

Главной причиной низких доходов во второй группе является более высокий удельный вес нетрудоспособных. Если в первой группе их 23%, то во второй — 60%. Этим и объясняется то, что денежные доходы от общественного хозяйства в первой группе значительно выше: в ней в каждой семье в несколько раз больше полноценных работников. А ведь распределение в колхозе, как уже отмечалось выше, должно было осуществляться не по едокам, а по труду. С другой стороны,

размеры приусадебных участков в общем пропорциональны не числу членов семей, а числу работников, т.е. и в распределении приусадебных участков, как видно из расчетов, в какой-то мере сказался принцип распределения по труду. В силу этого на одного члена семьи, т.е. с учетом нетрудоспособных, приходится земли в первой группе 12 соток, 112 кустов винограда, 56 плодовых деревьев, а во второй, соответственно, — 7 соток, 61 куст и 32 плодовых дерева.

Проблема приусадебного хозяйства играла важную роль в Копанке. Ее значение хорошо понимали колхозники. Так, в одной из анкет, которые распространялись среди колхозников Копанки, был вопрос о том, как они оценивают сравнительное достоинство и недостатки колхоза и совхоза. Половина опрошенных ответили «нет разницы», 50% — предпочли колхоз. При этом большинство из них в качестве определяющего мотива указали «приусадебный участок».

Все это говорит о том, какую роль играл приусадебный участок в жизни колхозников. Но это не имеет отношения к вопросу о том, как должны распределяться приусадебные участки среди семей с разным удельным весом нетрудоспособных. Как мы видели, практически в семьях с более высоким удельным весом нетрудоспособных размер приусадебного участка в расчете на одного члена семьи значительно ниже, чем в первой группе. Это вело к тому, что дифференциация в доходах от общественного хозяйства усиливалась за счет дифференциации доходов от приусадебного участка.

Если различия в доходах от общественного хозяйства есть неизбежный результат различий в количестве и качестве труда, то дифференциацию доходов от приусадебного хозяйства нельзя признать необходимой. Значит, общественное хозяйство в колхозах еще не достигло такой ступени развития, которая бы обусловила экономическое отмирание подсобного хозяйства.

3. Рабочий день колхозников как отражение взаимосвязей общественного и личного

Приведенные материалы свидетельствуют о значительном росте благосостояния жителей села Копанка. Вместе с тем, они вскрывают ряд проблем, которые, прежде всего, связаны с приусадебным хозяйством. В связи с этим имеет смысл по-

пытаться более детально изучить взаимосвязи общественно-го и приусадебного хозяйств, используя для анализа данные о структуре рабочего дня колхозников.

Но что представляет собой рабочий день колхозника? Какова его продолжительность? Каковы закономерности его развития?

Однозначно ответить на эти вопросы невозможно, так как если в промышленности исследователь обладает бесспорными данными о затратах труда и продолжительность рабочего дня, то в колхозах до недавнего времени даже при расчете показателей производительности труда пользовались учетом труда в трудоднях.

Если в промышленности рабочий день нормируется, то в колхозах нормирование рабочего дня не осуществлялось. Это значит, что процессы, которые происходили с рабочим днем колхозников, носили в некоторой степени стихийный характер. На них нельзя было воздействовать непосредственно. Для управления ими необходимо было исследовать механизм проявления общих закономерностей развития общества в тех областях, где они сознательно еще не регулируются. На рабочий день в колхозе, его продолжительность и интенсивность можно было воздействовать опосредованно — путем изменения специализации хозяйств, повышения уровня механизации, материальной заинтересованности.

На продолжительность рабочего дня в колхозах сильное воздействие оказывала сезонность сельскохозяйственного производства, которая в свою очередь зависит от производственного направления, сочетания в артели отраслей и ряда других факторов, которые настолько индивидуальны в каждом хозяйстве, что на первый взгляд кажется, что учесть их практически невозможно. К тому же, поскольку в сельском хозяйстве «день — год кормит», в страду часто не приходится считаться с продолжительностью рабочего дня. Это порой порождает мнение, что проблема рабочего дня в колхозах не являлась актуальной⁵⁴.

В то же время вопросы нормирования рабочего дня приобретали важное значение. Необходимость изучения рабочего дня в колхозах диктовалось тем, что в рабочем дне отражаются те социальные сдвиги, которые произошли в жизни крес-

---

⁵⁴ Отметим, что сезонность имела место не только в сельском хозяйстве, но и в ряде отраслей промышленности, транспорта, строительства. Однако там имелся нормированный рабочий день. В совхозах рабочий день также ограничивался, хотя здесь условия производства были аналогичными колхозным.

тыян за послевоенные годы, отражаются глубинные процессы развития производительности труда и роста благосостояния колхозников. Вместе с тем в закономерностях рабочего дня при конкретном анализе отражаются и социальные проблемы развития колхозного производства, прежде всего взаимосвязи общественного и приусадебного хозяйств колхозников, взаимоотношения их личных и общественных интересов.

Бурное развитие промышленности, технический прогресс в сельском хозяйстве обуславливали большие перемены не только в экономике, но и в быту, и в сознании, и в потребностях сельского населения. В колхозы шла молодежь, которая хотела работать и жить в таких же условиях, в каких жили и работали их сверстники в городах.

Рабочий день распадается на необходимое и прибавочное время. Необходимое — это время, нужное для производства материальных благ, обеспечивающих существование самого работника и его семьи. Прибавочное — это время, в течение которого производится прибавочный продукт, т.е. продукт, который идет на расширение производства, на образование страхового фонда, на содержание лиц, не занятых в сфере материального производства, и т.п. Это деление рабочего дня характерно как для промышленности, так и для сельского хозяйства. Однако в колхозах рабочий день имел ряд особенностей. Затраты труда в общественном хозяйстве представляли здесь часть необходимого и практически все прибавочное рабочее время. На данном уровне развития общественное хозяйство еще не удовлетворяло всех потребностей колхозников. Это порождало необходимость в приусадебном хозяйстве, практически весь продукт которого шел в личное потребление колхозной семьи. Поэтому затраты труда в приусадебном хозяйстве можно рассматривать как часть необходимого рабочего времени.

Необходимое рабочее время должно достигать такой величины, которая обеспечивала бы нормальное воспроизводство рабочей силы. Однако при данном уровне развития производительных сил в большинстве колхозов необходимое рабочее время в общественном хозяйстве не обеспечивало полностью производства материальных благ, нужных для жизни колхозника и его семьи. Это обуславливало «составной» характер необходимого рабочего времени в колхозах. При той же (или даже при сокращающейся) продолжительности необходимого рабочего времени необходимый продукт, получаемый от обще-

ственного хозяйства, возрастает. Это создает предпосылки для абсолютного сокращения и части необходимого рабочего времени, затрачиваемого в приусадебном хозяйстве.

Однако этот процесс далеко не прямолинейный. В ряде случаев колхозник время, высвободившееся в результате повышения производительности труда в колхозе, предпочитал использовать для работы в приусадебном хозяйстве. Это объясняется в частности тем, что «рентабельность часа труда» в личном хозяйстве с точки зрения колхозника (даже учитывая несравнимо более высокий уровень механизации в колхозе) был выше, чем в общественном. Это может объясняться и тем, что уровень материального благосостояния колхозника был недостаточно высок и это вынуждало его уделять больше внимания своему хозяйству. Нельзя не учитывать и то, что в приусадебном хозяйстве связь затрат и оплаты труда наиболее проста и наглядна, тогда как в колхозе она подчас была сложна.

Ряд особенностей имеет и прибавочное время в колхозах. Оно распадается на прибавочное время для колхоза и прибавочное время для общества. Соотношение между ними имеет важное значение как для осуществления процесса воспроизводства в масштабе всего общества, так и для воспроизводства в колхозе. От него зависит коллективная материальная заинтересованность членов сельхозартели.

Учитывая специфику рабочего дня в колхозах, проанализируем рабочий день и его динамику в колхозе села Копанка. Обработка выборочных материалов бюджетных обследований Госстата показывает по месяцам: общее число трудоспособных мужчин и женщин; число работавших трудоспособных мужчин и женщин; число дней, проработанных в колхозе мужчинами и женщинами; число часов, проработанных за месяц трудоспособными мужчинами и женщинами в колхозах; число часов, проработанных трудоспособными колхозниками в приусадебном хозяйстве; всего часов, отработанных ими за месяц. Она позволяет установить среднюю продолжительность рабочего дня у мужчин и у женщин как в расчете на один фактический день выхода на работу, так и в расчете на один календарный день работы трудоспособного колхозника. При этом, поскольку статистика не дает данных о часах работы по профессиям, мы вынуждены пользоваться общими данными, которые, тем не менее, дают представление о средней продолжительности рабочего дня.

Прежде всего, рассмотрим среднюю продолжительность рабочего дня трудоспособного мужчины в расчете на 1 день работы. Будем учитывать лишь дни работы, когда колхозник выходил на работу, т.е. покажем продолжительность рабочего дня тех из них, кто действительно работал.

Здесь мы как бы исходим из того, что одна и та же группа колхозников систематически работала в течение всего года. В действительности же группы работающих колхозников подменяли друг друга: сегодня — одни, а завтра — другие⁵⁵. В соответствии с этим построим расчет рабочего дня для этой группы.

В среднем за год продолжительность рабочего дня колхозника составляла 6,8 часа. Минимальная продолжительность рабочего дня в ноябре была 6,5 часа, максимальная — в августе — 7,4 часа. При этом в силу резко выраженной сезонности средняя продолжительность рабочего дня в колхозе в расчете на 1 день выхода испытывала подчас довольно неожиданные колебания, которые обуславливались тем, что в каждый из месяцев происходило своеобразное сочетание труда работников разных специальностей, имеющих разный характер и разную продолжительность рабочего дня. Очень сильно влиял на продолжительность рабочего дня и объем работы. Колхозники, проделавшие необходимую работу в поле, не ждут гудка, а идут домой и занимаются своими делами.

Таблица 6

Средняя продолжительность рабочего дня трудоспособного мужчины в колхозе (в расчете на один день выхода на работу), часов

Месяцы	Общая продолжительность рабочего дня	В том числе в колхозе	В том числе в приусадебном хозяйстве
Январь	8,6	7,1	1,5
Февраль	7,3	7,3	—
Март	9,6	7,2	2,5
Апрель	8,0	6,7	1,3

⁵⁵ Это касается прежде всего работников полеводства: в отдельные периоды наиболее напряженно работают колхозники садоводческих бригад, в другие — овощеводы, в третьи — виноградари и т.д. В животноводстве же такой сезонности не наблюдалось. Здесь практически одни и те же люди работали в течение всего года.

Месяцы	Общая продолжительность рабочего дня	В том числе в колхозе	В том числе в приусадебном хозяйстве
Май	8,1	7,3	0,7
Июнь	7,4	6,9	0,5
Июль	7,5	7,3	0,1
Август	7,8	7,4	0,5
Сентябрь	7,8	7,2	0,6
Октябрь	7,2	6,8	0,6
Ноябрь	7,2	6,5	0,7
Декабрь	8,6	7,3	1,2
В среднем за год	7,8	6,8	0,7

Может показаться странным, что довольно длинный рабочий день был в декабре, январе, феврале, марте. На первый взгляд это противоречит наблюдаемым фактам. Но это только на первый взгляд. Если же учесть, что в январе в основном на работу выходят работники животноводства, то станет понятным, почему продолжительность рабочего дня здесь больше. В результате мы приходим к выводу, что продолжительность рабочего дня работников животноводства больше, чем продолжительность рабочего дня работников полеводства, даже в самые напряженные периоды года.

Иначе выглядит продолжительность рабочего дня, если попытаться произвести расчет времени на число календарных дней трудоспособных колхозников. При этом обнаруживаются сезонные колебания в использовании рабочей силы и становится ясным, что в среднем на 1 трудоспособного колхозника за год приходится весьма небольшое число часов. Но этот метод расчета не дает точной картины продолжительности рабочего дня колхозников, работающих в данном месяце. В этом отношении ближе к истине первый метод, который, однако, показывая продолжительность рабочего дня в среднем за месяц или за год, не учитывает, что работать на протяжении этого периода могли разные люди, и что поэтому фактически продолжительность работы конкретного колхозника будет ниже в среднем за месяц, чем по расчету.

Таблица 7

Средняя продолжительность рабочего дня трудоспособного мужчины, в колхозе (в расчете на один календарный рабочий день)

Месяцы	Общая продолжительность рабочего дня (в час.)	В т.ч. в колхозе (в час.)	В т.ч. в приусадебном хозяйстве (в час.)
Январь	1,2	1,0	0,2
Февраль	2,1	2,1	–
Март	3,2	2,4	0,8
Апрель	4,1	3,5	0,7
Май	4,9	4,5	0,5
Июнь	4,9	4,6	0,3
Июль	5,5	5,4	0,1
Август	5,3	4,9	0,4
Сентябрь	5,8	5,3	0,5
Октябрь	4,4	4,0	0,3
Ноябрь	3,8	3,3	0,4
Декабрь	2,6	2,3	0,4
В среднем за год	4,1	3,7	0,4

При анализе данных табл. 7 следует учитывать, что здесь время, отработанное за месяц, рассчитывается на 1 трудоспособного колхозника, на 1 календарный рабочий день, т.е. рассчитывается не показатель фактической продолжительности рабочего дня, а показатель использования рабочего времени трудоспособными колхозниками. При этом неизбежно выявляются сезонные колебания. Так, наименьшая продолжительность рабочего дня наблюдается в январе, наибольшая — в июле, августе и сентябре. В среднем же за год продолжительность рабочего дня составляет 3,3 часа.

Рост продолжительности рабочего дня подтверждает вывод, сделанный нами прежде. А именно: примерно половина фонда рабочего времени в колхозе не использовалось вследствие резко выраженной сезонности, недостаточного развития животноводства, которое обычно существенно сглаживает сезонные колебания.

Что же касается приусадебного хозяйства, то доля затрат времени на работу в нем у мужчин была сравнительно невелика и составляла 9–10% общей продолжительности рабочего дня.

Средняя продолжительность рабочего дня в общественном хозяйстве в расчете на один день выхода на работу у трудоспособных женщин несколько было больше (0,7 часа), чем у мужчин. Это объясняется тем, что ряд категорий работников, например, доярки, имеющие большую продолжительность рабочего дня и к тому же систематические занятые в течение всего года, — женщины.

Таблица 8

Средняя продолжительность рабочего дня трудоспособной женщины, в колхозе (в расчете на один день выхода на работу)

Месяцы	Общая продолжительность (в час.)	В т.ч. в колхозе (в час.)	В т.ч. в приусадебном хозяйстве (в час.)
Январь	13,0	7,0	6,1
Февраль	9,2	7,2	2,0
Март	11,0	7,1	3,9
Апрель	11,9	7,3	4,5
Май	12,3	7,9	4,3
Июнь	13,9	8,0	6,0
Июль	12,7	7,9	4,9
Август	12,1	7,0	5,1
Сентябрь	13,4	7,8	5,7
Октябрь	12,0	7,3	4,8
Ноябрь	11,0	7,2	3,7
Декабрь	16,8	7,3	9,4
В среднем за год	12,2	7,5	4,7

Тем не менее, различие в продолжительности рабочего дня в общественном хозяйстве между колхозниками и колхозницами все же не так существенно, как различие в общей продолжительности рабочего дня. Женщина затрачивала в несколько раз больше, чем мужчина, труда на работу в подсобном хозяйстве. В среднем за год продолжительность рабочего дня в подсобном хозяйстве у женщин равнялась 4,7 часа, т.е. она была в шесть раз больше, чем у мужчин. Если доля затрат времени на работы в подсобном хозяйстве в общем объеме рабочего времени составляла у мужчин 9–10%, то у женщин — почти 40%. Если у мужчин основные затраты рабочего времени были свя-

заны с общественным хозяйством, то подсобное хозяйство, как правило, основывалось на труде женщин.

За счет труда в подсобном хозяйстве общая продолжительность рабочего дня у женщин была больше, чем у мужчин.

Таблица 9

Средняя продолжительность рабочего дня трудоспособной женщины, в колхозе (в расчете на один календарный рабочий день)

Месяцы	Общая продолжительность рабочего дня (в час.)	В т.ч. в колхозе (в час.)	В т.ч. в приусадебном хозяйстве (в час.)
Январь	1,7	0,8	0,7
Февраль	2,9	1,9	0,6
Март	2,8	1,8	1,0
Апрель	3,4	2,1	1,3
Май	4,6	8,0	1,6
Июнь	5,3	3,0	2,3
Июль	5,1	3,1	1,9
Август	4,3	2,5	1,8
Сентябрь	4,5	2,6	1,9
Октябрь	3,9	2,4	1,6
Ноябрь	4,0	2,6	1,4
Декабрь	2,1	0,9	1,2
В среднем за год	3,8	2,3	1,5

Сезонность в использовании рабочей силы отчетливо проявлялась и у женщин-колхозниц. Так, средняя продолжительность рабочего дня в колхозе в расчете на одну трудоспособную колхозницу была минимальна в январе, и максимальна в июне. При этом женщины весьма интенсивно работали летом и осенью в приусадебном хозяйстве, в то время как у мужчин в отдельные летние месяцы замечалось резкое сокращение затрат труда в нем.

В среднем за год общая продолжительность рабочего дня колхозниц составляла 3,8 часа, в том числе 2,3 часа (60,5%) в общественном хозяйстве и 1,5 часа в приусадебном хозяйстве. Может возникнуть вопрос: не противоречат ли друг другу данные приведенных выше таблиц? Ведь при сравнении таблиц, характеризующих продолжительность рабочего дня у мужчин

и женщин, продолжительность рабочего дня у женщин больше, чем у мужчин, а по материалам других таблиц у женщин продолжительность рабочего дня оказывается меньше, чем у мужчин. В действительности это кажущееся противоречие, так как в этих таблицах нет данных о фактической продолжительности рабочего дня. В них показывается лишь использование рабочего времени в течение года. При этом, так как доля трудоспособных женщин, вообще не участвующих в работе колхоза, была значительно больше доли мужчин, не занятых в общественном производстве, то при расчете на одного трудоспособного более короткий рабочий день получается у колхозниц.

Таким образом, более короткий рабочий день у женщин, полученный на основе этих расчетов, говорит о том, что рабочее время трудоспособных женщин использовалось хуже как в целом (3,6 часа у женщин против 4,1 часа у мужчин), так и в общественном хозяйстве (2,3 часа у женщин против 3,7 часа у мужчин). Зато в приусадебном хозяйстве женщины работали в несколько раз больше, чем мужчины.

Крайне важным является вопрос о динамике продолжительности и структуры рабочего дня колхозников, поскольку рабочий день в колхозах не регламентировался. Следует считать с тем, что изменение производительности и интенсивности труда или предшествует сокращению рабочего дня, или непосредственно следует за ним. Производительность труда в колхозе села Копанка выросла. Очевидно, это должно было оказать влияние на продолжительность рабочего дня. С другой стороны, вполне можно представить себе, что повышение материальной заинтересованности в некоторых колхозах могло повести к временному удлинению рабочего дня, т.е. колхозники, особенно на сдельной работе, ранее не заинтересованные, стали дольше работать.

Анализ изменения продолжительности рабочего дня и структурных изменений в рабочем времени имеет важное значение не только в связи с проблемой производительности труда, использования рабочего времени, материальной заинтересованности, подготовкой условий для законодательного регулирования рабочего дня, сочетания личных и общественных интересов, но и для исследования некоторых общих социальных проблем в деревне.

Как видим, с 1954 по 1960 год как общая продолжительность рабочего дня мужчины, так и структура рабочего дня

**Динамика продолжительности рабочего дня
трудоспособного колхозника (в расчете на один день выхода на работу)**

Годы	Общая продолжительность рабочего дня		В том числе в колхозе		В том числе в приусадебном хозяйстве	
	в час.	в %	в час.	в %	в час.	в %
1954	11,7	100	7,9	67,5	1,3	11,1
1960	7,8	100	6,8	87,2	0,7	8,9

существенно изменились. Прежде всего рабочий день сократился с 11,7 до 7,8 часа. Более чем на час уменьшилась за эти годы продолжительность работы мужчин в колхозе. Продолжительность рабочего дня трудоспособного мужчины в колхозе приблизилась к продолжительности рабочего дня рабочего в промышленности.

Сократилось и время, которое затрачивали колхозники на работу в своем приусадебном хозяйстве. При сокращении продолжительности рабочего дня в колхозе колхозник теперь значительно большую часть своего рабочего времени стал отдавать общественному хозяйству. Так, доля труда, затраченного в общественном производстве, увеличилась с 67% до 87%. В то же время доля затрат рабочего времени в приусадебном хозяйстве сократилась с 11,1% до 8,9%. Если в прошлом колхозник был вынужден нередко изыскивать возможности приработка на стороне (эти затраты равны: $100\% - 67,5\% - 11,1\% = 21,4\%$), то при возросшем уровне материальной заинтересованности он стал отдавать общественному хозяйству девять десятых своего труда.

Эти выводы подтверждаются и расчетами на один календарный день трудоспособного колхозника.

Так, продолжительность рабочего дня в расчете на один календарный день работы (без праздничных и выходных) одного трудоспособного колхозника в целом сократилась с 5,4 до 4,1 часа. Резко повысилось участие колхозника в общественном хозяйстве при снижении доли затрат труда в личном хозяйстве. При этом сокращение рабочего дня в колхозе, как показал предыдущий анализ, происходило при улучшении использования рабочей силы. Эту же тенденцию показывает и расчет рабочего дня на число календарных дней трудоспособной колхозницы.

Таблица 11

Динамика продолжительности рабочего дня трудоспособного колхозника в сельхозартели (в расчете на один календарный рабочий день)

Годы	Общая продолжительность рабочего дня		В том числе в колхозе		В том числе в приусадебном хозяйстве	
	в час.	в %	в час.	в %	в час.	в %
1954	5,4	100	3,8	68,5	0,6	11,1
1960	4,1	100	8,7	90,2	0,4	9,7

Таблица 12

Динамика продолжительности рабочего дня трудоспособной колхозницы в сельхозартели (в расчете на один день выхода на работу)

Годы	Общая продолжительность рабочего дня		В том числе в колхозе		В том числе в приусадебном хозяйстве	
	в час.	в %	в час.	в %	в час.	в %
1954	13,2	100	8,0	60,6	4,0	80,8
1960	12,2	100	7,5	61,5	4,7	88,5

Таблица 13

Динамика продолжительности рабочего дня трудоспособной колхозницы, в сельхозартели (в расчете на один календарный рабочий день)

Годы	Общая продолжительность рабочего дня		В том числе в колхозе		В том числе в приусадебном хозяйстве	
	в час.	в %	в час.	в %	в час.	в %
1954	4,5	100	2,7	60,0	1,3	28,9
1960	8,8	100	2,3	60,5	1,5	39,5

Большой интерес представляет анализ изменения рабочего дня у женщин.

Расчеты показывают, что на основе растущей механизации колхозного производства, роста производительности труда уменьшилась продолжительность рабочего дня колхозницы. Это является основной закономерностью в изме-

нении продолжительности рабочего дня как колхозниц, так и колхозников.

При этом степень участия женщины в общественном хозяйстве не повысилась. С чем же это связано? Почему доля времени, которую колхозники-мужчины отдавали общественному хозяйству, значительно возросла, а у женщин этого не наблюдалось?

Можно предположить, что это происходило потому, что благодаря возросшим заработкам мужчин женщины, ранее вынужденные работать, теперь стали больше времени уделять семье, воспитанию детей, учебе, своему развитию. В этом случае сокращение продолжительности работы женщин в колхозе можно было бы понять. Однако в Копанке время, высвободившееся от работы в колхозе, женщины стали использовать в своем подсобном хозяйстве. В отличие от колхозников время работы колхозницы в своем приусадебном хозяйстве за эти годы увеличилось и достигло почти пяти часов в день, а доля рабочего дня в приусадебном хозяйстве повысилась на 30–40%.

В чем причина этого? Дело в том, что в личных приусадебных хозяйствах в последние годы произошли изменения. Об этом свидетельствуют материалы, характеризующие развитие приусадебных хозяйств в колхозе имени Ленина, в сельхозартели «Красный садовод» и в колхозах всего Бендэровского района Молдавии в целом (см. табл. 14).

Как видим, с одной стороны, в приусадебных хозяйствах резко сократились посевы зерновых, кукурузы. Соответственно уменьшилось в расчете на одно хозяйство и число коров, свиней, овец. Сократилось производство овощей, что связано с резким увеличением их производства в колхозе и расширением посевных площадей под ними. Напротив, увеличение производства картофеля в приусадебных хозяйствах обусловливалось тем, что их производство в колхозе за эти годы уменьшилось⁵⁶.

Однако самое важное — это рост производства винограда и плодов в приусадебных хозяйствах. Число плодовых деревьев

---

⁵⁶ Здесь обнаруживается интересное взаимодействие между личным и общественным хозяйством. Если колхоз не обеспечивал колхозника продуктами, идущими в его личное потребление, то колхозник расширял их производство в личном хозяйстве. И, наоборот, если колхоз расширял производство тех или иных продуктов, то колхозник, рассчитывая получить их из колхоза, уменьшал их производство в приусадебном хозяйстве.

Таблица 14

Изменение в структуре приусадебных хозяйств колхозников

Показатели	В сельхозартели им. Ленина			В сельхозартели „Красный садовод“			По колхозам Бендёрковского района		
	1953г.	1960г.	1960г. в % к 1953г.	1953г.	1960г.	1960г. в % к 1953г.	1953г.	1960г.	1960г. в % к 1953г.
	Всего посевов в личных подсобных хозяйствах (на 100 дворов)	8351	811	9,7	2845	854	30,0	3251	1480
в том числе зерновых	3080	503	16,3	2500	425	17,0	2704	892	33,0
кукурузы	2933	466	15,9	2390	361	15,1	2620	832	31,8
картофеля	152	209	137,5	205	219	106,8	893	389	43,6
овощей	217	74	34,1	106	181	170,8	104	177	170,2
Всего в личной собственности в расчете на 100 хозяйств имелось									
коров	26,7	9	33,7	24	14,2	59,2	32,7	15,4	47,1
свиной	45,5	20,8	45,7	65	29,6	45,5	58	33	56,9
овец	50,3	21,2	42,1	19,4	8,7	44,8	101,9	98,4	96,6
Всего в одном приусадебном хозяйстве было	60	225	375,0	99	-	-	-	199	-
кустов винограда									
Всего в одном приусадебном хозяйстве было плодовых деревьев	14	31	221,4	41	-	-	-	31,5	-

в расчете на одно хозяйство увеличилось более чем в два, а число кустов винограда — в три с половиной раза.

Таким образом, колхозники сокращали посевы под зерновыми как менее интенсивными культурами, и расширяли производство винограда и плодов — наиболее доходных и интенсивных культур. В колхозе шел процесс интенсификации личных приусадебных хозяйств. Материалы бюджетных обследований показывают, что доходы от приусадебного хозяйства за эти годы резко выросли. При этом интенсификация личных приусадебных хозяйств, как об этом свидетельствует изменение продолжительности рабочего дня, происходила за счет увеличения вложения труда женщин.

Здесь мы сталкиваемся со своеобразным гендерным разделением труда в семье. Если колхозник основное время посвящал работе в общественном хозяйстве, то женщина значительную часть своего времени отдавала приусадебному хозяйству. В какой-то мере это было связано с тем, что женщина могла совмещать заботу о детях, приготовление пищи с работой в приусадебном хозяйстве. С другой стороны, уровень производительных сил не давал возможности колхозу полностью обеспечить все потребности колхозников. Это объективно вынуждало семьи колхозников часть рабочего времени отдавать приусадебному хозяйству.

Следует подчеркнуть, что в колхозе темпы интенсификации общественного хозяйства были значительно выше, чем темпы интенсификации приусадебных хозяйств. Например, денежные доходы с гектара земли в колхозе выросли с 1953 по 1960 г. в 8 раз, а в приусадебных хозяйствах значительно меньше. Вместе с тем надо учитывать, что различие в уровнях производительности труда в общественном и личном хозяйстве зачастую улавливается колхозниками не непосредственно, а через уровень цен, через их соотношение на колхозном рынке. Большое значение имеет также развитие государственной торговли. Все это не могло не сказаться на направлении развития приусадебных хозяйств.

Таким образом, сокращение рабочего дня имело в колхозе ряд особенностей. Оно происходило на основе роста производительности труда, которая за эти годы повысилась более чем в два раза. Рабочий день сокращался на основе роста объема производства и в то же время сопровождался ростом объема

производства. Стоимость всей валовой продукции в ценах 1958 года выросла с 1950-го года в расчете на одного трудоспособного колхозника в два с лишним раза, а в расчете на 1 га земли более чем в 4 раза. Сокращение рабочего дня здесь сопровождалось улучшением использования рабочей силы и уменьшением сезонности, а также значительным повышением роста материального благосостояния колхозников.

На динамике рабочего дня в колхозах, где он не регламентировался, сказывалось законодательное ограничение и сокращение продолжительности рабочего дня в промышленности, на транспорте, в строительстве и в совхозах. Это не значит, что сокращение рабочего дня автоматически происходило во всех колхозах. Если при законодательном регулировании рабочего дня в промышленности переход на сокращенный рабочий день происходил на всех предприятиях отрасли, то в колхозах сокращение рабочего дня осуществлялось в зависимости от комплекса условий специализации, сочетания отраслей, уровня механизации, сочетания личных и общественных интересов.

Косвенное воздействие городских норм труда и жизни сказывалось также в том, что при общем сокращении рабочего дня в общественном хозяйстве, как у мужчин, так и у женщин, его продолжительность оказалась примерно равной рабочему дню в промышленности.

Наряду с этим сокращение продолжительности рабочего дня колхозницы в общественном хозяйстве сопровождалось удлинением продолжительности труда в личном приусадебном хозяйстве, что обусловило интенсификацию личных хозяйств.

Это свидетельствует о том, что сам по себе экономический рост и повышение благосостояния не могут автоматически изменить систему ценностей жизни населения, которая в свою очередь оказывает существенное обратное воздействие на процессы, происходящие в производстве. Об этом важно сказать, ибо экономические перемены не могут рассматриваться как единственный, надежный социальный результат в прогрессе общества, если они не закреплены в системах ценностей жизни, в культуре. «Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, — писал В.И. Ленин в одной из последних своих работ, — потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки. А у нас, можно сказать, хорошее в социальном устройстве до последней степени не продумано, не понято, не прочувствовано, схвачено наспех, не

проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т.д.»⁵⁷.

Вот почему учет не только экономических, но и социологических и социально-психологических факторов — необходимая предпосылка обеспечения в кратчайший срок прочных и эффективных социальных изменений.

---

⁵⁷ *В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 390.*

ОТНОШЕНИЯ КОЛЛЕКТИВА И ЛИЧНОСТИ**1. Методические вопросы социально-психологических исследований**

Воспитание нового человека не только важная, но и сложная задача, ибо «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»⁵⁸. При этом в системе общественных отношений и формировании человека велика роль коллектива. «Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода»⁵⁹. Коллектив — важнейший фактор воспитания. В то же время характер взаимодействия между личностью и коллективом оказывает серьезное влияние на производительность труда.

В современных условиях важность исследования проблем коллектива и личности трудно переоценить. Во многих случаях постановка этих вопросов обусловлена новыми проблемами: ростом производительных сил, научно-техническим прогрессом. Рост производительных сил и научно-технический прогресс ведут к тому, что труд в сфере не только материального, но и духовного производства приобретает все более коллективный характер. Все шире распространяются и различные коллективные формы отдыха, использования вне рабочего времени вообще. В то же время развертывающаяся научно-техническая революция, растущая урбанизация предъявляют принципиально новые требования к личности. Естественно, что проблемы формирования и развития различных коллективов, взаимодействия личности и коллектива играют все более важную роль.

Разработка этих вопросов представляет особый интерес, ибо в современных условиях наряду с взаимоотношениями типа

---

⁵⁸ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 3.

⁵⁹ Там же, стр. 75.

«человек-машина» все большую роль приобретают взаимоотношения типа «личность — коллектив»⁶⁰.

В рамках этой проблемы можно выделить два вопроса: воздействие группового, коллективного мнения на мнение и общественное поведение индивидуума; совместимость, «взаимная притирка» разных людей для выполнения определенных социальных функций, что особенно важно при формировании рабочих научно-исследовательских групп.

Существуют разные виды совместимости и несовместимости: биологической, психологической, социальной, последняя из которых обуславливается сходством или различием систем ценностей жизни, что ведет к возникновению разных типов социального поведения. Но что означает совместимость или несовместимость, в каком случае, в каких организациях или группах, для решения каких задач люди оказываются или совместимыми, или несовместимыми? Одни говорят: лучше всего уживаются похожие друг на друга люди; другие, напротив, утверждают, что крайности сходятся. Какой точке зрения отдать предпочтение? Вряд ли можно решать этот вопрос абстрактно, не представляя себе целей, функций, структуры организации конкретного коллектива, без экспериментальной проверки этих гипотез в различных коллективах.

Важное значение при изучении этих проблем имеет вопрос о возможностях и границах применения количественных методов. Выразить в количественной форме градации качественных признаков личности — заманчивая перспектива. Это позволило бы, во-первых, достаточно определенно характеризовать специфику отдельной личности и, во-вторых, фиксировать ее изменения во времени. Научная разработка этих вопросов могла бы иметь важное значение для дифференциации воспитательной работы, для оценки ее эффективности, для наиболее рационального формирования коллективов.

Некоторый конкретный материал для дальнейшего обсуждения этих вопросов дает разработка материалов экспериментального обследования, проведенного в одном из

---

⁶⁰ «Если раньше вопрос стоял главным образом о поведении отдельного человека в данной среде, то теперь не менее важным стал вопрос о поведении самой среды, т.е. коллектива, частью которого является трудящийся в рамках данного предприятия» (В.И. Терещенко. Организация и управление (Опыт США). М., 1965, стр. 22–23).

научных коллективов Сибирского отделения Академии наук СССР⁶¹.

Цель исследования была двоякой. Во-первых, выявить некоторые закономерности формирования общественного мнения, взаимных оценок и самооценок в коллективе. Для этого предполагалось получить информацию, которая позволила бы как в статике, так и в динамике судить о том, как каждый из обследуемых оценивает сам себя, как коллектив в целом оценивает каждого, как каждый оценивает коллектив. Во-вторых, всю информацию предполагалось получить в количественном выражении, что позволило бы экспериментально проверить, возможно ли использовать количественные (балльные) оценки для характеристики качественных признаков личности. Методы исследования были подчинены указанным выше целям.

В качестве объекта исследования была взята группа из 13 научных сотрудников (6 мужчин и 7 женщин) в возрасте от 30 до 40 лет. Эти люди за два года до этого приехали для работы в один из отделов Сибирского научного центра. Все они близко знали друг друга. Многие в прошлом вместе учились или работали. Все были тесным образом связаны друг с другом не только по производственной линии, но и по бытовым вопросам, вместе отдыхали, обсуждали проблемы и т.д.

В ходе исследования были проведены:

- первичное обследование, статистическая разработка материалов, определение числовых и графических характеристик,
- затем повторное обследование в целях проверки устойчивости оценок и самооценок,
- и, наконец, проверка эффективности конструирования «моделей» личности путем угадывания по типу «кто есть кто». Одновременно проводилась дополнительная анкета, цель которой состояла в том, чтобы выявить графические «модели» руководителя, коллеги, подчиненного.

Как при первом, так и при повторном обследовании каждый должен был заполнить опросные листы на себя и на всех остальных участников опроса. При этом каждый указывал свою фамилию на листе самооценок. Поэтому организатор опроса знал, кому принадлежит данная самооценка. На 12 остальных

---

⁶¹ Работа выполнялась совместно с Ю.Д. Карповым и Г.М. Кочетовым под руководством автора.

листах, которые заполнялись на других участников эксперимента, каждый должен был по своему усмотрению проставить любой трехзначный номер, известный лишь ему. Это ограничение анонимности было необходимо для того, чтобы обеспечить сопоставимость результатов первого и второго обследований.

Опросные листы и для самооценки и для оценки других членов коллектива были одинаковыми⁶². Они представляли собой пятибалльную шкалу, вмонтированную в набор из 43 пар качеств, противоположных по своему значению. Этот набор качеств характеризовал наиболее существенные с точки зрения данного коллектива черты личности.

Внешне это выглядело так:

- *трудолюбив 5 4 3 2 1 ленив*
- *одарен 5 4 3 2 1 бездарен*
- *организован 5 4 3 2 1 неорганизован*
- *волевой 5 4 3 2 1 безвольный и т.д.*

Каждый должен был обвести кружочком соответствующий балл по такому принципу:

- 5 — очень трудолюбив*
- 4 — трудолюбив*
- 3 — не очень трудолюбив, но и не очень ленив*
- 2 — ленив*
- 1 — очень ленив⁶³.*

При оценке было предложено исходить из среднего для данного коллектива уровня. При этом, поскольку анкетируемые — научные работники довольно высокой квалификации (руководители групп, старшие научные сотрудники, кандидаты наук), постольку средний для данного коллектива уровень по ряду качеств (трудолюбие, самоорганизованность людей), был несколько выше общего уровня работников данного учреждения. Это следовало иметь в виду при анализе результатов обследования.

Следует отметить, что при анализе результатов повторного обследования необходимо принять во внимание влияние первого обследования. Оценки при первом опросе были более

⁶² Обследуемые принимали участие в обсуждении опросного листа и в отборе качеств, которые, по их мнению, играют важную роль в данном коллективе.

⁶³ В известной степени метод этого опроса напоминает вариант метода полярных профилей, разработанный и примененный в Германской Демократической Республике Хибшем и Форвергом.

непосредственными. Но это, разумеется, не значит, что при проведении второго обследования участники опроса просто повторяли свои старые оценки. За 4 месяца анкетированные, естественно, не могли удержать в памяти все 559 оценок (13x43), которые они поставили себе и другим. Поэтому при интерпретации результатов второго этапа в этом плане влияние первого обследования преувеличивать не следует.

Все эти оценки и самооценки выводились (рассчитывались) на основе средних как по каждой из 43 пар качеств, так и по семи укрупненным группам качеств, в которые они были сведены:

- I — интеллектуальные качества (одаренность, глубина знаний по специальности, широта интеллектуальных интересов, творческое воображение);
- II — деловые качества (умение привлечь людей и т.п.);
- III — импульсно-волевые свойства (сдержанность, эмоциональность, воля);
- IV — моральные качества (добродетель, скромность, верность дружбе);
- V — качества, характеризующие мотивы поведения (альтруизм, стремление к истине, честность);
- VI — качества, характеризующие отношение к жизни (оптимизм, юмор и т.п.);
- VII — качества, характеризующие физическое совершенство.

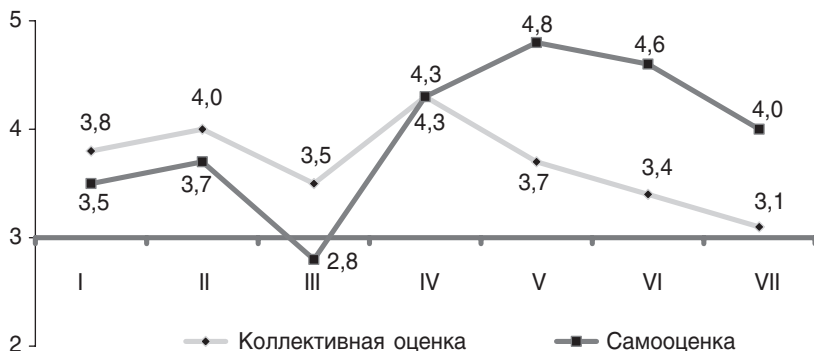
Поскольку в опросном листе все 43 пары были даны без системы, попеременно, то при систематизации и усреднении качеств были получены более наглядные и в какой-то мере незнакомые для самих участников эксперимента количественные характеристики каждого. Это касается не только оценок других, но и самооценок, которые (после сведения к семи укрупненным группам) многие узнавали с большим трудом. Это не означало, что полученные таким путем характеристики не отвечали истинному положению вещей. Просто многие из участников (как, впрочем, и большинство людей) привыкли мыслить о себе (и о других) более конкретными категориями и обычно не пытались сводить их в систему, объединить их, классифицировать по какому-либо признаку.

В целях большей наглядности количественные характеристики были изображены графически. Так, были построены 13 графиков самооценок и 13 графиков коллективных оценок, а

также графики различных групп и коллектива в целом. Графики самооценок и коллективных оценок одного из участников опроса выглядели следующим образом (см. рис. 4).

Рисунок 4

Коллективная оценка (средняя оценка данного человека со стороны других членов коллектива) и самооценка одного из участников опроса

В заключение каждому из участников в индивидуальном порядке было предложено: угадать «кто есть кто» по 13 графикам самооценок; затем угадать «кто есть кто» по 13 графикам коллективных оценок. Одновременно участники эксперимента должны были заполнить анкету, в которой предлагалось после знакомства с 13 графиками, построенными на основе взаимных перекрестных оценок, ответить на ряд вопросов. Цель анкеты состояла в том, чтобы выявить критерии, которыми руководствуются при выборе руководителя, коллеги.

Была предпринята попытка использовать эту методику и для разработки темы, которую мы назвали «Роль коллектива в профессиональном самоопределении личности»⁶⁴ и которая представляла собой своеобразный синтез социально-психологического исследования коллектива с социологическим анализом проблем выбора профессии.

Здесь мы обсудим лишь методические вопросы. Нам представляется, что наиболее распространенной причиной неудач

⁶⁴ Данная работа, методика которой приводится ниже, выполнялась сотрудниками социологической группы ЛЭМИ НГУ И. Сергеевой, Г. Кочетовым (при участии Ю. Карпова) под руководством автора.

социально-психологических экспериментов, связанных, в частности, с изучением процесса принятия решений, являются просчеты исследователей при выборе ситуации и объектов исследования. Эти ошибки нельзя, видимо, компенсировать на следующих этапах самой точной и изощренной техникой. Обычно рекомендуется исследование механизма принятия решений проводить в трудной ситуации, когда индивид наталкивается на определенные ограничения либо в виде деятельности других, либо в виде объективных условий, и поэтому, принимая решения, подвергает себя риску. Но, на наш взгляд, самое сложное для исследователя состоит не в дефинициях по поводу трудной ситуации, а в том, чтобы найти действительно трудную жизненную ситуацию, когда от решения индивида действительно многое зависит, и когда он понимает это.

Хорошо известно, что исследователь может организовать трудную ситуацию. Однако это требует большого искусства. Иначе очень легко принять желаемое за действительное, когда исследователь все воспринимает и описывает всерьез, а участники эксперимента шутят. Или, наоборот, когда исследователю кажется, что ситуация вполне безболезненна, а в действительности участники эксперимента получают серьезные психические травмы. К тому же организация социально-психологических экспериментов во многом зависит от личности исследователя. Этим, в частности, объясняется, что результаты нередко не являются «чистыми», а ситуации воспроизводимыми.

Нам представляется, что одним из путей преодоления этих трудностей является исследование реальных массовых трудных ситуаций. Нахождение такой ситуации не простое дело. Но усилия вполне окупаются достоверностью информации, серьезным отношением и активной помощью участников в постановке и проведении эксперимента.

Одной из таких трудных ситуаций в жизни каждого является выбор профессии. Это реальная, а не выдуманная ситуация. Выбор профессий у выпускников средних общеобразовательных школ не регламентирован. Здесь юноша или девушка действительно оказывается на распутье и от принятого ими решения во многом зависит их будущее. Цена ошибки весьма велика — это, порой, бесполезно прожитые годы. Выбор профессии представляет собой в известной мере итог всего предыдущего жизненного пути. Успешный выбор профессии требует

объективной оценки своего характера, своих способностей и склонностей, своих сильных и слабых сторон. С другой стороны, он предполагает, что выпускник располагает определенной информацией о мире профессий, о потребностях в кадрах, о конкурсе в вузы и техникумы и с большей или меньшей вероятностью оценивает свои шансы, т.е. свою «конкурентоспособность» по сравнению со своими товарищами по классу, школе, по сравнению со всеми юношами и девушками в области и в стране, вступающими в самостоятельную трудовую жизнь. Естественно, что мнение о себе складывается у выпускников в результате процесса взаимодействия мнений в коллективе класса, под влиянием мнений товарищей, педагогов, родителей, которые можно фиксировать для исследования процесса принятия индивидуальных решений. Эти соображения показывают, почему при проведении этого исследования был избран выбор профессий выпускниками средних школ.

При этом цели исследования состояли в том, чтобы получить ответы на следующие вопросы: как оценивает перед окончанием школы каждый из выпускников свои собственные интеллектуальные, деловые, волевые, моральные качества? Как оценивает каждый из них свои способности к разным видам деятельности (технические, гуманитарные, организаторские)?

Наряду с самооценкой ставилась задача получить информацию о том, как оценивают эти качества каждого из участников эксперимента их одноклассники, педагоги, родители. При этом имелось в виду получить как средние оценки по каждой совокупности (одноклассники, родители, педагоги), так и средние оценки по отдельным группам. Как оценивают, например, способности Иванова в математике 14 его товарищей, а также как оценивают его способности участвующие в эксперименте юноши и девушки отдельно. Это давало возможность сравнить по широкому кругу показателей самооценки с оценками товарищей, родителей и педагогов и на этой основе выявить как общее, так и различие в их оценках, в частности, выявить разногласия, конфликты в оценках качеств и способностей одного и того же человека.

В ходе исследования изучались также рекомендации, которые в связи с выбором профессии давали товарищи, педагоги, родители. При этом выяснялось, в какой мере эти советы согласованы с оценкой качеств и способностей того или иного выпускника? В какой мере едины в своих советах семья

(родители), школа (педагоги), товарищи (одноклассники)? В какой мере совпадают индивидуальные и групповые оценки профессиональной пригодности? Чьи мнения совпадают и чьи расходятся? Т.е. предполагалось установить, так сказать, «конфликт рекомендаций» относительно профессиональной направленности данного индивида у разных «советчиков», и в связи с этим выяснить, в каких социальных группах роль семьи в профессиональной ориентации и консультации выше, а в каких — ниже?

В связи с этим предполагалось изучить борьбу мнений относительно профессиональной направленности выпускника и попытаться определить там, где это можно, ее «результатирующую» — решение и поведение самого выпускника. Для этого в одной из двух школ предполагалось дать учащимся (на основе предыдущих опросов) информацию о том, по каким профессиям и где рекомендуют им учиться или работать после окончания школы их товарищи (в контрольных школах этой информации не давали), а затем выяснить, повлияла ли эта информация на личные планы выпускника. Все эти вопросы предполагалось проверять реальным выбором профессии, т.е. сопоставлять с действительными профессиями, которые избрали осенью выпускники.

При этом мы хотели выяснить, кто из окружающих выпускников-«советчиков» способен дать наиболее, реалистический прогноз о судьбе выпускника (т.е. какую профессию он выберет, где будет учиться или работать)⁶⁵

Цели исследования требовали информацию о том, как оценивает каждый из участников эксперимента свои личные качества, свои способности и склонности; к какому виду профессиональной деятельности он считает себя наиболее пригодным; каковы его планы в связи с окончанием школы; как он оценивает свои шансы на реализацию личных планов, т.е. прогноз (работа или учеба, профессия и т.п.) на осень.

Поскольку с 1963 г. в средних школах Новосибирской области проводилась анкета выпускника, к моменту проведения обследования мы уже располагали довольно богатой информацией, которая касалась личных планов, профессио-

---

⁶⁵ Это представляло интерес, поскольку давало возможность оценить точность прогнозов о судьбах выпускников, т.е. «оценить пророчества» педагогов, родителей, одноклассников, самих себя. Вот почему в рабочем плане это исследование часто называлось «цена пророков».

нальных склонностей, успеваемости, материальных условий семьи и т.п.⁶⁶.

При этом наибольшие трудности вызывали методы получения информации о качествах и способностях каждого. После проведения ряда пробных обследований мы остановились в анкете № 1⁶⁷ на оценке качеств по пятибалльной системе по принципу профилей полярности. По этой шкале оценивались качества: трудолюбие, глубина знаний, организованность, коллективизм, искренность, решительность, смелость, остроты, любознательность, верность слову, воспитанность, бескорыстие, упорство.

Вместе с тем каждый должен был оценить и свои способности по следующей шкале:

- *очень способен к математике* — 5
- *способен к математике* — 4
- *средние способности к математике* — 3
- *не способен к математике* — 2
- *совсем не способен к математике* — 1

Каждый должен был оценить свои организаторские, воспитательские способности, способности к технике, спорту, к работе с вещами, к математике, физике, химии, биологии, иностранным языкам и т.п. Затем выпускники должны были попытаться определить свое призвание, т.е. решить, кем быть, на какой работе, по его мнению, способности его раскроются наиболее полно. В связи с этим уточнялись личные планы (работать, учиться, совмещать учебу с работой), а также профессии и места работы и учебы. Последняя группа вопросов имела цель выяснить прогнозы выпускников относительно самих себя, т.е. каждому выпускнику предлагалось угадать, учитывая способности и реальные условия жизни, как сложится его жизнь в ближайшем будущем (осенью этого года), что он будет делать (работать, учиться), где, по какой профессии. Поскольку осенью во всех школах области собиралась информация о том, куда реально, по какой профессии пошел работать каждый из выпускников, имелась возможность проверить точность личных прогнозов выпускников, а также прогнозов родителей, учителей и товарищей.

⁶⁶ См. Приложение.

⁶⁷ Анкета № 1 заполнялась каждым выпускником на самого себя (см. Приложение).

Кроме того, применялась анкета № 2⁶⁸, которая по большинству вопросов была аналогична анкете № 1. Однако в отличие от анкеты № 1⁶⁹ она была анонимной. В ней учащимся предлагалось определить, к какой («активной» или «пассивной») группе относится каждый выпускник. Цель этого опроса состояла в том, чтобы при разработке материалов можно было бы выяснить, в какой мере мнение окружающих влияет на решения и поступки пассивных и активных учащихся — «заводит», своеобразных лидеров класса. При этом программа исследования предусматривала, что анкета № 2 заполняется каждым на каждого из участников эксперимента (т.е. в группе из 15 человек каждый заполнял одну анкету № 1 на самого себя и 14 анкет № 2 на своих товарищей), классными руководителями и основными педагогами (на каждого из участников опроса), родителями учащихся.

После этого и в том, и в другом классе проводилась очень короткая анкета № 3, в которой указывалось: «Теперь, когда дело подошло вплотную к выпуску из школы, мы просим Вас еще раз ответить на несколько вопросов. Прошлые Ваши ответы не имеют никакого значения. Поэтому ответьте, пожалуйста, что Вы думаете по этим вопросам сегодня. 1. Итак, кем же все-таки после всех колебаний и сомнений Вы решили быть?..». Затем следовали вопросы о личных планах, о месте работы, учебы, профессии. Цель анкеты состояла в том, чтобы определить, изменилось ли и в какой мере мнение выпускников о своем призвании после того, как им сообщили мнение товарищей. Программа предусматривала, что влияние мнения коллектива на реальный выбор профессии будет определено осенью после получения информации о профессиях, избранных выпускниками.

Весьма ответственным этапом являлся выбор объектов исследования. Сложность его в том, что индивидуальны не только учащиеся, но и школы. Резко отличаются друг от друга не только сельские и городские школы, но и школы в одном городе. Это касается не только успеваемости, состава педагогов, оборудования, но и социального состава учащихся, их склонностей, идеалов, специфики их жизненных путей. Есть школы, где преимущественно учатся дети рабочих, или служащих, или крестьян.

---

⁶⁸ См. Приложение.

⁶⁹ Ограничение анонимности в анкете № 1 связано с тем, что каждой осенью проводилась проверка точности личных прогнозов и в анкеты вносились данные о реальных профессиях, избранных выпускниками.

Некоторые школы далеко не типичны для молодежи всей области, так как большинство выпускников после окончания школы идут работать, выпускники других школ, напротив, почти все поступают в вузы. Поэтому программа исследования предполагала, что поскольку одна из школ является контрольной, она должна быть «социально близкой, но территориально далекой», иметь примерно аналогичный социальный состав учащихся, и в то же время достаточно далеко отстоять от первой школы, чтобы тесное общение учащихся не помешало «чистоте» эксперимента. После предварительного знакомства с информацией для обследования были отобраны три пары школ.

Кроме того, поскольку ряд социально-психологических экспериментов показал, что мнение группы по-разному сказывается на поведении активных и пассивных членов, было необходимо провести направленный отбор учащихся с тем чтобы, во-первых, число участников эксперимента не было слишком большим; во-вторых, чтобы половой и социальный состав учащихся отобранных групп был примерно аналогичен составу учащихся в контрольной группе; в-третьих, чтобы в той и в другой группе был представлен как «актив», так и «пассив». Поэтому после того как были определены школы и классы, в которых должно было проводиться обследование, было решено отобрать по 15 человек из каждого класса. При этом большинство (примерно 60%) составили девочки и меньшинство (примерно 40%) — юноши, что соответствовало соотношению девушек и юношей среди выпускников области. Причем для отбора, «актива» и «пассива» на основе предварительных бесед с педагогами составлялся ранг активности и в группу обследуемых отбирались последовательно первые и последние.

В результате были отобраны:

- I. (Преимущественно дети рабочих)
  - а) 15 выпускников из школы №1,⁷⁰
  - б) 15 выпускников из школы № 2.
- II. (Преимущественно дети служащих)
  - а) 15 выпускников из школы № 3,
  - б) 15 выпускников из школы № 4.
- III. (Преимущественно дети крестьян)
  - а) 15 выпускников из школы № 5,
  - б) 15 выпускников из школы № 6.

---

⁷⁰ Номера школ условные.

Последовательность этапов исследования можно представить в следующей таблице:

Таблица 15

**Последовательность этапов исследования роли коллектива
в профессиональном самоопределении личности**

№ этапа	Основная группа (школы №№ 1, 3, 5)	Контрольная группа (школы №№ 2, 4, 6)
1	Анкета выпускника	Анкета выпускника
2	Анкета № 1	Анкета № 1
3	Анкета № 2	Анкета № 2
4	Выпускники получают информацию о результатах анкеты № 2	Выпускники информации не получают
5	Анкета № 3	Анкета № 3
6	Предварительный анализ мнений анкет №№ 1, 2, 3	Предварительный анализ мнений анкет №№ 1, 2, 3
7	Сбор информации о реальных решениях (профессии, места работы и учебы, избранные выпускниками)	Сбор информации о реальных решениях (профессии, места работы и учебы, избранные выпускниками)
8	Анализ информации	Анализ информации
9	Повторные обследования	

При разработке материалов эксперимента информация, которая была получена из пункта первого анкеты № 1 и № 2, была классифицирована и укрупнена. При этом первые двенадцать качеств были сведены к четырем: интеллектуальные, деловые, волевые, моральные. Информация о способностях к определенным видам деятельности была агрегирована в следующие группы: способности к работе с вещами, технические способности, физико-математические способности, естественнонаучные способности, гуманитарные способности, способности к воспитанию детей, художественные способности, организаторские и административные способности, способности к спорту. Это позволило представить результаты в более обозримой форме.

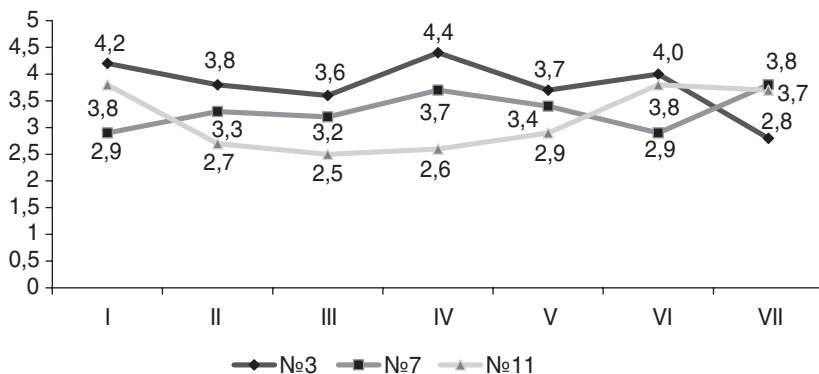
Обследования, которые были проведены в школах Новосибирской области, и предварительный анализ полученных материалов показывают, что методика может быть использована для изучения роли коллектива, родителей, педагогов в профессиональном самоопределении молодежи.

2. Личность и коллектив⁷¹

В результате первого обследования в одном из научных коллективов, проведенного осенью 1963 г., были получены количественные характеристики (самооценки и коллективные оценки) каждого участника эксперимента. Разработка материалов обследования и составление графиков на их основе позволили ответить на вопросы, в какой мере могут быть использованы количественные (балльные) оценки для характеристики отдельных качеств личности, не произойдет ли своеобразной нивелировки при сведении отдельных качеств к группам качеств. Графики трех участников опроса, полученные на основе взаимных перекрестных оценок, показаны на рис. 5.

Рисунок 5

Графики участников опроса,
полученные на основе коллективных оценок

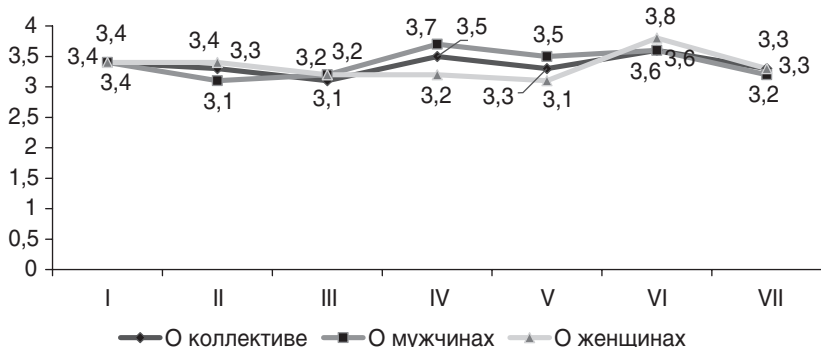
⁷¹ Этот параграф написан совместно с Ю. Карповым и Г. Кочетовым.

Каждый из этих графиков имеет своеобразный характер. При этом, если два из них имеют вершины по IV группе качеств, то у третьего здесь провал. Если общая — тенденция у одного связана с возрастанием от I к VII группе качеств, то у другого — наоборот и т.д. Одним словом, они не нивелированы, а индивидуальны. Причем вполне индивидуальный характер имели не только эти, но все 26 графиков самооценок и коллективных оценок. Это дает основание полагать, что при правильной методике организации обследования (т.е. при четком объяснении целей работы, определенном доверии к организатору обследования и обеспечении тайны оценок) возможно получение информации, которая может быть использована для реализации задач исследования.

Рассмотрим некоторые результаты проведенных обследований (см. рис. 6). Как видим, коллектив оценивает себя по всем качествам выше среднего уровня. При этом наиболее высокий балл получила группа качеств, характеризующих отношение к жизни (3,6), наиболее низкий — импульсно-волевые качества (3,1). Одинаковую оценку (3,3) получили интеллектуальные, физические и моральные качества. Коллектив дал равную оценку интеллектуальным и импульсно-волевым качествам мужчин и женщин. При этом у мужчин выше, чем у женщин, оцениваются деловые качества, отношение к жизни, физическая привлекательность, но ниже — моральные качества и мотивы поведения.

Рисунок 6

Коллектив о коллективе, о мужчинах и женщинах

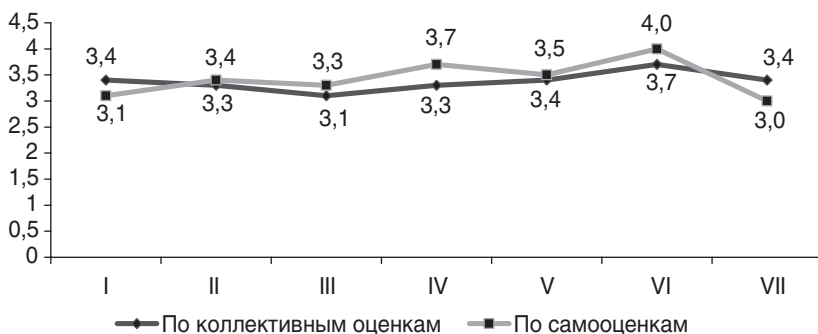
Поскольку данный график построен на средних оценках, то целесообразно привести данные о колебаниях показателей у отдельных членов коллектива. Так, наименьшие колебания имеют импульсно-волевые качества (от 3,6 до 2,5 балла) и мотивы поведения (от 3,8 до 2,6 балла), а наибольшие — моральные (от 4,2 до 2,4 балла) и физические (от 4,8 до 1,3 балла) качества. Особенно велики колебания в оценке мужчин по качествам VII группы, женщин — по IV группе.

Широко известно высказывание о том, что человек есть дробь, числитель которой то, что он есть на самом деле, а знаменатель — то, что он думает о себе, т.е., чем больше знаменатель, тем меньше дробь, и наоборот. Мы не беремся утверждать, что это так. Однако применяемая методика позволила получить две оценки личности: самооценку и среднюю оценку данного человека, полученную на основе перекрестных оценок всех членов коллектива. В результате этого появилась возможность перейти от оценки личности к оценке коллектива и получить два портрета коллектива (один — по самооценкам, другой — по взаимооценкам, см. рис. 7).

Анализ рис. 7 показывает, что график, характеризующий оценку коллектива, полученную на основе взаимных перекрестных оценок, по большинству качеств находится ниже графика, который получен на основе средней из самооценок всех участников опроса. Это касается деловых, моральных ка-

Рисунок 7

Взаимная оценка и самооценка коллектива по результатам первого обследования

честв, мотивов поведения и отношения к жизни. Напротив, по интеллектуальным качествам и физической привлекательности коллективная оценка выше.

При этом наблюдаются значительные различия в оценках мужчин и женщин. Если мужчины по сравнению с коллективом переоценивают свои интеллектуальные качества и физическую привлекательность, то женщины, наоборот, именно по этим качествам оказываются наиболее требовательными к себе. В целом (за исключением волевых качеств) самооценка мужчин выше коллективной оценки. Женская же самооценка выглядит по большинству пунктов скромнее, чем мужская.

При самооценках разброс по большинству пунктов больше, чем при коллективных оценках. Особенно велик разброс в самооценках у женщин по интеллектуальным качествам. Вместе с тем кривая самооценки в основном следует кривой коллективной оценки. Это свидетельствует о том, что хотя по некоторым качествам отдельные группы оценивают себя выше или ниже, коллектив достаточно реалистически оценивает себя.

Расчеты, сделанные нами, позволили выяснить, как взаимно оценивают друг друга мужчины и женщины, какие черты личности они наиболее ценят, в чем они снисходительны, а в чем — наиболее требовательны (см. рис. 8 и 9). Так, если посмотреть, как оценил коллектив мужчин и как они оценивают сами себя, то прежде всего бросается в глаза совпадение оценок по четырем группам из семи. При этом мужчины переоценили себя по сравнению с коллективной оценкой по моральным качествам и мотивам поведения, а недооценили по VI группе качеств. Женщины же, отдавая должное интеллекту, деловым и волевым качествам мужчин, дали более низкую оценку их моральным качествам, мотивам поведения и физической привлекательности.

Расчеты также показывают, что в целом женщины также оказались более требовательными, чем мужчины. Средняя оценка мужчинами женщин выше, чем оценка женщинами мужчин. Так, мужчины весьма высоко оценили внешнюю привлекательность женщин, их отношение к жизни, моральные и волевые качества и мотивы поведения. Исключением являются лишь интеллектуальные (женская оценка женщин 3,4 против мужской оценки женщин 3,3) и деловые качества (соответственно 3,3 против 3,2). Женщины (по сравнению с мужчинами) высоко оценили по взаимным оценкам свои интеллектуальные

Рисунок 8

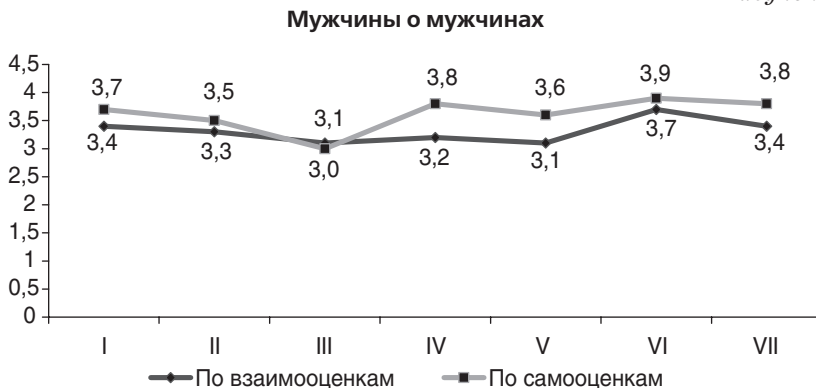
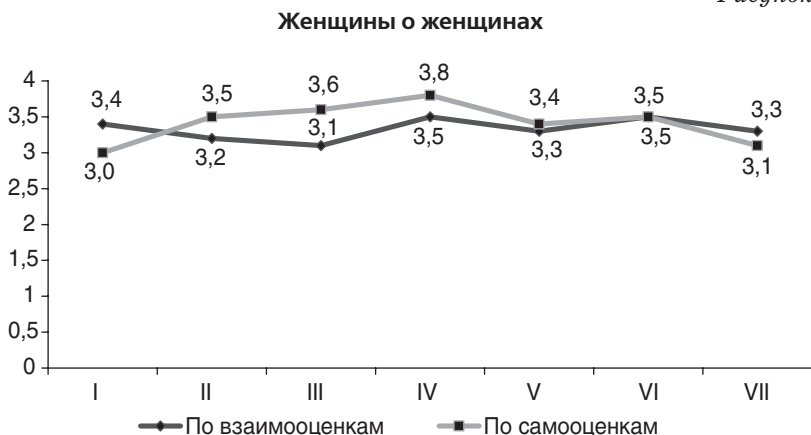

Рисунок 9

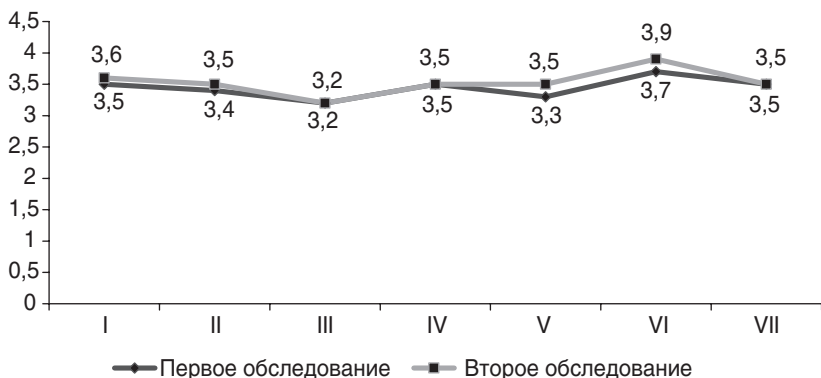

и деловые качества, но по всем остальным пунктам дали друг другу более жесткую оценку. Это касается волевых, моральных качеств, мотивов поведения, отношения к жизни. Особенно низкую оценку дали друг другу женщины по внешней привлекательности (2,8 против мужской оценки 3,8).

На втором этапе было проведено повторное обследование по той же программе. Разработка этих материалов дала возможность проверить устойчивость оценок и взаимосвязей, полученных на первом этапе обследования. Прежде всего изменилось ли, а если изменилось, то в каком направлении и по каким качествам мнение коллектива о самом себе? (см. рис. 10).

Рисунок 10

Коллектив о коллективе по результатам взаимных оценок первого и второго обследований

Как видно, за четыре месяца мнение коллектива о самом себе на основе взаимных перекрестных оценок несколько изменилось. Графики, полученные на основе повторного опроса, по основным группам качеств выше первого. Это касается взаимной оценки интеллекта, деловых качеств, мотивов поведения и отношения к жизни. В то же время коллектив не изменил своей оценки по импульсно-волевым, моральным и физическим качествам.

В целом вторая кривая точно следует первой, лишь незначительно отклоняясь от нее (от 2,5% до 5,0%), что свидетельствует о большой устойчивости оценок (см. также рис. 11 и 12). При этом наибольшую устойчивость проявил коллектив в оценках женщин, полностью сохранив свою оценку их интеллектуальных, импульсно-волевых качеств, мотивов поведения и отношения к жизни, незначительно понизив оценки их моральных качеств и повысив оценку деловых качеств и физической привлекательности.

Аналогичную картину дают и самооценки коллектива при первом и втором обследованиях. Они остались на прежнем уровне по I и V группам качеств, понизилась самооценка по IV группе и несколько повысились остальные (см. рис. 13).

Что касается индивидуальных оценок, то, например, уже упоминавшегося ранее участника опроса (см. рис. 4) коллектив при втором опросе в целом оценил более строго, чем при

Рисунок 11

Коллектив о мужчинах по результатам взаимных оценок первого и второго обследований

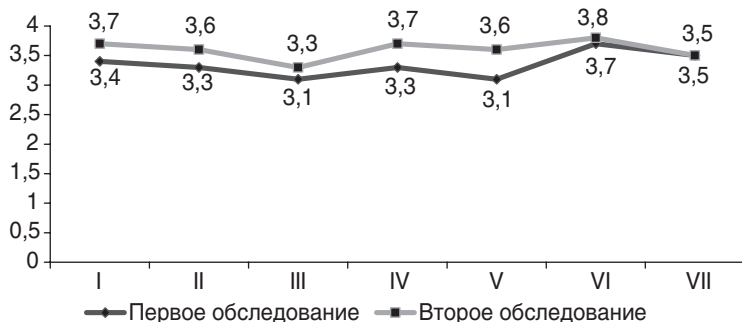

Рисунок 12

Коллектив о женщинах по результатам взаимных оценок первого и второго обследований

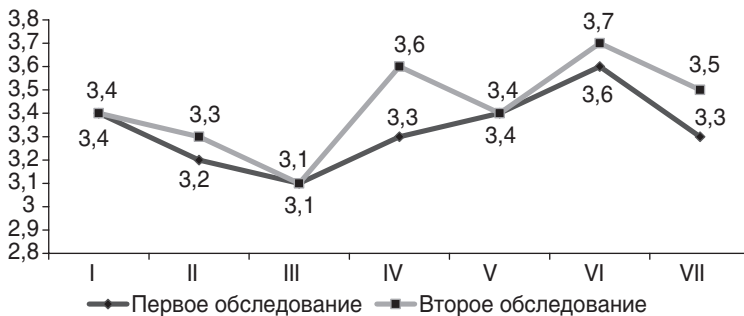

Рисунок 13

Коллектив о коллективе по результатам самооценок первого и второго обследований

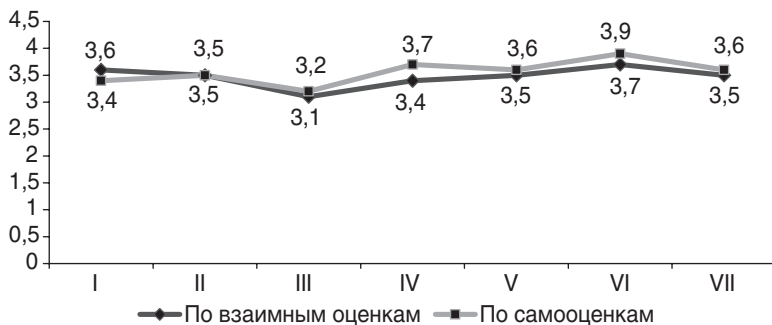

Рисунок 14

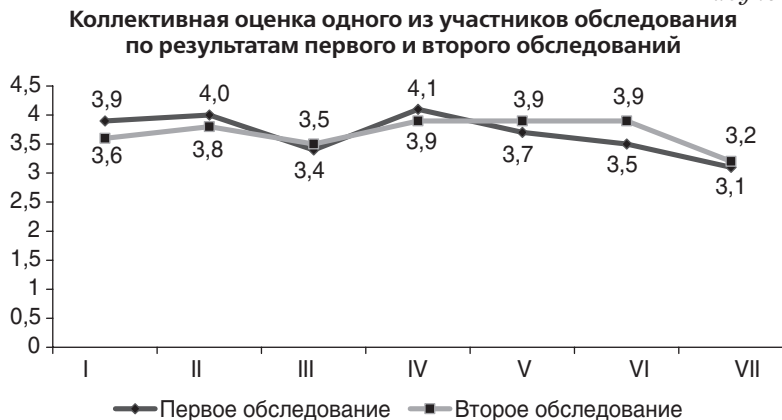
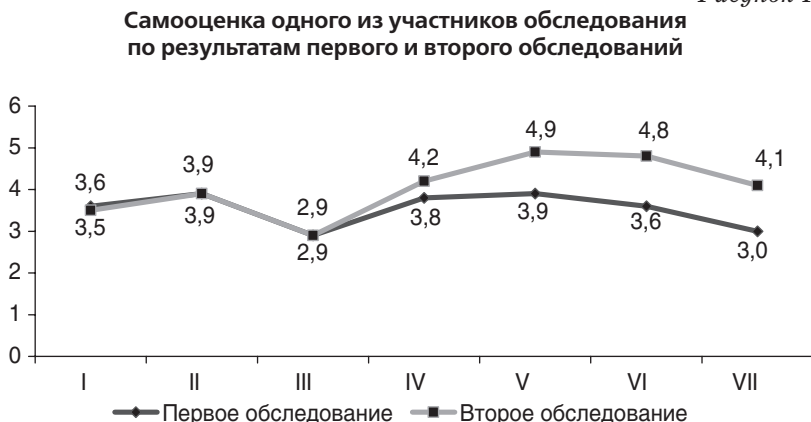

Рисунок 15

первом, за исключением IV, VI и VII групп качеств, оценку которых значительно повысил (рис. 14). К самому же себе при повторном обследовании он отнесся более критически и особенно резко снизил себе оценки именно по упомянутым качествам, приблизив их к оценкам, данным коллективом (см. рис. 15).

Сопоставление рис. 16 и рис. 7 показывает, что при первом и втором обследованиях наиболее скромные самооценки по сравнению с взаимными перекрестными оценками коллектив дает себе по интеллектуальным качествам и физической при-

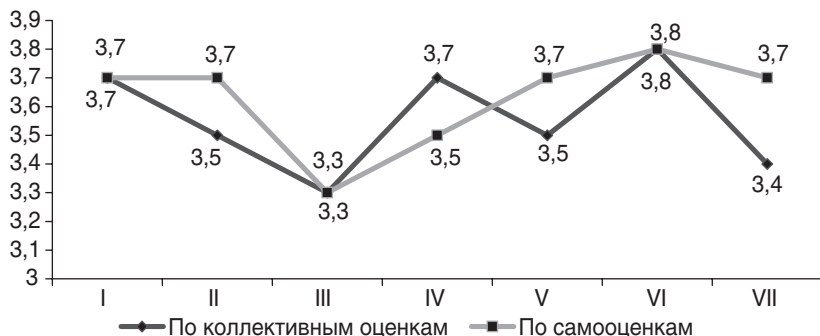
Рисунок 16

Взаимная оценка и самооценка коллектива по результатам второго обследования

Рисунок 17

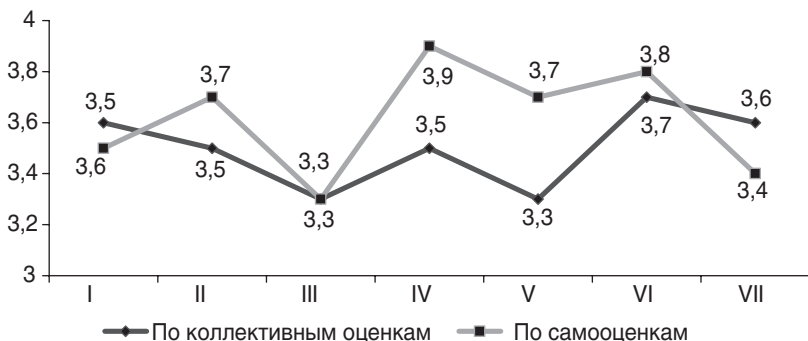
Мужчины о мужчинах по результатам второго обследования

влекательности, а наиболее высокие — по моральным качествам. Кривая самооценка при повторном обследовании имеет тот же характер, что и кривая при первом. Так, в том и другом случаях самая низкая оценка дана импульсно-волевым качествам, наиболее высокая в первом — качествам IV группы, во втором — VI группы (см. рис. 17 и рис. 18).

При этом скромная самооценка интеллектуальных качеств коллектива, так же как и довольно высокая самооценка моральных качеств и отношения к жизни, получена в 1964г. за

Женщины о женщинах по результатам второго обследования

счет женщин. У них наблюдается наибольшая неровность в самооценках, т.е. чрезмерное завышение одних качеств или занижение других. Мужчины при повторном обследовании, напротив, дали себе в целом довольно точную оценку.

При втором обследовании резко сократился и диапазон колебаний в оценках отдельных членов коллектива.

Это касается всех показателей. Так, в среднем разброс мнений отдельных участников опроса о коллективе уменьшился с 1,4 до 0,6 балла, разброс в самооценках коллектива сократился с 1,3 до 0,3 балла и т.д. При этом резкое уменьшение разброса произошло, прежде всего, благодаря большей стабильности оценок женщин при втором обследовании по сравнению с первым. В то же время проявилась общая тенденция к выравниванию. Это выразилось, с одной стороны, в повышении общих оценок у тех, кто в первый раз получил более низкую оценку, с другой — в понижении оценок (особенно по I и III группам) у тех, кто ранее получил наиболее высокие оценки. Это сказалось и на повышении оценок тех качеств, которые получили при первом обследовании низкие оценки, а также и на снижении оценок тех качеств, которые ранее получили более высокие оценки.

После проведения повторного обследования каждому участнику эксперимента в индивидуальном порядке было предложено угадать «кто есть кто», т.е. кому конкретно принадлежит тот или иной график, рассчитанный по мате-

риалам первого обследования⁷². В результате по самооценкам угадали 50% участников эксперимента. Характерно, что при этом 5 человек не смогли угадать свои собственные графики. По коллективным оценкам угадали себя 75% участников эксперимента, а не смогли угадать себя лишь трое. Коллективная модель личности, построенная на основе взаимных перекрестных оценок, видимо, очищает характеристики личности от односторонности субъективных оценок и в известном смысле более объективно, чем самооценка, характеризует специфику индивида.

3. Руководитель, коллега, подчиненный⁷³

Определенный интерес представляет разработка анкеты, которая заполнялась одновременно с угадыванием. В ней предлагалось после знакомства с 13 графиками, построенными на основе взаимных перекрестных оценок⁷⁴, ответить на ряд вопросов: кого бы Вы хотели иметь руководителем своего научного коллектива? (назвать один из 13 графиков); с кем бы Вы хотели вместе (рядом, на одних правах) работать? (назвать четыре из 13 графиков). Если бы Вас назначили руководителем группы, кого бы Вы взяли себе в научные сотрудники? (назвать четыре графика из 13) и т.п. При этом мы стремились хотя бы косвенно выявить критерий и оценки, которыми руководствуются члены данного коллектива при формировании групп, при оценке руководителей, коллег, подчиненных.

Прежде всего, рассмотрим ответы на первый вопрос нашей анкеты: кого бы Вы хотели иметь руководителем своего научного коллектива? (см. рис. 19). Как видим, мнение коллектива по этому вопросу вполне определено⁷⁵. Абсолютное большинс-

---

⁷² Технически это оформлялось следующим образом: каждый знакомился с 13 графиками самооценок, проставляя в специальной анкете против условного номера графика фамилию лица, к которому, по его мнению, относится данный график. После того как он указывал все 13 фамилий по графикам самооценок, ему давали для угадывания следующую «порцию» — 13 графиков коллективных оценок.

⁷³ Этот параграф написан совместно с Г. Кочетовым.

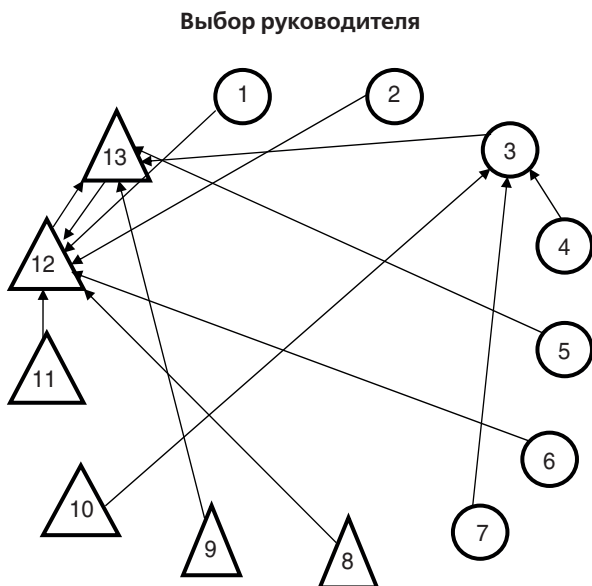
⁷⁴ Поскольку предыдущий анализ показал большую достоверность коллективной модели личности, в дальнейшем мы используем лишь графики, построенные на основе взаимных перекрестных оценок.

⁷⁵ Треугольником обозначены мужчины, кружочками — женщины.

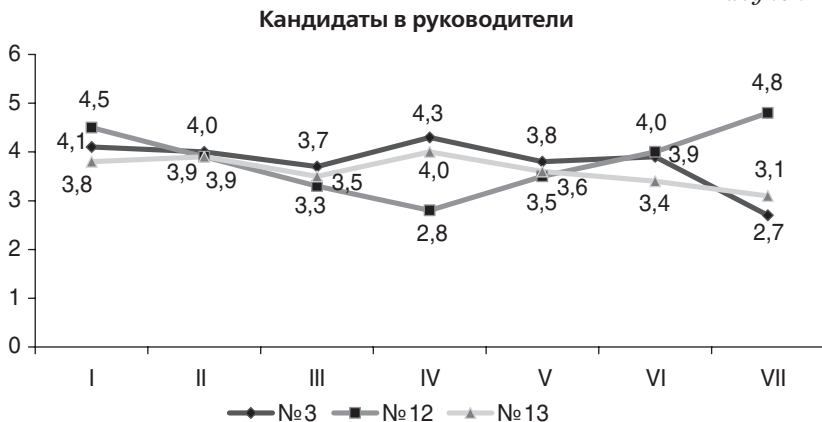
тво участников эксперимента (10 из 13) вообще «не котируются» как руководители. Из трех же кандидатов наибольшее число голосов получили: № 12, затем № 13 и, наконец, № 3.

Рисунок 19

Рассмотрим их графики (см. рис. 20). Коллектив должен был выбрать не идеального, а реального руководителя из числа тех, которые участвовали в эксперименте. Чем же характеризуется, по мнению коллектива, этот человек?

Прежде всего бросается в глаза, что коллектив при выборе руководителя исходит из деловых, научных соображений. Он избрал человека, получившего наиболее высокую оценку по интеллектуальным качествам. Сочетание интеллектуальных качеств с внешней привлекательностью коллектив считает важным, но не обязательным для руководителя. Об этом можно судить по тому, что двое из кандидатов имеют довольно низкую оценку внешней привлекательности. Однако у всех кандидатов интеллектуальные качества сочетаются с высокими организаторскими способностями. Наконец, высоко ценится у руководителя оптимизм, юмор. Ради этого коллектив готов «простить» недостаток других качеств.

Поскольку на рис. 20 приводятся не абстрактные графики, а графики реальных людей, важно не принять по ошибке особенное, свойственное данному человеку, за всеобщее. Чтобы избежать этого, будем использовать «усредненные трафики», т.е. графики, построенные на основе средних арифметических из нескольких индивидуальных графиков. В целом «усредненный тип руководителя» выглядит так (см. рис. 21). По всем личным характеристикам он значительно выше среднего уровня. Так, у него выше, чем у других, оценки интеллектуальных, деловых качеств и отношения к жизни.

Теперь посмотрим разработку ответов на второй вопрос: с кем бы Вы хотели (рядом, на одних правах) работать? (рис. 22). При выборе коллег (здесь каждый должен был назвать 4 графика) происходит передвижка голосов. Наибольшее число выборов⁷⁶ получили: №№ 3, 9, 12, 13. Однако при этом руководитель уже не котируется, как лучший коллега. Он делит третье и четвертое места. На первое место выходит № 13, на второе № 3. Следовательно, у коллектива выявляются разные критерии при оценке руководителя и коллеги.

Разработка этого вопроса особенно интересна с точки зрения совместимости (несовместимости), ибо речь идет не о начальниках или подчиненных, а о сотрудничестве «на равных». Здесь очень важно выяснить, к каким качествам коллег отношение

⁷⁶ Стрелка внутри кружка означает выбор своего собственного графика.

Рисунок 21

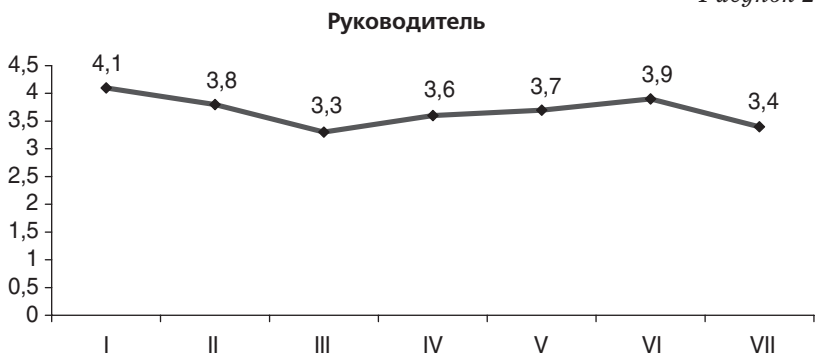
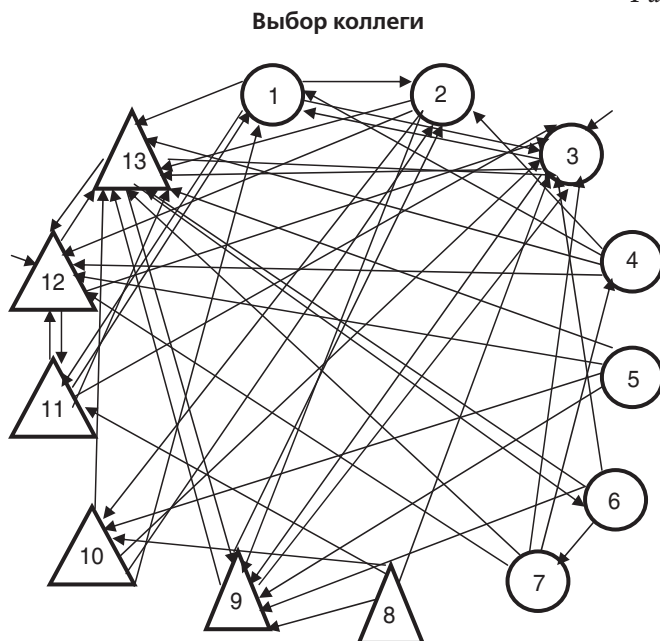

Рисунок 22

более терпимое и наоборот, т.е. каковы требования к другим, в частности, у тех, кто получил самые высокие и, наоборот, самые низкие оценки по той или иной группе качеств.

Для этого мы отобрали те графики, которые по каждой из семи групп качеств получили крайние оценки (самые высокие и самые низкие); определили, кого они (т.е. реальные люди,

обозначенные данным графиком) выбрали себе в коллеги; рассчитали среднюю арифметическую (из четырех) по данной группе качеств и нашли разности между наивысшей оценкой и средней арифметической по данной группе качеств.

Поясним это на примере. По интеллектуальным качествам (1-я группа) наивысшую оценку (4,4) получил № 12. Он назвал в качестве коллег №№3, 11, 12, 13. Их оценка по интеллектуальным качествам (1-я группа) соответственно равна 4,1; 3,9; 4,4; 3,8 (средняя арифметическая 4,1). Разница между оценками 4,4 и 4,1 составляет 0,3 балла. Аналогичным путем рассчитывалась разница и между самой низкой оценкой, полученной по данному качеству, и средней арифметической из оценок, избранных в коллеги.

В целом взаимосвязь между личными качествами тех, кто получил высшую оценку, и качествами коллег выглядит следующим образом (см. табл. 16).

Как показывают расчеты, тот, кто получил самую высокую оценку по 7-й группе качеств при выборе коллег, не придает существенного значения этим качествам личности. Так, например, № 12, имеющий наиболее высокую оценку по этой группе качеств, избирает себе в коллеги тех, кто имеет в среднем оценку на 1,7 балла ниже. Однако по другим качествам коллег отбирают в значительной степени по образу и подобию своему. Тот, кто получил наиболее высокую оценку по интеллектуальным качествам, хочет иметь коллег с высоким интеллектом (разница 0,3 балла). Соответственно те, кто имеет высокие деловые качества, ищут «деловых коллег» и т.д.

Таблица 16

**Взаимосвязь между личными качествами тех,
кто получил высшую оценку, и качествами коллег**

№ группы качеств	Величина оценки этой группы (в баллах)	Величина средней оценки избранных в коллеги (в баллах)	Разница между оценками (в баллах)
I	4,4	4,1	+ 0,3
II	3,9	3,6	+ 0,3
III	3,6	3,3	+ 0,3
IV	4,2	4,1	+ 0,1
V	3,8	3,6	+ 0,2
VI	4,2	3,8	+ 0,4
VII	4,8	3,1	+ 1,7

**Взаимосвязь между качествами тех, кто получил низшую оценку,
и качествами коллег**

№ группы качеств	Величина оценки этой группы (в баллах)	Величина средней оценки избранных в коллегии (в баллах)	Разница между оценками (в баллах)
I	2,7	3,5	- 0,8
II	2,3	3,5	- 1,2
III	2,5	3,5	- 0,8
IV	2,4	3,6	- 1,2
V	2,6	3,2	- 0,6
VI	2,8	3,9	- 1,1
VII	1,3	3,6	- 2,3

При этом наиболее жесткая взаимосвязь наблюдается по качествам, характеризующим мотивы поведения (0,2 балла), и моральным качествам (0,1 балла). Иначе говоря, люди, с точки зрения коллектива отличающиеся наиболее высокими моральными качествами (доброта, скромность, верность в дружбе и т.п.) и высокими мотивами поведения (альтруизм, стремление к истине и т.п.), особенно требовательны при отборе коллег, по этим качествам. Этим чертам личности они придают, видимо, большое значение и учитывают их прежде всего, выбирая коллег.

Следовательно, при отборе коллег теми, кто получил наиболее высокую оценку, наименьшее значение имеют внешние качества личности. Затем идут качества, характеризующие отношение к жизни, интеллектуальные, деловые, импульсно-волевые качества. Наиболее тесная связь имеет место по моральным качествам и качествам, характеризующим мотивы поведения.

Иную картину мы видим при отборе коллег теми, кто получил по тем или иным качествам самую низкую сцепку. Здесь в ряде случаев наблюдается как бы стремление дополнить себя. Так, наименее привлекательный член коллектива отнюдь не чужд чувства прекрасного. Он выбирает в коллегии людей, сценка которых по V группе качеств в среднем на 2,3 балла выше его. И, добавим, значительно выше, чем у коллег, отобранных самым привлекательным внешне членом коллектива.

Аналогичная «компенсация» происходит и по качествам VI группы. Нельзя сказать также, что получивший наиболее

низкую оценку по своим моральным качествам не придает им значения. Он выбирает себе в коллеги лиц с достаточно высокими моральными качествами (разница 1,2 балла). Вместе с тем критерии (за исключением внешних качеств и отношения к жизни) при отборе коллег теми, кто получил самую низкую оценку, ниже, чем у тех, кто получил наиболее высокую оценку. Правило, видимо, все-таки заключается в том, что развитие тех или иных качеств личности сопровождается ростом требовательности именно в этом плане в отношении своих коллег.

Довольно наглядно это проявляется на индивидуальных графиках. Для этого рассмотрим график «идеального коллеги» (№ 13) и график, построенный из средних оценок четырех избранных им коллег, с одной стороны, а также график наименее пригодного к роли коллеги (№ 8), не получившего ни одного «голоса» и, соответственно, график, построенный из средних оценок четырех избранных им коллег (рис. 23 и рис. 24). На рис. 23 видна довольно тесная связь между графиком из средних оценок коллег и графиком № 13. Наоборот (рис. 24), график № 8 очень резко отличается от графика избранных им коллег. Несмотря на своеобразие этих графиков, обусловленных спецификой индивида, подтверждается отмеченная выше тенденция к более жесткому отбору коллег «по образу и подобию своему» со стороны лиц с наиболее развитыми качествами и, напротив, определенное стремление к «компенсации» при отборе коллег у лиц с наименее развитыми качествами. При этом средние оценки из графиков коллег, избранных человеком, наиболее подходящим для роли коллеги, как правило, выше средних оценок коллег, избранных человеком, наименее подходящим для этой роли.

Интересно также сопоставить график «идеального коллеги» (№ 13) с графиком «идеального руководителя» (№ 12). Анализ показывает, что они существенно отличаются друг от друга. Интеллектуальные способности коллеги несколько ниже, его отношение к жизни лишено той степени оптимизма и юмора, которые свойственны руководителю, он далеко не так внешне привлекателен. Но зато он имеет более высокие мотивы поведения и несравненно более высокие моральные качества. То же можно сказать и о графике № 3, который идет на втором месте как коллеги.

Завершая анализ, остановимся не на индивидуальных, а на средних графиках руководителя, коллеги и подчиненного

Рисунок 23

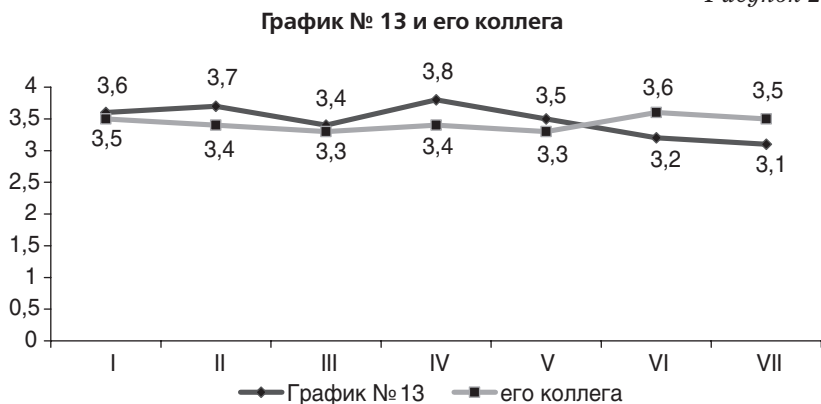
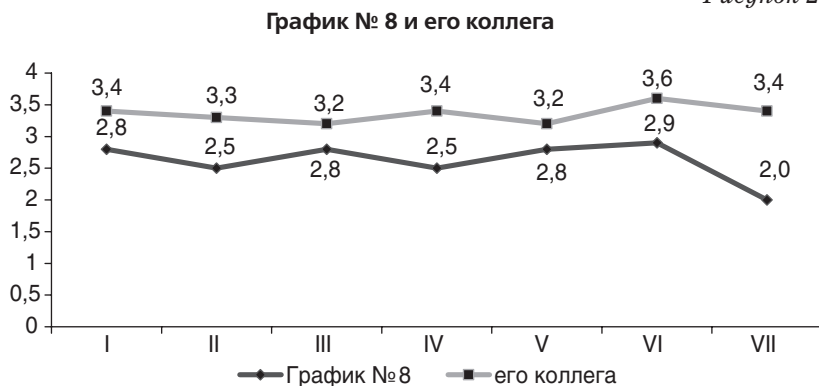

Рисунок 24

(см. рис. 25). В сознании членов данного коллектива эти типы довольно четко очерчены. Согласно этой графической модели *руководитель научного коллектива должен обладать высокими интеллектуальными и деловыми качествами. Внешне он должен быть представительным. Его отношение к жизни характеризуется оптимизмом и юмором. Но при этом он имеет весьма низкую оценку моральных качеств.*

Коллега по всем качествам занимает промежуточное положение между руководителем и подчиненным. В нем как бы ценятся не крайности, не отдельные выдающиеся качества, а весь комплекс их, его развитость как личности. Не случайно оценки его интеллектуальных, деловых, моральных качеств,

отношения к жизни почти одинаковы, более же скромные (по сравнению с руководителем) оценки его интеллектуальных, деловых качеств и внешней привлекательности как бы компенсируются более высокими моральными качествами.

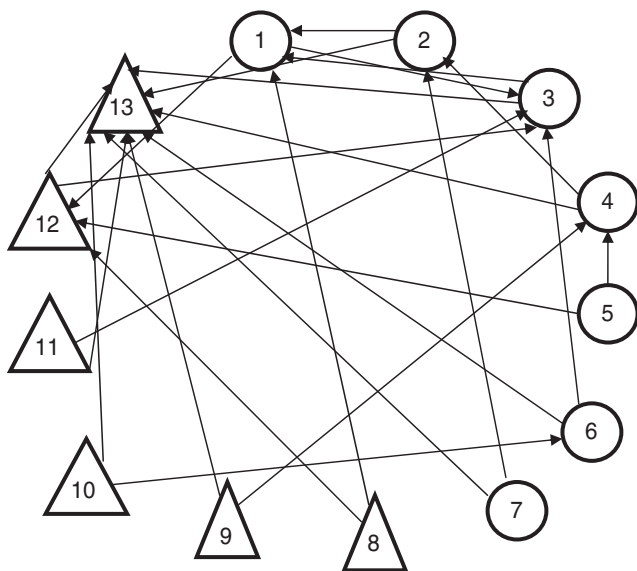
При выборе коллеги в данном коллективе определенную роль играет пол. Раньше уже отмечалась более суровая оценка женщинами женщин. Теперь этот вывод вновь подтвердился, ибо мужчины в целом получили больше выборов, чем женщины (30 против 21). При этом мужчины в одинаковой степени выбирали в коллеги мужчин и женщин, в то время как женщины предпочитали мужчин. *Выбор коллеги тесно связан со взаимными симпатиями* (см. рис. 26). Это проявляется, во-первых, в том, что № 13, получивший наибольшее число голосов как коллега, в то же время оказался самым симпатичным членом коллектива (9 голосов из 13). Во-вторых, в том, что № 5 и № 8, не получившие ни одного выбора как коллеги, в то же время являются и самыми несимпатичными (0 голосов из 13), и, в-третьих, — в определенности взаимных выборов. Так, тесная связь наблюдается между № 13, № 12, № 3. Почти все выборы у них являются взаимными. Т.е., если коллектив, отбирая руководителей, исходит не из личных симпатий, а прежде всего из функциональной пригодности, то при выборе коллеги взаимные симпатии играют значительно большую роль. Отношения с коллегой являются более полными, чем с руководителем, а требования — более широкими. *К коллеге предъявляются требования почти как к другу, каждая черта которого*

важна, в то время как к руководителю отношение неполное: он важен определенными чертами. Из этого следует, что критерии совместимости при отборе коллеги, видимо, шире, чем при выборе руководителя.

Рисунок 26

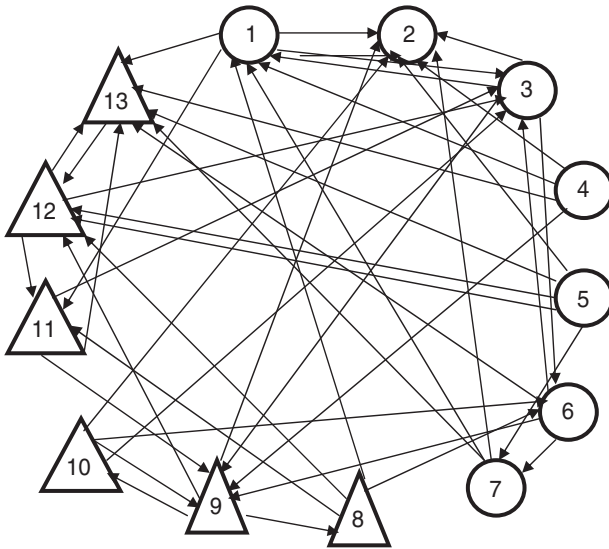
Выбор симпатичного человека

Анализ ответов на вопрос: «Если бы Вас назначили руководителем группы, кого бы Вы взяли себе в научные сотрудники?» (см. рис. 27) показывает, что снова происходит передвижка голосов. Теперь они распределяются более равномерно. Если при выборе руководителя 10 человек не получили ни одного голоса, при выборе коллеги — два, то при выборе подчиненного не получил ни одного голоса лишь один человек. В этом, видимо, есть свой резон — руководителем может быть далеко не каждый.

Наибольшее число голосов получил не № 12 и не № 13, а № 2. Затем идут № 13, № 9 и № 5. Таким образом, если № 12, получивший наибольшее число голосов как руководитель, был на третьем месте как коллега, то как подчиненный он котируется еще ниже. Напротив, № 13 и № 3 шли на втором и треть-

Выбор подчиненного

ем местах при выборе руководителя, на первом и втором — при выборе коллег и на втором и четвертом местах — при выборе подчиненных. Наконец, № 2, получивший наибольшее число голосов как подчиненный, не входит в число первых как при выборе руководителя, так и при выборе коллеги. Таким образом, с точки зрения данного коллектива, видно, следует, что тип руководителя не годится для роли подчиненного, в то время как хороший коллега может быть и неплохим подчиненным.

Коллектив значительно больше, чем при выборе руководителя и коллег, выбирает в подчиненные женщин. Не случайно, прежде всего, то, что руководителем и коллегой были избраны мужчины, а «идеальными подчиненными» оказались женщины. В целом соотношение голосов в процентах, поданных за мужчин и за женщин, было следующим:

- при выборе руководителя — 77 : 23
- при выборе коллег — 59 : 41
- при выборе подчиненного — 50 : 50

За этим угадывается определенная тенденция, которая, видимо, свойственна сознанию данного научного коллектива.

В чем же специфика «модели подчиненного»? Этот анализ можно вести как по индивидуальному графику (№ 2), так и по осредненному, типизированному графику (он приведен на рис. 25). Последний, как уже отмечалось, имеет ряд преимуществ.

Как видно, руководитель отличается наиболее высокими интеллектуальными, деловыми качествами и внешней привлекательностью. График коллеги наиболее ровный: по большинству качеств он имеет одинаковые оценки («в коллеге все качества важны»). График же подчиненного с одной вершиной. Он получил наиболее высокую оценку по моральным качествам, а все остальные оценки у него ниже, чем у коллеги и руководителя.

Видно, в отношении подчиненного сказывается некоторая снисходительность, хотя, впрочем, ее преувеличить нельзя, ибо не только модель руководителя и коллеги, но и модель подчиненного в целом выше средней модели коллектива. При этом большинство членов данного коллектива хотят иметь не только коллег, но и подчиненных, обладающих качествами более высокими, чем обладает сам данный коллектив в среднем.

Таким образом, спрос на хороших и лучших сотрудников явно превышает предложение. Они являются весьма дефицитными. Если бы выбор был более реалистическим (менее требовательным), то, видимо, разрыв между графиками руководителя, коллеги и подчиненного был бы больше. Тогда, при учете реальных возможностей выбора сотрудников, т.е. при понимании того, что лучших и хороших не хватает и поэтому нужно брать сотрудников с низкими оценками для исполнения разных ролей, график подчиненного стал бы еще более отчетливым.

Все это дает основание утверждать, что модель подчиненного (как и модель руководителя) более функциональна, чем модель коллеги. В коллеге нас интересует больше качеств, чем в подчиненном, и связи с подчиненными являются более ограниченными, менее полными, чем с коллегой. Поэтому при формировании научных коллективов (мы имеем в виду научные коллективы, действительно работающие совместно, по единой тематике, где от успеха одного зависит работа других) отбор коллег, их взаимная совместимость являются наиболее тонким и деликатным делом и требуют тщательного учета многих качеств личности.

Образы руководителя, коллеги, подчиненного — это не просто «игровые» иллюстрации. Поскольку поведение коллектива в значительной степени определяет сейчас поведение личности, постольку коллектив с его представлениями о различных ролях, о ступеньках служебной иерархии, творит своих реальных руководителей, коллег и подчиненных. Роль коллектива здесь не менее важна, чем роль различных ведомственных инструкций. Если в сознании коллектива руководитель должен обладать определенными чертами, то продвижение человека именно с такими чертами санкционируется коллективом. Если коллектив считает, что отсутствие таких-то черт у руководителя вполне простительно, то человек, даже обладавший ими, став руководителем, начинает относиться к ним как к чему-то несущественному. С санкции коллектива они как бы атрофируются у него. В этом проявляется своеобразный конформизм руководителя по отношению к коллективу. Поэтому изучение представлений, образов, «моделей» разных должностей у разных коллективов важно для понимания того, почему *А* стал начальником, а *Б* не стал, почему *В* был великолепным коллегой, по как руководитель оказался не на своем месте и почему никому в голову не приходит продвигать *Д*, который явно на своем месте.

Процесс выдвижения руководителя происходит по мере сближения поведения данного человека с той идеальной моделью, которая существует в сознании данного коллектива. Каждый из претендентов в руководители по существу ведет как бы социально-психологическое исследование коллектива. Он наблюдает, устраивает эксперименты, опросы, интервью, чтобы выявить мнение других. Из конфликта мнений он должен выявить нечто типичное, отражающее специфику данного коллектива, что позволило бы ему предвидеть реакции на различные решения. В конце концов тот, кто наиболее схватит специфику роли и окажется достаточно способным и «эластичным», чтобы исполнять роль, наиболее соответствующую представлениям данного коллектива, и получает неформальную санкцию на ее исполнение.

Подводя итоги данного исследования, целесообразно отметить следующее. Прежде всего наблюдается устойчивость как самооценок, так и взаимных оценок. Самооценки личности более устойчивы, чем ее коллективные оценки. При повторном обследовании коллективные оценки у большинства участников данного эксперимента повысились. Это повышение произошло неравномерно.

Небольшой прирост оценок наблюдается у тех, кто при первом опросе получил более низкие оценки со стороны других членов коллектива. И, наоборот, у тех, кто получил наиболее высокий балл при первом опросе, оценки несколько снизились, особенно по первой и третьей группам качеств. Коллектив проявляет определенную тенденцию к самосохранению, стремясь не допускать крайних, т.е. слишком высоких и слишком низких оценок в отношении всех своих членов, невзирая на звание и должности. Заключительный эксперимент на втором этапе показал, что, несмотря на большую устойчивость самооценок, они менее точны, чем коллективные, что отчетливо проявилось при угадывании.

Данный опыт свидетельствует также о том, что для определенных целей возможна фиксация относительной количественной определенности таких качеств личности, как одаренность, глубина знаний, широта интересов, творческое воображение, острота ума, организованность, сдержанность.

Одним из наиболее простых способов такой фиксации является оценка степени интенсивности данного качества в баллах. Балльные оценки могут использоваться как для самооценок, так и при взаимных перекрестных оценках. Они обладают определенной устойчивостью, за их движениями скрываются реальные изменения мнений. При этом могут быть использованы и средние балльные оценки как при агрегировании качеств, так и для характеристики интенсивности определенных качеств у той или иной группы людей.

В сознании коллектива есть определенные и достаточно устойчивые модели различных ступеней научной иерархии. Балльные оценки дают возможность выяснять некоторые критерии, которыми руководствуются при выборе руководителя, коллеги, сотрудников. Реальность этих оценок подтверждается действительным поведением коллектива, характером противоречий между отдельными членами коллектива, выбором руководителей, коллег, сотрудников.

Анализ определенно указывает на то, что связи с коллегой являются более полными, чем с руководителем и подчиненным. Чем более демократичным является коллектив, тем более полными становятся отношения между членами коллектива, тем шире требования друг к другу, тем важнее подбор людей, взаимно совместимых друг с другом, тем сильнее будут сказываться личностные отношения на результатах работы.

ТРУДОУСТРОЙСТВО И ВЫБОР ПРОФЕССИИ

1. Цели и методы исследования

Общественное поведение личности является результатом сложного взаимодействия различных факторов, сводящихся к специфике личности и к специфике внешних воздействий на нее. В этом взаимодействии внешним условиям принадлежит особая роль, ибо сама индивидуальность формируется в значительной мере под их влиянием. В конечном счете они определяются экономическими условиями, а непосредственно — условиями групп и организаций, которые имеют специфические нормы и ценности, управляющие поведением индивида.

Общественное поведение молодежи при выборе первой профессии не является в этом смысле исключением. Оно также определяется как спецификой личности, так и влиянием внешних условий. При этом внешние условия оказывают существенное воздействие не только на отношение к профессиям, на личные планы, но и на решения, на поведение различных групп молодежи.

Рост производительных сил, все шире развертывающаяся научно-техническая революция обуславливают высокую профессиональную и социальную мобильность, предъявляют разнообразные и быстро меняющиеся требования к молодежи, вступающей в самостоятельную трудовую жизнь. Вместе с тем это выдвигает новые проблемы перед обществоведами. Как правило, эти проблемы носят сложный, комплексный характер. Они затрагивают широкий круг вопросов, связанных с социальными проблемами труда, семьи, образования, воспитания, подготовки кадров, производственного обучения, профессиональной ориентации, выбора профессии, трудоустройства. Они касаются и подростков, только что выпущенных из девятилетки, и молодых людей, окончивших средние учебные заведения (школы, техникумы, профессионально-

технические училища), и молодых специалистов, получивших высшее образование⁷⁷.

Успешное решение этих проблем всегда имеет как социальные, так и экономические последствия. Во-первых, уменьшается возможность ошибок, неудовлетворенности, разочарований, связанных с первыми шагами молодежи, что создает объективные предпосылки для сокращения разного рода антисоциальных явлений (пьянства, преступности). Во-вторых, это ведет к сокращению текучести и миграции, обеспечивает высокую приживаемость молодежи во вновь осваиваемых районах страны, улучшение отбора и подготовки кадров для всех отраслей экономики, науки и культуры, более быстрое и эффективное включение юношей и девушек в трудовой процесс, т.е. способствует решению по существу экономических задач — росту производительности общественного труда, ускорению темпов научно-технического прогресса, достижению наибольших результатов с наименьшими затратами.

Выбор профессии у выпускников школ связан с крупными социальными, профессиональными и территориальными передвижками. Это доставляет немало хлопот работникам предприятий, плановым органам, комиссиям по трудоустройству молодежи. Нередко считают, что вряд ли можно говорить о закономерности этих процессов, что поскольку каждый из выпускников сам выбирает место работы или учебы и при этом не имеет необходимой информации как о своих способностях, так и о потребностях в специалистах, что позволило бы реально оценить свои шансы, постольку эти процессы носят стихийный характер. Но не правильнее ли исходить из того, что, несмотря на значительные индивидуальные различия, сходство внешних условий обуславливает сходство типов поведения, т.е. юноши или девушки одного возраста, выросшие, например, в одном социальном окружении, как правило, достаточно единодушно оценивают различные занятия, имеют примерно одинаковые стремления? Не ведет ли это к тому, что возникает определенная устойчивость жизненных путей, переходов из одной соци-

---

⁷⁷ «Сделать выбор... — писал писатель В. Тендряков. — Наверно, вся учеба ребенка должна сводиться к этому — как выбрать дело всей жизни. То дело, к которому больше всего предрасположены его природные способности, то дело, которое из увлечения может перерасти в страсть, то дело, которым он станет полезен обществу, — профессию, специальность!». «Литературная газета» от 5 октября 1965 г.

альной или профессиональной группы в другую, определенная повторяемость в смене мест жительства, т.е. закономерность в поведении различных групп при выборе профессии? Для того чтобы судить об этом, нужно иметь массовую информацию, которая характеризовала бы не только оценки профессии, не только личные, профессиональные, миграционные планы, но и реальные профессии, места работы, учебы, жительства выпускников разных выпусков из одних и тех же школ за ряд лет.

Такая информация может способствовать не только глубоко к изучению проблем трудоустройства и выбора профессий, но и решению более общих задач. Ведь цель социологического исследования не получение моментальных фотографий тех или иных явлений, а выявление устойчивых, повторяющихся взаимосвязей и процессов. Это может быть достигнуто при проведении повторных обследований по сопоставимым объектам. Примером таких обследований является Всесоюзная перепись населения, которая проводится периодически и дает возможность судить о тех социальных изменениях, которые происходят в нашем обществе. Только такие повторные обследования различных аспектов жизни общества позволяют, выявив взаимосвязи, тенденции и закономерности, прогнозировать их на будущее, без чего, как уже отмечалось, нельзя подойти к управлению социальными процессами.

Повторные обследования играют важную роль и для становления самой социологии как науки. Дело в том, что против социологии как науки до сих пор выдвигаются различные возражения. Так, например, нередко утверждают, что для получения чистого научного результата нужно иметь возможность восстанавливать исходные условия, а поскольку при изучении социальных явлений это обычно не удается, то считают, что подлинно научная социология невозможна. Однако невозможность точного повторения начальных условий касается не только социологии, но ряда и других наук, например, астрономии. Здесь точность и научность утверждается не тем, что исследователь может возобновлять исходные условия, а объективной закономерностью, повторяемостью, устойчивостью явлений, существованием определенного рода детерминизма. Подобным образом утверждает себя и социология. Вот почему проведение повторных исследований по сопоставимым объектам имеет важное значение не только для решения частных задач, но и для становления и развития социологической теории.

При этом особый интерес представляют социологические исследования, в которых в единстве рассматриваются различные формы сознания, общественной психологии и практической деятельности человека. Научное значение их — в эмпирической проверке и утверждении теоретических точек зрения и гипотез о взаимосвязях общественного бытия и общественного сознания, общественной психологии, объективного и субъективного, мотивов и поведения различных групп. В методологическом отношении здесь весьма интересен вопрос о взаимосвязи информации, которую социолог получает от человека с его реальными решениями и поступками. Например, взаимосвязь между оценкой привлекательности профессий и выбором профессии, между личными планами и их реализацией, между миграционными планами и миграцией. Определенный интерес представляет и вопрос о том, в какой мере являются согласованными оценки среди различных групп, т.е. в каких группах они более едины, а в каких менее, как изменяются они в процессе развития. Все эти вопросы имеют важное значение и для разработки разного рода процедур исследования: анкет, интервью, шкал.

Изучение этих вопросов имеет также значение для проверки гипотез, проверки возможности построения целевой функции общества, что в свою очередь тесно связано с проблемами управления общественными процессами.

Таким образом, проведение повторных обследований по сопоставимым объектам дает возможность рассчитывать на получение данных, которые были бы достаточно надежны и могли быть использованы при решении ряда теоретических и практических задач.

В связи с этим представляют интерес исследования, начатые в Сибири в 1962 г.⁷⁸ Программа этой работы охватывает

---

⁷⁸ Данная работа выполнялась социологами Новосибирского университета, Института экономики и организации промышленного производства, Института истории СО АН СССР Д. Константиновским, Е. Гражданниковым, Г. Кочетовым, Г. Антоновой, В. Ковалевой, Ю. Карповым, Л. Борисовой, Н. Москаленко, Н. Бузуковой, В. Сеницкой и другими под руководством автора.

В 1962 г. были проведены пробные обследования среди 300 выпускников средних школ г. Новосибирска и области и собраны сведения о профессиях, избранных ими.

В 1963 г. были проведены:

- а) сплошное обследование (весной) выпускников средних общеобразовательных школ Новосибирской области, включая г. Новосибирск, крупные и мелкие города, районные центры, села и деревни области (было разослано около 4500 анкет);

довольно широкий круг социально-экономических, социологических и социально-психологических проблем. В частности, изучались: привлекательность различных занятий; факторы, влияющие на образование, профессиональные склонности, выбор профессий, трудоустройство, жизненные пути различных групп молодежи; социальная, профессиональная и территориальная мобильность при выборе профессии; эффективность системы профессионального обучения, ее соответствие, с одной стороны, потребностям народного хозяйства в кадрах по специальности, а с другой — профессиональным склонностям молодежи; некоторые пути совершенствования подготовки квалифицированных кадров, улучшение системы профориентации.

Ставилась также задача на основе этих исследований выяснить, нельзя ли прогнозировать личные планы, профессиональные склонности, трудоустройство, конкурс в вузах и техникумах, профессиональные, территориальные и социальные передвижки в связи с выбором профессий среди той группы молодежи, которая осуществляет этот выбор по существу без всякой регламентации. Наряду с этим исследование потребовало разработки ряда методических вопросов, обусловленных спецификой количественных методов (экспертные оценки и ранжирование профессий, разработка коэффициентов, балльные оценки основных профессий и др.), а также проверки и от-

- б) выборочное обследование (весной) 10% выпускников неполных средних школ (также около 4500 анкет);
- в) собрана информация (осенью) о реальном трудоустройстве, профессиях, учебных заведениях, избранных выпускниками средних школ;
- г) собрана информация (осенью) о реальном трудоустройстве выпускников неполных средних школ.

В 1964 г. были проведены повторные обследования по той же программе и по тем же объектам, что и в 1953 г., в Новосибирской, а также в Ленинградской области.

В 1965 г. по этой методике обследования были проведены в Новосибирской области (10 тыс. человек), Ленинградской области (7 тыс. человек), Бурятской АССР (7 тыс. человек). Одновременно по аналогичной программе было проведено обследование в ПНР.

В 1966 г. в связи с тем, что число выпускников средних школ значительно возросло по сравнению с 1965 г., в Новосибирской области обследовались лишь учащиеся школ так называемого сопоставимого массива (примерно 6 тыс. человек). Кроме того, аналогичные обследования проводились в ряде других областей страны.

Так, в 1966–1969 гг. наряду с Новосибирской областью обследования проводились в Средней Азии, Прибалтике и на Дальнем Востоке.

бора наиболее эффективных и экономных методов обработки массовой информации.

Кроме того, нужно было интерпретировать ряд новых понятий, которые использовались в исследовании. Это прежде всего относится к понятию *привлекательности профессий*. Оно представляет результат своеобразного компромисса между социологическим и традиционно-экономическим подходом. Известно, что в социологических исследованиях за рубежом широко используется понятие *престижа профессии*, понимаемого как степень уважения (или неуважения) различных людей к тем или иным профессиям. Наряду с этим в советской экономической литературе используется понятие привлекательности различных профессий.

Оценки привлекательности профессий, которыми пользуются социологи, — это субъективные оценки, которые выражают отношение данного индивида к набору профессии. Но из этого не следует, что они случайны. «Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками»⁷⁹.

Субъективные оценки профессий надо рассматривать как преобразованное в головах людей отражение действительных связей, существующих в обществе, которое не может не оказывать влияния на реальное поведение определенных совокупностей. С другой стороны, так как различия в объективных, реальных условиях существования, системе связей и отношений, в которых развивается человек, имеют черты определенного сходства и различия для разных слоев и классов, закономерно изменяются в пространстве и времени, то и «эхо» этого реального жизненного процесса, отражение его в головах людей также имеет определенные закономерные различия и тенденции.

Такие субъективные оценки обычно включают в себя ряд элементов, в том числе элементы престижа. Поэтому при анализе информации, полученной нами, необходимо учитывать, что они говорят не только о привлекательности профессий в сугубо экономическом плане, но и дают представление о престиже тех или иных профессий среди различных групп

---

⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 25.

молодежи. С этой точки зрения показатели привлекательности, с одной стороны, содержат элементы объективных различий между разными профессиями (различия в зарплатах, квалификации), которые относительно просто выражаются в количественной форме, а с другой — элементы оценивания, которые могут основываться на самых различных критериях и которые можно выразить лишь в показателях субъективного отношения.

Изучение привлекательности и престижа профессии представляет значительный научный интерес. Нельзя, например, судить о степени удовлетворения потребностей человека, оперируя лишь количеством материальных благ, приходящихся на долю каждого, ибо потребности у разных социальных, этнических, профессиональных возрастных групп неодинаковы. Поэтому степень удовлетворения потребностей часто выражают как отношение определенного количества благ (определенного набора, который получен данным индивидуумом или данным социальным слоем) к потребностям этого индивидуума или слоя.

Субъективная оценка своей профессии, которая также является необходимым продуктом материального жизненного процесса, и в этом смысле отражает специфику того или иного общественного строя, как бы показывает степень «общественной сбалансированности» данного человека или слоя, *степень удовлетворенности его тем местом, которое он занимает в общественной структуре*, и нередко степень удовлетворенности его группой, организацией, обществом, которые позволяют ему занимать это место. Это является одним из признаков идентификации индивидуума с группой, организацией, обществом. Изучение престижа различных занятий дает важную информацию о том, куда и почему стремится та или иная группа, т.е. позволяет подойти к пониманию мотивов поведения, в частности социальной, профессиональной, территориальной мобильности.

Оценка привлекательности профессий несет на себе как бы печать прошлых и современных представлений, которые сложились у данного слоя на основе опыта его взаимоотношений с другими социальными слоями. Естественно, что такие оценки не есть результат лишь собственного опыта. Это своеобразный сплав собственного и прошлого опыта, социальная информация, которую получает человек в значительной степени по наследству от предыдущих поколений.

Отношение к различным профессиям формируется у человека еще до того, как он вступает в общение с представителями данной профессии. Именно благодаря «наследственной» информации, которую человек получает в процессе обучения от своего социального окружения, он еще до того, как перед ним встал вопрос о выборе профессии, оказывается в какой-то мере ориентированным в том, как оценивать то или иное занятие, тот или иной вариант, тот или иной путь. Устойчивость «наследственной» информации обуславливает определенную устойчивость и повторяемость оценок профессий, типов поведения для представителей одних и тех же социальных слоев.

Это, разумеется, не означает, что можно игнорировать собственный опыт в поведении человека. Последнее является синтезом своего и наследственного опыта, причем с годами роль собственного опыта возрастает. Знания служат важным орудием профессиональной ориентации.

Но так как характер и глубина знаний, сочетание собственного и наследственного опыта в условиях определенного общественного строя в одном и том же возрасте у представителей одного и того же социального слоя примерно аналогичны, то действия отдельных людей слагаются в коллективные действия, превращающие их разрозненные движения в реальную силу, которую не может игнорировать управляющий орган. Поэтому изучение знаний, опыта, оценок, их специфики у разных социальных групп есть необходимая предпосылка эффективного управления человеческим поведением.

Кроме того, человеческие знания об общественной жизни, тот опыт, которым располагает данный класс или социальный слой, сплошь и рядом не являются общечеловеческими. Знание отражает то объективное положение, которое занимает данный класс или слой в социальной структуре, те отношения, в которые он вступает с представителями других социальных слоев. Поэтому оценки имеют специфичный для каждого слоя рисунок. Отношение к профессии как к показателю социальных связей, основанных на общественном разделении труда, не является в этом плане исключением. Эти оценки неодинаковы у различных слоев людей. Они определяются опытом, который накоплен данным классом, слоем, группой и спецификой их интересов.

При этом возникает своеобразная метаморфоза: структура, не упорядоченная по самой своей природе, в представлении

людей приобретает иерархический характер. Это обусловлено тем, что различные социальные совокупности имеют различные системы ценностей, через призму которых они рассматривают социальную структуру. Так возникает представление о «превосходстве» или «непрестижности» по отношению к ряду элементов социальной структуры.

Таким образом, понятие привлекательности профессий⁸⁰ является результатом сложного взаимодействия своего собственного опыта и информации, полученной в процессе социального обучения. Учитывая различие ценностных ориентаций в разных социальных группах, а также то, что они сами по себе обычно не осознаются, вряд ли можно надеяться установить конкретные, строго дифференцированные мотивы, которыми руководствуются люди, рассматривая привлекательность той или иной профессии.

Такой подход к оценке привлекательности профессий не вполне точен. Но можно ли в принципе преодолеть неопределенность такого рода?

При формировании ценностных ориентаций (а в основе различий привлекательности лежит разница в системах ценностей жизни) существует примат целостной субъективной оценки ситуации перед объективным расчленением на компоненты, выделением функциональных и причинно-следственных связей.

Важными понятиями, характеризующими поведение социальных групп при выборе профессии, являются также личные планы разных слоев и групп, степень реализации их, шансы представителей различных слоев и групп, которые также нужно было определить и интерпретировать.

Все эти соображения давали основания для постановки конкретных вопросов исследования проблем трудоустройства и выбора профессии. Так, необходимо было изучить специфические процессы, оказывающие наиболее сильное влияние на шансы разных групп молодежи в период, когда проводилось данное исследование. Для этого потребовалось исследовать ряд

---

⁸⁰ «Сам термин «привлекательность профессий» довольно неопределенный. Это и творческий характер труда, и хороший заработок, и возможность профессионального или карьерного роста, легкость работы и ограниченный срок профессиональной подготовки и т.д.» В.В. Водзинская, Г.И. Саганенко, В.А. Ядов. В поисках научных методов регулирования процессов. — «Вопросы философии», 1966, № 6, стр. 163.

социальных проблем трудоустройства молодежи, демографическую ситуацию, некоторые социальные проблемы образования и профессионального обучения.

В этой связи исследователей интересовали также вопросы: в чем специфика демографической ситуации в эти годы? Как она сказывается на трудоустройстве выпускников школ? Обеспечивается ли необходимая увязка между ростом численности молодежи, оканчивающей школу, и ростом числа мест работы и учебы?

Есть ли связь между демографической ситуацией и отсевом молодежи из школ? Как сказывается демографическая ситуация на шансах разных групп молодежи? Каких изменений в этом плане можно ожидать в ближайшие годы? Какие мероприятия необходимы для того, чтобы повлиять на эти процессы?

Многие из этих вопросов к началу обследования не были изучены, и нужно было установить хотя бы наличие связи, направление, некоторые основные тенденции. В определенной мере это касалось и второй группы вопросов, связанных с изучением профессиональных и социальных передвижек, которыми сопровождается выбор профессии. Мы имели косвенные основания считать, что в принципе какие-то взаимосвязи между профессиями родителей и детей должны быть. Однако, поскольку конкретных исследований по этим вопросам не было, мы должны были само наличие профессиональных и социальных связей между родителями и детьми рассматривать как гипотезу. Поэтому мы стремились получить ответы на следующие вопросы: есть ли определенная взаимосвязь между профессиями родителей и детей? Для каких групп профессий она наиболее устойчива? Какие профессии наиболее популярны среди юношей и девушек? Не происходит ли у нас сближение социальных групп, помимо повышения культурно-технического уровня рабочих и колхозников, путем перехода детей рабочих и крестьян к профессиям интеллигентного труда? Где, в каких группах дети чаще наследуют профессии своих отцов?

С этим тесно связаны и вопросы трудоустройства и реализации личных планов, которые изучались на материалах массовых обследований. Каковы личные планы молодежи в связи с окончанием школы? Зависят ли они от социальной принадлежности выпускников? В какой мере реализуются личные планы у разных групп молодежи? Какова специфика трудоустройства у разных групп молодежи? Какова эффективность

производственного обучения в школах? Как сказывается производственное обучение на сближении личных стремлений молодежи с интересами общества? Все это потребовало введения ряда специфических понятий: привлекательность профессии, личные планы, личные профессиональные планы, личные миграционные планы, реализация личных планов, степень реализации личных планов, эффективность производственного обучения.

Специфическую роль играли и вопросы, связанные с изучением устойчивости оценок и поведения различных групп молодежи при выборе профессии. Эта цель реализовалась посредством повторных обследований по тем же объектам, что давало возможность проверить, как относительная устойчивость социальной структуры выпускников — неполных средних и средних школ Новосибирской области должна сказаться на устойчивости оценок у соответствующих групп молодежи. При этом, поскольку объективные процессы изменения социальной структуры происходят в разных районах неравномерно, мы были вправе предполагать, что устойчивость оценок у разных слоев населения в различных районах области будет неодинаковой.

Переход от анализа отношения к профессии в статике к наблюдению за тем, как в динамике меняется оно у поколений, вступающих в жизнь одно за другим, давал возможность экспериментально проверить эти гипотезы, изучить вопрос о том, где значительнее различия в оценках — у городской или у сельской молодежи, чей стереотип является более устойчивым — детей интеллигенции, рабочих, крестьян, городской или сельской молодежи. Иными словами, создавалась возможность установить, нет ли определенной последовательности, закономерности в ориентации разных слоев и нельзя ли в связи с этим предвидеть, как будет меняться отношение различных групп молодежи к различным профессиям в будущем, в частности, под влиянием технического прогресса, урбанизации, развития массовых коммуникаций.

Таким образом, в ходе исследования изучалась большая группа проблем общественного поведения молодежи при выборе первой профессии.

Исследование проводилось в несколько этапов.

Первый (1962 г.) — пробные обследования среди выпускников городских и сельских школ Новосибирской области для от-

работки методики исследования, анкет, выявления ряда взаимозависимостей, уточнения гипотез.

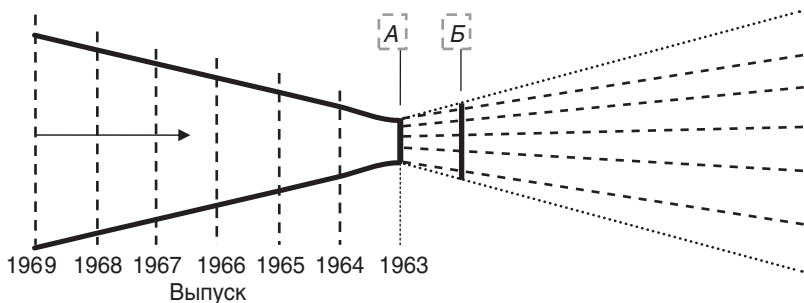
Второй (1963 г.) — проведение массовых обследований среди молодежи области, обор информации о трудоустройстве и потребностях в кадрах, обработка и анализ полученных материалов на электронно-вычислительных машинах Вычислительного центра Сибирского отделения АН СССР.

Наконец, повторные обследования в 1964–1969 гг. по тем же объектам для проверки устойчивости информации, изучения возможностей для научного прогнозирования некоторых социальных процессов, разработки предложений.

Специфику данного социологического исследования можно представить в следующей схеме, которая характеризует первую серию исследований (с учетом пробного обследования) в 1962–1969 гг. (см. рис. 28).

Рисунок 28

Изучение личных планов и их реализации
(Схема 1-й серии исследований: 1963, 1964, 1965, 1966, 1967, 1968, 1969 гг.)

Как видно из нее, через ворота средних школ (А) идет нарастающий поток выпускников. При этом наша роль как исследователей заключалась в том, чтобы ежегодно регистрировать перед окончанием средних школ (обычно в мае) личные планы, ожидания, профессиональные склонности, отношение к различным профессиям тысяч юношей и девушек. Наряду с этим мы, разумеется, получали подробную социальную и демографическую информацию персонально о каждом из выпускников.

Как видно из схемы, эта часть обследования проводилась перед «расщеплением» их жизненных путей. Затем персонально о каждом примерно через полгода (точка «Б» на схеме) мы

получали информацию о том, как реально сложилась жизнь выпускников после окончания средней школы. Причем на том же самом объекте и по той же самой методике исследование повторялось в течение 7 лет 7 раз⁸¹.

На первом этапе организаторами анкетных обследований среди выпускников были непосредственно сотрудники социологической группы. Учащимся разъяснялись цели исследования, затем раздавались анкеты, которые заполняли здесь же в классе (в среднем на заполнение анкеты затрачивалось от одного до полутора часов).

Пробное обследование показало, что подавляющее большинство учащихся очень серьезно отнеслись к заполнению анкет. Обследование касалось острых, назревших вопросов и проводилось в момент, непосредственно предшествовавший принятию весьма ответственных решений. Было видно, что такой опрос выпускников перед окончанием школы они считают вполне естественным; больше того — необходимым⁸².

На втором этапе в 1963 г. массовые обследования охватывали, как уже отмечалось, все средние школы и 10% неполных средних школ области. Естественно, что такой опрос нельзя было осуществить силами штатных сотрудников социологической группы. Поэтому обследование проводилось с помощью областных отделов народного образования при участии педагогов (главным образом классных руководителей)⁸³.

---

⁸¹ Данная работа проводилась в своеобразной демографической ситуации: численность учащихся, оканчивающих средние школы в возрасте 17–18 лет, в эти годы резко возрастала (в Новосибирской области — за 5 лет в 5 раз).

⁸² Характерно, что многие, несмотря на то, что анкета была анонимной, указывали свои фамилии, а некоторые даже писали в анкетах: «Спасибо Вам за этот опрос. Вы заставили нас еще раз очень серьезно задуматься о будущем».

⁸³ В школы были заблаговременно направлены следующие материалы для проведения обследований: а) письма областных отделов народного образования, в которых разъяснялись цели исследования и предлагалось провести анкетирование и сбор информации о трудоустройстве; б) инструкции для лиц, проводящих опрос по анкете выпускника; в) инструкции для лиц, проводящих опрос по анкете восьмиклассника; г) формы о трудоустройстве выпускников средних школ; д) формы о трудоустройстве выпускников неполных средних школ; е) анкеты выпускников; ж) анкеты восьмиклассников.

Анкета выпускника включает 51 вопрос, которые были сгруппированы в 4 раздела. При этом она не была анонимной. Это было связано с тем, что в соответствии с программой исследования осенью, после получения сведений о трудоустройстве, в нее должны были быть внесены сведения о том, куда, в какую отрасль, по какой профессии пошел работать или учиться

В 1964–1969 гг. обследование проводилось по программе 1963 г. При этом анкеты и формы по существу не были изменены (был лишь несколько расширен раздел о семье в анкете восьмиклассника). Это объясняется тем, что главная задача, которая стояла тогда, заключалась в проверке устойчивости информации. Опыт же показал, что *не только изменение формулировки вопроса, но даже перестановка вопросов сказывается на качестве информации.*

Информация, полученная при проведении этих обследований, требовала особого внимания к схеме группировки статистического материала. Поскольку пробные обследования показали значительные различия в профессиональных склонностях, личных планах и их реализации у разных групп молодежи в зависимости от пола, возраста, местожительства, социального положения, при планировании статистической разработки были выделены дифференцированные группы. В частности, весь анализ проводился отдельно по юношам и девушкам. Кроме того, он осуществлялся отдельно по выпускникам средних и неполных средних школ, а также в разрезе различных районов области: Новосибирск, средние города (города областного подчинения), малые города, села и деревни области. Наконец, он проводился в разрезе различных социальных слоев.

При разбивке на социальные слои мы стремились, прежде всего, учесть различия, обусловленные формами собственности на средства производства. Были выделены два класса (рабочий класс и колхозное крестьянство) и интеллигенция. Однако при такой характеристике социальной структуры возникает ряд методологических и методических проблем. С одной стороны, к рабочему классу в этом случае обычно относят не только городской рабочий класс, но и рабочих совхозов. С другой стороны, крестьян, нередко живущих в одном селе, относят к разным классам в связи с тем, что одни из них работают в совхозах, а другие в колхозах, хотя эти группы по условиям жизни, труда, быта друг к другу значительно ближе, чем к городским рабочим.

каждый из обследованных нами выпускников. Аналогичную структуру имела и анкета восьмиклассника (см. Приложение).

Сведения о трудоустройстве представляли осенью директора школ. При этом указывалась фамилия учащегося, чем он занимается в настоящее время (работает, учится, совмещает работу с учебой, пока не работает), в какой отрасли народного хозяйства, науки, культуры работает или учится, по какой профессии работает, в каком учебном заведении учится, по какой специальности.

Это ведет, во-первых, к тому, что как бы преуменьшается количество крестьян, и, во-вторых, занижаются многие показатели, характеризующие как рабочий класс (здесь в результате осреднения многие показатели снижаются), так и крестьянство (здесь многие показатели оказываются также ниже, поскольку не включается совхозное крестьянство, где заработки и некоторые другие показатели выше, чем у колхозников). Кроме того это создает ряд трудностей при статистической разработке материалов, поскольку не ясно, куда следует относить весьма многочисленную группу служащих, которых вряд ли правомерно характеризовать как интеллигенцию. Поэтому наряду с делением на рабочих, колхозное крестьянство и интеллигенцию в нашей разработке предусматривалось также деление на рабочих, крестьян, служащих.

При проведении социальных исследований, особенно тогда, когда ставится задача разработки конкретных предложений, нередко возникает потребность выделять более дифференцированные социальные слои внутри классов, учитывая при этом не только формы собственности на средства производства, но и место их в системе производства, в системе общественного разделения труда, профессию, уровень квалификации, образование, размер дохода. Поэтому изучаемый массив подразделялся также на более дифференцированные социальные слои.

При разработке материалов обследований 1963–1964 гг. были выделены следующие социальные слои: Рабочие промышленности и строительства, рабочие транспорта и связи, рабочие совхозов, колхозники, городская интеллигенция, городские служащие, сельская интеллигенция, сельские служащие⁸⁴.

Все это позволило использовать как дифференцированные, так и укрупненные группы. Причем при их агрегировании к рабочему классу были отнесены первая и вторая группы, к крестьянству — третья и четвертая, к служащим — пятая, шестая, седьмая и восьмая группы⁸⁵.

---

⁸⁴ Термины «городские служащие» и «сельские служащие», возможно, не являются самыми удачными, поскольку к служащим в широком смысле слова мы относим и интеллигенцию.

⁸⁵ Если бы мы стали также использовать деление на рабочих и колхозников, то, очевидно, к рабочему классу следовало относить первую, вторую и третью группы, к колхозному крестьянству — четвертую группу. Что же касается интеллигенции, то здесь возникал бы ряд вопросов относительно группы служащих. Поэтому при агрегировании обычно использовалось деление на рабочий класс, крестьянство и служащих.

Социальный и территориальный разрез разработки дал возможность экспериментально проверить ряд гипотез и вопросов (они были сформулированы выше). При этом он позволял на сопоставимом материале за ряд лет изучить устойчивость влияния некоторых внешних факторов — наличные, профессиональные, миграционные планы и их реализацию при выборе первой профессии, а проведение аналогичных обследований по той же методике в других районах создавало возможность выявить в ходе совместных исследований, какие из выявленных тенденций и взаимосвязей имеют ограниченный, локальный, а какие более общий характер.

В связи с разработкой схемы анализа были определены основные типы выборок. В качестве генеральной совокупности рассматривались учащиеся, окончившие школы Новосибирской области в данном году. Хотя и в 1963 и в 1964 гг. анкеты рассылались во все школы области, возврат составлял примерно две трети. Кроме того, часть информации терялась в связи с неполучением информации о трудоустройстве (в 1963 г. — 16% от числа полученных анкет). Поэтому не только по восьмиклассникам, но и по выпускникам средних школ мы имели дело по существу с материалами выборочных обследований.

Кроме того, необходимо иметь в виду сужение информационной базы в связи с проведением повторных обследований. Дело в том, что в 1964 г. часть информации, как и в 1963 г., была утрачена. Ряд школ, имевших в 1963 г. выпуски, в последующем году их не имели. Поэтому для сопоставления и проверки устойчивости информации необходимо было отобрать школы, которые представили и в 1963 и в 1964 гг. всю информацию (как анкеты, так и сведения о трудоустройстве). Естественно, что это еще сильнее ограничивало выборку. В результате по существу определился новый массив информации — «сопоставимый массив». Наконец, поскольку разработка нескольких сот таблиц по нескольким тысячам анкет весьма трудоемкое дело, для ускорения работы из материалов сплошного обследования в 1963 г. была сделана пробная выборка. Отбиралась каждая десятая годная анкета по каждой из восьми совокупностей.

Выделение основных типов выборок в процессе агрегирования и отбраковки информации создавало возможности для оценки репрезентативности основных массивов по главным показателям. Проверка репрезентативности проводилась по

наиболее обширному разделу анкеты выпускника, который связан с оценкой привлекательности различных профессий. Расчеты репрезентативности дали следующие результаты:

Таблица 17
Ошибка репрезентативности при различных типах выбора (в %)

Тип выборки	Без учета возврата	С учетом возврата
Генеральная совокупность	0	0
Основной массив	от 0 до 0,5	от 0,5 до 1,0
Основной массив с полной информацией	от 0,5 до 1,0	от 0,5 до 1,0
Сопоставимый массив	от 1,0 до 2,0	от 1,0 до 2,0
Пробная выборка	от 2,0 до 3,0	от 3,0 до 4,0

Таким образом, расчеты показывают довольно высокую репрезентативность различных типов выборки, которые используются в нашей работе. При этом ошибка выборки по массивам девушек меньше, чем по массивам мальчиков. С точки зрения территориальной наиболее представительным оказался г. Новосибирск, затем села, мелкие города и, наконец, средние города области.

Агрегирование, классификация, подготовка информации к расчетам проводились после получения сведений о трудоустройстве. При этом агрегирование сводилось к внесению в анкеты выпускника и анкеты восьмиклассника данных о том, где, по какой профессии работает или учится каждый из обследованных нами весной учащихся. Одновременно с ним осуществлялась отбраковка анкет с неполной информацией, а также уточнение небрежно или ошибочно заполненных пунктов на основе дополнительной или косвенной информации, в частности на основе других ответов из этой же анкеты. Поскольку разработанная в соответствии с первоначальными гипотезами схема кодировки должна была уточняться на основе реально полученной информации, что в свою очередь вело к уточнению некоторых гипотез, разработка кода по ряду вопросов требовала довольно трудоемкой работы — выписывания и классификации всех ответов по тому или иному вопросу. Это было связано с тем, что мы по возможности старались избегать подсказок в анкете, которые часто ведут к определенной деформации ответов, хотя и облегчают обработку. Открытые вопросы обычно

меньше деформируют ответ, но требуют больших затрат труда при подготовке информации к расчетам. При обработке материалов наряду со статистическими группировками использовался корреляционный анализ.

Основные расчеты при изучении устойчивости оценок профессий были проделаны по сопоставимым массивам выпускников средних и неполных средних школ. Однако в ряде случаев они производились и по основному массиву. В связи с изучением устойчивости средних оценок привлекательности профессий весьма существенным являлось также исследование меры вариативности индивидуальных оценок. Для этого были проведены расчеты не только средних оценок, но и среднего квадратичного отклонения по нескольким десяткам профессий. Учитывая очень большую трудоемкость расчетов средних квадратичных, они проводились по 33-процентной выборке из сопоставимого массива по Новосибирску и селам области, которая формировалась из материалов обследования как 1963, так и 1964 г., чтобы дать возможность выявить тенденции и устойчивость оценок за ряд лет. При этом была предпринята попытка комплексно проанализировать динамику средних оценок и среднеквадратических отклонений для выявления взаимосвязи между степенью привлекательности той или иной профессии и степенью единодушия в оценке ее со стороны различных групп молодежи.

Анализ информации осуществлялся после того, как полученные материалы были упорядочены и представлены в доступной для обозрения форме. При этом, учитывая многообразие и сложность полученной информации, в ряде случаев для выявления основных тенденций материалы дополнительно укрупнялись: профессии сводились к группам профессий, слои к классам.

2. Социальная мобильность при выборе профессии

Развитие производительных сил выражается в росте общественного разделения труда. Появление все новых и новых составляющих направлений в общественном разделении труда ведет к тому, что большие социальные группы оказываются привязанными к определенным видам труда. Различие между людьми умственного и физического труда, между промышленностью и сельским хозяйством, между различными профессиями

ями углубляется, обуславливая замкнутость отдельных групп населения.

На III Международном социологическом конгрессе датский социолог Кааре Сваластог в докладе «Заметки о детерминантах социальной мобильности» заявил, что «мобильность большой дистанции» по вертикали — очень редкое явление. Да, для рыночного общества продвижение от низов общества до его вершин — явление исключительное. Об этом свидетельствуют и данные американского ученого Кулена. Исследование, проводившееся им среди молодежи США, показало, что большинство юношей и девушек не выходят по существу из круга профессий старшего поколения: 61,5% детей служащих остаются служащими, 73,5% детей рабочих остаются рабочими⁸⁶.

В Соединенных Штатах Америки существуют большие различия между предпочитаемыми профессиями и профессиями, которые молодежь считает для себя доступными. Значительная часть молодежи США покидает школу, вполне понимая, что она не сможет получить не только любимую специальность, но даже хоть какую-нибудь работу.

Это характерно не только для США. «Нелишне будет напомнить, — отмечал научный сотрудник Центрального французского института профессиональной ориентации Антуан Леон, — что разумное применение педагогических средств не разрешает полностью проблемы профессиональной ориентации. Над детьми доминируют в основном условия экономические и социальные»⁸⁷. Сын капиталиста будет капиталистом, сын рабочего останется рабочим.

При исследовании взаимосвязей между профессиями родителей и детей необходимо различать: материальную форму разделения труда, т.е. общественное разделение труда как форму развития производительных сил, которая порождает определенную, хотя и подвижную связь между поколениями; взаимосвязь, обусловленную передачей в семье культурного и производственно-технического опыта, профессиональных навыков, склонностей и антипатий, что ведет к известной преемственности ряда форм профессионального разделения труда; взаимосвязь поколений.

---

⁸⁶ P. Kuhlen. The psychology of adolescent development, 1952, p. 17.

⁸⁷ Antoine Leon. Psychopedagogy de l'orientation professionnelle. Paris, 1957, p. 121.

Некоторый материал о взаимосвязях между занятиями отцов, профессиональными склонностями детей и выбором профессии дает анализ материалов исследования, проведенного нами.

В анонимной анкете, которая распространялась среди выпускников, один из вопросов формулировался так: «Уверены ли Вы, что сможете получить любимую специальность?» Из 289 учащихся общеобразовательных школ только 19 человек (6%) ответили «нет». Как видно, подавляющее же большинство учащихся уверено в том, что они смогут получить любимую специальность.

К каким профессиям прежде всего стремится молодежь? Какова взаимосвязь между занятиями родителей и профессиями, которые хотят избрать их дети?

Профессиональная склонность как потребность в деятельности определенного рода формируется в семье и школе. Одно из первых ее проявлений — отношение к учебным предметам.

Наша анкета позволила выяснить (и количественно оценить) отношение молодежи к различным учебным дисциплинам. При этом наиболее высокую оценку получили литература и математика. Иначе говоря, на вопрос недавних дискуссий, которые еще не потеряли у нас своей остроты, юноши и девушки ответили: «Любим лирику и физику». Однако, когда ставится вопрос об отношении к различным учебным предметам в связи с будущей работой, дело меняется. При этом занятия, к которым они стремятся, часто оказываются далеко не традиционными для их семей.

Рассмотрим взаимосвязь между занятиями отцов и профессиональными склонностями детей в плане «горизонтальной мобильности», имея в виду не продвижение к более творческим, привлекательным или высокооплачиваемым видам труда, а лишь переход к занятиям иного рода, чем те, которые были у их отцов⁸⁸.

Для этого профессии, названные в ходе опроса (более 100), объединим в три группы: профессии, требующие технической и физико-математической подготовки, профессии, требующие знания естественных наук, и гуманитарные профессии.

---

⁸⁸ Несовпадение итога по отдельным строкам связано с тем, что не указана группа «прочие», куда были включены профессии, которые нельзя отнести ни к одной из групп.

Профессии отцов и склонности детей

Отцы имеют профессии, требующие подготовки	Дети стремятся избрать профессии, требующие подготовки			Итого
	технической и физико-математической	естественной	гуманитарной	
	В процентах к итогу			
Технической и физико-математической	54	22	23	100
Естественной	57	32	11	100
Гуманитарной	53	17	27	100
<i>в том числе сыновья</i>				
Технической и физико-математической	84	8	8	100
Естественной	80	20	—	100
Гуманитарной	88	12	—	100
<i>в том числе дочери</i>				
Технической и физико-математической	35	32	33	100
Естественной	31	46	23	100
Гуманитарной	8	23	61	100

Анализ показывает, что наибольшая преемственность наблюдается по профессиям первой группы. Так, 54% детей из семей, где отцы имеют профессии, требующие технической и физико-математической подготовки, намерены работать по аналогичным профессиям, 84% из них — юноши и 35% — девушки.

Учащиеся из семей, где профессии отцов связаны с естественными науками, в своем большинстве (57%) желают работать по профессиям первой группы. 32% из них продолжают линию отцов. Причем в их числе две трети — девушки и одна треть — юноши.

Следует отметить, что из всех категорий дети естественников питают наименьшую склонность к гуманитарным профессиям (11%). Наконец, 53% детей гуманитариев также желают работать по специальностям, связанным с математикой, физикой и техникой, при этом 88% из них — юноши. Ни один юноша не изъявил желания быть гуманитарием. Напротив, большинство дочерей (61%) верны профессиям отцов. При-

чем наименее популярными среди дочерей являются профессии, требующие физико-математической подготовки. В целом только 27% сыновей и дочерей «гуманитариев» желают идти по стопам отцов.

Общая картина такова: продолжать линию отцов желают 54% детей «техников», 52% детей «естественников» и лишь 27% детей «гуманитариев».

Таким образом, наиболее высоким престижем среди молодежи пользуются профессии, требующие знания математики, физики, техники. И хотя отнюдь не все дети первой группы желают продолжать дело своих отцов, к этим профессиям стремятся многие дети из семей «естественников» и «гуманитариев» (точнее, сыновья, ибо здесь мы сталкиваемся с диаметрально противоположными склонностями у юношей и девушек). При этом различия в уровне преподавания, постановке производственного обучения, в профессиональной ориентации вообще не оказывают влияния, ибо юноши и девушки учатся в одних и тех же классах одних и тех же школ.

Научно-технический прогресс, огромные успехи, которых добились физико-математические науки, оказывают очень сильное влияние на формирование профессиональных склонностей, обуславливают большую подвижность в стремлениях разных групп молодежи. В то же время эти веяния, вызывая огромный интерес у юношей, слабее затрагивают девушек, которые стремятся получить специальности, в основном связанные с гуманитарными и естественными науками.

Эти особенности формирования профессиональных склонностей у юношей и девушек необходимо учитывать как при размещении производства и сети учебных заведений, так и при организации работы по профессиональной ориентации. Сосредоточение в данном районе или городе предприятий и учебных заведений преимущественно с техническим и физико-математическим уклоном, способствующее трудоустройству юношей в соответствии с их склонностями, в то же время может затруднять трудоустройство девушек, окончивших школу. Это может привести к недостатку рабочей силы (при достаточных трудовых ресурсах в районе), а также к более высокой текучести и миграции среди молодежи. Причем в этих условиях при большом числе желающих продолжать свое образование в учебных заведениях может оказаться недобор.

Настораживает то, что в нашей, пусть небольшой, выборке не оказалось ни одного молодого человека из семьи «гуманитариев» и «естественников», который бы стремился стать «гуманитарием». Вряд ли следует безразлично относиться к тому, что гуманитарные и естественные профессии все более становятся уделом женского труда, в то время как юноши стремятся к профессиям, требующим физико-математической подготовки. Каковы бы ни были причины этого явления, общество вряд ли устроит такая перспектива, когда инженерами будут только мужчины, а врачами и педагогами — женщины. Видимо, нужно развивать склонности к гуманитарным и естественным наукам у юношей и любовь к физико-математическим профессиям — у девушек.

Большой интерес представляет также вопрос о взаимосвязях отцов и детей в плане «вертикальной мобильности». Этим термином социология обычно обозначает продвижение членов низших классов вверх по лестнице иерархии. Вертикальная мобильность в социалистических условиях имеет иное содержание, что объясняется иными принципами воспроизводства социальной структуры. Об этом, в частности, свидетельствуют ответы на нашу анкету. Так, на вопрос: «Чем нравится специальность, которую Вы хотели бы приобрести?» лишь 2% опрошенных указали «высокий заработок». Для 25% опрошенных главным в будущей профессии оказалось ее «значение для народного хозяйства», для 45% — «творческий характер труда»⁸⁹.

Большая часть молодежи полагает, что самое привлекательное в профессии — это простор, который она дает для творчества⁹⁰. В связи с этим в основу построения ранга профессий и был положен принцип — возможности для творчества. При этом, поскольку классификации профессии под этим углом зрения у нас нет, пришлось прибегнуть к экспертной оценке, при которой все профессии, с точки зрения создаваемых ими возможностей для творчества были подразделены по 10-балльной системе. Затем из оценок экспертов была выведена средняя для каждой профессии и построен ранг профессий. При

---

⁸⁹ Следует отметить, что нельзя упрощенно понимать эти данные, ибо они, конечно, деформированы социальным контролем, влиянием массовой коммуникации.

⁹⁰ Аналогичная тенденция выявлена и ленинградскими социологами. «Для большинства юношей и девушек, выбирающих первую профессию, — пишет В.В. Водзинская, — творческий характер труда, возможность повышать квалификацию и общественный престиж профессии имеют определяющее значение» (см. «Человек и его работа», стр. 165).

этом в первую группу были объединены профессии с оценкой от 1 до 4 баллов (наименее творческие), во вторую — с оценкой от 4 до 8 баллов, в третью — наиболее творческие профессии с оценкой от 8 до 10 баллов⁹¹.

Следует отметить, что сразу после окончания школы практически все учащиеся называют профессии, дающие малый или средний простор для творчества. Любопытно при этом, что на самые нетворческие профессии (первая группа) готовы идти большинство детей (70%) из семей, где отцы имеют наиболее творческие профессии. И наоборот: большинство детей (59%) из первой группы профессий желают перейти во вторую группу. Налицо довольно устойчивая обратная связь между занятиями отцов и профессиональными стремлениями детей, только что окончивших школу.

Однако дело коренным образом меняется, когда мы начинаем анализировать профессии, по которым хотела бы работать молодежь после завершения образования. В этом случае 60% детей из третьей группы профессий намерены остаться в этой же группе, причем ни один из них не хотел бы работать по специальностям первой группы. В то же время 71% детей из семей первой группы желал бы иметь профессии, дающие средние возможности для творчества (вторая группа). Наконец, большинство детей из второй группы желали бы остаться в той же группе, хотя многие из них (48%) стремятся перейти к профессиям третьей группы.

Возникает вопрос: чем же все-таки вызвано то, что сразу после окончания школы дети из третьей группы профессий готовы работать по специальностям первой группы, а после завершения образования стремятся к занятиям третьей группы? Может быть, эта группа молодежи в профессиональном плане пока не определилась?

Однако нам дело представляется иначе. Дети из семей третьей группы имеют вполне определенные жизненные стремления — идти по пути отцов, хотя эти стремления могут быть и не вполне осознаны. Вопрос же о том, где работать сразу после окончания школы, для данной группы молодежи еще не

---

⁹¹ Речь идет о том, чтобы ранжировать профессии родителей «по возможности для творчества» (с точки зрения экспертов) и посмотреть, как связаны они с теми профессиями, которые собирались избрать или избрали их дети, и которые, естественно, должны были «измеряться» той же самой мерой, т.е. оценками экспертов.

Таблица 19

Занятия отцов и склонности детей (оценка профессий по возможности для творчества)

Отцы имеют профессии	Дети стремятся избрать профессии			Итого
	I группа	II группа	III группа	
	в % к итогу			
<i>Намерены, работать сразу после школы</i>				
Первая группа	41	59	–	100
Вторая группа	65	33	2	100
Третья группа	70	30	–	100
<i>Намерены работать после завершения образования</i>				
Первая группа	3	71	26	100
Вторая группа	1	51	48	100
Третья группа	–	40	60	100

само решение, а лишь предпосылка к нему. С другой стороны, дети из семей первой группы также отличаются довольно определенными стремлениями: в большинстве своем они хотят сразу перейти от занятий отцов к профессиям второй группы. Вероятно, в этом решении определенную роль играют и материальные соображения вне зависимости от того, осознаны они или нет, ибо ранг профессий по простору для творчества тесно связан с рангом профессий по величине оплаты. Это отчетливо проявляется в следующей группировке:

Таблица 20

Влияние размера денежного дохода в расчете на одного члена семьи на профессиональные склонности молодежи (оценка профессий по возможностям для творчества)

Денежный доход на одного члена семьи	Дети стремятся избрать профессии			Итого
	I группа	II группа	III группа	
	в % к итогу			
<i>Намерены, работать сразу после школы</i>				
Да 40 руб.	52	36	12	100
От 40 до 80 руб.	65	22	13	100
Свыше 80 руб.	79	21	–	100
<i>Намерены работать после завершения образования</i>				
Да 40 руб.	7	52	41	100
От 40 до 80 руб.	–	37	63	100
Свыше 80 руб.	–	25	75	100

Как видим, значительная часть детей из семей первой группы профессий (с доходом на одного члена семьи до 40 руб.) хочет сразу же перейти во вторую группу. Большинство детей из семей с доходом до 40 руб. на одного члена семьи после завершения образования намерено работать по профессиям второй группы. Дети же наиболее обеспеченных семей (свыше 80 руб. на душу) сразу после окончания школы готовы работать по профессиям первой группы. Лишь 21% детей из семей с доходом свыше 80 руб. сразу после окончания школы стремятся получить профессии второй группы. Причем ни один из них не претендует на профессии третьей группы. Зато после завершения образования три четверти из них намерены получить профессии третьей группы, четверть — второй и ни один — первой.

Очевидно, что чем больше простора для творчества дает та или иная профессия, тем больше преемственность между занятиями родителей и детей. Причем полученные данные обнаруживают определенную последовательность, «ступенчатость» в стремлениях молодежи: из первой группы профессий большинство хочет перейти во вторую, из второй почти половина в третью, из третьей большинство стремится (после завершения образования) сохранить профессии отцов, хотя довольно большая часть (40%) намерена работать по профессиям второй группы⁹².

Профессиональные склонности в известном плане (в смысле стремления остаться в рамках той или иной социальной группы или, напротив, перейти в другую) можно классифицировать как склонности социальные. В связи с этим мы сделали попытку проследить взаимосвязь между социальным положением родителей (отцов) и склонностями детей.

Для этого на первом этапе были выделены четыре социальные группы: рабочие промышленности и строительства, рабочие сельского хозяйства и колхозники, работники сферы обслуживания и интеллигенция (см. табл. 21).

Как видно из таблицы, меньше всего желающих работать после окончания школы в сфере обслуживания. Здесь хотят работать только 5% детей рабочих промышленности, 4% работ-

---

⁹² Эта эмпирически установленная «ступенчатость» в стремлениях молодежи (из первой — во вторую, из второй — в третью, из третьей — в третью же) имеет, как нам представляется, более общее значение и заслуживает специального анализа.

Таблица 21

Социальное положение отцов и склонности детей

Отцы являются	Дети хотят стать				Итого
	Рабочими про- мышленности	Рабочими сельского хозяйства	Работниками сферы обслу- живания	Работниками интеллигент- ного труда	
	в % к итогу				
Работниками промыш- ленности и строительства	35	–	5	60	100
Рабочими сельского хозяй- ства и колхозниками	88	12	–	–	100
Работниками сферы обслу- живания	56	4	4	36	100
Работниками интеллигент- ного труда	25	1	3	71	100

ников сферы обслуживания и 3% детей из семей интеллигенции. Мало желающих работать и в сельском хозяйстве. Здесь продолжать занятия отцов хотят лишь 12% детей колхозников и сельскохозяйственных рабочих, 4% детей работников сферы обслуживания и 1% детей работников интеллигентного труда. Причем ни один из детей рабочих промышленности не желает работать в сельском хозяйстве. С другой стороны, рабочими промышленности после окончания школы хотят быть 88% детей колхозников и рабочих сельскохозяйственных предприятий, 56% детей работников сферы обслуживания, 35% детей рабочих промышленности, 25% детей работников интеллигентного труда.

Наибольшей популярностью пользуются интеллигентные профессии. После окончания школы интеллигентами намерены стать 71% детей интеллигентов, 60% детей рабочих промышленности, 36% детей работников сферы обслуживания. При этом особенно заметны популярность интеллигентных профессий в связи с той специальностью, которую хотели бы приобрести учащиеся после завершения образования.

В целях определения устойчивости выявленных стремлений, желаний, интересов, степени их связи с реальными поступками и решениями мы сопоставили профессиональные

склонности с теми специальностями, которые получила молодежь после окончания школы⁹³.

Рассмотрим вначале вопрос о взаимосвязях между профессиями отцов и работой, полученной детьми после окончания школы.

Таблица 22

Занятия отцов и выбор профессии

Профессии требуют прежде всего подготовки	Профессии отцов (в % к итогу)	Профессии, полученные детьми (в % к итогу)
<i>Сыновья</i>		
Технической и физико-математической	70	75
Естественной	15	25
Гуманитарной	15	–
Итого	100	100
<i>Дочери</i>		
Технической и физико-математической	81	42
Естественной	8	44
Гуманитарной	11	14
Итого	100	100

Структура профессий, выбранных дочерьми, очень резко отличается от структуры профессий отцов. При этом наибольшая преемственность наблюдается у дочерей, отцы которых связаны с гуманитарными и естественными профессиями. Напротив, из числа дочерей, отцы которых связаны с профессиями, требующими технической и физико-математической подготовки, половина не пошла по пути отцов.

Иначе обстоит дело у юношей. Из них три четверти пошли работать по специальностям, требующим технической и физико-математической подготовки. Это в общем соответствует

⁹³ Для этого были собраны сведения о том, куда пошли работать и учиться те самые юноши и девушки, профессиональные стремления которых изучались. Однако здесь возникли определенные трудности. В связи с анонимным характером распространявшихся анкет выяснение профессии, полученной каждым из обследованных в отдельности, оказалось невозможным. Поэтому пришлось ограничиться общими разработками. Тем не менее, они дают возможность судить о взаимосвязях между профессиями отцов; профессиональными склонностями и выбором профессии как «по горизонтали», так и «по вертикали».

их профессиональным склонностям. Одна четверть их пошла по естественным дисциплинам, и ни один из них не пошел по стопам отцов-гуманитариев. Это также подтверждает тесную связь между профессиональными склонностями и последующим выбором профессии.

В то же время наблюдается связь (это видно из сопоставления таблиц 22 и 23) между профессиональными склонностями и реальным выбором профессии. При этом закономерности, вскрытые нами при анализе профессиональных склонностей, как правило, подтверждаются и реальным их выбором.

Значительный интерес представляет сопоставление профессий отцов, профессиональных склонностей детей и реальных профессий, полученных молодежью после окончания школы при группировке профессий по их творческому потенциалу.

Как видим, дети сразу после окончания школы получили профессии, дающие широкий простор для творчества. Это касается как сыновей, так и дочерей, как молодежи города, так и села. Во-вторых, молодежь перевыполнила «программу-минимум», которую она ставила для себя перед окончанием школы. Дело в том, что реально полученные профессии имеют более высокую оценку, чем заявки, которые делала молодежь⁹⁴. Причем это касается всех, кроме девушек из села, которые получили менее творческую работу, чем ожидали, но тем не менее более творческую, чем имели их родители⁹⁵.

Вместе с тем оценка профессии показывает, что городская и сельская молодежь сразу после окончания школы стремилась получить профессии примерно с одинаковым простором для творчества (в целом 4,2; юноши соответственно 3,8 и 3,8; девушки соответственно 4,5 и 4,5). Однако балл реальных профессий, полученных после окончания школы, колеблется довольно значительно от 5,6 до 4,3 в целом, от 5,4 до 4,5 у юношей, от 5,7 до 4,1 у девушек. При этом наибольшие возможности для творчества открывают профессии, полученные городской молодежью. Самый же низкий балл получили профессии, выбранные сельскими девушками.

---

⁹⁴ Здесь, разумеется, нельзя не учитывать и специфики демографической ситуации в 1962 г.

⁹⁵ Что касается профессий, которые хотели бы получить юноши и девушки после завершения образования, то об этом пока нельзя судить, ибо многие из юношей и девушек после окончания школы пошли на работу, имея в виду в дальнейшем продолжать образование и получить новые специальности.

Таблица 23

Занятие отцов и выбор профессий

Группировки выпускников по типам школ	Оценка профессий по возможности для творчества (в баллах)				Профессии, реально полученные молодежью после школы
	Профессии отцов	Профессиональные склонности детей		После завершения образования	
		Сразу после школы	После завершения образования		
Общеобразовательные городские и сельские (в целом) в том числе: юноши девушки	5,0	4,2	7,8	5,3	5,3
	5,1	3,8	7,4	5,2	5,2
	4,8	4,5	7,3	5,3	5,3
Городские общеобразовательные в том числе: юноши девушки	5,3	4,2	7,6	5,6	5,6
	5,3	3,8	7,7	5,4	5,4
	2,2	4,5	7,5	5,7	5,7
Сельские общеобразовательные в том числе: юноши девушки	3,8	4,2	6,0	4,3	4,3
	4,3	3,8	5,6	4,5	4,5
	3,3	4,5	6,4	4,1	4,1

В этих данных находят свое отражение социально-экономические и культурно-бытовые различия между городом и деревней. Постепенное изживание этих различий будет создавать и более равные условия для получения творческих профессий в ходе строительства коммунистического общества как городской, так и сельской молодежью. Наконец, об изменениях социального статуса в связи с выбором первой профессии выпускниками средних школ можно судить по данным табл. 24, которая показывает уменьшение процента занятых в сельском хозяйстве и сфере обслуживания.

Таблица 24

Изменение социальной структуры при выборе профессий

Социальные слои	Распределение по социальным слоям (в % к итогу)			
	отцов в % к итогу	детей в % к итогу	в том числе	
			сыновей	дочерей
Рабочие промышленности	10	18	22	13
Работники сельского хозяйства и колхозники	17	1	2	—
Работники сферы обслуживания	11	8	8	8
Интеллигенция	62	73	68	79
Итого:	100	100	100	100

Большой интерес представляет анализ взаимосвязи между занятиями родителей, профессиональными склонностями детей и выбором профессии, т.е. передвижки в профессиональном и социальном плане, которые происходят в связи с трудоустройством и выбором первой профессии⁹⁶.

Специальные оценки экспертов⁹⁷ позволили выделить группы профессий, требующие в первую очередь подготовки:

⁹⁶ Это обследование носило не анонимный характер, что позволило проследить, куда и по какой специальности пошел работать или учиться каждый из обследованных нами юношей и девушек.

⁹⁷ В дальнейшем излагается разработка «пробной выборки» из материалов обследования 1963 г., осуществленного Н. Бузуковой под руководством автора.

физико-математической и технической, естественной, гуманитарной⁹⁸.

Полученные материалы подтвердили большую популярность технических наук (см. табл. 25). Вместе с тем наблюдалась и определенная специфика. Так, велик удельный вес лиц (51%), желающих приобрести традиционные для данных семей профессии второй группы, в то время как раньше на первом месте были профессии, требующие технической и физико-математической подготовки.

Однако при переходе к более детальному анализу это противоречие снимается. Дело в том, что выявляются диаметрально противоположные склонности юношей и девушек. Продолжать линию родителей желают 88% сыновей «техников» и «математиков», 56% сыновей «естественников» и лишь 5% «гуманитариев». У дочерей же дело обстоит наоборот. Продолжать линию родителей хотят лишь 30% дочерей «техников» и «математиков», 46% дочерей «естественников» и 50% дочерей «гуманитариев».

Как видно, из десяти юношей, родители которых имеют профессии, требующие технической и физико-математической подготовки, девять намерены работать или учиться по этим же профессиям, а один — по профессиям следующей группы. При этом ни один не хочет быть связан с гуманитарными профессиями. Из десяти юношей «естественников» примерно 5–6 намерены остаться в той же группе профессий, три — заняться техникой и один — гуманитарными науками. Большинство же сыновей «гуманитариев» желают работать или учиться по профессиям, связанным с техникой, 22% — по профессиям, связанным с естественными науками, и лишь 5% по профессиям гуманитарным.

Профессиональные склонности девушек, родители которых связаны с техническими профессиями, примерно поровну делятся между техническими, естественными и гуманитарными. Дочери же «естественников» отличаются большей определенностью — 46% из них хотят посвятить себя заняти-

---

⁹⁸ Семьи, где родители имели профессии, которые нельзя было отнести ни к одной из перечисленных выше групп, были включены в группу «прочие». Определенные трудности при группировке семей по характеру занятий связаны с тем, что сплошь и рядом профессии родителей (отца и матери) различны и нужно было брать либо профессию отца, либо матери. Учитывая, что в данной выборке многие матери не работают, мы положили в основу группировки семей следующий признак: в семьях, где есть отец и мать, брали профессию отца; в семьях, где отца нет, брали профессию матери.

Занятия родителей и профессиональные склонности детей

Родители имеют профессии, требующие прежде всего подготовки	Дети хотят получить профессии, требующие прежде всего подготовки				Всего семей
	Физико–математической и технической	Естественной	Гуманитарной	Прочей	
	в % к итогу				
Физико–математической и технической	65,0	23,0	20,0	1,0	100
Естественной	32,3	50,0	18,0	–	100
Гуманитарной	40,0	25,0	33,0	2,0	100
Прочей	56,0	25,0	16,0	–	100
Всего	52,0	26,0	21,0	1,0	100
<i>в том числе сыновья</i>					
Физико–математической и технической	88,0	12,0	–	–	100
Естественной	33,0	56,0	11,0	–	100
Гуманитарной	73,0	22,0	5,0	–	100
Прочей	87,0	13,0	–	–	100
Всего	81,0	18,0	1,0	–	100
<i>в том числе дочери</i>					
Физико–математической и технической	39,0	29,0	30,0	2,0	100
Естественной	31,0	46,0	23,0	–	100
Гуманитарной	21,	26,0	50,0	3,0	100
Прочей	38,0	65,0	27,0	–	100
Всего	34,0	31,0	33,0	2,0	100

ям, связанным с естествознанием, 31% отдают предпочтение техническим профессиям и 25% — гуманитарным. Не менее определены профессиональные склонности и у дочерей «гуманитариев». Половина, из них намерена избрать гуманитарные профессии, 26% — естественные и 21% — технические и физико-математические.

Таким образом, в целом материалы обследований отчетливо показывают специфику профессиональных склонностей юношей и девушек. Если большинство юношей ставят на пер-

вое место технические профессии, на второе — естественные, на третье — гуманитарные, то девушки, наоборот, лучшими считают гуманитарные профессии, естественные и затем технические. Это дает основание считать, что мы имеем дело с устойчивыми, закономерными взаимосвязями.

В связи с этим интерес представляет табл. 26, которая по сути дела не имеет своего аналога при пробном обследовании, так как оно было анонимным.

Таблица 26

Занятия родителей и реальный выбор профессии их детьми

Родители имеют профессии, требующие прежде всего подготовки	Дети хотят получить профессии, требующие прежде всего подготовки				Всего семей
	Физико-математической и технической	Естественной	Гуманитарной	Прочей	
	в % к итогу				
Физико-математической и технической	64,0	16,0	16,0	4,0	100,0
Естественной	42,0	14,0	44,0	—	100,0
Гуманитарной	53,0	10,0	32,0	5,0	100,0
Прочей	61,0	15,0	15,0	9,0	100,0
Всего	59,0	15,0	21,0	5,0	100,0
<i>в том числе сыновья</i>					
Физико-математической и технической	88,0	8,0	2,0	2,0	100,0
Естественной	50,0	13,0	37,0	—	100,0
Гуманитарной	81,0	9,0	5,0	5,0	100,0
Прочей	87,0	5,0	8,0	—	100,0
Всего	83,0	8,0	7,0	2,0	100,0
<i>в том числе дочери</i>					
Физико-математической и технической	51,0	21,0	24,0	4,0	100,0
Естественной	39,0	15,0	46,0	—	100,0
Гуманитарной	37,0	11,0	47,0	5,0	100,0
Прочей	39,0	25,0	21,0	15,0	100,0
Всего	45,0	19,0	30,0	6,0	100,0

Как видим, больше половины выпускников выбрали профессии, требующие технической подготовки. По этим профессиям пошли работать и учиться 83% юношей и 45% девушек. На втором месте идут гуманитарные профессии, по которым пошли работать 30% девушек и лишь 7% юношей. На третьем «месте» — «естественные» профессии, по которым пошли работать 19% девушек и 8% юношей.

Анализ реального трудоустройства и выбора профессии еще более оттеняет некоторые отмеченные ранее тенденции. Так, 88% юношей из группы техников и математиков были намерены остаться в этой же группе. Все они фактически стали работать или учиться по профессиям этой же группы. В семьях «естественников» соотношение между ними (соответственно составило 56% и 13%, в семьях «гуманитариев» — 5% и 5%). Иными словами, при реальном выборе профессии юношами происходит некоторая «передвижка» за счет естественнонаучных профессий. Однако порядок сохраняется прежним как в целом, так и по отдельным группам. В частности, по техническим специальностям меньше всего пошло юношей из семей «естественников». Это еще раз подтверждает мысль о том, что профессиональные склонности и реальный выбор профессии имеют между собой определенную связь.

Что касается профессий, избранных девушками, то, как видно из сравнения их с профессиональными склонностями, они также были скорректированы в сторону технических, по профессиям, по которым пошли работать не 34%, а 45% девушек. В то же время по гуманитарным профессиям пошли не 50%, а 47%, по естественным — не 46%, а лишь 15%.

В этом сказывается специфика учебных заведений данного района, о которой говорилось выше. Поскольку структура производства и учебных заведений более соответствует профессиональным склонностям юношей, чем девушек, у последних наблюдаются и большие передвижки. В целом продолжают линию отцов лишь 85% техников, 32% «гуманитариев» и 14% «естественников». Следовательно, если последовательность профессиональных склонностей была такова: технические, естественные и гуманитарные профессии, то при реальном трудоустройстве порядок оказался иным: технические, гуманитарные и естественные профессии.

Таким образом, научно-технический прогресс обуславливает довольно высокую «горизонтальную мобильность» к профес-

сиям, связанным с математикой, физикой, техникой. Это не «мода», а реальная и устойчивая для определенной части молодежи (в основном для юношей) тенденция. Анализ вскрывает большую мобильность и «по вертикали» в смысле стремления перейти к более творческим профессиям. При этом склонности тесно коррелируют с реальным выбором профессии. Молодежь и в городе и в деревне сразу после окончания школы получила более творческую работу, чем имели отцы. Вместе с тем необходимо учитывать, что городская молодежь имеет более благоприятные условия для этого.

Большой популярностью пользуются профессии интеллигентного труда. В этом проявляется столь характерное для советской молодежи стремление к повышению своего культурно-технического уровня. Ликвидация существенных различий между умственным и физическим трудом в процессе строительства коммунизма происходит как путем повышения культурно-технического уровня рабочих и колхозников, так и путем перехода детей рабочих и крестьян к профессиям интеллигентного труда. Вместе с тем имеются у разных социальных групп различия в условиях для свободного выбора профессии, что объясняется не только разными системами ценностей, но и различиями в условиях жизни и, в частности, в материальном положении.

Профессиональные стремления тесно связаны с реальным выбором профессий, хотя эта связь не проявляется в полной мере сразу после окончания школы, ибо стремления, не реализованные сейчас, молодежь пытается осуществить потом. Поэтому чрезвычайно важно систематически изучать профессиональные склонности молодежи и разумно управлять ими.

3. Влияние социальных различий на привлекательность профессий

Материалы пробного обследования позволили «нащупать» некоторые тенденции. Вместе с тем они свидетельствовали, что нужно тщательней изучить отношение молодежи к вееру жизненных путей, к различным профессиям. Поэтому выпускникам Новосибирской области в последующие годы было предложено оценить привлекательность нескольких десятков профессий⁹⁹ (самая привлекательная — 10 баллов, самая не-

---

⁹⁹ См. Приложение.

привлекательная — 1 балл, остальные — соответственно промежуточные оценки).

Это позволило выявить информированность и отношение различных групп молодежи к профессиям различных отраслей народного хозяйства, науки и культуры.

Прежде всего, как относится молодежь к профессиям, не требующим высшего образования.

Таблица 27

**Отношение молодежи к различным группам профессий,
не требующих высшего образования**

Группы профессий низшей и средней квалификации	Оценка привлекательности в баллах		
	в целом	в том числе	
		юноши	девушки
Рабочие промышленности	4,3	4,4	4,2
Работники транспорта и связи	5,3	5,5	5,2
Рабочие-строители	4,1	3,8	4,3
Работники сферы обслуживания	2,6	2,3	2,8
Работники просвещения, культуры и здравоохранения	4,8	3,5	5,5
Работники сельского хозяйства	3,8	3,7	3,8

Если исходить из того, что наименее привлекательные профессии имеют оценку от 1,0 до 3,9 балла, профессии средней привлекательности — от 4,0 до 6,9 балла, а наиболее привлекательные — от 7,0 до 10 баллов, то, как видно из таблицы, основные профессии, не требующие высшего образования, с точки зрения выпускников, имели среднюю привлекательность. При этом девушки оценивают основные группы профессий (за исключением работы на транспорте) выше, чем юноши. Наиболее велики различия между юношами и девушками в оценке занятий в области культуры, просвещения и здравоохранения: их привлекательность девушки оценивают в 5,5 балла против 3,5 балла у юношей. Самую низкую оценку получили занятия в области сельского хозяйства (3,8) и сферы обслуживания (2,6).

**Отношение молодежи к различным профессиям,
требующим высшего образования**

Группы профессий высшей квалификации	Оценка привлекательности в баллах		
	в целом	в том числе	
		юноши	девушки
Инженеры в промышленности	6,2	6,0	6,3
Инженеры транспорта и связи	6,1	6,2	6,0
Инженеры-строители	6,8	6,4	6,9
Работники сферы обслуживания	3,4	2,9	3,6
Работники просвещения, культуры и здравоохранения	6,3	5,5	6,8
Специалисты сельского хозяйства	4,2	3,9	4,3

Те же тенденции наблюдались и при анализе занятий, требующих высшего образования. И здесь (за исключением транспорта) девушки выше, чем юноши, оценивают основные группы профессий. Наибольший разрыв в оценке занятий в области культуры, просвещения и здравоохранения. Опять самую низкую оценку получили занятия в сфере обслуживания и в сельском хозяйстве.

Если взять не средний балл по группам профессий, а оценку отдельных профессий, то наиболее низкую оценку получили занятия, связанные с делопроизводством, работой в коммунальных предприятиях, продавцы, а самую высокую — летчики и радиотехники. Из рабочих профессий наибольшей популярностью и среди юношей, и среди девушек пользуются в промышленности рабочие-химики, а наименьшей — рабочие лесозаготовок; в строительстве, соответственно, наибольшей — монтажники, наименьшей — маляры; на транспорте и связи наибольшей — машинисты тепловозов, наименьшей — почтальоны, телефонисты, телеграфисты. В сельском хозяйстве наибольшей популярностью пользуются механизаторы — трактористы и комбайнеры, а наименьшей — работники животноводства.

Из инженерных профессий наиболее привлекательны для выпускников профессии радиотехников и геологов, а наиме-

**Отношение выпускников средних школ к работе
в различных отраслях науки**

Отрасли науки	Оценка привлекательности в баллах		
	в целом	в том числе	
		юноши	девушки
Математика	7,5	7,5	8,2
Физика	7,7	7,9	7,6
Геология	6,8	6,4	7,1
Химия	7,2	6,6	7,7
Биология	4,7	4,2	5,0
Медицина	7,3	6,3	7,9
История	6,2	5,6	6,5
Философия	6,1	5,4	6,4
Филология	5,8	4,8	6,3
Экономика	5,5	4,9	5,9
Экономико-математические исследования	6,3	5,8	6,6

нее популярны профессии инженеров пищевой и швейной промышленности. Из сельских профессий высшей квалификации получили наиболее высокую оценку профессии агрономов, а самую низкую — профессии ветеринаров.

При анализе оценки профессий работников просвещения и здравоохранения бросается в глаза резкое различие между юношами и девушками. Так, профессию учителя начальной школы юноши оценивают в 3,7 балла, а девушки — в 6,2 балла (при средней 5,3), преподавателя средней школы, соответственно — 4,4 против 6,9 (при средней 6,0), профессию врача — 5,8 против 8,0 (при средней 7,2).

Определенный интерес представляет также отношение к работе юношей и девушек в различных областях науки.

Наибольшим престижем среди юношей и девушек пользуются физико-математические науки, затем — естественные и, наконец, гуманитарные науки. Самую высокую оценку дали юноши физике (7,9), а девушки — математике (8,2). Следует отметить, что если различия между юношами и девушками в отношении к разным видам труда в сфере

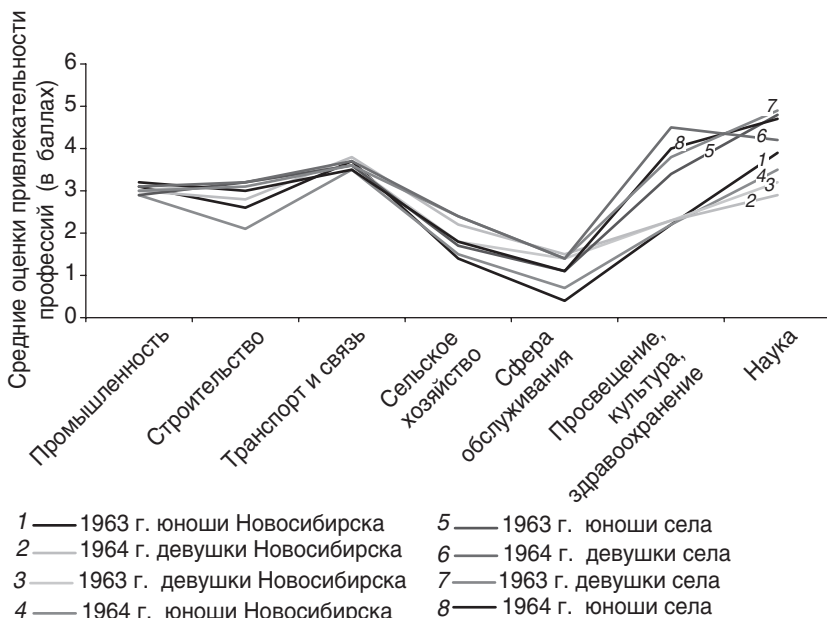
материального производства имеют под собой определенную объективную основу (ибо есть еще профессии «мужские» и «женские»), то отношение к различным областям науки и, в частности, причины низкой оценки юношами привлекательности биологии (4,2), некоторых гуманитарных наук требуют серьезного внимания.

Но не случайны ли эти оценки? В какой степени они устойчивы? В какой мере характерны для других выпусков, для других районов страны?

Рис. 29 дает достаточно наглядное представление об этом. Тем не менее, вывод относительно устойчивости оценок профессии из материалов, приведенных выше, не является достаточно обоснованным, ибо мы имеем дело со средней оценкой по группам профессий. Как же обстоит дело в разрезе отдельных профессий?

Рисунок 29

Устойчивость оценок привлекательности по группам профессий

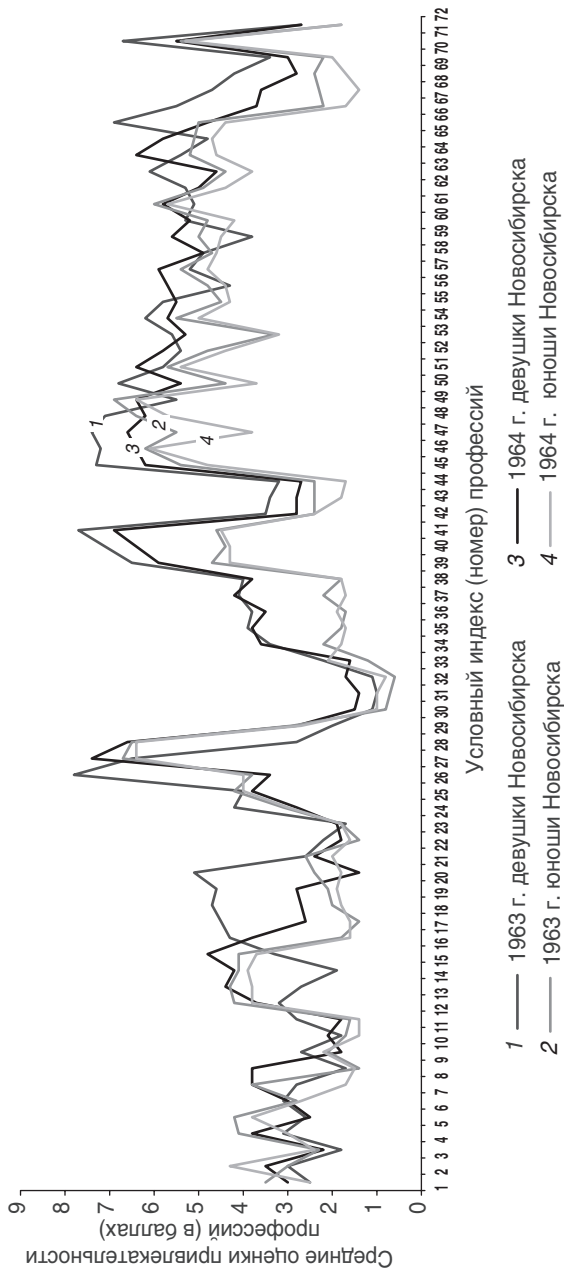
Являются ли устойчивыми оценки привлекательности отдельных профессий у различных групп молодежи? Для этого рассмотрим рис. 30¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Условные номера профессий:

1. Машинисты-мотористы
2. Станочники по металлу
3. Станочники по дереву
4. Электромонтеры
5. Слесари
6. Электрогазосварщики
7. Механики и наладчики оборудования
8. Кузнецы, штамповщики
9. Портные, швеи
10. Каменщики, штукатуры
11. Маляры
12. Строители, монтажники
13. Шахтеры
14. Сталевары
15. Рабочие-химики
16. Ткачи-прядильщики
17. Обувщики
18. Полиграфисты
19. Рабочие лесозаготовок
20. Трактористы, комбайнеры
21. Работники животноводства
22. Работники полеводства
23. Рабочие железнодорожного транспорта
24. Машинисты тепловозов
25. Шоферы
26. Летчики
27. Радиотехники
28. Работники связи (почтальоны, телефонисты и т.д.)
29. Работники общественного питания (повара, официанты)
30. Продавцы
31. Делопроизводители
32. Работники коммунальных предприятий
33. Бухгалтеры, счетоводы
34. Экономисты-плановики
35. Культпросвет-, клубные работники (библиотекари и т.д.)
36. Медсестры, фельдшеры, акушерки и т.д.
37. Учителя начальных школ
38. Воспитатели детских учреждений
39. Преподаватели средних школ
40. Преподаватели высших школ
41. Врачи
42. Врачи-ветеринары
43. Агрономы
44. Лесоводы
45. Работники литературы и искусства
46. Работники (научные) в области математики
47. Работники (научные) в области медицины

Рисунок 30

Устойчивость оценок привлекательности профессий

Как видно из рисунка 30, оценки привлекательности от делных профессий выпускниками средних школ отличаются еще большей устойчивостью. Причем это касается не только городской, но и сельской молодежи.

Особый интерес представляет изучение устойчивости оценок привлекательности профессий у девушек, которые составляют примерно две трети среди выпускников средних школ области. В оценке многих профессий городские и сельские девушки единодушны. Однако расчеты дают основание предполагать, что средние оценки профессий более устойчивы у городских девушек. В связи с этим интересно исследовать, как в динамике, за ряд лет изменяются оценки у городских и сельских девушек.

Для этого рассмотрим рис. 31 и 32¹⁰¹.

Информация, которой мы располагаем, характеризует, во-первых, оценки в разных по степени урбанизации районах области, во-вторых, направления, в которых изменялись оценки

-
48. Работники (научные) в области физики
  49. Работники (научные) в области экономики
  50. Работники (научные) в области химии
  51. Работники (научные) в области философии
  52. Работники (научные) в области биологии
  53. Работники (научные) в области филологии
  54. Работники (научные) в области геологии
  55. Работники (научные) в области истории
  56. Работники (научные) в области экономики (экономисты-математики)
  57. Инженеры-строители
  58. Инженеры-металлурги
  59. Горные инженеры
  60. Инженеры-нефтяники
  61. Инженеры-электрики
  62. Инженеры-радиотехники
  63. Инженеры-связисты
  64. Инженеры-транспортники
  65. Инженеры-химики
  66. Инженеры-машиностроители
  67. Инженеры-текстильщики
  68. Инженеры-швейники
  69. Инженеры-пищевики
  70. Инженеры-геологи
  71. Инженеры механизаторы сельского хозяйства
  72. Токари

¹⁰¹ Разумеется, целесообразнее было бы не ограничиваться при таком анализе материалами двух лет. Тем не менее и эти материалы дают основание для уточнения некоторых гипотез, связанных с динамикой профессиональных склонностей, с попыткой определить направления, в которых они будут изменяться.

Рисунок 31

Привлекательность профессий физического труда

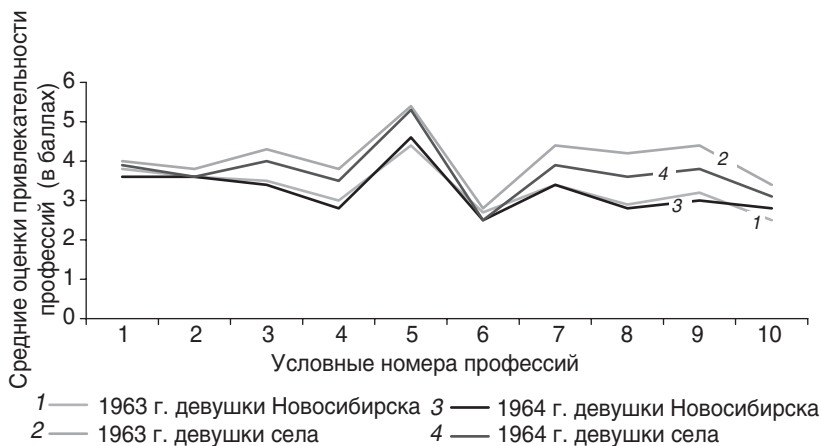
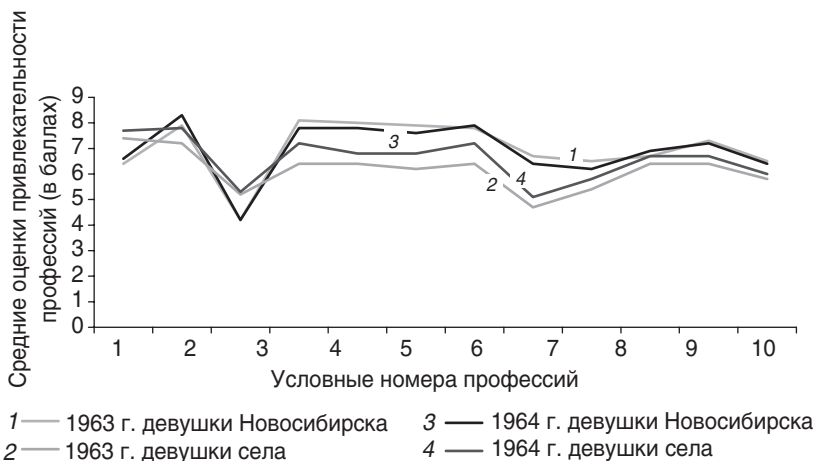

Рисунок 32

Привлекательность профессий умственного труда в 1963–1964 гг.

в эти годы. Поскольку быстрое развитие производительных сил, урбанизация, распространение городских стандартов жизни — все эти процессы весьма интенсивно идут за последние годы, особенно в таких районах, как Сибирь, есть основания

попытаться представить себе: как скажутся они на изменении оценок у разных групп молодежи?

Анализ рис. 31¹⁰² еще более отчетливо обнаруживает следующую тенденцию: если оценки девушек-горожанок на третьем этапе исследования практически не изменились, то у девушек села произошли своеобразные передвижки. В частности, снизились оценки ряда профессий промышленности, строительства и сельского хозяйства. Поскольку оценки городских девушек тех профессий были ниже, то это значит, что оценки сельских девушек приблизились к оценкам девушек из города. Во-вторых, заметно повысились оценки привлекательности практически всех профессий научных работников, искусства, инженеров. И здесь, как это видно из рис. 32¹⁰³, оценки сельских девушек приблизились к более стабильным городским оценкам. Это для наглядности можно представить следующей схемой (см. рис. 33).

На отношение выпускников к тому или иному набору профессий известное влияние оказывает их социальное положение. При этом наиболее близки друг к другу оценки привлекательности профессий у детей городской интеллигенции и рабочих промышленности и строительства.

В ходе исследований были установлены «ножницы» в оценках профессий физического и умственного труда со стороны городской и сельской молодежи. То есть сельская молодежь более высоко оценивала профессии преимущественно физического труда, а городская молодежь более высоко оценивала профессии умственного труда. Поскольку обследования на тех же объектах повторялись на протяжении ряда лет, мы имели возможность посмотреть, как ведут себя эти «ножницы» (см. рис. 33).

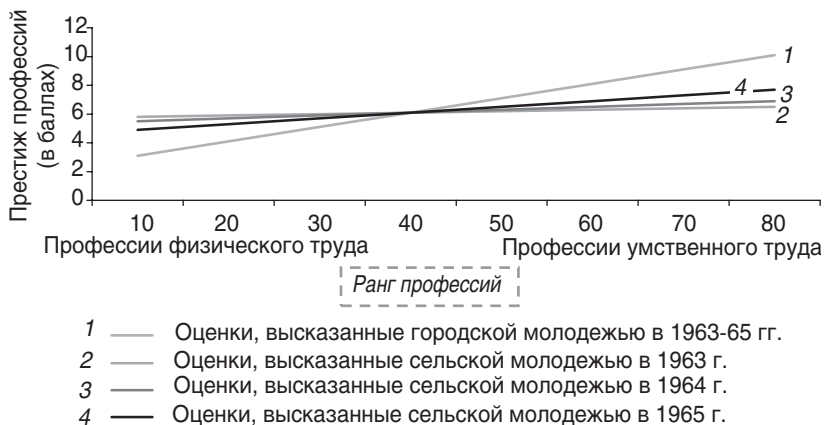
¹⁰² Условные номера профессий физического труда на рис. 31.

1. Токари	6. Рабочие лесозаготовок
2. Слесари	7. Трактористы, комбайнеры
3. Каменщики, штукатуры	8. Работники животноводства
4. Маляры	9. Работники полеводства
5. Ткачи, прядильщики	10. Продавцы.

¹⁰³ Номера профессий умственного труда на рис. 32.

1. Преподаватели средних школ	7. Химики
2. Врачи	8. Экономисты
3. Агрономы	9. Биологи
4. Работники литературы и искусства	10. Инженеры-строители
5. Математики	11. Инженеры-радиотехники
6. Физики	12. Инженеры-машинисты

«Ножницы» в оценках городской и сельской молодежи

Как видно из рис. 33, они закрываются, но очень своеобразно. То есть оценки городской молодежи по существу остаются на том же самом месте, а оценки сельской молодежи приближаются к ним. Это может быть интерпретировано как процесс, свидетельствующий о приближении сельских оценок к городским, в результате чего отмеченная выше ориентация становится все более распространенной.

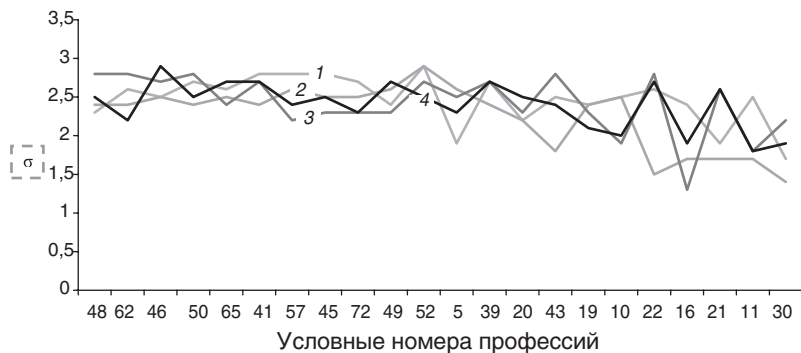
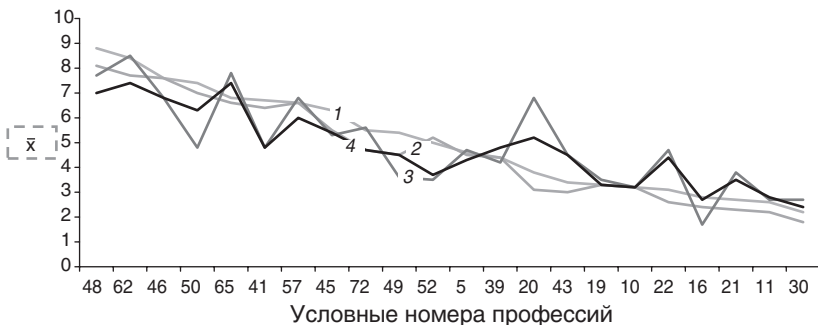
Таким образом, наблюдается определенное сужение «ножниц» оценок между городом и селом в пользу города за счет села. Сельский стереотип не устойчив. Он ориентирован на городской, который является своего рода эталоном. Он более «сбалансирован», более стоек и консервативен благодаря своей всеобщности. Большая степень изолированности (слабое развитие сети дорог, меньшее количество телевизоров, радиоприемников, газет, журналов, книг на одного жителя села по сравнению с городом) обуславливает большую вариацию средних оценок. Напротив, урбанизация, широкое распространение средств массовых коммуникаций обуславливают, видимо, с одной стороны универсализацию, а с другой — большую устойчивость оценок.

Большой интерес представляет анализ вариации индивидуальных оценок различных профессий у разных групп молодежи. При этом показателем согласованности оценок может служить среднее квадратичное отклонение (σ). Расчеты средних

квадратичных отклонений и средних оценок привлекательности (X) по 22 профессиям показали следующее (см. рис. 34)¹⁰⁴.

Рисунок 34

Оценки привлекательности профессий в баллах (юноши)

1 — 1963 г. Новосибирск   3 — 1963 г. село
 2 — 1964 г. Новосибирск   4 — 1964 г. село

Наиболее согласованными, т.е. наименее колеблющимися вокруг средней, являются оценки профессий наименее привлекательных. На втором месте идут по степени согласованности наиболее привлекательные профессии. На третьем — профессии средней привлекательности. Поэтому, если ранжировать профессии по величине X от большей к меньшей, то распределение q будет иметь характер дуги, слегка скошенной вправо. Анализ показывает, что, как правило, там, где давалась наиболее отрицательная оценка привлекательности, согласованность

¹⁰⁴ Условные номера профессий те же, что и к рис. 30.

оценок была максимальной. Так, городские юноши заметно ниже сельских оценивают привлекательность сельскохозяйственных профессий (работников полеводства, животноводства, трактористов). Эти оценки у них наиболее согласованы. Напротив, сельские юноши очень низко оценивали профессию ткача. С этим связана и самая низкая согласованность. Рис. 34 объясняет, почему у городских юношей среднее квадратическое отклонение выше, чем у сельских, не только по таким профессиям, как ученый, физик, математик, врач (где у них выше и оценки привлекательности профессии), но и по таким, как агроном, тракторист, работник полеводства, животновод, продавец, по которым средняя оценка в городе ниже, чем в селе.

Это свидетельствует о том, что намечается определенная тенденция. А именно, в селе и у юношей, и у девушек разброс в оценках привлекательности профессий увеличился. Напротив, в городе наблюдается растущая согласованность в оценке профессий, особенно малопривлекательных. Видимо, урбанизация, которая несет с собой рост контактов, обуславливает формирование более твердых стереотипов и известную стандартизацию оценок профессий.

Тенденции, которые были проанализированы выше, имеют определенное значение как для разработки методики новых обследований, так и для решения ряда методологических вопросов. В частности, можно было бы указать на то, что большая согласованность оценок дает возможность брать меньшую выборку при проведении аналогичных обследований, а благодаря большой устойчивости городских оценок их можно смелее экстраполировать.

В какой же мере характерны эти оценки и тенденции для молодежи из других областей страны, например, для Ленинградской области?¹⁰⁵ Что общего и в чем отличие в оценках привлекательности различных профессий у молодежи этих двух областей, отделенных друг от друга тысячами километров?

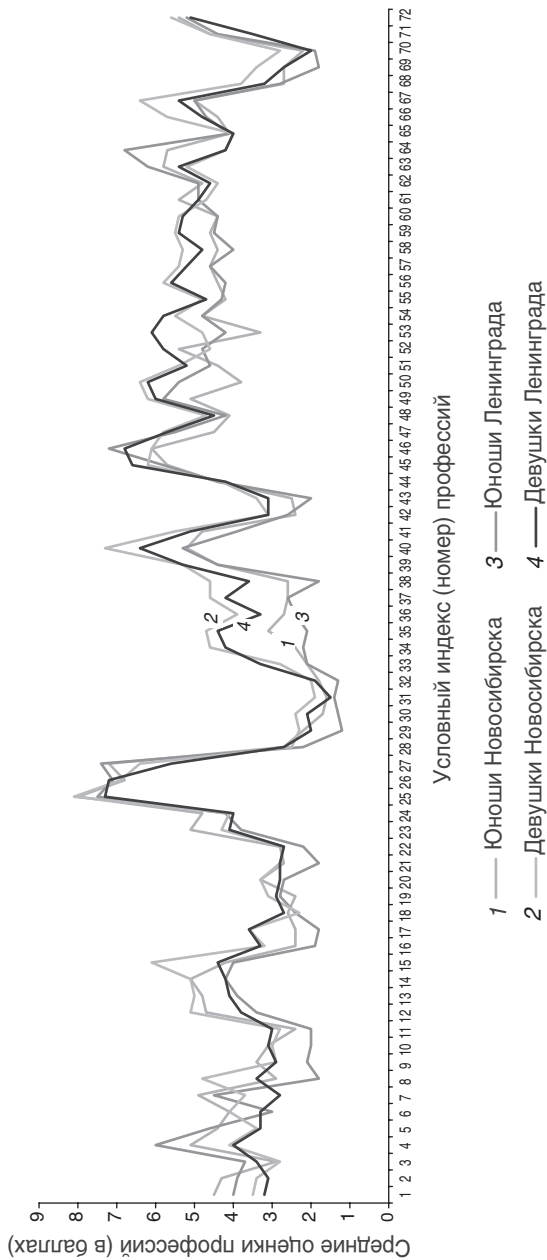
Как там, так и здесь очень высоко оцениваются профессии летчика, радиотехника, очень низко — профессии сферы обслуживания (см. рис. 35). Довольно высоко оценивается деятельность в науке. При этом, однако, оценки ленинградских школьников отличаются, как правило, большим «критицизмом», особенно профессий физического труда. Поэтому

---

¹⁰⁵ Здесь в 1964 г. В. Водзинской было проведено аналогичное обследование.

Рисунок 35

Оценки привлекательности профессий молодежью Новосибирска и Ленинграда

в принципе можно было бы сказать, что оценки ленинградских выпускников так относятся к оценкам выпускников Новосибирска, как последние относятся к оценкам выпускников сельских школ Новосибирской области.

Таким образом, выпускники как новосибирских, так и ленинградских школ весьма низко оценивают привлекательность массовых профессий в области сельского хозяйства и сферы обслуживания.

Между тем эти профессии заслуживают особого внимания. Несмотря на то, что рост производительности труда в сельском хозяйстве ведет не только к относительному, но и к абсолютному уменьшению числа занятых, во многих районах страны, в частности в Сибири, проблема создания постоянных сельскохозяйственных кадров имеет и будет иметь первостепенное значение. Без устойчивых, любящих свое дело кадров, нельзя эффективно развивать сельскохозяйственное производство. Поэтому вопрос о повышении привлекательности профессий сельскохозяйственного труда имеет важное практическое значение.

Повышение привлекательности сельскохозяйственных профессий связано с решением крупных экономических и социальных проблем и прежде всего с преодолением существенных различий между городом и деревней, с повышением материальной заинтересованности, с тщательным учетом социальных и, в частности, демографических факторов. Наряду с этим было бы полезно прежде всего в сельских школах совершенствовать работу по профессиональной ориентации и, в частности, по пропаганде сельскохозяйственных профессий, шире использовать в этих целях также печать, телевидение, радио, кино.

Важнейшее значение имеет повышение привлекательности профессий сферы обслуживания. Prestиж этих профессий пока не высок. Особенно «низок он у городской молодежи.

Таблица 30

**Привлекательность профессий сферы обслуживания
в сельской и городской местности**

Профессии	Сельская молодежь		Городская молодежь	
	юноши	девушки	юноши	девушки
Работники общественного питания	2,96	3,44	2,55	3,10
Продавцы	2,52	3,16	2,02	2,66
Делопроизводители	2,12	2,37	2,06	2,24

При этом вполне устойчива следующая закономерность: престиж профессий сферы обслуживания выше у девушек, чем у юношей. Между тем всемерное развитие сферы обслуживания имеет огромное значение для дальнейшего улучшения условий труда и быта людей. Быстрое развитие отраслей обслуживания требует постоянного притока рабочей силы во все увеличивающихся размерах.

В связи с этим повышение престижа этих занятий является одной из важных задач. Печать, радио, телевидение, кино должны показать, что обслуживать — не значит унижаться, лакействовать, что торговля не менее важное дело, чем любое другое, что без делопроизводства, счетной работы, стенографии, перевода невозможно управление народным хозяйством, развитие науки, культуры. Повышение авторитета профессий сферы обслуживания позволит серьезно облегчить в то же время решение ряда социальных проблем молодежи.

4. Личные планы и их реализация

Большой интерес представляет сопоставление личных планов выпускников средних школ с тем, как они реализуются в действительности¹⁰⁶.

При этом важно выяснить, какова специфика личных планов разных групп молодежи? В какой мере они реализуются при выборе первой профессии? Как связаны между собой профессии, которым обучалась, и профессии, по которым стала работать или учиться молодежь?

Как видно из материалов сплошного обследования выпускников средних школ Новосибирской области (основной массив), сразу после школы были намерены продолжать учебу подавляющее большинство выпускников: в городе 88% юношей и 81% девушек, в сельской местности 79% юношей и 69% девушек.

Более высокий удельный вес сельских девушек, намеренных после школы работать, и соответственно большее число

---

¹⁰⁶ Выяснение этих вопросов стало возможным благодаря тому, что в анкете выпускника имелся ряд вопросов, которые позволяли (независимо от оценки привлекательности профессий) выяснить личные планы молодежи. Наряду с этим осенью поступала информация о реализации личных планов каждого из выпускников.

выпускников городских школ, желающих учиться, объясняется, видимо, рядом причин. Среди них не последняя та, что вузы расположены в городах, и поэтому многие выпускники городских школ имеют возможность учиться, не меняя местожительства, оставаясь в семьях, в то время как для сельской молодежи дальнейшее обучение обычно связано с переездом в город и переходом на самостоятельное положение.

Определенное значение, вероятно, имеет и некоторая неуверенность сельских девушек в возможности выдержать конкурс в вузы. Кроме того, необходимо иметь в виду, что профиль вузов и техникумов области в большей степени соответствует профессиональным склонностям сельских юношей. Наконец, отчасти оказывается и то обстоятельство, что престиж профессий, требующих высшего образования, в сельской местности ниже, чем в городе.

Вместе с тем наблюдались существенные различия в личных планах молодежи из разных социальных слоев. Так, наибольшей тягой к продолжению учения характеризуется молодежь из семей городской интеллигенции. Затем идет сельская интеллигенция.

Можно сделать вывод, что дети из семей интеллигенции своей четкой ориентацией на продолжение образования обязаны прежде всего обучению в семье. Последняя не только прививает им определенную систему ценностей, те или иные стремления, но и вооружает их для того, чтобы более успешно реализовать свои планы. При этом в семьях интеллигенции ориентация на учение прививается как юношам, так и девушкам.

Таким образом, уже общий анализ личных планов показывает определенную устойчивую связь между социальным положением семьи и личными планами выпускников. Однако эти личные планы были, как видно из таблицы, существенно скорректированы объективными условиями в целом пошли учиться сразу после школы не 80%, а 44% выпускников.

Противоположная картина наблюдается в личных планах выпускников в связи с работой. Сразу после школы были намерены работать 11% сельской и 6% городской молодежи. В целом только 7,5% выпускников были намерены работать после окончания школы. Реально же пошли работать сразу после школы не 7,5%, а 32%, при этом 27% в городах и 42% в сельской местности.

Таблица 31

Личные планы и их реализация у выпускников средних школ Новосибирской области, в %

Планы и их реализация	В том числе		В том числе					
	Всего по области		по городским школам			по сельским школам		
	Юноши	Девушки	Всего	Юноши	Девушки	Всего	Юноши	Девушки
1. Были намерены работать	7,3	7,6	5,9	4,5	6,7	10,8	11,8	9,0
2. Были намерены совместить работу с учебой	6,8	11,9	9,7	6,0	11,7	15,8	8,1	20,0
3. Были намерены продолжать учебу	85,1	80,0	84,0	88,0	81,2	73,2	79,1	69,0
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100
1. Работают	26,5	32,2	26,9	22,0	29,6	41,6	34,1	46,0
2. Совмещают работу с учебой	2,4	2,8	3,8	3,6	3,9	1,0	0,5	1,3
3. Учатся	47,6	43,6	44,7	49,4	42,1	41,4	44,7	39,5
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

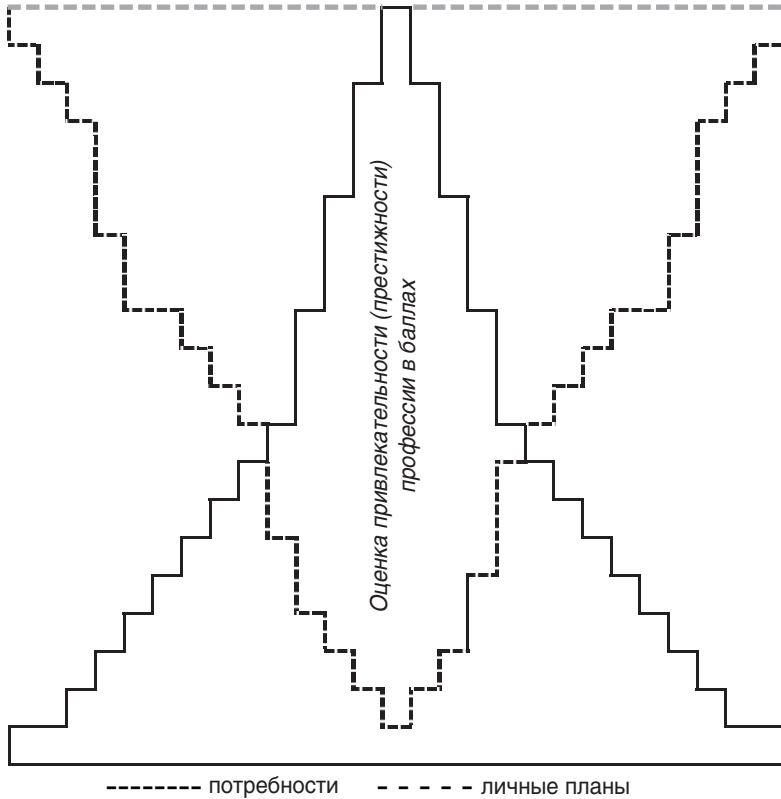
Что же касается молодых, людей, рассчитывавших совмещать работу с учебой, то тут невысокий процент реализации планов связан, видимо, с тем, что многие юноши и девушки, которые только что приступили к работе, еще не успели поступить в соответствующие учебные заведения. В дальнейшем многие из них будут продолжать свое образование без отрыва от производства. Однако тот факт, что удельный вес этой группы в три раза выше в городах, показывает, что при размещении сети заочных и вечерних учебных заведений недостаточно учитывались нужды сельской молодежи.

Трудно однозначно ответить на вопрос: почему девушки больше ориентированы на работу и меньше на учебу, чем юноши? Возможно, уже в этом возрасте многие из них в процессе социального обучения определили свое место в общественном разделении труда, свою решающую роль в семье, в воспитании детей, и эта специфическая система ценностей сказалась как на личных планах, так и на реализации их. Подобно этому, возможно, своя особая система ценностей сказалась и на личных планах и их реализации у юношей.

Наряду с этим нельзя не обратить внимание на реализм выпускников, их опыт, их внутренние контакты, их своеобразные «обратные связи» с предыдущими выпусками. Представители того или иного слоя, получая информацию о том, что лишь немногим из их предшественников удалось выдержать конкурс и поступить в университет, на основе этих «обратных связей» корректируют свои личные планы, начинают как бы «по одежке протягивать ножки». Именно этим, возможно, объясняется то, что среди юношей больше претендентов на учебу сразу после школы, поскольку по определенным каналам они получают информацию о своих более высоких шансах. Напротив, то, что выпускницы в меньшей степени рассчитывают сразу после школы учиться, также свидетельствует о том, что из опыта предыдущих выпусков девушки также имели информацию о своих шансах.

Как видно, поведение молодежи при выборе профессии обусловлено не только личной установкой, личными склонностями и способностями, но и внешними условиями, прежде всего социальной средой, наличием вакантных мест работы, учения, конкурсом в вузы. Это хорошо видно из следующей схемы (рис. 36). Допустим, всего имеется 19 профессий. При этом нам известны: потребность в кадрах по каждой из этих профессий, привлекательность каждой из профессий, численность желающих работать (или учиться) по данной профессии.

Личные профессиональные планы и потребности в специалистах и рабочих по профессиям

Построим ранг этих профессий по привлекательности так, чтобы внизу расположились самые непривлекательные, аверху самые привлекательные профессии. Допустим, что потребность в рабочей силе по самой непривлекательной профессии (как это видно из рисунка) меньше и т.д. В итоге мы получаем что-то вроде пирамиды, которая обведена сплошной линией.

Теперь нанесем пунктиром численность юношей и девушек, желающих работать (или: учиться) по каждой профессии. Оказывается, что больше всего желающих работать (или учиться) по самым привлекательным (верхним) профессиям. Здесь численность желающих значительно превышает число вакансий.

Напротив, меньше всего желающих работать по профессиям наименее привлекательным. Здесь число вакансий значительно больше численности претендентов.

В итоге получаются как бы две пирамиды: сплошная отражает объективные потребности в кадрах по профессиям, пунктирная — личные профессиональные планы.

Следует отметить, что, поскольку конкурс в широком смысле слова оказывается наиболее высоким по самым популярным профессиям (и, главным образом, в связи с обучением), менее подготовленные группы молодежи в процессе адаптации при выборе профессии как бы скатываются с вершины престижной пирамиды и заполняют ее нижние этажи¹⁰⁷ (это видно из рис. 37).

Естественно, что и эту, и предыдущую схему нельзя рассматривать упрощенно, ибо различные социальные группы имеют определенную специфику как на старте, при оценке профессии, так и на финише.

Поскольку перед окончанием школы от выпускников поступала информация о привлекательности различных профессий, можно попытаться проверить тесноту связи субъективных оценок и планов с реальным выбором профессий.

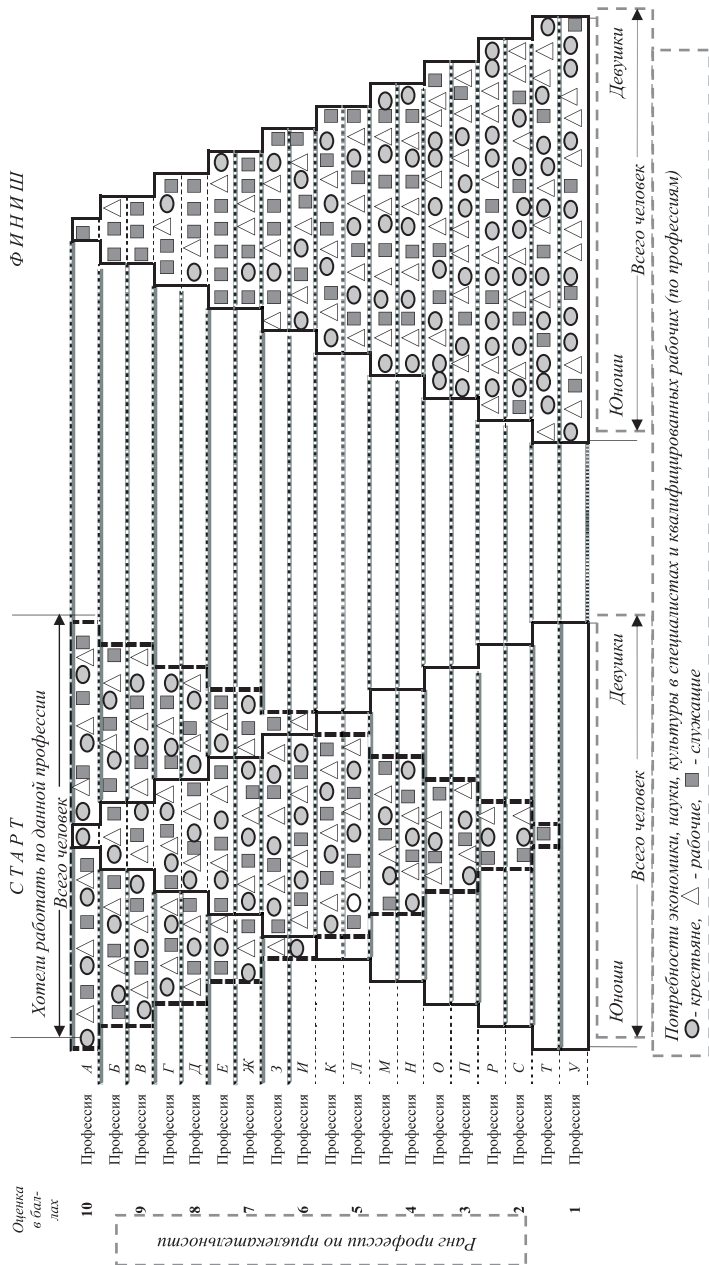
Выше отмечалось, что девушки, в отличие, от юношей, высоко оценивали привлекательность профессий просвещения, культуры и здравоохранения. Реально избрали эти профессии в 1963 г. 40% девушек против 15% юношей, а в 1964 г. соответственно 44% и 14%. Девушки выше оценивали профессии сферы обслуживания, и действительно, из них стали работать или учиться по этим профессиям в 1963 г. 6% против 1% юношей, а в 1964г. — 5% против 0%. Юноши выше оценивали привлекательность занятий в промышленности и на транспорте. Среди юношей в 1963 г. пошли в промышленность 33% против 22% девушек, на транспорт 16% против 10% девушек, в 1964 г. соответственно в промышленность — 35% против 18%, на транспорт — 19% против 11%.

Мы далеки от того, чтобы очень сложную картину поведения молодежи при выборе профессии свести к утверждению: что хотели, то и получили. Тем не менее, было бы ошибочным

---

¹⁰⁷ Расчеты по материалам профессиональных планов и их реализации у выпускников Новосибирской области в 1963 г. показывают, что в результате выбора профессии выпускниками средних школ не просто верхняя пирамида «вдвигается» в нижнюю, а заполняются главным образом ее средние звенья, тогда как самые нижние формируются за счет других источников.

Потребности, профессиональные склонности и выбор профессии

игнорировать, что информация, полученная об оценках о профессиональных планах, коррелирует с реальным поведением молодежи при выборе профессии. Это дает основания полагать, что по изменению профессиональных планов и оценок с известной вероятностью можно судить о намечающихся переменах в поведении молодежи при выборе профессий.

С другой стороны, тот факт, что, несмотря на сохранившиеся еще социальные различия, значительная часть выпускников получила те профессии, которые она хотела получить, свидетельствует о довольно высокой степени свободы выбора. Иначе говоря, значительная часть молодежи после окончания средней школы имела возможность выбирать профессии по склонностям¹⁰⁸.

Каковы шансы разных групп молодежи? В какой мере они реализуют свои профессиональные планы? Предыдущий анализ уже дает некоторые представления о том, как сказывались различия в объективных условиях на реализации личных профессиональных планов. Однако он был бы неполным, если бы мы не изучили также степень реализации личных планов, шансы разных групп молодежи. Речь идет о том, чтобы выяснить в разрезе социальных групп удельный вес действительно поступивших учиться из 100 человек, которые были намерены после окончания школы учиться, удельный вес действительно поступивших на работу из 100 человек, собиравшихся поступать на работу, т.е. то, что, в отличие от реализации личных, профессиональных и миграционных планов, мы называем степенью реализации личных планов.

Как видно из материалов пробной выборки, свыше двух третей молодежи области реализовало свои намерения учиться. Из тех выпускников, которые были намерены работать, реализовали свои планы также свыше двух третей (68%). На-

---

¹⁰⁸ Из этого было бы неправильно делать расширительные выводы, поскольку идет речь лишь об одной из групп молодежи, вступающей в самостоятельную жизнь, а именно, о выпускниках средних школ. Кроме того, неправильно было бы делать слишком оптимистические выводы и потому, что речь идет о данной тенденции в среднем. В отдельных социальных группах эти возможности реализуются по-разному. К тому же нельзя забывать, что в 1963 и 1964 гг. молодежь в возрасте 17–18 лет находилась еще не на гребне «демографической волны», т.е. не достигла максимума своей численности. Поэтому шансы молодежи на поступление в вузы, техникумы в эти годы должны были быть выше, чем в последующие годы, когда численность молодежи, вступающей в самостоятельную жизнь, резко возросла.

Степень реализации личных планов выпускников (в %)

Личные планы	%	Реально пошли								
		Работать			Совмещать			Учиться		
		Всего	В том числе		Всего	В том числе		Всего	В том числе	
			Юноши	Девушки		Юноши	Девушки		Юноши	Девушки
Работать	100	68	60	71	5	20	–	27	20	29
Совмещать	100	65	67	41	7	11	5	28	22	30
Учиться	100	31	31	31	1	1	1	68	68	68

конец, из тех выпускников, которые собирались совмещать работу и учебу, лишь 7% реализовали свои намерения, 65% из них поступили на работу, а 28% стали учиться с отрывом от производства. Все это показывает, что, несмотря на известную корректировку, связанную с реальным трудоустройством, у большинства выпускников средних школ степень реализации личных планов довольно высока.

Как мы выяснили, подавляющее большинство юношей и девушек после окончания средней школы стремятся продолжать образование. Поэтому группа заслуживает специального анализа. В этих целях часть сопоставимого массива, охватывающая тех выпускников (примерно 80%), которые сразу после окончания школы имели намерение учиться, была разбита по социальному положению родителей (кроме того, массив был поделен на юношей и девушек). Каждый социальный слой в свою очередь был поделен на профессиональные подгруппы в зависимости от того, по какой группе профессий хотели учиться выпускники. Это давало возможность выявить, сколько из 100 человек этой социальной группы, желавших учиться профессиям данной группы, реализовали, свои профессиональные стремления.

Шансы молодежи из разных социальных групп в связи с выбором профессии различны. Так, у детей служащих (1963 г.) шансы учиться по профессиям промышленности, транс-

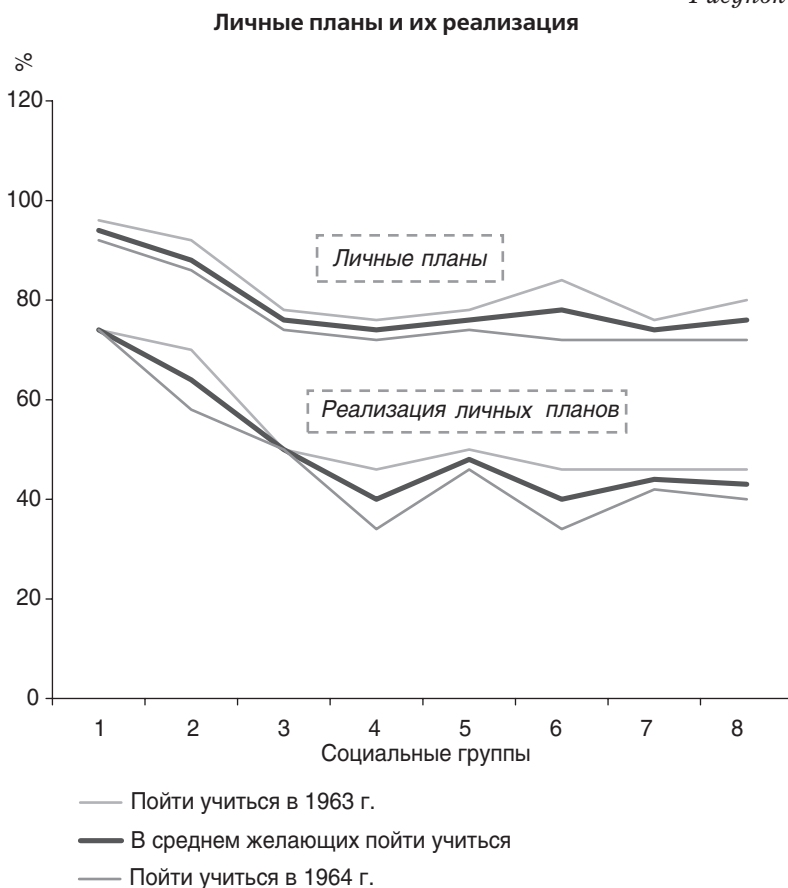
порта, связи, науки, сферы обслуживания, культуры, здравоохранения были выше, чем у детей крестьян. При этом по большинству профессий степень реализации личных планов выше у юношей, чем у девушек. Так, в 1963 г. свои планы, связанные с продолжением учебы, реализовали из детей служащих по промышленным профессиям 76% юношей против 50% девушек, по строительным профессиям соответственно 100% против 82%, по профессиям транспорта и связи — 70% против 50% и т.д. Это связано, видимо, не только с большим реализмом юношей, но и с тем, что к окончанию средней школы соотношение между юношами и девушками, которое в первых классах было равно 1:1, стало к моменту окончания школы 1:2. В то же время высшие и средние специальные учебные заведения Новосибирской области ориентированы в значительной степени на мужские профессии. (И это без учета того, что в связи с замужеством, воспитанием детей доля реально работающих по своей профессии женщин из числа поступивших на первый курс вуза обычно ниже, чем мужчин). Все это не может не повышать шансы юношей на продолжение учебы после окончания средней школы.

Таким образом, личные профессиональные планы и их реализация молодежью из разных социальных групп несколько отличаются друг от друга. Это прослеживается на графике (см. рис. 38 и 39)¹⁰⁹.

Школа, ликвидируя какие бы то ни было преимущества в области образования для учащихся из разных социальных групп, обуславливает своеобразное выравнивание личных планов юношей и девушек. В то же время наблюдается значительный разрыв между личными планами и реальным выбором, свидетельствующий о том, что школы еще не обеспечивают своим воспитанникам достаточной помощи в оценке своих способностей, своих шансов при выборе профессии. Поэтому введение в школах системы профессиональной ориентации и профессиональной консультации учащихся имеет огромное значение для выравнивания шансов молодежи при выборе профессий, особенно для детей рабочих и крестьян. Однако главный путь изживания различий в области образования —

---

¹⁰⁹ Социальные слои: городская интеллигенция, сельская интеллигенция, городские служащие, сельские служащие, рабочие промышленности и строительства, рабочие транспорта и связи, рабочие совхозов, колхозники.

изменение объективных условий, преодоление существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом.

Личные планы в меньшей степени зависят от социального положения семьи, чем реальные жизненные пути, избираемые молодежью. Школа, средства массовых связей, во-первых, как бы приподнимают личные планы над реальными условиями, во-вторых, выравнивают, сглаживают в сознании молодежи те различия, которые еще объективно имеют место между детьми из разных социальных групп. Личные планы указывают

на специфическую систему ценностей нашей молодежи, в которой одним из важнейших показателей является стремление к образованию, культуре и науке.

5. Об оптимальной структуре профессионального обучения¹¹⁰

Как уже отмечалось, структура потребностей народного хозяйства в кадрах по профессиям зачастую противоречит структуре профессиональных склонностей молодежи. К тому же между ними нет прямой связи: они опосредованы структурой профессионального обучения. Поэтому для наилучшего использования способностей максимального числа людей, для обеспечения соответствия между профессиональными склонностями и реальной профессией, по которой начинает работать молодой человек, необходимо обеспечить увязку по крайней мере структуры потребностей народного хозяйства в кадрах по профессиям со структурой профессионального обучения¹¹¹ и структурой профессиональных склонностей.

Возможно ли в принципе разработать такую структуру профессионального обучения, которая учитывала бы противоречащие друг другу потребности в кадрах по профессиям и профессиональные склонности молодежи, т.е. была бы оптимальной? Вряд ли это весьма сложное взаимодействие можно описать в одной модели. Для этого нужна цепочка взаимосвязанных между собой моделей. Однако некоторые подходы для решения такой задачи, т.е. для нахождения оптимальной структуры профессионального обучения, можно указать.

Например, для построения модели оптимальной структуры профессионального обучения может быть использована задача линейного программирования о назначении персонала¹¹². Причем эта модель должна опираться на такие частные модели, как модель формирования потребностей в квалифицированных кадрах и модель формирования профессиональных

---

¹¹⁰ Эта работа выполнялась совместно с В. А. Калмык.

¹¹¹ Мы говорим здесь в общей форме о профессиональном обучении, имея в виду не только профтехучилища, различные школы с профессиональной подготовкой выпускников, но и техникумы, вузы, где возникают аналогичные проблемы.

¹¹² См. Г. Г. асс. Линейное программирование. М., 1961, стр.207–209.

склонностей. Со своей стороны, модель формирования профессиональных склонностей молодежи носит вероятностный характер и имеет вид уравнения множественной регрессии:

$$\bar{X}_0 = f(x_1, x_2, \dots, x_n),$$

где $\bar{X}_0$ — профессиональная склонность, выраженная в коэффициенте привлекательности профессий, а $x_1, x_2, \dots, x_n$ — группа существенных факторов, в совокупности достаточно полно определяющих профессиональную склонность. Что касается модели формирования дополнительной потребности в квалифицированных кадрах по профессиям, то здесь количественные взаимосвязи факторов, влияющих на профессионально-квалификационную структуру кадров, изучены в большей мере и она может быть выражена в математической форме.

Однако и сейчас, пока эти модели не разработаны, можно попытаться наметить некоторые подходы к использованию модели линейного программирования для составления плана профессионального обучения молодежи. При этом исходной информацией является балансовый расчет перспективной дополнительной потребности в квалифицированных кадрах по профессиям и основных источников покрытия этой потребности в половом и территориальном разрезах, а также информация о профессиональных склонностях молодежи.

Коэффициенты привлекательности можно получить различными путями. Один из них — балльная оценка различных профессий при сплошных или выборочных обследованиях учащихся, которые использовались, например, при анкетировании учащихся Новосибирской области (полученные балльные оценки по существу характеризуют степень привлекательности, предпочтения той или иной профессии с точки зрения учащихся и, соответственно, могут быть использованы как коэффициенты привлекательности, т.е. 10 баллов соответствуют коэффициенту привлекательности 1,0; 7 баллов — 0,7; 2 балла — 0,2 и т.д.).

По условиям нашей задачи между потребностью в кадрах по профессиям и желанием молодежи учиться этим профессиям имеется несоответствие (см. табл. 33). Это ведет к тому, что необходимо перераспределение части учащихся для обучения тем профессиям, которые не являются для них самыми предпочтительными. Это видно из табл. 34.

Таблица 33

Исходные условия

Профессия	Потребности по профессиям	Распределение желающих учиться по профессиям (профессиональные склонности) в школах				Разница между потребностью и профессиональными склонностями
		№1	№2	№3	№4	
Токарь	50	10	20	5	35	+15
Полиграфист	20	15	10	15	40	-20
Продавец	30	5	10	10	25	+5
Итого	100	30	40	30	100	

Таблица 34

Коэффициенты привлекательности

Профессия	Школа №1			Школа №2			Школа №3		
	Токарь	Полиграфист	Продавец	Токарь	Полиграфист	Продавец	Токарь	Полиграфист	Продавец
Токарь	1,0	0,5	0,1	1,0	0,7	0,4	1,0	0,3	0,6
Полиграфист	0,7	1,0	0,7	0,5	1,0	0,5	0,6	1,0	0,8
Продавец	0,2	0,5	1,0	0,5	0,2	1,0	0,4	0,6	1,0

В связи с введением коэффициентов привлекательности задача усложняется, поскольку теперь нужно не просто механически произвести перераспределение, а сделать это так, чтобы учесть предпочтения, отдаваемые разным профессиям, и в итоге получить оптимальный план профессионального обучения (т.е. сколько человек и каким профессиям обучать в каждой школе), обеспечивающий удовлетворение потребности в кадрах по профессиям на перспективу и в то же время максимальное учитывающий личные желания самих учащихся.

Формализуем задачу и введем обозначение:

i — номер профессии, $i = 1, 2, \dots, m$;

j — номер школы, $j = 1, 2, \dots, n$;

k — номер «профессиональной группы» внутри школы при $k = 1, 2, \dots, p$;

x_{ij} — искомая плановая численность учащихся по i -й профессии в j -й школе;

a_i — величина потребности по каждой профессии;

b_j — число учащихся в каждой школе;

c_{ij}^k — коэффициент привлекательности i -й профессии для учащихся k -й группы в j -й школе. Составление плана профессионального обучения учащихся будем рассматривать как задачу максимизации-привлекательности профессии, или, что то же самое, минимизации неудовлетворенности при распределении их по профессиям.

$$L(x) = \sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^m c_{ij} x_{ij} - \max \quad (1)$$

$$0 \leq c_{ij}^k \leq 1.$$

При решении задачи должны быть соблюдены следующие ограничения:

$$x_{ij} \geq 0, \quad (2); \quad \sum_{j=1}^n x_{ij} = a_i, \quad (3); \quad \sum x_{ij} = b_j, \quad (4).$$

В результате решения¹¹³ этой задачи одним из методов линейного программирования получается оптимальный план профессионального обучения.

По оптимальному плану 80 учащихся будут обучаться именно тем профессиям, которым они и хотели учиться (коэффициент привлекательности 1,0), и лишь 20 не будут обучаться профессиям, которые они ставили на первое место как самые предпочтительные. Разница между «потребностями и желаниями», которые вначале составляли +15, -20, +5 по соответствующим профессиям (см. табл. 33), теперь уменьшилась до 20, в том числе 5 бывших «полиграфистов», ставших токарями из школы № 1, 10 из школы № 2, а также 5 «полиграфистов» из школы № 3, ставших продавцами. При этом они в результате перераспределения получают возможность обучаться тем профессиям, которые они оценивали достаточно высоко, ибо оптимальный план при данных ограничениях минимизирует потери привлекательности (разница между 1,0 и коэффици-

¹¹³ См., например, «Количественные методы в социологии». М. 1966, гл. VII.

ентом привлекательности, умноженная на число учащихся). В целом здесь она составит лишь 7,5, т.е. меньше, чем при любом другом плане.

Таблица 35

Оптимальный план профессионального обучения

Профессия	Распределение учащихся по их профессиям					
	Школа №1		Школа №2		Школа №3	
	По их желаниям	По оптимальному плану	По их желаниям	По оптимальному плану	По их желаниям	По оптимальному плану
Токарь	10	15	20	30	5	5
Полиграфист	15	10	10	–	15	10
Продавец	5	5	10	10	10	15
Итого	30	30	40	40	30	30

Задачу можно усложнить, разбив, например, численность учащихся по полу, ввести дополнительные ограничения по территории, сделать ее открытой (в случае избытка или недостатка молодежи в данном районе, области). Однако корректность решения ее, прежде всего, зависит от достоверности коэффициентов привлекательности и расчетов перспективной потребности в кадрах по профессиям.

Специального исследования заслуживает роль объективно обусловленных оценок¹¹⁴, которые получают в ходе решения этой задачи. Они могут послужить ориентиром для планомерного регулирования процесса формирования профессиональных склонностей молодежи путем разработки мероприятий по профориентации. В принципе рассмотренный выше подход может быть использован и в более широком плане, в частности для оптимального разрешения противоречий между объективными потребностями и желаниями. При этом речь идет о весьма практическом деле, ибо минимизация неудовлетворен-

¹¹⁴ См. Л. В. Канторович. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М., 1959.

ности такого типа есть в то же время и минимизация потерь от излишней текучести, миграции, переквалификации.

6. Миграция выпускников школ

Ежегодно в связи с выбором профессии сотни тысяч молодых людей меняют место жительства. Изучение миграции выпускников имеет важное значение для понимания характера и факторов миграции вообще, поскольку значительная часть мигрантов молодежь.

Миграция при выборе профессии — это не отрицательное явление. Она необходима и для перераспределения трудовых ресурсов (в связи с неравномерным размещением предприятий и учебных заведений по территории страны), и для реализации личных планов при выборе профессий. В известном смысле миграция есть — своеобразный способ разрешения противоречий между личными стремлениями и размещением мест работы и учения. С этой точки зрения интенсивность миграции — своеобразный показатель тех возможностей, которые имеют выпускники школ для своего трудоустройства и продолжения учебы в рамках определенного района. Ее показатели указывают направление, в котором должна вестись работа по более рациональному размещению производства и учебных заведений.

Особое значение изучение миграции имеет для районов Сибири, которые характеризуются чрезвычайно высокими показателями подвижности населения и где имеется целый ряд специфических проблем, связанных в одном случае, с необходимостью увеличения притока населения в Сибирь, в другом — с проблемой создания устойчивых кадров в сельском хозяйстве.

Некоторые полагают, что миграция выпускников школ носит хаотический процесс и прогнозирование их невозможно. Между тем повторные обследования по сопоставимым объектам на протяжении ряда лет создают возможности для выявления и в этой области устойчивых закономерных процессов. Так, материалы обследований, проведенных в Новосибирской области, дали возможность изучить миграционные планы молодежи перед окончанием школы и миграцию в связи с выбором профессии.

Изучение «разрывов» между личными миграционными планами и реальной миграцией является важным аспектом

исследования, поскольку они как бы характеризуют резерв, «запас миграции», т.е. показывает удельный вес разных групп молодежи, готовых сменить место жительства. Это интересно и с другой точки зрения, как показатель степени проникновения идей, городских систем ценностей жизни, остроты противоречий между ними и реальными условиями сельской жизни.

При изучении миграции в связи с выбором профессии важен учет как территориальных, так и социальных аспектов. Так, в ходе изучения миграции выпускников школ в Новосибирской области (1963–1964 гг.) было предпринято изучение следующих групп молодежи, тех, кто не сменил местожительство, т.е. живет на прежнем месте; тех, кто выбыл в другие населенные пункты Новосибирской области (кроме Новосибирска); тех, кто выбыл в г. Новосибирск; тех, кто выбыл в Томск; тех, кто выбыл в другие населенные пункты Западной, Восточной Сибири и Дальнего Востока; тех, кто выбыл в Москву и Ленинград, тех, кто выбыл в другие места Советского Союза, т.е. за пределы Сибири, Дальнего Востока, Москвы, Ленинграда.

Сначала рассмотрим миграционные планы выпускников средних школ. Всего хотели сменить местожительство примерно половина выпускников. При этом больше всего было желающих выехать в другие регионы страны и в Новосибирск, сравнительно немного — в другие (кроме Новосибирска) населенные пункты области, а также в Москву и Ленинград. Меньше всего было желающих расстаться с родным домом среди выпускников школ Новосибирска. Противоположная тенденция наблюдалась у выпускников небольших городов. Здесь 9/10 выпускников хотели бы после окончания школы выехать (в основном в Новосибирск, а также в другие районы страны). Близки к ним планы сельской молодежи и средних городов. Это свидетельствует о том, что личные планы в отношении миграции весьма дифференцированы у молодежи разных районов Новосибирской области.

Эти данные нельзя не связать с общими проблемами малых городов. Обследования, проводившиеся в городах Новосибирской области, показали, что здесь имеется определенный излишек рабочей силы. Если доля трудоспособного населения не участвующего в общественном хозяйстве, составляет¹¹⁵ в Москве и в Ленинграде 6–7%, а в среднем по стране в целом —

---

¹¹⁵ См. *Е. Маневич*. Всеобщность труда и проблема рационального использования рабочей силы в СССР. «Вопросы экономики», 1965, № 6, стр. 27.

20%, то в Сибири она достигает 26%, а в некоторых городах Новосибирской области, по данным 1962 г., еще выше.

Естественно, что молодежь, окончившая школы в средних и малых городах Новосибирской области, понимает, что важнейшим условием повышения шансов как на учебу, так и на работу является смена места жительства, что не может не отразиться на ее миграционных планах.

Миграционные планы молодежи довольно устойчивы. При этом имеется определенная связь между личными планами юношей и девушек. Это говорит о том, что через некоторое время юноши, которые более мобильны, «потянут» за собой девушек, и это приведет к дополнительной, так сказать компенсационной миграции, связанной с устройством личной жизни, столь сильной, что ее нельзя перебороть даже существенным повышением оплаты труда.

Как же в действительности происходила миграция в связи с выбором профессии? В целом, после окончания школы сменили местожительство в 1963 г. 30%, а в 1964г. — 40% выпускников.

При этом, если 92–94% выпускников школ Новосибирска остались на прежнем месте, то значительная масса молодежи из городов и сел области переехала в Новосибирск. В 1964 г. в целом миграция усилилась. При этом уменьшилась миграция выпускников за пределы Сибири и Дальнего Востока и увеличилась внутриобластная миграция.

Таблица 36

Миграция выпускников школ

Выпускники средних школ Новосибирской области, в том числе	Годы	Из 100 человек живут на прежнем месте
Новосибирска	1963	94
	1964	92
Средних городов	1963	46
	1964	37
Малых городов	1963	35
	1964	20
Сел и деревень	1963	45
	1964	35
Всего	1963	71
	1964	60

Определенная специфика наблюдается в миграции юношей и девушек. Юноши более подвижны. Так, в 1963 и 1964 гг. сменили местожительство соответственно 39% и 46% юношей из числа выпускников и 24% и 38% девушек. Отметим, что эта же тенденция наблюдалась при анализе миграционных планов молодежи. Характерно, что резкое увеличение оттока молодежи в 1964 г. из мелких городов и сел области произошло главным образом за счет девушек. Доля девушек-мигранток в селах увеличилась с 49% до 67%, а в малых городах — с 55% до 80%. С другой стороны, среди юношей Новосибирска и средних городов области доля мигрантов отличается постоянством. И в 1963 и в 1964 гг. из Новосибирска выехало 14%, а из средних городов — 59% юношей¹¹⁶.

Таблица 37

Миграция у молодежи из разных социальных групп

Социальные группы	Годы	Из 100 человек живут на прежнем месте
Служащие	1963	73
	1964	63
Рабочие	1963	67
	1964	57
Крестьяне	1963	47
	1964	32

При этом в 1963 г. сменили местожительство 27% детей служащих, 33% детей рабочих и 53% детей крестьян. В 1964 г. миграция возросла. В связи с выбором профессии сменили мес-

¹¹⁶ Этот процесс наблюдался в Западной Сибири и в предшествующие годы и не только среди выпускников школ. Так, saldo миграции между городом и селом в процентах к 1956 г. составляло:

Районы	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.
Омской области	59	61	90	104
Томской области	327	198	480	460
Новосибирской области	32	214	240	250
Кемеровской области	287	495	560	352
Алтайский край	87	130	191	170
Западная Сибирь	105	160	219	198

Источник: В.И. Переведенцев. Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск, 1965, стр. 61.

тожительность 37% детей служащих, 43% детей рабочих и 68% детей крестьян. Как видно, удельный вес мигрантов-выпускников из семей служащих и рабочих увеличился на 10%, а из семей крестьян — на 15%.

Большой интерес представляет попытка проследить взаимосвязь между миграционными планами школьников, информация о которых была получена перед окончанием школы, и реальной миграцией (см. рис. 39). Как видим, личные планы довольно тесно коррелированы с реальной миграцией. Даже те различия, которые наблюдались между ними, весьма характерны. Если ранжировать миграционные планы и реальную миграцию по удельному весу желавших и сменивших местожительство, то мы получаем довольно стабильную картину для молодежи из разных районов области. Так, на первом месте по планам стоят малые города (они же на первом месте и по реальной миграции), на втором месте — села (и по планам и по миграции), на третьем — средние города, на четвертом — Новосибирск.

Анализируя личные планы молодежи, мы видим, что информация, полученная весной 1964 г. от выпускников средних школ, свидетельствовала о том, что во всех районах области миграция в связи с выбором профессии, судя по намерениям выпускников, должна возрасти. К такой информации нередко относятся с недоверием: «Мало ли что могут написать в анкете школьники, они сами ничего не знают». С другой стороны, социолога не может не смущать вопрос о том, достаточно ли хороша его методика и техника, станут ли юноши и девушки раскрывать в своих анкетах свои планы, не дадут ли они под влиянием тех или иных соображений такую информацию, которая весьма отличается от их действительных планов и намерений.

Материалы, приведенные выше, дают основание с доверием отнестись к информации, полученной от выпускников. В самом деле, в 1964 г. удельный вес молодежи, намеренной сменить местожительство, повысился, но вместе с тем возросла и миграция. Следовательно, движение личных планов накануне выпуска отражало реальные изменения, было связано затем с действительной миграцией выпускников школ.

Таким образом, деятельность, решения, поведение разных групп выпускников в данном случае свидетельствуют о том, что мы получили весной довольно доброкачественную инфор-

мацию о личных планах молодежи. С другой стороны, эти материалы указывают на то, что не следует игнорировать изменения в информации, которая получается непосредственно от опрошенных. Напротив, по этим изменениям с определенной вероятностью можно судить о действительных решениях, которые будут приняты той или иной группой молодежи¹¹⁷.

Информация, полученная нами, свидетельствует о том, что выпускники средних школ довольно реалистически оценивают свои шансы. Тесная корреляция между планами и реальной миграцией дает основание полагать, что значительная часть молодежи, оканчивающей среднюю школу, с одной стороны,

¹¹⁷ Однако это возможно лишь в том случае, если выпускники школ достаточно информированы, реалистичны, чтобы учитывать свои шансы в конкретной ситуации, и если сами объективные условия таковы, что дают определенную степень свободы в принятии решений, в реализации своих планов.

довольно отчетливо осознает необходимость определенной линии поведения, а с другой — имеет возможность реализовать свои личные планы при выборе профессии в отношении учебы, работы, смены местожительства.

В то же время, как видно, «охоту к перемене мест» испытывает большее число юношей и девушек, чем в действительности сменили местожительство. Стремления части выпускников и здесь наталкивались на определенные ограничения, которые нашли отражение в разрыве между личными планами и миграцией. Этот разрыв неодинаков для разных категорий. Социальные условия создают разные ограничения для разных групп молодежи. В 1963 г. на одном полкесе находился Новосибирск, где разрыв составлял всего 6%, на другом — села, где разрыв был равен 30%. Этим же, видимо, объясняется и больший разрыв в селах по сравнению с малыми городами, где молодежь больше хочет выехать и больше выезжает, чем из сел. Характерно, что в 1964 г. резкое увеличение числа мигрантов сократило этот разрыв для сельской молодежи с 30% до 24%, а для малых городов с 24% до 15%. Все это дает основание полагать, что личные планы и миграция имеют тенденцию к сближению.

В то же время миграционные планы более выровнены, чем реальная миграция. Различия в объективных условиях между селами, малыми и средними городами глубже. Поэтому разрыв в проценте реально мигрировавших и в 1963 и в 1964 гг. был больше, чем разрывы в миграционных планах. Здесь снова мы сталкиваемся с тем, что процесс выравнивания в области сознания (под влиянием школы, общения и т.п.) идет более интенсивно, как бы обгоняет изменение реальных социальных различий.

Проникновение в село городских стандартов, городских потребностей благодаря повышению образования, роста культуры, распространению книг, печати, радио, телевидения, улучшению связи, дорог не могут не создавать там новой ситуации. Идеи более мобильны, чем так называемые реальные условия жизни. Поэтому городские потребности проникают в села быстрее, чем изменяются там реальные условия. Это порождает новые потребности, их новую структуру. Город обеспечивает не просто более высокий уровень потребления, как это считают некоторые экономисты, а большее разнообразие в удовлетворении потребностей, большие шансы в устройстве личной жизни, дает возможность получить профессию, обра-

зование, повысить квалификацию, которые уже обрисовались под влиянием городских ценностей в представлении сельских юношей и девушек.

Конечно, миграция из сельской местности усиливается в результате различий в экономике, культуре, образовании, возможностях выбора профессии. Но надо ясно представлять себе, что даже идеально выровняв все эти показатели, мы можем лишь несколько уменьшить миграцию. Ликвидировать миграцию из села в город так же нельзя, как нельзя приостановить проникновение новых потребностей в село. С этой точки зрения миграция представляет собой своеобразный способ разрешения противоречий между новыми потребностями, интенсивно проникающими в села, и еще до конца не изжитым отставанием деревни от города по условиям труда и быта, культуры. Поэтому главным путем управления миграцией является ускоренное развитие и совершенствование всего комплекса социально-экономических и культурно-бытовых условий жизни сельского населения.

7. Эхо войны

Склонности и выбор профессии, личные планы и их реализация, социальная ориентация и мобильность — все это в конечном счете зависит от объективных условий развития как общества в целом, так и отдельных регионов. Поэтому, стремясь еще больше расширить степени свободы, которые имеет молодежь при выборе профессии, повысить социальную мобильность, нельзя игнорировать социально-экономические проблемы (демографическую ситуацию в стране, проблемы размещения производства, занятость населения, эффективность системы народного образования и профессиональной подготовки, использования трудовых ресурсов).

Проблемы молодежи имеют не только экономические, но и социальные аспекты. Нами был проведен ряд расчетов, которые позволяют судить о том, как сказываются демографические факторы, в частности спад в рождаемости, не только на численности поступающих и оканчивающих школы, но и на характере отсева, на шансах молодежи на поступление в вузы и техникумы, на жизненных путях представителей различных социальных групп.

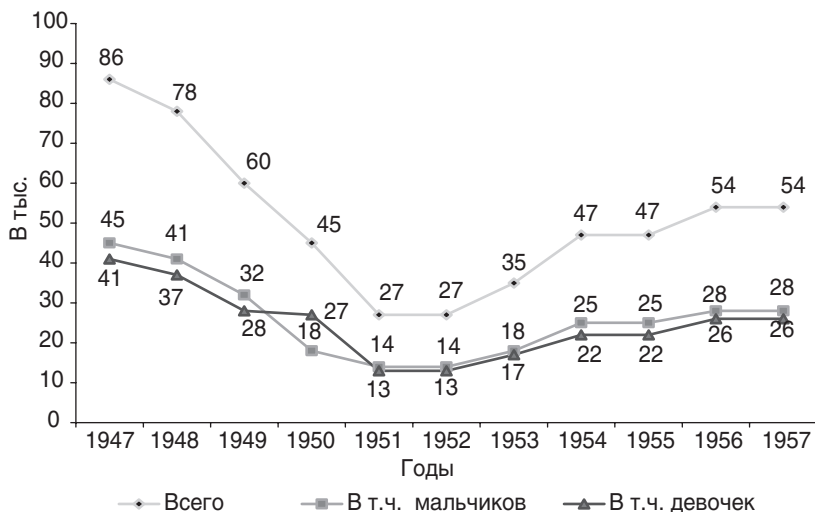
Юноши и девушки, которые обследовались нами в 1963 г., — это последнее поколение родившихся в годы Великой Отечественной войны. Известно, что в годы войны¹¹⁸ наблюдался резкий спад в рождаемости. И наоборот, после ее окончания рождаемость резко увеличилась. Поэтому, естественно, число родившихся в послевоенные годы значительно больше, чем в годы войны.

В последующие годы, напротив, наблюдалось своеобразное «демографическое эхо» войны. Оно выражается в резком, лавинообразном увеличении числа молодежи в возрасте 17–18 лет, вступающей в самостоятельную жизнь.

Спад в рождаемости, вызванный войной, прежде всего сказался на сокращении числа детей, поступивших в школы (см. рис. 40). Так, число первоклассников в школах Новоси-

Рисунок 40

Численность первоклассников в школах Новосибирской области

бирской области уменьшилось с 86 тыс. до 28 тыс., т.е. в три раза. Это не могло не сказаться на отсеке из школ, на шансах различных категорий молодежи в сфере образования, на ее

¹¹⁸ О демографических процессах в годы войны см. работу Б.Ц. Урланиса «Войны и народонаселение Европы». М., 1960.

жизненных путях в целом. Роль этого фактора наглядно прослеживается на «пирамидах образования».

Рассмотрим две реальные пирамиды (см. рис. 41), первая из которых показывает движение с первого по десятый класс детей, поступивших в первый класс в школы Новосибирской области в 1947 г., т.е. тогда, когда влияние спада рождаемости еще не сказалось и в первый класс поступило 86 тыс. человек. Как видно из графика, из 45 тыс. мальчиков десятый класс окончило лишь 4,5 тыс., т.е. 10%, а из 41 тыс. девочек — 7,1 тыс., т.е. 17%. В целом лишь 13% из поступивших в первый класс окончили среднюю школу.

Вторая пирамида показывает движение с первого по десятый класс детей, которые поступили в первый класс школ Новосибирской области в 1963 г., т.е. тогда, когда влияние спада рождаемости, вызванного войной, сказалось уже в полной мере. Как видим, в первый класс поступило лишь 19,6 тыс. мальчиков, из которых окончило среднюю школу (одиннадцатый и десятый выпускные классы) 2,7 тысячи, т.е. 14%, а из 17,8 тыс. девочек, поступивших в 1-й класс, окончило школу 4,7 тыс. человек, т.е. 26%. В целом окончило среднюю школу 20%.

При этом, если в первом классе соотношение между мальчиками и девочками было почти одинаковым и в 1947 г. и в 1963 г. (100:99), то уже при окончании средних школ оно понизилось с 63:100 в 1947 г. до 59:100 в 1963 г. Более высокая доля девочек среди оканчивающих среднюю школу вообще характерна для нашей системы общего образования¹¹⁹. Здесь же важно подчеркнуть, что эта закономерность в связи с падением рождаемости проявилась еще ярче.

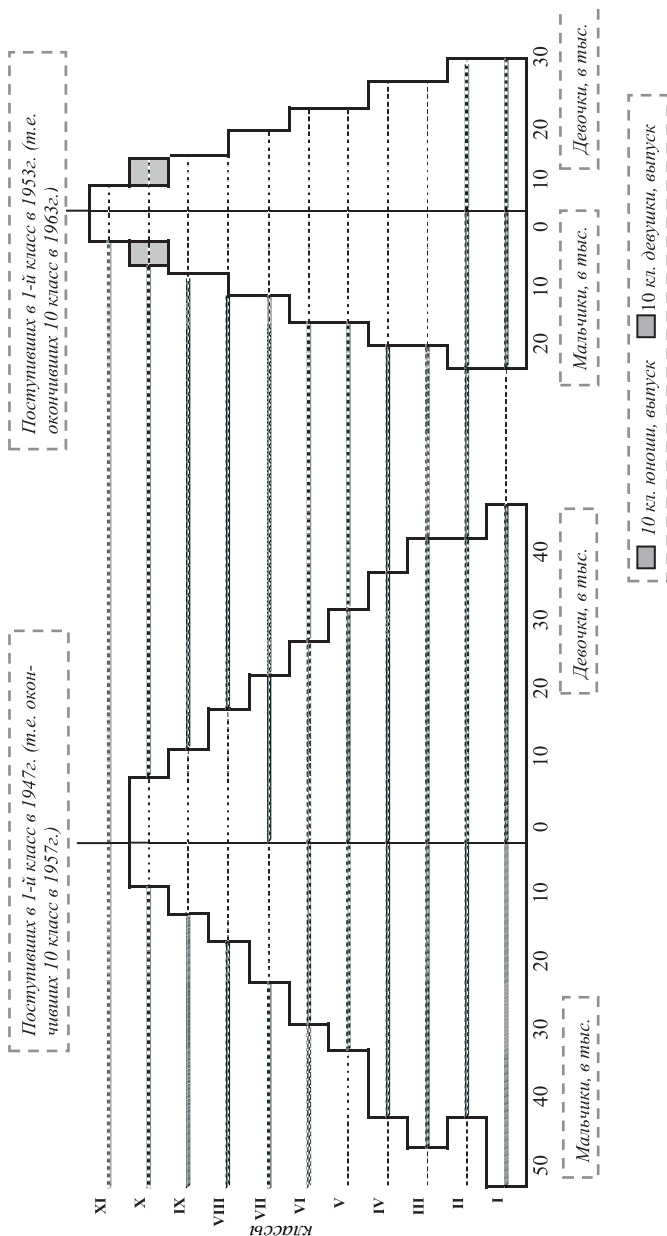
В целом анализ «пирамид образования» показывает, что уменьшение числа учащихся в связи со спадом рождаемости привело к уменьшению отсева, повысило удельный вес окончивших школу. Вместе с тем это должно было уменьшить конкурс в вузах и техникумах, т.е. способствовать росту доли поступивших в вузы и техникумы из поступивших в первый класс школы. Имеет место своеобразная компенсация: родившиеся в самые тяжелые годы войны имеют при прочих равных условиях — в силу своей малочисленности, наибольшие шан-

---

¹¹⁹ С другой стороны, в 1963 г. в составе принятых в профессионально-технические училища в целом удельный вес юношей составлял 82%.

Рисунок 41

«Пирамиды образования»

сы для продолжения образования, работы. В то же время это резко уменьшило удельный вес выпускников, которые должны были работать после окончания школы, укрепляло в них скрытую «вузовскую ориентацию», основанную на наивной надежде, что вузы способны поглотить всех окончивших среднюю школу.

Как уже отмечалось, возможности для поступления в вузы у молодежи, живущей в крупных городах, значительно выше, чем в сельской местности, ибо уровень подготовки в городских школах, как правило, выше. На успеваемость, на профессиональные склонности и, следовательно, на шансы получения образования оказывают влияние материальные, жилищные условия. В силу этого социальная структура выпускников средней школы, а тем более студентов вуза не может не отличаться от социальной структуры первоклассников.

Это создает определенную проблему. С одной стороны, молодежи должны быть предоставлены одинаковые возможности для получения образования, но, с другой, в силу неравенства в местожительстве, в уровне преподавания, в материальных условиях в разных семьях, в образовании родителей, в размещении сети учебных заведений и т.п. молодые люди с равными способностями, но с разной подготовкой фактически имеют разные возможности для получения образования.

Эту проблему нельзя быстро решить, но ее нужно видеть, и в соответствии с достигнутым уровнем развития производительных сил намечать шаги в ее решении. Иначе говоря, необходимо социальное прогнозирование в образовании.

В связи с этим целесообразно, чтобы социологические группы вели систематические исследования и, в частности, исследования социальных проблем образования в целях расширения равенства шансов для разных социальных групп молодежи, по выявлению и отбору наиболее способных юношей и девушек на всех стадиях обучения.

Важное значение имеет улучшение трудового воспитания молодежи, дальнейшее совершенствование производственного обучения в школе. Значительный вклад в решение этой проблемы могли бы внести серьезные комплексные исследования, которые давали бы возможность, сомкнув воедино экономический, социологический и педагогический подход, определять оптимальные сроки обучения, вообще поставить на научные основы проблемы общего и профессионального образования.

8. О социальном прогнозировании шансов молодежи¹²⁰

Эффективная помощь молодежи в решении ее проблем предполагает не только научное описание и объяснение ее жизни сегодня, но и прогнозирование, предвидение основных тенденций и явлений, которые будут определять жизнь молодого поколения завтра. Вот почему важное значение приобретают проблемы прогнозирования. Сейчас трудно назвать такую область знаний, где не произошло бы резкого возрастания интереса к этим вопросам. Ими занимаются социологи и экономисты, биологи, геологи, математики, представители практически всех наук.

Это закономерно, ибо одна из важнейших задач науки — прогнозирование, в частности прогнозирование в области социальной. Правда, основная масса социологических исследований относится пока к этапу познания, когда выявляются лишь основные взаимосвязи и тенденции того или иного процесса. Тем не менее чем прочнее и основательнее теоретическая база исследования, чем шире ведутся работы, чем больше накапливается экспериментальных данных как о макро-, так и о микропроцессах, тем эффективнее будет становиться прогноз в области социальной.

Начиная обследование молодежи в 1962 г. в Сибири по проблемам трудоустройства и выбора профессии, мы ставили одной из своих целей прогнозирование шансов молодежи на продолжение образования¹²¹. Это было связано со спецификой данного социологического проекта¹²², поскольку информационная база, накопленная на протяжении 7–8 лет, давала возможность, во-первых, сопоставлять ожидания, личные планы молодежи с их осуществлением и, во-вторых, проверять точность прогноза реальными данными, характеризующими итоги процесса.

При рассмотрении шансов на получение высшего образования обычно основываются на статистике социального со-

---

¹²⁰ Параграф написан совместно с Д. Константиновским.

¹²¹ Понятие «шанс», означающее вероятность или возможность успеха в осуществлении чего-либо, вошло в этом значении в литературу из теории вероятностей. В социологической литературе это понятие употребляется, в частности, применительно к возможностям получения образования.

¹²² См. подробнее § 1 этой главы.

става учащихся¹²³. В ходе нашего исследования дополнительно к этому учитывалась специально полученная информация о личных планах выпускников школ, что дало возможность углубить анализ по ряду вопросов.

В соответствии с целями исследования в работе использовались следующие показатели. Во-первых, какая часть молодежи из данной социальной группы поступает в вузы (K_1). Во-вторых, сколько процентов молодежи из данной социальной группы были намерены поступить в вузы (K_2). В-третьих, степень реализации личных планов молодежи в данной социальной группе, т.е. отношение числа поступивших в вузы к числу тех, кто был намерен сделать это (K_3). Кроме того, использовалось сопоставление социального состава студентов вузов со структурой активного населения страны, а также ряд других показателей.

По существу речь идет не об отдельных рабочих определениях, а о системе взаимосвязанных между собой показателей, каждый из которых характеризует ту или иную сторону процесса. Если одни показатели преимущественно касаются социальной мобильности, то другие — процессов формирования жизненных планов молодежи, а третьи — шансов на реализацию этих планов. В целом система показателей строилась так, чтобы она более или менее адекватно описывала исследуемые процессы и могла быть использована при построении математических моделей.

Для построения прогностических моделей применяются различные приемы и методы. В настоящее время их насчитывается более ста. При этом используется порой достаточно сложный математический аппарат. Так, наряду с экстраполированием применяются факторный и корреляционный анализ, линейное и динамическое программирование, методы распознавания образов, марковские процессы и прочие методы теории вероятностей, математической статистики и других разделов математики.

В ходе данной работы конкретный выбор математического аппарата для построения прогностических моделей был произведен с учетом целей исследования и специфики информационной базы. В процессе исследования был использован ряд

¹²³ См., например, *D.V. Glass* (ed). *Social Mobility in Britain*. London, 1954; *A. Sauvy, A. Girard*. *Les diverses classes sociales devant l'enseignement*. — «Population», 1965, N 2. Paris; *P. Bourdieu, J. C. Passeron*. *Les Héritiers. Les étudiants et la culture*. Paris, 1964.

методов: экстраполяция, корреляционный анализ, распознавание образов и др., с тем, чтобы обеспечить достаточную точность прогноза и получить материал, наиболее существенный для содержательного анализа.

Отбор факторов для модели производился на основе теоретической модели процесса с учетом ограничений, обусловленных имеющейся информацией и проблемами операционализации. Так, например, прогностическая модель показателя K_1 для молодежи из разных социальных групп включала в себя фактор времени, динамику вакансий в вузах, динамику численности выпускников средних школ, численность выпускников школ из разных социальных групп (в том числе из города и деревни), численность выпускников средних школ прошлых лет, не поступивших в вузы, изменение соотношения между численностью молодежи в разных социальных группах и др. Кроме того, в прогностических моделях второго типа (для дифференцированного прогнозирования внутри группы) учитывалось еще свыше 15 факторов.

Это, разумеется, ни в коей мере не означает, что на данном этапе исследования удалось учесть все существенные факторы при имитации изучаемых процессов. Для оценки степени изоморфности моделей проводилось сравнение прогноза с расчетами по фактическим данным, которые были возможны благодаря информации, накопленной на протяжении ряда лет.

Специфика этой работы заключается не только в учете экономических, демографических, социально-психологических факторов в сочетании с данными государственной статистики, ведомственного учета и специальных социологических исследований, но и в том, что прогноз касался развития социальных процессов в условиях социализма, где целый ряд решающих факторов, прежде всего экономических, подвержен плановому воздействию со стороны общества, что придает этой работе не только теоретическую, но и особую практическую направленность.

Как уже отмечалось, для периода исследования характерны резкие демографические сдвиги. Это находило свое отражение в весьма сложной динамике численности выпускников и создавало дополнительные трудности при моделировании.

Как видно на рис. 42, в 1961 г. выпуск в школах был минимальным. В 1962, 1963 и 1964 гг. шел заметный рост числа

выпускников. С 1965 г. наблюдается резкое увеличение темпов роста. К тому же в 1966 г. это было значительно усилено тем, что в школах состоялся сдвоенный выпуск (10-х и 11-х классов). В этом году численность выпускников относительно 1965 г. утроилась и составила 705% по сравнению с 1961 г. В 1967 г. выпуск в школах составил 467% от выпуска 1961 г. Естественно, что все это не могло не сказаться на шансах выпускников школ при поступлении в высшие учебные заведения.

Если же анализировать динамику численности выпускников в связи с изменением числа вакансий в вузах, то картина становится еще более определенной. До 1965 г. число мест на первых курсах дневных отделений вузов превышало численность выпускников дневных средних школ. А в 1966 г. выпускников стало в 2,8 раза больше числа вакансий; в 1967 г., когда состоялся уже не сдвоенный, а обычный выпуск, это отношение снизилось до 1,9.

Рисунок 42

Выпуск в дневных средних школах области и прием в вузы Новосибирска (в % к выпуску 1961 г.)*

*Примечание: с 1969 г. — прогноз тенденций.

Какая ситуация ожидается в будущем? По нашим расчетам, начиная с 1971 г, ожидался новый значительный рост числа

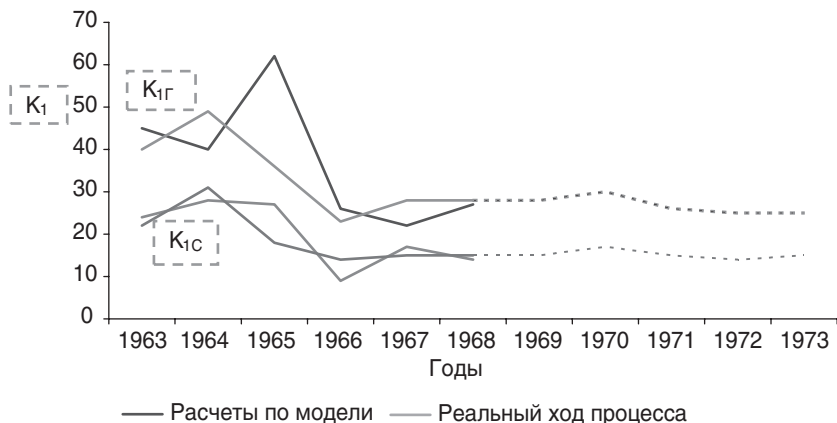
оканчивающих средние школы и что численность их выпускников в эти годы выйдет на уровень 1966 г. и даже превысит его. В 1975 г. ожидали, что выпуск в дневных средних школах превзойдет уровень 1961 г. в 7,5 раза.

В ходе исследований отношение числа выпускников к числу вакансий в вузах было проецировано до 1975 г. Как показали расчеты 1971 г., ожидалось, что это отношение с началом интенсивного нарастания числа выпускников снова несколько возрастет. Однако эти изменения при том росте приема в вузы, который ожидался в эти годы, невелики. Таким образом, было правомерно ожидать в период до 1975 г. весьма стабильную ситуацию.

Этот своеобразный фон (как в прошлые годы, так и на перспективу) давал ключ к пониманию сложной динамики показателя K_1 как на основе расчетов по прогностической модели, так и по фактическим данным (см. рис. 43).

Рисунок 43

Прогноз K_1 для городских и сельских выпускников

Расчеты по модели показывают, какова была бы динамика K_1 , если бы она детерминировалась только теми факторами и соотношениями, которые учтены в модели.

На левой части рис. 43 приведены результаты расчетов по модели K_1 для городской и сельской молодежи по ряду школ

Новосибирской области. Как видно, в 1964 г. наблюдалось заметное повышение показателя K_1 как у городской, так и у сельской молодежи. С 1965 г. в связи с увеличением численности выпускников значения K_1 падают, достигая своего минимума в 1966 г. Затем снова наблюдается увеличение шансов как городской, так и сельской молодежи. Стабилизируется ситуация в 1967–1968 гг. Таким образом, прогноз по модели как по городским, так и по сельским школьникам более или менее адекватно отражает изменение ситуации в эти годы.

Как уже отмечалось, специфика исследования связана с сопоставлением расчетов по модели с фактическими значениями, характеризующими ход процесса, которые были получены на основе массовых обследований молодежи в эти годы по тем же объектам. Как и по данным модели, в 1964 г. показатель K_1 повысился для обеих групп молодежи. В 1965 г. наблюдаются некоторые отличия от теоретических расчетов. Однако в 1966 г. расчетные и фактические данные весьма близки. Невелико расхождение и в 1967 г. у сельских выпускников школ. Что же касается некоторых расхождений между теоретическими и фактическими данными в 1967 г. для городской молодежи, то они не могут быть интерпретированы без учета ряда дополнительных факторов, в частности динамики личных планов молодежи. Дело в том, что в 1967 г. личные планы городской молодежи (видимо, в связи с тем, что именно в городе, где находятся высшие учебные заведения, молодежь особенно остро воспринимала изменение ситуации в предыдущем году) резко снизились (они учитывались в показателе K_2), в то время как в селе этого не произошло¹²⁴.

В целом относительная ошибка расчетов по прогностической модели по сравнению с фактическими данными не превышала 25% для городской молодежи и 20% для сельской. При этом в перспективе нужно учитывать, что, поскольку эти исследования продолжают как путем совершенствования моделей, так и путем проведения новых массовых обследований молодежи, возможность подобных сопоставлений теоретических и расчетных данных и корректировки моделей сохранится и в будущем.

В соответствии с целями исследования представляет интерес соотношение K_1 для городской и сельской молодежи.

¹²⁴ Это касается и ряда отмечавшихся выше расхождений в предыдущие годы.

В общетеоретическом плане эта дифференциация обусловлена социально-экономическими и культурно-бытовыми различиями между городом и деревней, которые изживаются в процессе развития социалистического общества. Вместе с тем для нужд социального управления требуется конкретный анализ данных процессов.

Уже в начале этого исследования (в 1963–1964 гг.) было установлено, что разные группы молодежи имеют различные шансы при прохождении конкурса в вузы. В связи с этим высказывались опасения, что ужесточение конкурса может привести к тому, что группа оканчивающих школы, которая находилась в лучшем положении, минимизирует свои потери за счет других групп. Как расчеты по моделям, так и фактические данные свидетельствуют, что в эти годы соотношение между шансами городской и сельской молодежи практически не изменилось. Этому, видимо, способствовало дальнейшее улучшение материального положения семей, совершенствование сети учебных заведений, повышение уровня преподавания в школах.

Прогноз на следующие годы (как это изображено на правой стороне рис. 43) показывает довольно стабильную ситуацию. До 1975 г. не ожидалось резких изменений показателя K_1 . В целом ожидалось сохранение более или менее стабильным и отношения между K_1 для городской и сельской молодежи, хотя разрыв между ними по сравнению с базовым 1963 г. ожидался несколько меньшим. Вместе с тем при анализе прогноза не следует забывать о том, что в модель включено ограниченное число факторов, роль и значение которых меняется. Кроме того, некоторые факторы, не учтенные в ней, в будущем могут приобрести большое значение. Тем не менее научный прогноз шансов выпускников при поступлении в вузы может явиться ориентиром для разработки конкретных мероприятий со стороны общества по воздействию на ход процесса на основе реалистической оценки ситуации.

На основании модели были получены зависимости K_1 от изменения основных показателей, описывающих в модели ситуацию того или иного года (выпуск в школах; прием в вузы; соотношение между численностью выпускников городских и сельских школ). Для этого с помощью электронно-вычислительных машин на модели проигрывались направленные изменения ситуации, что осуществлялось путем варьирования

соответствующих показателей в широких диапазонах. При этом удавалось изучить возможные социальные последствия изменения тех или иных параметров ситуации этого года (одного показателя, двух или трех одновременно).

С точки зрения содержательного анализа эти зависимости дают возможности уяснить связи между внешними условиями, с одной стороны, и шансами молодежи — с другой. На их основе может быть произведена корректировка прогноза в случае, если изменение тех или иных условий во времени будет отличаться от ожидаемого. При возникновении подобных отклонений становится ясным, в каком направлении изменятся шансы молодежи. В результате создается возможность непрерывного прогнозирования, которое благодаря постоянно проводимой коррекции все точнее отображает реальный процесс.

Наконец, при использовании модели для конкретных целей социального планирования и управления она может предоставлять планирующим, руководящим органам информацию о том, как изменятся шансы молодежи, если по каким-либо причинам произойдут те или иные объективные изменения внешних условий или будет произведено их направленное изменение путем проведения мероприятий по социальному управлению.

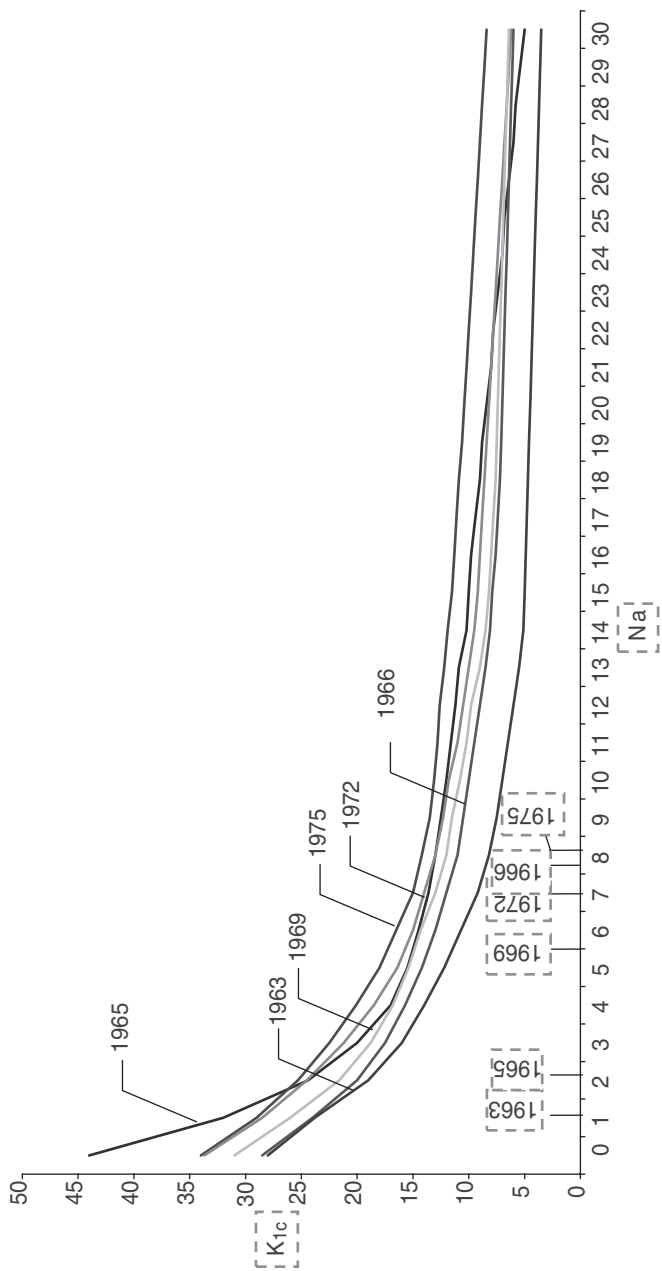
На рис. 44 показана зависимость K_1 для выпускников дневных средних школ сельской местности от выпуска в школах как для 1963, 1965, 1966 гг. (ретроспективное исследование), так и для 1969, 1972, 1975 гг. (прогностическое исследование). При этом на оси абсцисс отмечены величины варьируемого показателя, которые реально были в 1963, 1965, 1966 гг., величина для 1969 г., а также величины, которые ожидаются в 1972 и 1975 гг.

Зависимость представлена семейством асимптотических кривых. Так, при малом выпуске в школах (например, в 1963 г.) шансы относительно велики и резко изменяются при небольших колебаниях выпуска. С ростом численности выпускников кривые становятся более пологими. При выпуске же столь большом, как в 1966, 1975 гг., или еще более многочисленном зависимость K_1 от дальнейшего увеличения выпуска становится все менее ощутимой; практически происходит стабилизация шансов относительно выпуска.

В целом разработка и содержательная интерпретация такого рода моделей открывает значительные возможности для

Рисунок 44

Зависимость шансов сельской молодежи на поступление в вузы от выпуска в школах (расчеты по модели)

социологии как в теоретическом плане, так и в плане практического применения научных исследований.

В ходе работ исследовалась и прогностическая модель K_2 . При этом моделировались процессы, обладающие еще большей сложностью и неопределенностью, в частности личные планы выпускников дневных средних школ городской и сельской местности при поступлении в вузы.

В основу этой модели положен ряд существенных зависимостей, выявленных в ходе анализа, предшествовавшего собственно моделированию. Как показало изучение информации, динамика личных планов выпускников школ связана с изменениями конкурсной ситуации в том или ином году. Например, в 1965 г. K_2 для городских выпускников составлял 83,5%, для сельских — 61,7%; весной 1966 г., накануне небывалого выпуска в школах, K_2 упал соответственно до 61,4% и 39,2%. При этом значения K_2 , разумеется, больше значений K_1 , а динамика одного показателя связана с динамикой другого. Наличие этой связи позволило при построении модели использовать методику, в некоторой мере аналогичную рассмотренной выше.

В целом была получена модель, описывающая динамику личных планов городских и сельских выпускников на поступление в вузы в год окончания школы. Степень изоморфности этой модели определялась тем, что она показывала, какова была бы динамика процесса, если бы она детерминировалась только факторами и соотношениями, учтенными в модели. При этом продолжение исследований в будущем обеспечивает возможность сопоставления расчетов с фактическим ходом процесса и совершенствования модели. Данная модель позволила сделать прогноз динамики личных планов городских и сельских выпускников на поступление в вузы. При этом для нее характерны в основном те же ограничения, которые отмечались выше по поводу первой модели, и аналогичные возможности для содержательного анализа, для прогностических целей и для решения конкретных задач социального планирования и управления.

Модели динамики поступления в вузы и динамики личных планов могут быть объединены в модель для прогнозирования степени реализации личных планов. Эта модель строится на базе показателя K_3 , динамика которого важна как с методической стороны (в частности, для изучения

связей между применяемыми показателями), так и с содержательной (в том числе для анализа реалистичности личных планов у выпускников из разных социальных групп). Как фактические данные, так и расчеты по модели обнаруживают тенденцию к сближению значений показателя K_3 для городских и сельских выпускников.

Мы проследили лишь некоторые аспекты, связанные с социальным прогнозированием в области образования. Но не следует забывать, что более глубокий анализ этих проблем предполагает рассмотрение комплекса прогностических моделей шансов молодежи. Как уже отмечалось, при интерпретации результатов нельзя игнорировать взаимодействие объективных и субъективных факторов.

Таким образом, опыт данной работы показывает возможность выявления ряда закономерностей и взаимосвязей и прогнозирования на этой основе шансов молодежи.

В методологическом плане в принципе установлена возможность построения модели шансов молодежи для целей социального прогнозирования. Модель апробировалась на материалах массовых обследований молодежи. Результаты расчетов по ней сопоставлялись с фактическими материалами обследования, проводившегося на протяжении семи лет. Относительная ошибка при этом не превышала 20–25%.

Расчеты по прогностической модели проводились до 1975 г. Однако в связи с тем, что она включает в себя лишь некоторые факторы, влияющие на изучаемый процесс, и изменение взаимосвязей факторов в ней не учитывалось, можно считать достоверным прогноз лишь на часть этого периода.

В плане применения прогностической модели для целей социального управления имеется возможность прогнозировать шансы разных групп выпускников в условиях меняющейся ситуации. В принципе, исходя из конкретных нужд планирования и управления, в модель могут вводиться дифференцированные социальные, национальные и другие группы выпускников. Кроме того, модель, учитывающая неизбежные изменения демографической ситуации, динамику потребности в специалистах, может быть использована для предвидения конкретных значений показателей, характеризующих шансы молодежи, и для целей научного управления.

9. Заглядывая вперед

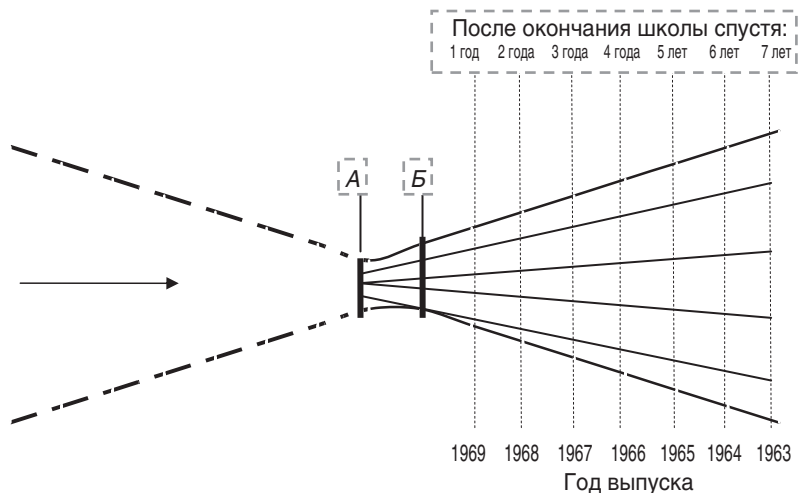
Исследования, проведенные с 1962 по 1969 г., мы назвали первой серией исследований не случайно. Они создали весьма благоприятные условия для постановки новых исследований, которые могли бы опираться на накопленную уже информацию и охватывать обследовавшиеся ранее группы молодежи, которые сегодня достигли соответственно 25, 24, 23, 22, 21, 20, 19 и 18 лет. Специфика такого исследовательского проекта состоит в изучении динамики, в исследовании социальных изменений на базе сбора информации о молодых людях в возрасте от 17 до 25 лет, окончивших средние школы соответственно 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 лет назад. При этом по существу охватываются все основные социальные группы обследовавшейся ранее молодежи как по социальному происхождению, так и по социальному положению.

Схему данного исследовательского проекта можно представить следующим образом (см. рис. 45).

Как видно из нее, вторая серия исследований связана с переносом центра исследований на изучение реальных жизненных путей молодежи после окончания средней школы.

Рисунок 45

Изучение жизненных путей бывших выпускников средних школ (схема 2-й серии исследований)

Таким образом, в ходе данного исследования предпринимается попытка путем единовременного сбора информации построить определенные временные ряды, которые позволили бы судить (разумеется, с необходимыми ограничениями) об изменениях в молодежной среде в возрасте от 17 до 25 лет.

Для социолога этот период представляет особый интерес, поскольку это один из важнейших периодов становления личности на базе реального «вхождения» в жизнь.

В этот период юноши и девушки (одни несколько раньше, другие несколько позже) получают профессию и начинают работать.

В этот период молодежь сталкивается с основными организациями и институтами нашего общества (заводами, фабриками, колхозами, совхозами, институтами).

В этот период происходят решающие изменения в личной жизни.

Этот период характеризуется глубокими изменениями в системах ценностей жизни, ломкой иллюзий, появлением новых критериев и оценок.

При этом предполагается изучение следующих проблем:

- жизненные пути различных групп молодежи, в том числе:
  - социальная мобильность;
  - выбор профессии;
  - профессиональная карьера;
  - перемена труда;
  - адаптация к труду;
  - миграция.

Социальная и профессиональная ориентация молодежи в этот период, в том числе:

- специфика ожиданий, личных планов, аспирации у разных групп молодежи;
- их ценностные ориентации;
- конфликт систем ценностей;
- смена реферативных групп;
- смена референтных групп;
- изменение профессиональных планов.

Образование и его социальная роль, в том числе:

- образование как одна из ценностей жизни;
- рост интеллигентности разных групп нашей молодежи;
- роль образовательных организаций в формировании ценностных ориентации;
- динамика интереса к образованию у разных социальных групп.

Оценки занимаемых социальных позиций, в том числе:

- субъективные оценки занимаемой социальной позиции;
- удовлетворенность достигнутым социальным положением;
- конформные и неконформные группы молодежи;
- субъективные аспекты социальной мобильности.

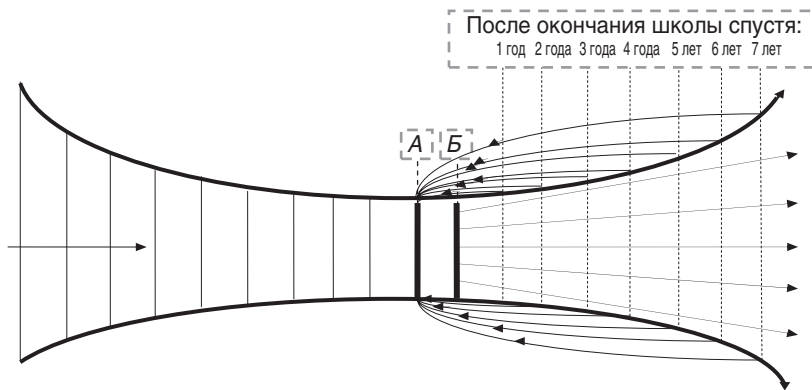
Наконец, группа вопросов, необходимых:

- а) для совершенствования методики исследования выпускников школ;
- б) для совершенствования уже разработанных моделей социального прогнозирования;
- в) для получения информации, нужной для оказания непосредственной помощи молодежи при выборе профессии.

Этот очень важный аспект исследования, связанный с попыткой использования результатов изучения судеб предыдущих выпусков для совершенствования прогнозов в отношении выпусков последующих, можно представить в виде такой схемы (рис. 46).

Рисунок 46

«Обратные связи» в новой серии исследований

* * *

В современных условиях, когда проблемы молодежи и образования привлекают к себе особое внимание, значение социологических исследований по этим вопросам трудно переоценить. Они играют исключительно важную роль в разработке эффективной социальной политики.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЫБИРАЯ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Как бы ни влияли на наши суждения жизненный опыт, профессия, работа, которой мы занимаемся, все мы, наверное, согласимся, что сегодня у нас нет задачи более ответственной и более сложной, чем воспитание молодежи. Единство слова и дела, рационального и эмоционального, социального и нравственного, конкретный анализ с учетом не только особенностей настоящего, но и специфики прошлого, внимания не столько к «охвату», сколько к качественной стороне дела — неохватимые предпосылки повышения эффективности воспитания подрастающего поколения.

В этом единстве все элементы взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом, их нельзя разрывать в анализе, ибо они органически слиты в реальной жизни, но самое нужное, самое сложное и самое важное сегодня — *нравственное воспитание*. Оно определяет смысл и содержание трудовой и общественной деятельности. И оно немислимо без стремления к объективному познанию мира и самого себя.

Самопознание — важное условие выработки новых жизненных концепций, новых социальных институтов, нового образа жизни, новой роли в историческом процессе. Оно означает исследование личности «во всех ипостасях». Это изучение себя как части природы, выявление своих биологических особенностей и потребностей. Это понимание себя как части социума со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это и осознание себя как феномена нравственного и духовного. Адекватное самопознание — важный показатель зрелости, залог экономического, социального и нравственного самосовершенствования не только общества в целом, но и таких его социально-демографических групп, как молодежь.

Как прежде, так и теперь общество располагает двумя главными орудиями самопознания: социальные науки и искусство. Именно они исследуют и воссоздают постоянно меняющийся, многоликий образ народа. Их инструменты обращены в прошлое, настоящее и даже в будущее. Их цель, как у Соляриса — воссоздать двойники, образы, модели, копии. Эти образы, эти

выплески огромного, бесконечного океана человеческого сознания могут быть вполне адекватны реальным социальным феноменам, а могут и весьма отклоняться от них. Но они всегда активны: они возвращаются к людям, активно воздействуют на их сознание, эмоции, деятельность.

За последние годы наблюдается огромный и все растущий интерес обществоведов и писателей к проблемам современной молодежи. Это неспроста. Молодежь — это наше собственное отражение, она продукт тех социальных отношений, которые мы создали, она реальный результат деятельности отцов — их побед и их поражений. В то же время изучение молодежи — ключ к пониманию будущего. А в этом заинтересованы одинаково и старые и молодые. Ясное понимание процессов, происходящих в обществе, специфики своих реальных проблем, связи личной судьбы с историческим потоком — важное условие повышения социальной активности и необходимая предпосылка нравственного развития подрастающего поколения.

Молодежь глазами социолога — так можно было бы назвать: исследование по проблемам профессионального самоопределения юношей и девушек, которое почти на протяжении пятнадцати лет проводилось под руководством автора учеными Сибирского отделения Академии наук СССР и результаты которого публицистически осмысливаются в первом разделе этой книги. Здесь рассматриваются проблемы выбора профессии, личные планы, аспирации (стремления), профессиональные пути юношей и девушек в обществе на фоне меняющихся внешних условий — социально-экономических, демографических, культурных. Такой анализ жизненно необходим сегодня. Чем более социально развито общество, тем большую свободу выбора предоставляет оно молодым людям для осуществления их жизненных планов, тем шире набор вариантов имеет каждый из них. И тем труднее выбор, тем проще заблудиться и в самооценке себя, и в множестве альтернатив. Парадоксально, но факт: успехи нашего развития не упрощают, а усложняют проблему выбора профессии, поисков призвания.

Всестороннее исследование проблем молодежи, особенно самых тонких и острых, не может ограничиваться одним лишь социологическим анализом. Здесь требуется более широкий подход, включающий искусство и литературу, которые, используя свои специфические методы, существенно углубляют наше миропонимание.

Молодежь глазами писателей — так можно было бы назвать второй раздел, где анализируется ряд произведений советской и зарубежной литературы, посвященной проблемам молодого поколения. Здесь в центре внимания оказываются уже социально-психологические, нравственные и духовные проблемы молодежи. Школа и семья, новые задачи, которые встали перед ними в условиях социалистического общества, воспитание творческой активности, роль социальной среды в жизненной ориентации молодых людей, истоки нравственности и проблемы нравственного воспитания в эпоху научно-технической революции (НТР) — вот те вопросы, которые рассматриваются в этом разделе.

В книге также освещаются проблемы молодежи в условиях буржуазного общества, конфликты, возникающие здесь между молодым поколением и системой истеблишмента. Автор рассматривает эти проблемы, анализируя произведения зарубежных писателей и широко используя собственный материал и впечатления, полученные им во время научных командировок за рубеж. Проблемы молодежного движения на Западе анализируются с нескольких позиций: с одной стороны, глазами зарубежных авторов, с другой — с точки зрения советского социолога, который имел возможность непосредственно наблюдать их в один из самых острых и драматических моментов.

Как видно, одна из особенностей этой книги обусловлена исследованием проблем молодого поколения путем комплексного анализа как материалов социологических исследований, так и художественной литературы. Результаты такого подхода обобщаются в последнем разделе, где предпринята попытка показать возможности социологии и литературы в анализе социальных, нравственных и духовных проблем воспитания молодежи.

МОЛОДЕЖЬ ВСТУПАЕТ В ЖИЗНЬ

Знаешь, кем бы я хотел быть? — ...Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребяташки играют вечером в огромном поле во ржи. Тысячи мальшей и кругом — ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю обрыва, над пропастью, понимаешь? И мое дело — ловить ребяташек, чтобы они не сорвались в пропасть. Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему.

Дж. Л. Сэлинджер.

Вступление молодежи в самостоятельную трудовую жизнь, видимо, можно было бы описать как игровую ситуацию. Эта игра развертывается на огромном поле, на территории всей нашей страны между миллионами юношей и девушек, стремящихся найти свое место в жизни, поприще для приложения своих сил, с одной стороны, и обществом — промышленностью, сельским хозяйством, сферой обслуживания, системой образования и пр. и пр., которые предлагают определенное число вакансий, мест работы и учебы. Но это настолько общая аналогия, что вряд ли она способна раскрыть всю сложность и глубину проблем молодежи.

Первый выбор — начало пути. К делу своей жизни человек идет до конца дней своих, все полнее самоосуществляясь, все глубже осознавая себя в этом мире.

Экономический человек просто трудоустраивается, то есть готов на любую работу, лишь бы добыть кусок хлеба.

Человек социальный — выбирает профессию.

Человек духовный — ищет смысл жизни.

Такие этапы, такие слои угадываются за проблемой выбора. Просто человек — один в трех лицах. И каждый шаг его тройной. И ответственность тройная.

Понять, осмыслить во всей полноте эти экономические, социальные, психологические, духовные проблемы тем труднее,

что каждый из нас подобен флюсу. У каждого свой профессиональный угол зрения. И нужно быть весьма самонадеянным человеком, чтобы претендовать на исчерпывающий научный анализ такой проблемы в целом.

Исследования проблем выбора профессии в Сибири, которые стимулировали эти размышления, не являются исключением. Это социологические исследования со всеми вытекающими отсюда последствиями, у них свой специфический подход, свой аппарат, свои пределы.

1. Банк грез и баланс судеб

В первой серии обследований (1963–1973 годы) наша роль заключалась в том, чтобы, во-первых, весной с помощью «Анкеты выпускника» фиксировать личные планы, ожидания, отношение к различным профессиям тысяч юношей и девушек и, во-вторых, осенью собирать данные о том, какие профессии они избрали, в какой мере осуществили свои планы сразу после окончания средней школы. Здесь речь шла в основном о первых, всегда сложных самостоятельных шагах молодежи в возрасте 17 лет. Поэтому для себя мы называли это исследование «проект 17–17».

Десять лет мы повторяли наши обследования. Год за годом мимо нас проходили тысячи семнадцатилетних, оставляя лишь краткую информацию о том, что они хотели и что получили сразу после школы. Мы бережно храним их анкеты в своей лаборатории и в памяти электронно-вычислительных машин. Как принято теперь говорить, мы создали банк информации. Целый банк надежд, аспираций, грез.

Это позволило нам на массовом материале изучить личные планы молодежи Сибири и их реализацию, престиж профессий, социальную, профессиональную и территориальную мобильность при выборе профессии, шансы разных групп на получение образования и пр.

Одна из проблем эмпирических исследований такого рода в том, что социальные факты, тенденции, установленные в одном районе, совсем необязательны для другого. А соблазн расширительно интерпретировать полученные данные всегда велик. Мы предупреждали читателей: не экстраполируйте эти результаты за пределы генеральной совокупности. Но нам са-

мим, конечно, в глубине души очень хотелось получить хотя бы частичное подтверждение выявленных нами тенденций, во всяком случае, увидеть общее и специфическое в поведении молодежи в разных районах, областях и республиках, тем более что мы не имели средств для проведения всесоюзных опросов по этим проблемам.

Нам повезло. Уже в 1964 году по методике «проекта 17–17» стала работать В. Водзинская, которая провела широкие опросы молодежи Ленинградской области. В последующие годы обследования по «Анкете выпускника» проводились в Латвии (Т. Вильциньш), Эстонии (О. Золотарева, П. Кенкманн), Узбекистане (З. Саидов), Таджикистане (Ш. Шоисмотуллоев), Армении (А. Варданян), среди малых народов Сибири и Дальнего Востока (Д. Лубсанов, В. Бойко), в центральных областях РСФСР и ряде других районов. Поскольку все они основывались на единой методике, то создавались предпосылки для выявления тенденций в поведении молодежи в самых разных районах нашей страны.

Мы анализировали эти данные, сопоставляли грезы и судьбы, определяли зависимости, тенденции, пытались предсказать шансы новых поколений семнадцатилетних. Но мы не знали, что стало с ними в 18, 19, 20... 25 лет. Как сложилась их профессиональная судьба? Как прошел первый год после школы? Нашли ли они дело своей жизни? Не разочаровались ли в 25 лет в своей профессии те, кому в 17 лет все казалось ясным и простым? Намерены ли учиться дальше те юноши и девушки, которые стали квалифицированными рабочими? А если хотят, то ради чего? Как сказались на их мировоззрении изменение демографической ситуации, рост конкурса в вузах и т. д.

Говоря несколько приподнято, 17–25 лет — это судьбоносный период в жизни человека. Интенсивные поиски своего призвания, выбор профессии, переход от книжных, романтических представлений к столкновению с реальными институтами общества, профессиональное самоопределение, трудоустройство, любовь, становление семьи. Все это связано с такой остротой эмоциональных и психических переживаний, с таким количеством решений, которые нужно принять в кратчайший период и которые в огромной мере определяют судьбу человека.

Нелегко в одиночку разобраться в этой сложной ситуации и найти оптимальное решение. Ведь для этого нужно познать самого себя, свой характер, свои склонности и способности, сильные и слабые стороны. Но мало кто, особенно в юности,

способен видеть себя объективно, со стороны. К тому же надо иметь представление о мире современных профессий, о специфике разных учебных заведений, об условиях и оплате труда и о тысяче других вещей.

Между тем именно на распутье после школы молодые люди оказываются в одиночестве. Школа окончена, влияние родителей уже не то, что прежде, друзья разлетелись. А вопросы обступают: Кто я? Кем быть? Зачем?

И цена ошибки не двойка, а порой бесполезно прожитые годы. Об этом немало могли бы рассказать не только педагоги, но и психиатры. Да и работники милиции знают, как первые срывы сказываются на статистике преступности.

Вот почему тысячи вопросов хотелось нам задать тем, чья «стартовая» информация хранилась в наших лабораториях и вычислительных центрах. А они тем временем становились квалифицированными специалистами, техниками, рабочими, женились, разводились, меняли фамилии, заводили детей, мигрировали по всей нашей стране. И единственная возможность разыскать их — последняя строчка в нашей анкете, где выпускники — мы уже имели тогда в виду необходимость новых контактов — указывали свое имя и фамилию.

Тем не менее, мы решили ухватиться за эту ниточку, разыскать тех, кого мы обследовали три, пять, десять лет назад, и реализовать новое исследование — «проект 17—25». Была создана специальная группа розыска, перед которой поставили задачу: найти максимум наших бывших выпускников. А к тому времени, когда первая тысяча была найдена, поспела новая анкета — «Начало пути».

Итак: «проект 17—17» и «проект 17—25». Оба они неразрывно связаны между собой. Оба касаются тех же самых молодых людей, только на разных этапах их профессиональной карьеры, их жизни. Оба имеют дело с крайне сложной и противоречивой подоплекой, которая во многом определяет судьбы молодых.

2. У пирамиды профессий

Все первые решения молодежи сотканы из противоречий. Да иначе и не может быть: противоречива сама позиция, «местность», где разыгрывается драма. Только не видно вооруж-

женным глазом. Тут требуется только эмоциональная память (вспомним хотя бы, какими в молодости мы были сами), но и некоторое пространственное воображение, чтобы за лесом разглядеть деревья.

Начнем с самого простого. Предположим, что в данном обществе имеется какое-то число профессий. Причем нам известно:

- 1) сколько обществу требуется работников, т.е. какова потребность в кадрах по каждой из этих профессий;
- 2) как относятся к этим занятиям юноши и девушки, т.е. какова привлекательность или престиж каждой из этих профессий среди молодежи, которой предстоит выбрать одну из них;
- 3) сколько из них и куда намерены поступать, т.е. численность желающих работать или учиться по данной профессии. Построим ранг профессий по привлекательности так, чтобы внизу располагались самые непривлекательные, а сверху — самые привлекательные профессии. Потребность же в рабочей силе будем фиксировать по горизонтали.

Допустим, что потребность в рабочей силе по самой непривлекательной профессии самая большая, у следующей, более привлекательной профессии потребность меньше и т.д. По первой профессии (скажем, разнорабочих) нужно 1 миллион 250 тысяч, а по наиболее привлекательной (допустим, космонавтов) — 30 человек. В итоге мы получим нечто вроде пирамиды, характеризующей объективные потребности общества в кадрах по профессиям, которые ранжированы нами по степени привлекательности.

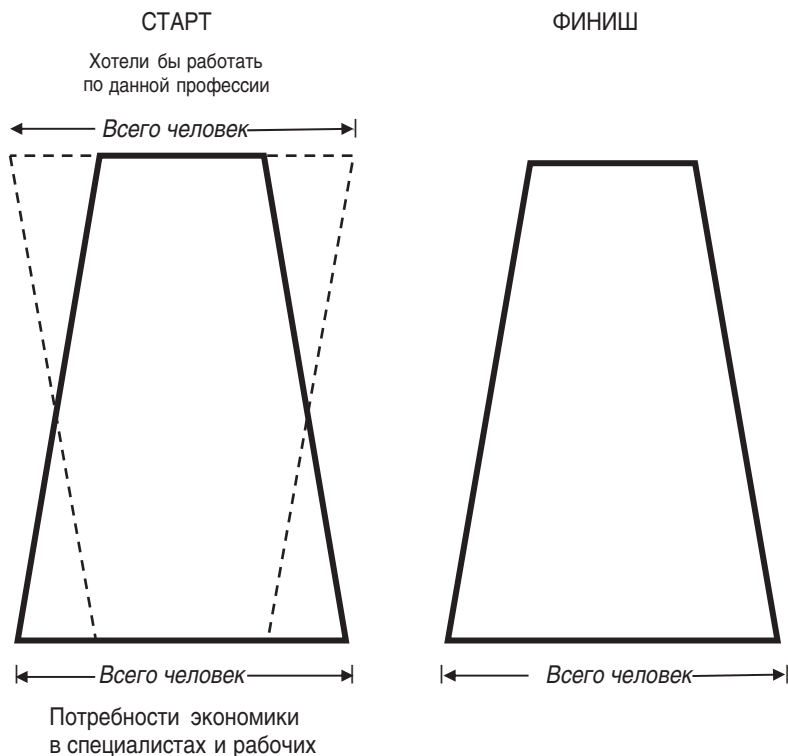
А теперь давайте представим себе, что мы провели опрос среди тех юношей и девушек, которым предстоит работать или учиться и которые должны заполнить все те вакансии, рабочие места, аудитории университетов, техникумов, училищ, которые очерчены сплошной пирамидой. Мы обнаружим, как это подтвердили наши обследования среди молодежи Сибири, что по одним профессиям желающих работать много, а по другим — мало. Как правило, больше всего желающих работать или учиться по самым привлекательным профессиям, в то время как потребность в работниках здесь обычно невелика. Поэтому здесь, на вершине пирамиды, количество желающих значительно превышает численность вакансий. Напротив, меньше всего желающих работать по тем профессиям, кото-

рые имеют низкую привлекательность. Здесь число вакансий больше, чем число претендентов. Если мы пунктиром обозначим численность юношей и девушек, которые хотели работать по данной профессии, то у нас получится вторая (пунктирная) пирамида, которая является как бы зеркальным отражением первой сплошной пирамиды.

Не нужно иметь слишком развитого воображения, чтобы за геометрическими формами этих фигур представить реальные жизненные судьбы миллионов людей, заполняющих их, разных классов, социальных слоев и групп, их надежды и разочарования. В принципе можно попытаться даже измерить некоторые из них на основе довольно простой шкалы. Ну, скажем, одна группа — это те, кто при вступлении в самостоятельную жизнь полностью реализовал свои желания, то есть получил то, что хотел. И наоборот. Каждый знает, что, если человек достаточно свыкся с мыслью о своей незаурядной роли в будущем, ему не всегда просто адаптироваться к роли, исполнять которую он должен на самом деле. Здесь много оттенков, и у исследователя велик соблазн выделить и некоторые промежуточные группы. Тех, кто сорвался всего на одну-две ступени, в отличие от тех, кто видел себя на вершине, а оказался у подножия. Во всяком случае, «пирамидальный подход» дает основания проверить некоторые из этих гипотез.

Строго говоря, раз мы уж стали говорить об этих структурах, отметим, что они не являются плоскостными. Они даже не трехмерные. Поскольку в обществе классовые социальные позиции лежат в основе шкал престижа, аспираций, ожиданий, а число позиций в обществе достаточно велико (особенно если мы, исходя из целей исследования, вовлекаем в анализ не только классы, но и дифференцированные внутриклассовые социальные группы), то следовало бы говорить о том, что эти пирамиды должны рассматриваться не в трехмерном, а в n -мерном пространстве. Однако «двухмерные пирамиды», как нам кажется, достаточно наглядно характеризуют реально существующие противоречия между объективными потребностями общества в кадрах по профессиям и профессиональными склонностями, между возможностями общества и желаниями людей, между действительностью и мечтой.

Личные профессиональные планы и потребности
в кадрах по профессиям

3. Между Сциллой и Харибдой

Выбор профессии, первые самостоятельные решения молодежи во многом определяются школой. С социологической точки зрения система образования — это совокупность эскалаторов разной длины, каждый из которых выносит юношей и девушек на разные «станции», на разные ступеньки пирамиды профессий. На каждой из них свои горизонты свободы выбора и свои ограничения. На «станциях» имеются и переходы с одного эскалатора на другой. Только этими переходами не всегда можно в равной мере пользоваться, и всегда они требуют усилий, способностей, воли, времени. Поэтому финиш зависит от

старта, который во многом предопределяет не только профессию, но и социальную позицию, образ жизни, судьбу.

Если вернуться к нашим пирамидам и попытаться теперь дополнительно ввести новую, третью компоненту — систему образования, то она займет промежуточное положение — между структурой потребностей общества в кадрах (по профессиям) и структурой профессиональных склонностей молодежи. При этом требование соответствующего образования, наличие диплома и т.п. наиболее жестки наверху — там, где расположены самые престижные занятия, и более либеральны внизу, где находятся наименее популярные профессии и где, как отмечалось, спрос часто превышает предложение.

В разных условиях и по разным причинам система образования может оказаться более ориентированной то на структуру вакансий, то на профессиональные склонности. Поэтому противоречия между этими двумя структурами неизбежно находят отражение в спорах специалистов, в наличии различных концепций, вариантов развития, в конфликте ориентаций в самой системе образования, которая всегда должна считаться с ними.

Но не только с ними. Можно назвать целую «обойму» противоречий, которые постоянно сказываются на развитии системы образования: между задачей наиболее эффективного использования интеллектуального потенциала общества и задачей преобразования социальной структуры, обеспечения социального равенства; между задачей подготовки квалифицированных специалистов для различных отраслей экономики, что предполагает специализацию, и проблемами передачи культуры, формирования всесторонне развитой личности, где узкая специализация противопоказана; между подходом к системе образования с позиций будущих, перспективных потребностей общества и подходом, ориентированным на ближайшие нужды; между новыми потребностями общества и сложившимися организационными структурами в системе образования; между имеющимися финансовыми возможностями общества и потребностями образования и пр. и пр.

Система образования играет исключительно важную роль в развитии разнообразных способностей и задатков, в повышении эффективности использования интеллектуального потенциала страны. *Само стремление к образованию, к знаниям является сегодня одним из важнейших элементов национального богатства.* Пробуждать, стимулировать его — важная со-

циальная задача, которая привлекает к себе внимание многих исследователей. С другой стороны, *образование — один из факторов воспроизводства социальной структуры общества.*

Эти две функции образования, как показывают многочисленные исследования, часто противоречат друг другу. Между тем одни исследователи так анализируют проблемы использования интеллектуального потенциала общества, словно второй стороны — задач обеспечения социального равенства — не существует. Другие же, напротив, целиком замкнулись на роли образования в воспроизводстве социальной структуры.

4. Тайны селекции

Это отражается не только в научной, но и в художественной литературе. В рассказе Айзека Азимова «Профессия» в обществе, отдаленном от нас тысячелетиями, проблемы образования и воспитания решаются очень своеобразно. В *День чтения* детям вводят в интеллект такой объем знаний, что они сразу начинают читать. В *День образования* молодые люди тоже за один присест получают полный курс профессионального обучения и становятся «дипломированными специалистами». На *Олимпиадах* молодые люди состязаются по профессиям, и победители получают направления для работы на самые лучшие, цивилизованные планеты. Все обучение ведется с помощью лент, на которых записана необходимая информация. Однако ленты разные: одним можно дать знаний больше, другим — меньше. К тому же не все получают их.

Главный герой рассказа Джорджи не получает ленту с записями в День образования, которая позволила бы ему стать «дипломированным специалистом». Его направляют в приют для слабоумных. Мучительно переживая свою неудачу, постоянно размышляя о ней, Джорджи приходит к выводу, что ленты вредны. Они учат слишком многому и слишком легко. Человек, который получает знания с их помощью, не представляет, что можно учиться по-другому. Он способен заниматься только той профессией, которой его зарядили. А если бы, вместо того чтобы пичкать человека лентами, его заставили с самого начала учиться, так сказать, «вручную», он привык бы учиться самостоятельно и продолжал бы учиться дальше. Разве это не разумно?

Чем дальше, тем больше убеждается Джорджи в приюте для слабоумных, что Земля не может развиваться, не обеспечивая воспроизводство знаний. «А кто создает образовательные ленты? Специалисты по производству лент? А кто же тогда создает ленты для их обучения? Специалисты более высокой квалификации? А кто создает ленты... Где-то должен быть конец, — размышляет Джорджи. — Где-то должны быть мужчины и женщины, способные к самостоятельному мышлению».

И тут Джорджи делает ошеломляющее открытие: он догадывается, что приют для слабоумных на самом деле Институт высшего образования, куда собрана самая творческая молодежь.

По каким же критериям отбирались сюда молодые люди? Как определялись способности к творчеству? «Мы умеем анализировать интеллект, Джорджи, — поясняет ему психолог Омани, — определить, что вот этот человек может стать приличным архитектором, а тот — хорошим плотником. Но мы не умеем определять, способен ли человек к творческому мышлению. Это слишком тонкая вещь. У нас есть несколько простейших способов, позволяющих распознавать тех, кто, быть может, обладает такого рода талантом. Об этих индивидах сообщают сразу после Дня чтения, как, например, сообщили о тебе. Их приходится примерно один на десять тысяч. В День образования этих людей проверяют снова, и в девяти случаях из десяти оказывается, что произошла ошибка. Тех, кто остается, посылают в такие заведения, как это.

— Но почему нельзя сказать людям, что один из ста тысяч попадает в такие заведения? — спросил Джорджи. — Тогда тем, с кем это случается, было бы легче.

— А как же остальные? Те девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять человек, которые никогда не попадут сюда? Нельзя, чтобы все эти люди чувствовали себя неудачниками. Они стремятся получить профессии и получают их. Каждый может прибавить к своему имени слова «дипломированный специалист по тому-то и тому-то». Так или иначе, каждый индивид находит свое место в обществе. Это необходимо».

Специальный отбор — определение каждого десятого — осуществляется и в самом Институте высшего образования.

«— Мы помещаем вас сюда, в приют для слабоумных, и тот, кто не желает смириться с этим, и есть человек, которого мы ищем. Быть может, это жестокий метод, но он себя оправдыва-

ет. Нельзя же сказать человеку: «Ты можешь творить. Так давай твори!». Гораздо вернее подождать, пока он сам не скажет: «Я могу творить, и я буду творить, хотите вы этого или нет». Есть около десяти тысяч людей, подобных тебе, Джорджи, и от них зависит технический прогресс полутора тысяч миров...

— А как же с теми, которые... не вполне отвечают требованиям?

— В конце концов они проходят зарядку и становятся социологами... Сам я — дипломированный психолог. Мы, так сказать, составляем второй эшелон».

В обществе, описанном А. Азимовым, как видно, проблема использования интеллектуального потенциала, отбора «одаренных детей», решается весьма технократически.

Подчеркивая, что общество не может развиваться при простом воспроизводстве знаний, что запоминание и элементарная комбинаторика не обеспечивают прогресса, что для развития требуются люди с самостоятельным, оригинальным мышлением, что без свободы самовыражения нет творчества, А. Азимов, не сглаживая острые углы, не избегая проклятых вопросов, затрагивает важные функции образования, с которыми приходится сталкиваться во многих буржуазных странах. Однако он, по существу, не раскрывает тайны селекции, *роль образования в воспроизводстве социальной структуры и власти*. Такой подход характерен для целой группы специалистов, особенно педагогов.

Если же перейти к социологической литературе, то там как раз вопросы селекции, неравенства шансов, доступа к образованию находятся в центре внимания.

Американский ученый Г. Пассоу, например, анализируя материалы специальных обследований, проведенных ЮНЕСКО в десятках стран, признает, что, хотя большинство буржуазных правительств отнюдь не отвергают принцип всеобщего доступа к образованию, фактически огромное количество детей не в состоянии преодолеть преграды на пути к образованию. «На ком же сильнее всего сказываются различные неблагоприятные обстоятельства, подрывающие возможность успешного обучения в школе? Главным образом па группах выходцев из тех социально-экономических слоев, которые находятся в сравнении с другими в более неблагоприятном положении: это дети низкооплачиваемых рабочих, крестьян, представителей расовых, этнических, религиозных или культурных меньшинств, дети

обитателей городских трущоб и сельских районов, эмигрантов, а также ученики, для которых язык, на котором ведется преподавание, не является родным».

Автор указывает такие преграды на пути к успеху в учебе. Ребенок оказывается в неблагоприятном положении, если родился в семье бедняков, если имеет ограниченные возможности развивать свои умственные способности и язык, если существующая в его семье и ближайшем окружении система ценностей значительно отличается от принятой в школе или в ученическом коллективе, если является представителем расового или этнического меньшинства или низшей касты, если принадлежит к семье мигрантов, если язык, на котором ведется обучение, не является его родным языком, если живет в географически изолированном районе, и в том случае, если является лицом женского пола или принадлежит к определенной религиозной группе.

В результате отсев из школ, доступ к среднему и высшему образованию имеет ярко выраженный социальный, классовый характер.

По данным наиболее фундаментального исследования ЮНЕСКО, в Голландии в 1960 году среди мальчиков, поступивших в среднюю школу, было 67% выходцев из высших слоев общества, 25% представителей «средних» классов и только 7% выходцев из малообеспеченных слоев. У девочек соответственно 63%; 19%; 4%. Аналогичное положение отмечается также в Англии. Во Франции в 1963 году в среднюю школу перешло 55% детей, окончивших начальное обучение. При этом получили возможность продолжать образование 32% детей крестьян, 45% детей рабочих и 94% детей высших служащих и представителей свободных профессий.

Особенно отчетливо проявляется классовый характер селекции при поступлении в высшие учебные заведения. Относительные шансы поступления в вуз для молодых людей, представителей привилегированных и непривилегированных слоев, составляли в США в 1958 году 5:1, в Англии в 1961–1962 годах — 8:2, во Франции в 1964–1965 годах — 30:1, в Японии в 1961 году — 30:1, в Федеративной Республике Германия (ФРГ) в 1964–1965 годах — 48:1, в Испании в 1962–1963 годах — 87:1, в Португалии в 1963–1964 годах — 129:1.

Проанализировать эту проблему можно, сопоставляя число студентов, приходящихся на 1000 работающих мужчин в воз-

расте 45—54 лет («поколение отцов») в различных социально-экономических группах. В этом случае мы имеем такую картину (см. табл. 1).

Таблица 1

**Число студентов вузов, приходящихся на 1000 работающих мужчин
в возрасте 45—54 лет**

Страна	Непривилегированные слои	Привилегированные слои
Франция, 1964—1965	27,1	629,0
Япония, 1961	32,0	565,0
Голландия, 1961—1962	10,6	359,0
Португалия, 1963—1964	5,3	440,0
Испания, 1962—1963	3,9	151,0

В результате среди студентов высших учебных заведений оказывается представителей рабочего класса: в Люксембурге в 1964 году — 3,2%, в ФРГ в 1964 году — 5,3%, в Японии в 1961 году — 8,7%, в США в 1958 году — 26,6%, в Англии в 1960 году — 27,2%.

С тех пор картина принципиально не изменилась, если не считать, конечно, невероятно резкого роста безработицы среди молодежи. В марте 1977 года Международная организация труда опубликовала доклад, в котором отмечается, что достигнут рекордный уровень — 7 миллионов безработных в возрасте до 25 лет в 24 развитых капиталистических странах, то есть 40% всей массы безработных.

Естественно, что такая система образования выполняет прежде всего задачу воспроизводства капиталистических производственных отношений. На это обращают внимание крупные французские ученые — экс-президент Международного научно-исследовательского комитета по социологии образования профессор Пьер Бурдьё и профессор Жан-Клод Пассерон в своих широко известных книгах «Наследники» и «Воспроизводство». «Именно благодаря своей относительной автономии, — резюмируют они свои исследования, — традиционная система образования способна внести специфический вклад

в воспроизведение структуры классовых отношений, поскольку ей достаточно подчиниться своим собственным правилам, чтобы тем самым и как бы сверх того подчиниться внешним требованиям, которые определяют ее функции узаконивания существующего порядка, иначе говоря, чтобы одновременно выполнять свою социальную функцию воспроизводства классовых отношений путем обеспечения наследственной передачи культурного капитала и свою идеологическую функцию сокрытия этой (социальной) функции путем распространения иллюзии своей абсолютной автономии».

Скрытые от постороннего наблюдателя механизмы селекции обеспечивают передачу собственности, власти, культуры детям из привилегированных классов. Тем самым *система образования обеспечивает сохранение и воспроизводство всей системы буржуазных отношений и власти*, затрудняя эффективное использование интеллектуального потенциала общества. В этом смысле система образования в капиталистических странах принципиально не отличается от той системы, которая вызывала протест выдающихся русских писателей и мыслителей. «Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей, — писал, например, Ф.М. Достоевский, — должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или сколько их там народится) будут все когда-нибудь образованны, очеловечены и счастливы»¹²⁵.

5. Наследуют ли дети профессии своих отцов?

Выбирая профессию, молодой человек определяет свой будущий социальный статус и образ жизни, которые могут быть традиционными или, напротив, нетрадиционными для его семьи. Массовые переходы из одной социальной группы в другую при выборе профессии — один из самых важных результатов функционирования системы образования. Социологический подход к анализу этого процесса нацелен на то, чтобы устано-

---

¹²⁵ Достоевский Ф.М. Полн. СОБР. Соч., т. 10, Спб., 1895, стр. 37.

вить, в какой мере и как влияет на сознание, психологию, поведение индивидов и групп социальная среда.

Социальное окружение, с которым от рождения и до смерти постоянно взаимодействует человек, крайне неоднородно и многослойно: семья, друзья, знакомые, социальные институты, школа, производственный коллектив, система массовых коммуникаций (печать, радио, телевидение и т.п.). Все эти элементы социальной среды взаимодействуют, а нередко и конфликтуют друг с другом, представляя собой факторы, которые оказывают важное влияние на систему ценностей и деятельность человека¹²⁶.

В какой же мере дети сохраняют профессиональные и социальные позиции своих родителей?

В 1962 году, когда мы начинали в Новосибирской области «проект 17—17», одна из проблем, которая сразу заинтересовала нас, была именно проблема социальной и профессиональной мобильности, которая обычно понимается как переход людей из одного класса, слоя, группы в другой.

Анализ материалов массовых обследований молодежи позволил установить, что *социальный статус родителей оказывает определенное влияние на жизненную ориентацию детей*, выбор профессии, обуславливает специфические социальные переходы. Эти различия выражаются в своеобразии личных планов юношей и девушек. Так, например, продолжать линию родителей желают 88% сыновей техников и математиков, 56% сыновей естественников и лишь 5% — гуманитариев. У дочерей же наоборот. Продолжать линию родителей хотят лишь 30% дочерей техников и математиков, 46% дочерей естественников и 50% дочерей гуманитариев. В целом, если юноши ставят на первое место технические профессии, на второе — естественные, на третье — гуманитарные, то девушки, наоборот, лучшими считают гуманитарные, затем естественные и, наконец, технические.

Однако когда мы изучаем реальную мобильность, то обнаруживается, что жизнь вносит определенные коррективы. Они прежде всего связаны с тем, какие вакансии может предложить общество в данный момент и в данном регионе. Поскольку технические вузы — самые массовые в Новосибирской

---

¹²⁶ К этому при изучении общественного поведения людей следовало бы добавить, во-первых, действующие «изнутри» биологические факторы, во-вторых, воздействие на человеческое общество окружающей природы.

области, это не могло не сказаться на определенной деформации личных планов при реальном трудоустройстве. По техническим профессиям пошли работать и учиться 83 % юношей и 45% девушек. На втором месте идут гуманитарные профессии, по которым стали работать 30% девушек и лишь 7% юношей. На третьем — естественные профессии. По ним начали работать 19% девушек и 8% юношей. Следовательно, если ранг профессиональных склонностей был таков: технические, естественные, гуманитарные, то при реальном трудоустройстве гуманитарии обошли естественные профессии и оказались на втором месте.

Это *горизонтальная мобильность*, как называют подобные перемещения социологи, имея в виду не продвижение к более творческим, престижным или высокооплачиваемым видам труда, а лишь переход к занятиям иного рода, чем те, которые были у их отцов.

Наряду с этим большой интерес представляет и анализ *вертикальной мобильности*. Правда, в методологическом плане такие разработки связаны с серьезными трудностями, ибо возникает вопрос, что понимать под продвижением вверх по лестнице социальной иерархии. Учитывая, что большая часть молодежи полагает, что самое привлекательное в профессии — это простор, который она дает для творчества, именно этот критерий был положен нами в основу классификации. В связи с этим все занятия отцов на основе оценок экспертов были разбиты на три группы: первая — наименее творческие, вторая — промежуточные, третья — наиболее творческие профессии.

При анализе материалов была установлена следующая закономерность. Большинство детей — выходцев из первой группы стремятся перейти во вторую. Большинство из второй группы — в третью. Большинство из третьей группы хотят в ней же и остаться. Те же тенденции были выявлены и при анализе реальных социальных перемещений в связи с выбором профессии.

Эта эмпирически установленная «ступенчатость» в стремлениях и переходах молодежи имеет, как нам кажется, важное значение для понимания целого ряда социальных процессов в нашем обществе. Чем больше простора для творчества дает та или иная профессия, тем больше преемственность между занятиями родителей и детей. Научно-техническая революция, механизация и автоматизация труда, постепенное вытеснение профессий нетворческих, а стало быть, повышение доли более творческих занятий, с одной стороны, расширяют свободу вы-

бора, а с другой — сохраняют условия для преемственности занятий отцов и детей.

Вместе с тем эта «ступенчатость» в стремлениях и переходах различных групп молодежи обнаруживается не только при группировке занятий отцов по творческому потенциалу. После окончания школы большинство детей из семей колхозников и сельскохозяйственных рабочих хотят стать промышленными рабочими; большинство детей рабочих — служащими и работниками интеллигентного труда; большинство детей интеллигентов — остаться в этой же группе.

Воздействие семьи и школы на субъективные и объективные факторы социальной мобильности, как это было установлено, различны. Личные планы молодежи в меньшей степени зависят от социального положения семьи, чем реальные жизненные пути, избираемые молодежью: Школа, средства массовой информации как бы приподнимают личные планы над реальными условиями. В то же время они выравнивают, сглаживают в сознании молодежи те различия, которые еще объективно имеют место между детьми из разных социальных групп.

Социальные последствия этого неоднозначны. С одной стороны, это указывает на специфическую систему ценностей молодежи, в которую органически «вплетены» стремления к образованию, культуре, науке. С другой — дисбалансы между личными профессиональными шансами и реальной ситуацией увеличивают дистанцию между желаемым и возможным, драматизируют первые шаги молодежи.

Как видно, общий вопрос — наследуют ли дети профессии своих отцов — при конкретном исследовании как бы расщепляется, ибо оказываются очень сложны и многообразны социальные перемещения в обществе. Во всяком случае, система образования здесь обуславливает интенсивную социальную и профессиональную мобильность при выборе профессии, что не может не сказываться и на воспроизводстве социальной структуры.

6. Интеллектуальный потенциал и социальное равенство

Определенная дифференциация в социальном составе учащихся в разных типах учебных заведений, в выборе профессии, в мобильности неизбежна, пока существуют различия между городом и деревней, умственным и физическим трудом,

в оплате, в образовательном и культурном уровне семей. И систематические исследования этих проблем необходимы. Но это не значит, что мы имеем право игнорировать вторую сторону — повышение эффективности использования интеллектуального потенциала страны.

«Нетерпение чувств», желание немедленно решить проблемы социального равенства, обеспечить пропорциональное представительство всех социальных классов во всех учебных заведениях рождают время от времени предложения принимать в вузы не путем конкурсного отбора наиболее способных, а по социальному происхождению. Действительно, используя процентные нормы или баллы за социальное происхождение, можно в кратчайший срок добиться пропорционального представительства всех социальных групп в составе учащихся. Но почему даже самые ярые эгалитаристы вносят такие предложения не очень уверенно? Откуда эти сомнения? Нет ли и в самом деле здесь подводных камней?

Представим себе, что при конкурсных экзаменах мы стали бы давать представителям некоторых групп дополнительные баллы за социальное происхождение. К чему бы это привело?

Начнем с того, что это весьма неблагоприятно сказалось бы на образовании взрослых, поскольку, чем упорнее учился бы рабочий или крестьянин, чем выше образование он получал, тем ниже становились бы шансы его детей. Парадоксальная ситуация: родители своим стремлением к знанию, своей активностью лишают детей льготных баллов за происхождение, ограничивают им доступ к образованию. К тому же оказывается, что если родители повышают свое образование и изменяют свой общественный статус, то родившиеся в одной семье дети имеют разное социальное происхождение, а балл за социальное происхождение у младших будет ниже, чем у старших.

Балльная система исходит из предпосылки, что влияние крестьянских или рабочих семей на ребенка продолжается всю жизнь и автоматически формирует у него правильные взгляды, в то время как интеллигент, вышедший из рабочей семьи, уже не передает своим детям этих правильных взглядов, поэтому они лишаются права на льготы. Ни теоретически, ни эмпирически этот тезис не доказан и не выдерживает критики. Практическое осуществление такой системы должно было бы основываться на критериях социального происхождения, которые являются весьма нечеткими и размытыми.

Сегодня основные различия в шансах на получение высшего образования, например, не между рабочим классом и интеллигенцией, а между рабочим классом и интеллигенцией, с одной стороны, и крестьянством — с другой.

Высокая социальная мобильность, свойственная современному обществу, ведет к тому, что масса се мей по своему составу является классово-смешанной: рабоче-интеллигентской, рабоче-крестьянской, то есть муж рабочий, а жена педагог, муж крестьянин, а жена рабочая и т. д., что объективно создает трудности при решении вопроса о социальной принадлежности. Мы уже не говорим о том, что теоретически проблемы социальной структуры разработаны слабо, а точек зрения о границах классов и социальных групп с каждым годом становится все больше.

В первые годы советской власти, например, выходцы из рабочего класса имели определенные льготы при получении высшего образования. Это способствовало созданию новой, советской интеллигенции, что позволило уже к началу 1930-х годов полностью отказаться от каких-либо ограничений в области образования, ввести единый академический критерий — «путь конкурсного отбора наиболее достойных, подготовленных и способных людей»¹²⁷. Это обеспечивало, во-первых, предоставление всем группам молодежи одинаковых возможностей для получения всех видов образования. Во-вторых, стимулировало стремление к знаниям, образованию, науке, культуре. В-третьих, способствовало решению социальных задач. Что касается имевшихся различий, то подобно тому, как нельзя обеспечить высокие темпы роста общественного производства на базе уравниловки, подобно этому нельзя обеспечить эффективное использование интеллектуального потенциала общества в условиях современной научно-технической революции на базе уравниловки в области образования и введения разного рода баллов или процентных норм. Вот почему система отбора для вузов, основанная на льготах за социальное происхождение одним и дискриминации других, вряд ли приемлема для развивающегося общества.

Повышение роли образования в обществе отнюдь не сводится к отбору в вузы. Очень важно осуществление *широкого*

¹²⁷ Правила приема и программа вступительных экзаменов для поступления в высшие учебные заведения СССР. М., 1969, стр. 37.

общего образования, что создает представителям всех социальных групп необходимые предпосылки для продолжения образования, трудоустройства и переквалификации. Этим же целям служат разработка и реализация программы *непрерывного* образования, то есть обеспечение прочной основы знаний и систематической переподготовки через определенный срок. Непрерывное образование в условиях научно-технической революции позволяет решать не только такие вопросы, как разгрузка учебных программ, но и проблемы социальные, поскольку оно создает возможность представителям всех общественных групп возобновлять обучение, непрерывно повышать свой уровень образования.

Необходимо прогнозирование возможностей на получение высшего образования для выходцев из различных социальных групп. При этом нельзя ориентироваться на успешное решение этих вопросов административными мерами (процентные нормы и т. п.) или ограничиваться выявлением существующих тенденций. На базе вариантов прогноза в области образования могут быть разработаны социальные планы компенсирующих мероприятий для детей из семей с низким уровнем образования, культуры. Поскольку наиболее эффективной оказывается помощь в раннем возрасте, целесообразно расширение для определенных категорий населения дошкольной подготовки детей в подготовительных классах.

7. Демографическое эхо войны

Могущественные и многообразные силы постоянно меняют облик страны. Развивается техника, наука, растет образование, возникают новые потребности и формы связей между людьми.

Эти изменения происходят не всегда синхронно. Профессиональные склонности, например, очень подвижны: молодые люди довольно быстро могут изменить свои планы. Система образования менее мобильна, но с годами и она все-таки меняет профиль, начинает подготовку по новым профессиям. В системе производства, которая в конечном счете определяет поступь всего общества, создание новых вакансий, новых рабочих мест равнозначно тому, чтобы построить новый завод. А на это реально может уйти пять, а то и десять-пятнадцать лет. Поэтому

и возникает дисбаланс между новыми интересами и потребностями и сложившимися структурами. К тому же взаимодействие всех этих внешних условий выбора профессии еще более осложняется потому, что на развитие каждой такой структуры серьезное (а иногда и решающее) влияние оказывают демографические процессы, рождаемость, миграция населения, своеобразные ритмы поколений.

Одно из таких явлений, с которыми нам пришлось столкнуться несколько лет тому назад при исследовании проблем трудоустройства и выбора профессии в Сибири, мы назвали «демографическое эхо войны». Суть его довольно проста. В период Великой Отечественной войны в связи с массовым призывом в армию и тяжелейшими испытаниями в стране резко снизилась рождаемость. Напротив, после окончания войны и с возвращением к мирной жизни на протяжении ряда лет наблюдался значительный рост рождаемости. Мы столкнулись с этим процессом опосредованно в связи с тем, что в 1962 году численность 17–18-летних достигла своего минимума, а затем стала быстро возрастать.

И вот демографическая волна, подобно цунами, пронеслась по судьбам наших детей и нас, смешав такую, казалось бы, устоявшуюся, незамутненную картину нашего бытия.

Демографическая волна прежде всего сказалась на начальной школе. Число учащихся первых четырех классов сначала сократилось в 1953–1954 годах (учащиеся 1943–1946 годов рождения) по сравнению с учащимися 1949–1950 годов (учащиеся 1939–1942 годов рождения) почти в два раза. Число первоклассников, например, в школах Новосибирской области уменьшилось за эти годы с 86 тысяч до 28 тысяч, то есть в три раза. Но именно в тот момент, когда учителя начальных школ, почувствовав разгрузку, вздохнули с облегчением и уже стали поговаривать, что теперь и дальше так пойдет, на них обрушился «девятый вал». Численность учащихся начальных школ вновь увеличилась с 12,1 миллиона человек в 1953–1954 годах до 18 миллионов человек в 1958–1959 годах, а к 1963–1964 годам почти до 20 миллионов человек. И хотя полного восстановления численности сразу не произошло, да и не могло произойти, поскольку страна потеряла в войне 20 миллионов человек, тем не менее наблюдалось резкое увеличение соответствующих возрастных групп. Численность учащихся восьмых классов составила в 1959–1961 годах 929 тысяч чело-

век, а в 1963–1964 годах — 5 миллионов 654 тысячи человек. В 10–11-х классах численность соответственно составляла 412 тысяч и 3 миллиона 34 тысячи человек. Естественно, что, хотя в школах и имелся некоторый «запас прочности» (помещения, педагоги и т. п.), тем не менее они «затрещали» от напора молодежи, родившейся в послевоенные годы.

Десять лет спустя демографическое эхо войны коснулось судеб 17–18-летних. Их проблемы имеют особое значение, ибо это возраст окончания школы, поисков призвания, принятия весьма важных решений о выборе профессий. 17–18-летние — это молодые люди, начинающие свою трудовую жизнь. Колебание их численности затрагивает уже не только сферу образования, но и сферу производства. От их численности непосредственно зависят трудовые ресурсы страны. Поэтому эти процессы должны особенно тщательно прогнозироваться и планироваться.

Сокращение численности учащихся в связи со спадом рождаемости в годы войны привело к уменьшению отсева, повысило процент окончивших школу. Это должно было уменьшить конкурс в вузах и техникумах, то есть увеличить процент поступивших в вузы и техникумы из числа принятых в первый класс школы. С другой стороны, это резко уменьшило процент выпускников, которые должны были работать сразу после окончания школы, укрепляло в них скрытую «вузовскую» ориентацию, основанную на наивной вере не только в свои силы, но и в то, что вузы способны поглотить всех окончивших среднюю школу. Этот психологический феномен, предшествовавший демографической волне, укреплял инерцию профессиональной ориентации в школе, порожденную в предвоенные годы, когда школа в значительной мере ориентировалась на подготовку учащихся для вузов.

Наоборот. Рост численности 17–18-летних в связи с демографической волной создавал свои проблемы. Если принять во внимание темпы роста (в Новосибирской области, например, численность выпускников средних школ за 5 лет — с 1962-го по 1967 год — увеличилась в 5 раз), то это означало не только рост трудовых ресурсов, но и серьезные трудности для органов управления, для планирующих организаций и работников просвещения. Рост численности молодежи требовал новых рабочих мест, новых штатов и вакансий, увеличения приема в вузы и техникумы, расширения профтехобразования и мно-

того другого. Темпы роста численности выпускников средних школ в эти годы значительно превышали обычный прирост рабочих мест в народном хозяйстве и обычный рост приема в высшие и средние специальные учебные заведения. Разрыв между численностью молодежи, оканчивающей средние школы, и числом «посадочных мест» в учебных заведениях в эти годы увеличивался.

Демографическое эхо войны отразилось на некоторых оценках и решениях. Оно исказило оценки эффективности производственного обучения в школах. Дело в том, что именно в тот период (конец 1950-х — начало 1960-х годов), когда в стране особенно интенсивно началось обсуждение проблем производственного обучения и был принят ряд решений, произошло резкое сокращение численности молодежи, которая оканчивала средние школы. Большинство молодых людей, окончивших школы в этот период, имели возможность поступить в высшие учебные заведения, техникумы и т. п. Поэтому цифры, которые были получены в этот период о неэффективности производственного обучения, нужно рассматривать с определенными коррективами. Например, в печати приводились наши расчеты по Новосибирской области о том, что лишь 14% детей, получивших специальность в школе, работают по этим специальностям в дальнейшем. При оценке этих данных, конечно, необходимо учитывать конкретную ситуацию — то, что они отражают специфические условия периода спада, когда молодежи в возрасте 17–18 лет по сравнению с предшествующим и последующим периодами остро не хватало.

В условиях, когда численность выпускников сокращалась, укреплялось мнение о том, что мы располагаем достаточными ресурсами для перехода к одиннадцатилетнему обучению. И такой переход был осуществлен. Но уже через несколько лет огромная волна, драматизировав ситуацию, заставила нас вновь перейти к десятилетке. А этот переход, осуществленный в 1966 году, в свою очередь, осложнил ситуацию, поскольку он означал одновременный двойной выпуск десятых и одиннадцатых классов в 1966 году. Разумеется, анализируя причины перехода к десятилетке или оценивая эффективность производственного обучения в школах, нельзя все сводить лишь к демографическим факторам. Но то, что их нужно обязательно иметь в виду, не подлежит сомнению.

Но не являются ли эти ритмы, эти демографические волны уникальными феноменами? Достаточно пристально взглянуть на неровные очертания половозрастных пирамид, которые широко используются в науке о народонаселении, чтобы понять, что бурная история человечества, запечатленная в них, обуславливала и будет обуславливать непрерывные перемены. Через поколения до нас докатываются волны не только второй, но и первой мировой войны и других, казалось бы, давно минувших исторических событий, как бы напоминая о связи времен.

8. Охота к перемене мест

Демографические волны, приливы-отливы, интерферируясь, сказываются и на механическом движении населения, не в последнюю очередь — на миграции молодежи. И хотя интенсивность, направления, мотивы ее дифференцированы, знаменитый статистический «закон больших чисел» помогает понять, куда стремятся молодые люди, чем обусловлено желание к перемене мест у разных групп юношей и девушек.

При исследовании территориальной мобильности молодежи Сибири и в личных планах, и в реальных перемещениях отчетливо обнаруживается определенная последовательность: больше всего мигрантов из малых городов (вот она, «проблема малых городов»), затем из сел и деревень, средних городов. Меньше всего из Новосибирска.

Юноши смелее и чаще мигрируют, чем девушки. Из детей служащих после окончания школы меняет место жительства каждый четвертый, из детей рабочих — каждый третий, из детей крестьян — каждый второй. Кривые миграции при этом наиболее близки у служащих и рабочих, заметно отличаясь от показателей крестьян.

По мере того как спад в численности 17-летних, вызванный войной, исчерпывал себя, миграция стала возрастать, и довольно круто: за год процент мигрантов из рабочих и служащих вырос на 10%, а из крестьян — на 15%. Изменились и миграционные планы юношей и девушек. Они, правда, более выровнены по сравнению с действительной миграцией, если брать сравнительные данные об отъезде из сел, малых, сред-

них и крупных городов. Поэтому перепады в проценте мигрировавших больше, чем в миграционных планах. Здесь мы опять сталкиваемся с тем, что процесс выравнивания в области сознания (под влиянием школы, средств массовых коммуникаций, родных, друзей) как бы обгоняет изменение реальных социальных условий.

Идеи более мобильны, чем условия жизни. Городские потребности, интересы проникают в село быстрее, чем изменяются там производство, быт, культура. Город обеспечивает не просто более высокий уровень потребления, но и большие шансы в устройстве личной жизни, дает возможность получить и выбрать профессию, образование, повысить квалификацию, большее разнообразие в удовлетворении потребностей, которые уже обрисовались под влиянием городских ценностей в представлении юношей и девушек.

Даже идеально выровняв различия в экономике, образовании, мы лишь несколько притормозим миграцию. Ликвидировать миграцию из села в город так же нельзя, как нельзя приостановить проникновение новых потребностей, Новых идей в село. С этой точки зрения миграция всегда останется своеобразным способом разрешения противоречий между новыми потребностями, интенсивно проникающими в деревню, и еще не изжитым до конца отставанием села от города по условиям труда, быта и культуры. Главным способом управления миграцией является изменение всего комплекса жизни сельского населения.

Приливы и отливы миграции, их своеобразная география, их зависимость от социально-экономических, демографических, национальных, культурных факторов — все это объект пристального внимания социологов, проясняет картину движения молодежи по огромной территории страны.

Подготовка молодежи к труду в условиях современной научно-технической революции представляет собой многогранную и противоречивую проблему. Однако общество имеет необходимые социально-политические, экономические, технические, культурные предпосылки для своевременного разрешения таких противоречий. Однако для превращения возможности в действительность, учитывая огромное разнообразие условий страны и динамизм ее развития, нужна систематическая, кропотливая работа ученых и практиков.

9. Дороги, которые нас выбирают (десять лет спустя)

Так на протяжении десяти лет тысячи 17-летних проходили мимо нас, оставляя лишь краткую информацию в «Анкете выпускника» о том, к чему они стремились и чего добились на распутье...

И вот «проект 17–25» — новые встречи с ними, анкеты, интервью спустя 3, 5, 8, 10 лет...

Как же сложилась их жизнь? В какой мере они осуществили свои юношеские мечты? Что волнует их сегодня?

Уже вскоре в итоге первых шагов однозначно определяемая прежде совокупность — выпускник средней школы — расщепляется на группы, каждая из которых получает свое имя — студент вуза, студент техникума, учащийся ПТУ, рабочий, колхозник, служащий — в зависимости от того, какую дорогу он избрал, в какой поток попал на распутье. И хотя это не жестко детерминированные потоки, поскольку можно переплывать из одного в другой, все же значение первого выбора недооценивать нельзя.

Число вакансий, которые может предложить в данный момент общество, всегда ограничено. И поскольку одни занятия кажутся молодым людям предпочтительнее других, то по одним из них число желающих больше, чем число вакансий, а по другим, наоборот, спрос превышает предложение. К тому же сами потоки предъявляют свои встречные требования. Вот почему, говоря о выборе жизненных путей, нельзя представлять его как односторонний процесс — «мы выбираем занятия по душе». *На самом деле не только мы сами выбираем себе путь, но и дороги выбирают нас.*

Из тех бывших выпускников, кто прислал ответы на наши вопросы, половина попала в вузовский поток, 20% стали студентами техникумов, 2,5% пошли учиться в ПТУ, 16% начали работать и еще 11% совмещали свою работу с учебой в институте или в среднем специальном учебном заведении. Если посмотреть на эти потоки в динамике год за годом, то отчетливо обнаруживается, что их удельный вес неодинаков. Все более увеличивается ширина потока «Работа», все более (относительно) сужается поток «Вуз».

Принадлежность к тому или иному потоку сказывается на многих оценках, и не в последнюю очередь на том, как молодые люди относятся к образованию.

«Учеба — это мода, считаю, что иметь хорошую работу ничуть не хуже, чем диплом об образовании». Так считают всего лишь 1,5% получивших дипломы вуза. Но процент резко повышается у тех, кто имеет диплом техникума. И еще выше он у тех, кто работает, не имея никаких дипломов, кроме аттестата зрелости. При этом во всех потоках женщины более снисходительны, наиболее критически высказываются об учебе мужчины.

«Человеку в нашем обществе необходимо учиться — это делает жизнь интереснее и доставляет большое удовлетворение». С таких «личностных позиций» оценивают роль образования больше половины окончивших вузы, особенно женщины. Напротив, те, кто после десятилетки не учился, в подавляющем большинстве своем не склонны разделять эту точку зрения. Наконец, те, кто имеет среднее специальное образование, занимают промежуточное положение между этими потоками.

«Учиться необходимо — чем образованнее человек, тем больше пользы обществу он может принести» — с этих «общественных позиций» оценивают роль образования прежде всего те, кто работал, а не продолжал учебу после окончания средней школы. Среди тех, кто получил диплом о высшем или среднем специальном образовании, большая часть не согласна с этим утверждением.

Таким образом, «счастливики», то есть те, кто окончил вузы, выше всех ценят образование по преимуществу как средство сделать жизнь интереснее, содержательнее. Полярный же поток — те, кто работает, видят главным образом смысл образования в том, чтобы приносить больше пользы обществу. Правда, среди последних больше всего и скептиков, которые полагают, что образование — это мода. Значит, чем дольше учится человек, тем выше у него становится оценка образования.

Каждый из потоков начинает вырабатывать свою специфическую идеологию, которая оправдывает и возвышает его реальную сегодняшнюю социальную позицию.

И как своеобразный намек на разработку такой защитной идеологии — в связи с увеличением процента молодежи, которая идет после окончания школы на работу, — сокращение среди выпускников 1967 года по сравнению с 1963 годом доли тех, кто полагает, что образование необходимо, поскольку оно делает жизнь содержательнее и дает возможность приносить больше пользы. Напротив, от выпуска к выпуску растет процент тех,

кто согласен с тем, что учеба — это мода и что иметь хорошую работу и специальность ничуть не хуже, чем диплом.

Принадлежность к потоку сказывается и на престиже различных типов учебных заведений. Так, если мы возьмем различные типы средних учебных заведений, то по престижу, с точки зрения тех, кто окончил вузы, они располагаются так:

1. Средняя дневная общеобразовательная школа.
2. Техникум.
3. Профтехучилище со средним образованием.
4. Вечерняя (заочная) средняя школа.

Тот же порядок мы наблюдаем и у молодежи со средним специальным образованием, и у тех, кто совмещает работу с учебой. Однако те, кто работает, на первое место ставят техникум. Они дают также более высокую оценку ПТУ. Видимо, реальный трудовой и житейский опыт ориентирует рабочую молодежь на такие типы учебных заведений, которые наряду со средним образованием дают специальность. Этим же можно объяснить, что вечерняя заочная школа стоит и у этого потока на последнем месте.

Какое же влияние оказывает различный образовательный уровень на отношение к труду?

Мы не были оригинальны в выборе методики обследования по этому вопросу и использовали те вопросы, которые ставили авторы широко известной у нас книги ленинградских социологов «Человек и его работа». При этом, однако, мы обеспечивали свой угол зрения: а именно, сказывается ли принадлежность к разным потокам на отношении к труду?

Психологический подтекст высказывания «Хороша любая работа, если она хорошо оплачивается» ленинградские коллеги видели в «преимущественном запросе (установке) на заработок». «Зарботок — главное, но надо думать и о смысле работы» интерпретировалось ими как «преобладание установки на заработок перед установкой на содержание труда». «Нельзя забывать о зарботке, но основное — смысл работы, ее общественная полезность» — преобладание установки на содержание труда перед установкой на заработок. Наконец, «Хороша та работа, где ты приносишь больше пользы, где ты необходим» понималось как преимущественный запрос «установка на содержание труда»¹²⁸.

¹²⁸ Человек и его работа. Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М., «Мысль» 1967, стр. 147.

От себя мы добавим одно ограничение, касающееся, по существу, любой информации, которую мы получаем от человека через анкету или интервью, и которое связано с деформацией ответов под влиянием социального контроля. Речь идет о том, что на очень многие вопросы мы получаем ответы, в которых корреспонденты говорят не о том, что они действительно думают, а то, что, как они полагают, надо ответить на такие вопросы, то есть то, что внушено им через систему массовых коммуникаций, школу и т.п. Нельзя это понимать так, что в результате всякая информация обесценивается и не имеет значения. Просто она искажается, и поэтому к ее интерпретации следует относиться осторожно.

С учетом этих замечаний отметим, что по первому пункту, где в лоб ставился вопрос о том, что главное — деньги, в нашей выборке не оказалось ни одного человека, кто бы был согласен с этим.

С утверждением «Зарботок — главное, но надо думать о смысле работы» меньше всего согласных среди выпускников вузов. Но процент повышается для выпускников техникумов и работающей молодежи. При этом в каждом из потоков мужчины выше оценивают роль заработка, чем женщины.

Свыше двух третей окончивших вузы согласны с утверждением «Нельзя забывать о зарботке, но основное — смысл работы, ее общественная полезность». Выпускников техникума, согласных с этим утверждением, меньше. Еще меньше их среди работающей молодежи.

Высказывание «Хороша та работа, где ты приносишь больше пользы, где ты необходим» поддерживают лишь 17% выпускников вуза. Среди выпускников техникума процент выше. Еще выше он среди тех, кто работает. Как и при оценке образования, мотив общественной полезности звучит громче, следовательно, у тех, кто работает. Женщины особенно сильно подчеркивают общественно необходимую роль труда.

10. В мире профессий

По подсчетам специалистов, в мире сейчас насчитывается 50 тысяч профессий. Каждая из них уже не поток, а ручеек, струя в потоке. Но именно она является пристанищем, конечной целью выбора. Правда, профессиональная карьера связана

со сменой занятий. Но с каждым разом затухает диапазон колебаний, человек все дольше и теснее связан с данной профессией. Без этого не преуспеть, не добиться повышения квалификации, компетентности. Вот почему очень важно представлять себе, как с годами меняется отношение не только к потоку в целом, но и к отдельной профессии.

В основе отношения к миру профессий в 17 лет лежит заимствованный опыт — от родителей, знакомых, друзей, сверстников, из книг, кинофильмов, телепередач. Молодые люди часто даже незаметно для себя впитывают его, руководствуются им, оценивая различные варианты жизненных путей, примеривая себя к будущей профессии. Опыт этот обычно абстрактен, ибо он не пережит, не выстрадан. Сознательное или подсознательное ощущение того, что это чужой опыт, рождает у молодых людей, естественно стремящихся к самостоятельности и самоутверждению, определенные комплексы. Они, в свою очередь, выражаются в максимализме, чрезмерной категоричности суждений. Такое черно-белое восприятие наглядно проявилось в оценках профессии при реализации «проекта 17—17», когда обнаружился растущий разрыв в отношении к профессиям физического и умственного труда в результате приближения мнений сельской молодежи к весьма контрастным городским оценкам.

После окончания школы начинается новый этап в жизни молодежи. Юноши и девушки сталкиваются с реальными социальными институтами нашего общества — предприятиями, учреждениями, учебными заведениями. Начинается период интенсивного социального созревания, пересмотра стереотипов, проверка и замена заимствованных представлений собственным опытом.

Связано ли социальное созревание с изменением отношения к различным профессиональным занятиям? А если да, то как же в этот период, с 17 до 25 лет, менялся престиж профессий?

Для того чтобы достаточно корректно судить об этом, нужно иметь «стартовую» информацию, то есть данные о том, как оценивали различные занятия молодые люди в 17 лет и как они оценивают их теперь. Из нашего архива мы достали пожелтевшие уже «Анкеты выпускника» тех, кто заполнил и прислал нам теперь новую анкету «Начало пути». И вот перед нами выстроились ряды цифр, которые показывают, как с годами меняли они свое отношение к десяткам профессий физического и умственного труда.

Возьмем для примера два ряда: как оценивали в 1974 году профессии те, кто окончил школу восемь лет назад.

Если расположить оценки профессий по «Анкете вы пускника» от самых престижных к самым непрестижным, то восемь лет назад кривая, которая очерчивала их, характеризовалась очень высокой оценкой одних занятий и очень низкой оценкой других. Теперь же, спустя восемь лет, эта кривая определенно стремилась выпрямиться, преодолеть крайности. То есть оценки наиболее престижных профессий, связанных в первую очередь с научной работой (в области математики, физики, химии), снизились, а оценки самых непрестижных профессий (официант, повар, продавец) возросли. Разумеется, разрыв между этими полярными группами профессий все еще велик, но он определенно сократился, наглядно иллюстрируя преодоление максимализма юношеских суждений, переход от черно-белого к цветному видению мира.

Этот процесс не без сюрпризов. На первое место вместо ученого-физика выдвинулся научный работник в области медицины. На второе место вышел писатель, восемь лет назад занимавший восьмое место. Повысили свой ранг ученые — историк, журналист, преподаватель, медсестра. Однако остался низким престиж таких массовых профессий, как сварщик, почтальон, доярка, бухгалтер.

Здесь нет возможности приводить подробные цифровые выкладки. Важнее, видимо, обратить внимание на то, что не только среди 17-летних, которые сигнализируют о динамике своего престижа растущим конкурсом на гуманитарных факультетах, но и у молодежи, от 17 до 25 лет за последние годы растет популярность занятий в области медицины, гуманитарных наук, образования. Таковы те коррекции, которые вносят молодые люди в оценку профессий на основе собственного опыта, полуинтуитивно схватывая новые тенденции, которые еще только начинают осмысливать философы и социологи.

Об этих процессах в создании молодежи важно знать прежде всего для того, чтобы судить о степени разрыва между мечтой и действительностью, между потребностями общества в кадрах и профессиональными склонностями молодежи. С этих позиций изучение престижа профессий — необходимый элемент эффективного планирования подготовки и распределения кадров для народного хозяйства.

Однако здесь есть не только утилитарный, экономический резон. Оценки престижа профессий имеют глубокий социально-психологический смысл. Завороженный мнением других, человек устремляется на ту ступеньку престижной лестницы, которая не соответствует его подлинным задаткам. И не срывается, а достигает ее, удерживается на поверхности, подавляя чувство собственной несостоятельности. Стараясь отделаться от этого чувства, он цепляется за эту ступеньку, любыми способами карабкается вверх, ибо необходимость спуститься его пугает.

Комплекс неполноценности, внутренний дискомфорт, когда человек считает себя «несостоявшимся», вынуждают его нарушать свои профессиональные обязанности. Заметим, что хамство (а хамство — это не только неуважение того или иного работника к вам, но и неуважение его к собственной профессиональной роли), брак в продукции, пьянство, антиобщественное поведение — явления, наиболее частые именно в зонах «престижного вакуума».

Человек должен себя уважать. И если он не может этого добиться через свое занятие, то формой компенсации становится культ вещей, потребление. Общество вынуждено доплачивать сегодня не только за содержание труда, его сложность, тяжесть, но и за непрестижность ряда профессий. Хотя все здесь, разумеется, взаимосвязано и повышение оплаты может сказаться и на повышении престижа, однако компенсация за непрестижность определенным образом сказывается на сознании определенных категорий работников. И было бы заблуждением не видеть то, что в зоне «престижного вакуума» человек уважает себя больше как «передовика потребления», стремящегося повысить самоуважение за счет приобретательства. Для общества это может стать своеобразной контртенденцией подлинному стремлению самореализовать себя в труде.

Вопрос о престиже профессий тесно связан с проблемой отцов и детей. И выглядит он далеко не просто. Производство меняется быстрее, чем представления о различных ролях на производстве, особенно у людей пожилых, обладающих низким образованием. Их здравый смысл, их жизненный опыт уже в следующем поколении могут оказаться предрассудками. Отцы как профориентаторы, в том числе отцы из рабочих семей, оказываются порой не на высоте положения. Свидетель-

ство тому — низкий процент юношей и девушек, выросших в рабочих семьях и желающих избрать профессии отцов. «Не прекратишь шалопайничать — будешь, как я, рабочий» — такие окрики, о которых писала наша печать, к сожалению, не являются редкостью.

Чем быстрее обесценивается «наследственная» информация, чем меньше роль семьи, тем выше ответственность общества, прессы, кино, телевидения за профориентацию молодежи. Мы еще мало пишем о профессиях, о том, какую роль избрать в жизни, какую судьбу, чтобы было по силам и по душе.

Чем быстрее развивается общество, тем быстрее меняется субъективное отношение миллионов людей к различным профессиям, различным вариантам жизненных путей. Знать популярность различных профессий у тех, кто вступает в жизнь, видеть тенденции и закономерности, которым подчинен престиж профессий, — необходимая предпосылка эффективного социального управления.

11. Личные планы и реальность

В 1980 году выпуск из полных средних школ составил 2 миллиона 800 тысяч человек против 2 миллионов 700 тысяч в 1975 году. Примерно 65% из них составили пополнение дневных отделений вузов, техникумов и технических училищ. Однако значительная часть молодежи и в последующие годы после окончания средней школы пойдет непосредственно на предприятие. В 1975 году эта группа молодежи насчитывала 1 миллион 520 тысяч, а в 1980 году — около одного миллиона человек. Численность этой группы в дальнейшем сокращалась. — Такова объективно сложившаяся ситуация, с которой сталкивался молодой человек, вступающий в самостоятельную жизнь в 1970-х — начале 1980-х годов.

В какой мере сама молодежь, оканчивающая среднюю школу, подготовлена к восприятию этой реальности? Упорствует ли она по-прежнему в своей вузовской ориентации или все-таки адаптируется к действительности? В какой степени удовлетворены сегодняшним положением бывшие выпускники? Вопросы эти сложны сами по себе, не говоря уже о том, что разные возрастные группы в различных районах страны могут дать нам различные ответы.

Что касается исследования семнадцатилетних, то за последние годы они разрослись географически. Проводились в Ленинградской области и среди малых народов Сибири и Дальнего Востока, в Эстонии, Латвии, в Узбекистане, Армении, Таджикистане и в других районах страны. И результаты изучения ориентации на образование за все эти годы поразительно устойчивы: 80% выпускников средней школы намерены продолжать учебу. Вместе с тем обнаруживаются и новые явления. Проанализировав 36 исследований по данной тематике, Т. Кончанин показал изменения в самой структуре ориентации на образование. Если в 1963–1965 годах соотношение между выпускниками школ, планирующими дальнейшую учебу в вузе, техникуме и ПТУ, было 4:1:0, то в 1968–1973 годах оно стало

1,8: 1,0:0,2. То есть на смену почти поголовной вузовской ориентации у десятиклассников рождается стремление получить среднее специальное и профессионально-техническое образование. Это становится характерным для большинства районов страны, где проводились обследования, и свидетельствует о сокращении разрыва между потребностями общества и профессиональными склонностями молодежи.

Что же касается молодежи в возрасте 17—25 лет, то нельзя не учитывать дополнительно еще и демографическую ситуацию, при которой они оканчивали школы.

Речь уже шла о демографических волнах, которые сказываются на судьбах молодых, в частности, о демографическом эхе войны. С этих позиций 1963 год был довольно благополучным, поскольку подавляющее большинство выпускников средних школ могли поступить в вузы. Однако в дальнейшем конкурс стал быстро расти, а процент молодежи, поступающей в вуз после средней школы, падать. Расширение охвата средним образованием в эти годы форсировало эти тенденции. Так, в нашей выборке в 1963 году лишь 30% поступали, но не поступили в вуз, а пять лет спустя уже вдвое больше.

Среди тех, кто окончил школу пять лет спустя, было значительно меньше удовлетворенных своим положением по сравнению с выпускниками 1963 года. Это касается всех категорий, кроме мужчин, которые работают, хотя они поступали, но не поступили в вуз.

Расчеты показывают, что удовлетворенность своим сегодняшним положением у тех, кто делал попытку поступить в вуз,

но не поступил и стал работать, не ниже, а выше, чем у так называемых «благополучников», поступивших или окончивших вузы. Чем это вызвано? Пока изученный нами материал дает основание не для ответа, а лишь для постановки новых гипотез.

Во всяком случае, приведенные данные показывают любопытные изменения в сознании молодежи. На резкое увеличение числа выпускников в связи с переходом ко всеобщему среднему образованию и уменьшением в связи с этим процента выпускников, которые сразу после школы идут в вуз, молодежь отвечает адаптивными процессами. С одной стороны, 17-летние, не снижая своей ориентации на продолжение образования, вовлекли в поле своего зрения техникумы и профессионально-технические училища и сразу после окончания школы намерены продолжать свое образование там. С другой стороны, опыт прошлых выпускников, опыт молодежи от 17 до 25 лет показывает, что непоступление в вуз, хотя и связано с большими драмами непосредственно в этот период, с позиций дальнейшей перспективы не ведет к серьезным комплексам и травмам. Спустя восемь лет не поступившие в вуз в плане занимаемой ими социальной позиции чувствуют себя не хуже тех, кто поступил в вуз.

12. Балансы и «мезальянсы»

Этот вопрос не так прост, как кажется. Удовлетворенность — это дробь, числитель которой то, что ты имеешь, а знаменатель — то, что ты хотел иметь. Здесь многое зависит от знаменателя. «Часто унывают вовсе не худшие, — справедливо отмечал А. В. Луначарский, — а те, которые являются наиболее требовательными к жизни... Надо идти на помощь таким людям»¹²⁹.

Удовлетворенность достигнутым во многом зависит от того, в какой мере твоя реальная работа соответствует твоей специальности, квалификации, ожиданиям. А это, в свою очередь, от того, насколько точно они были определены экономистами еще в то время, когда ты только приступал к учебе.

Сколько специалистов нужно обществу? Количественная и качественная стороны подготовки специалистов с разным уровнем образования заслуживают пристального внимания.

---

¹²⁹ Луначарский А.В. О быте. М.-Л., 1927, стр. 64–65.

Каждый этап в развитии общества требует своего специфического распределения людей по уровню образования. Если по оси ординат мы будем откладывать величину потребности, а по оси абсцисс уровень образования, начиная от низшего до высшего, то мы получим кривую, подобную волне. Эта волна, соответствующая мерной поступи развития общества, производства, с годами постоянно движется слева направо, свидетельствуя, что *объективно обществу требуется все больше и больше высокообразованных людей*. Эти объективные потребности могут находить в наших планах более или менее точные отражения в зависимости от того, в какой мере мы познали эти очень сложные процессы.

К тому же, решая вопрос о том, кого готовить и сколько, всегда нужно идти с упреждением. Мы не имеем права легкомысленно относиться к будущему. Речь должна, конечно же, идти не о сегодняшних, а о завтрашних потребностях общества, то есть о том отрезке времени, когда эти специалисты будут вносить свой решающий вклад в развитие общества, науки, культуры; Поэтому, когда мы говорим об избытке или недостатке специалистов, следует иметь в виду не сегодняшние, а будущие потребности.

Есть образование общее, играющее важную гуманитарную роль, обеспечивающее преемственность культуры и «связь времен», расширяющее кругозор, развивающее личность. В этом случае затраты на образование равнозначны капиталовложениям в человека, их эффективность трудно измерить, и они обычно оправдываются сторицей. Например, *затраты на гуманитарное образование женщин, которые, окончив вуз, вынуждены по семейным обстоятельствам не работать, при более пристальном рассмотрении окажутся весьма полезными, ибо благодаря им создается прежде всего в семье тот культурный микроклимат, который так важен для воспитания детей, для будущего нашего общества*.

Есть образование техническое. В отличие от знаний общих, обязательных, которые дает школа, и от знаний желательных, расширяющих кругозор, технический вуз дает знания специальные, имеющие точное предназначение. Сопромат, к примеру, нужен для конкретной цели — расчета прочности конструкций. И уже совсем нельзя представить себе человека, который «для расширения кругозора» стал бы изучать «промысловую электротехнику или канализацию».

Это образование может быть уже или шире. За последние годы некоторые технические вузы в связи с потребностями научно-технической революции дают более широкую фундаментальную подготовку на первых трех курсах. Это облегчает профессиональную мобильность как при трудоустройстве, так и при переквалификации. Но и в этом случае профиль и уровень подготовки определяется не безграничными возможностями развития и совершенствования личности, а конкретно-историческими потребностям производства.

Наконец, нельзя драматизировать ситуацию и забывать о неформальных видах образования и воспитания. Нас учат семья, друзья, трудовой коллектив, книги, газеты, кино, телевидение, и подчас серьезнее, чем школа и институты, где мы получаем аттестаты и дипломы. Можно год потратить на запоминание формул, приемов, постулатов и тем не менее оказаться «маловысококвалифицированным» специалистом. Можно не сидеть после средней школы года за партой, а работать и тем не менее с умом использовать свой досуг, стать человеком с широким кругозором.

Как видно, нельзя ставить знак равенства между потребностями объективными и осознанными, сегодняшними и завтрашними, развитием личности и овладением специальностью. Они тесно связаны между собой, но это все-таки разные вещи.

13. Мобильность: вчера и сегодня

Связанные с переходом ко всеобщему обязательному среднему образованию изменения в отношении юношей и девушек к различным вариантам профессиональной карьеры происходят, как показывает разработка данных «проекта 17—25», не только в сознании молодежи. За последние годы они сказываются на реальных решениях, отчетливо проявляются в процессах социальной мобильности в начале жизненного пути.

При анализе процессов социальной мобильности широко используется такой показатель, как *индекс ассоциаций*, измеряющий воздействие социальной позиции родителей на шансы детей попасть в ту или иную социальную общность. Он показывает, во сколько раз чаще или реже, чем в среднем для всей совокупности, тот или иной вид деятельности бывает занят выходцами из определенной социальной группы. Если индекс

ассоциации равен единице, то это значит, что положение отца не оказывает влияния на социальное положение сына; если он больше (меньше) единицы, то это значит, что выходцы из данной группы чаще (реже) занимают те или иные позиции, чем могло бы быть при общем распределении. Использование данного инструментария довольно эффективно, когда речь идет о крупных временных рядах, поскольку позволяет исключить влияние происшедших за эти годы изменений в общем (суммарном) распределении молодежи.

Вероятность для разных групп выпускников средних школ Новосибирской области оказаться после окончания школы в дневном вузе, дневном техникуме или непосредственно на работе, подсчитанная в индексах ассоциации Г. Чередниченко под руководством автора, характеризуется следующими данными (см. табл. 1).

Таблица 1

Усредненные индексы ассоциации у выпускников 1963–1969 годов*

Социальное положение родителей и уровень их образования	Работа	Техникум дневной	Вуз дневной
Рабочие: неполное среднее и ниже среднего общего, среднее специальное	1,3	1,2	0,7
Служащие: неполное среднее и ниже среднего общего, среднее специальное высшее	1,1 1,1 0,7 0,5	2,2 0,6 0,8 0,4	0,7 0,7 1,5 1,7
Всего	1,0	1,0	1,0

* Данные по группе детей колхозников здесь и далее не приводятся, так как численность этой группы среди анкетированных в 1974–1975 годах бывших выпускников («проект 17–25») незначительна.

Обращает на себя внимание то, что в общем степень отличия шансов юношей и девушек из разных социальных групп не очень велика, хотя, разумеется, следует помнить, что речь идет о выпускниках средних школ. При этом у детей служащих среднего звена и специалистов больше шансов продолжать после окончания школы учебу в дневном вузе, а вероятность

начать непосредственно работать выше у юношей и девушек из семей рабочих и служащих с низким уровнем образования. Мы уже писали, что в период проведения обследования резко изменилась демографическая ситуация, осущестлялся переход ко всеобщему среднему образованию молодежи. Одним из последствий этих перемен стало увеличение конкурсов в вузы, техникумы. Но как же происходят эти процессы у молодежи разных поколений? (см. табл. 2.)

Таблица 2

Индексы ассоциации у выпускников 1966 и 1971 годов

Социальное положение родителей	Работа	ПТУ	Совмещение работы с учебой	Техникум дневной	Вуз дневной
1966 год выпуска					
Рабочие	1,5	1,6	0,8	1,4	0,4
Служащие	0,5	—	1,3	0,7	1,6
1971 год выпуска					
Рабочие	1,1	1,1	1,0	0,9	0,9
Служащие	0,8	0,7	1,0	1,2	1,2

В сравнении с тем, что было пять лет назад, у молодежи из семей рабочих увеличивается вероятность продолжить учебу, лопасть в вуз, с одной стороны, и уменьшается, приближается к единице вероятность сразу идти работать — с другой. У детей же служащих наоборот. К тому же следует учесть рост доли детей рабочих среди юношей и девушек, оканчивающих дневные средние школы (а нашем примере с 49% до 66%).

При реализации «проекта 17—17» было установлено, что семья оказывает более сильное влияние не на личные планы молодежи, которые у представителей разных социальных групп более или менее выровнены, а на реальный выбор профессии. Но в какой мере сохраняется и сохраняется ли это влияние на жизненные пути юношей и девушек в дальнейшем, по мере их взросления?

Рассмотрим результаты, приведенные в табл. 3, касающиеся изменения воздействия позиции родителей на реальный выбор вида деятельности их детьми. В отли чие от предыдущей таблицы здесь речь идет не об одnogодках разных лет выпуска из школы, а о тех же самых юношах и девушках в возрасте 17 и 23 лет.

Таблица 3

Индексы ассоциации у одной и той же когорты молодежи
в 17-летнем и 23-летнем возрасте

Социальное положение и уровень образования родителей	Возраст молодежи	Вид деятельности		
		Работа	Техникум*	Вуз*
Рабочие	17 лет	1,3	1,2	0,7
неполное среднее и ниже	23 года	1,3	1,2	0,7
Служащие	17 лет	1,1	1,3	0,9
неполное среднее и ниже	23 года	0,9	1,1	1,0
высшее	17 лет	0,5	0,3	1,7
	23 года	0,8	0,3	1,4

* Помимо учащихся и студентов, включены лица, окончившие соответствующие учебные заведения.

Сравнивая по каждой группе молодежи происшедшие с возрастом изменения, мы видим, что у детей рабочих увеличилась вероятность получить подготовку в высших и средних специальных учебных заведениях. Что касается детей служащих, обладающих неполным средним и более низким образованием, то у них с возрастом повышается вероятность приобретения высшего образования. Асимметрия выбора в семнадцатилетнем возрасте детей служащих с высшим образованием, когда они в полтора раза чаще, чем все, попадали в вуз и в два раза реже на работу, во многом через пять лет сгладилась. Возможно, воздействие социального происхождения наиболее сильно ощущается при первом трудоустройстве, первом выборе профессии и значительно слабее влияет на жизненные пути молодежи в дальнейшем.

Юноши и девушки, выбрав профессию, получают занятие, обретают социальную позицию, уровень образования и пр., часто отличные от тех, которые имели их родители. Кроме того, большинство из них в первые годы после школы часто меняют свои занятия, места работы, местожительство и пр. В этом порой хаотичном поведении юношей и девушек без формализации некоторых показателей разобраться трудно. Непосредственно работа при наличии лишь аттестата зрелости, ра-

бота после подготовки в ПТУ, учеба в техникуме, дневном или вечернем, заочном, учеба в дневном вузе, в вузе без отрыва от производства — вот те основные виды деятельности, те потоки занятий, в которые включается молодежь после окончания школы. Хотя основным разграничительным принципом здесь выступает разделение по уровню и характеру образования, однако мы не склонны полностью сводить к нему деление по потокам. Устойчивые потоки обычно характеризуются определенной степенью социальной однородности. С другой стороны, тот или иной поток, в который попадают юноши и девушки, выносит их, как правило, в те или иные социально-профессиональные группы. Поэтому в учебные потоки — вуз, техникум, ПТУ — мы включаем не только студентов и учащихся, но и тех лиц, кто уже получил соответствующую подготовку.

В сознании молодежи вся совокупность возможных занятий выступает в виде определенной системы предпочтений. Соотношение потоков по степени их престижа для семнадцатилетней молодежи можно охарактеризовать в виде примерно такой схемы: если не дневной вуз, то вечерний или заочный; если не вуз, то техникум; если не дневной техникум, то без отрыва от производства, если не техникум, то подготовка через систему ПТУ, курсы. Иерархии, с одной из которых мы столкнулись, исследуя профессиональные планы молодежи, ее реальные жизненные пути, часто формируются на уровне обыденного сознания. В головах людей часто структуры, нерегламентированные, не упорядоченные сами по себе, принимают вид строгих иерархий. И такие феномены массового сознания нельзя игнорировать. Какой бы нелепой ни казалась нам шкала представлений о «наивысшем» и «наинизшем» в такого рода иерархии, как бы ни расходилась она с нашим собственным пониманием, мы не можем ее не учитывать. Ибо этими представлениями, этой иерархией руководствуются тысячи молодых людей, принимая свои решения, выбирая профессии, меняя их, меняя места работы, учебы, местожительства. Кроме того, знание таких явлений общественного сознания — необходимый инструмент для эффективного и своевременного воздействия, которое всегда дает как социальный, так и экономический эффект.

Важнейшим фактором перераспределения юношей и девушек в ближайшие несколько лет после окончания школы становится увеличение доли тех, кто учится или уже закончил учебу. Это направление отражает характерную тенденцию

усиления роли специального образования, профессиональной подготовки и увеличение потребности в них современного производства. Однако рост численности молодежи по отдельным учебным потокам происходит неодинаково. Как это видно из табл. 4, где показано изменение численности молодежи по потокам в зависимости от ее возраста, наиболее подвижны в своих границах вечерняя и заочная формы обучения; из дневных учебных заведений наименее «эластичен» вуз.

Таблица 4
Изменение численности молодежи по потокам за период с 17 до 23 лет в процентах

Возрастной период	Вуз дневной	Вуз вечерний, заочный	Техникум дневной	Техникум вечерний заочный	Работа	ПТУ
17 лет	100	100	100	100	100	100
19–20 лет	105	232	115	367	143	65
22–23 года	105	265	113	667	148	51

Выявленная общая тенденция перераспределения молодежи показывает как бы результат, финальный вариант перемещений за определенный срок. Переходы молодежи между потоками более разнообразны. Чтобы разобраться в них, за каждым из юношей и девушек зафиксируем тот поток, в котором он находился в семнадцать лет сразу после школы, и проследим за дальнейшим его перемещением. Так, наиболее массовыми переходы были в первый и второй годы после окончания школы. Среди обследованной молодежи треть к 19–20 годам сменила первоначальный поток, к 23-летнему возрасту таких было уже 45%.

Согласно данным табл. 5, в ближайшие годы после окончания школы разные потоки характеризуются разной степенью мобильности. Наиболее подвижны те, кто сразу пошел работать: из первоначально избравших работу к 20 годам остались в данном потоке 51%, а к 23 годам – 34%. И наоборот, те, кто

Таблица 5

Число молодежи, оставшейся за период с 17 до 23 лет в данном потоке, в процентах

Возрастной период	Вуз дневной	Вуз вечерний, заочный	Техни кум дневной	Техникум вечерний, заочный	ПТУ	Рабо та
17 лет	100	100	100	100	100	100
19–20 лет	81	71	83	78	86	51
22–23 года	76	52	70	56	76	34

учится в дневных учебных заведениях, гораздо стабильнее: продолжали учебу в дневном вузе через два года 8% и через пять лет 76% тех выпускников, кто сразу после школы оказался в данном потоке. Особо выделяется характер перераспределения молодежи, получившей после окончания школы профессионально-техническую подготовку. Она оказывается самой устойчивой группой. Очевидно, *приобретение квалифицированной рабочей профессии стабилизирует положение молодежи в сфере труда и уменьшает текучесть кадров*. Кроме того, если внимательно рассмотреть переходы из потока «ПТУ», то оказывается, что в подавляющем большинстве они вызваны не сменой вида деятельности, а ростом квалификации в своей же профессии, что еще раз свидетельствует об экономической и социальной эффективности подготовки молодежи к труду через систему ПТУ.

Как видно из проведенных нами обследований, уже первый выбор профессии обусловил крупные социальные перемещения. В годы 10-й и 11-й пятилеток, видимо, следует ожидать усиления процессов профессиональной мобильности. Уход к тому времени из общественного производства многочисленных ныне пожилых и пенсионных возрастов должен привести к освобождению большого количества вакансий в сфере материального производства. Потребность современного производства в занятиях такого рода будет требовать притока новых трудовых ресурсов, прежде всего из молодежи.

14. Тяжкое бремя выбора

Первый шаг, первый выбор всегда самый сложный. Это трудный выбор, ибо огромен и переменчив современный мир: потребности общества в кадрах, социальная структура, система образования, численность и разброс населения. Еще более зыбок, многослоен и противоречив внутренний мир — тот, где зарождается выбор. Познать себя, угадать свою силу — непростая вещь.

«Умение достойно проявить себя в своем природном существе, — писал Монтень, — есть признак совершенства и качество почти божественное. Мы стремимся быть чем-то иным, не желая вникнуть в свое существо, и выходим за свои естественные границы, не зная, к чему мы по-настоящему способны. Незачем нам вставать на ходули, ибо и на ходулях надо передвигаться с помощью своих ног»¹³⁰.

Человек экономический, социальный, духовный в одном лице делает выбор. А специалисты фиксируют его решения и шаги, пытаются понять, объяснить, помочь.

Первый этап, первый подход к проблеме выбора — экономический. Он связан с анализом человека как производителя материальных или духовных благ. Есть в этой политэкономической дефиниции какая-то недопустимая частичность, что-то роботизирующее, унижающее человека. При таком взгляде проблемы выбора профессии, поисков призвания так же роботизируются. Они сводятся к тому, чтобы, с одной стороны, все потребности экономики были «покрыты», все вакансии заполнены, а с другой — молодые люди были трудоустроены, получали бы средства к жизни.

Большой шаг вперед делают те, кто поднимает в своем анализе человека экономического до уровня личности, рассматривает его как существо социальное. Вместе с тем они расширяют круг наших забот, связанных с выбором профессии: не просто сбалансировать число вакансий и число претендентов, но сделать это так, чтобы, с одной стороны, наиболее полно использовать интеллектуальный потенциал общества, а с другой — дать каждому занятие по душе.

Не будем отрекаться от предков: такой подход зародился не сегодня. «Так бывало, есть и ныне, что большая часть юношей

---

¹³⁰ Монтень М. Об искусстве жить достойно. М., 1973, стр. 196.

заставляется занимать места в обществе, совсем несообразные ни с их склонностями, ни с их способностями. Научение в публичных и частных училищах есть для всех одно и то же. Мерсье пишет: «Надлежало бы завести особый род наставников, которые бы, по своему званию и опытности, умели узнавать в детях склонности и способности, по коим бы назначили им учение». Так распорядив детей к учению, скоро бы могли иметь в каждой части наук, художеств, даже ремесел людей отличных; и сей, родившись быть зодчим или ваятелем, не потел бы понапрасну над соборным уложением, а природный вития и пиит не ломал бы голову алгеброй»¹³¹.

Это написано двести лет назад, в 1776 году, опальным поручиком Григорием Винским, который, как видно, не только размышлял о том, как разумнее использовать дарования в России, но и изучал опыт своих французских коллег.

Сегодня представители этого вечно нового подхода стремятся, идя в ногу с веком, квантифицировать, измерить все параметры личности, чтобы строго соотнести их с потребностями общества, оценить имеющиеся диспропорции, предвидеть их. Поэтому такой подход, характерный для большого числа социологов и социальных психологов, можно было бы назвать социально-рационалистическим.

С этих позиций можно многое сделать для развития личности вообще, для помощи тем, кто на распутье.

Одно из исследований, которое проводилось в Сибири, шло под кодовым названием «Цена пророков». Его методика сводилась к следующему. Весной перед окончанием школы мы спрашивали выпускников 10-х классов, каким они видят свое ближайшее будущее, то есть какую профессию они выберут, где будут работать или учиться. Те же самые вопросы мы задавали их одноклассникам (каждый давал свой прогноз о каждом), учителям, родителям. Затем мы складывали информацию в шкаф и ждали полгода. Осенью собирали данные о том, как в действительности сложилась судьба каждого из выпускников, и подсчитывали, сколько очков «выбила» каждая группа «пророков» из 100 возможных: сами выпускники, их одноклассники, их учителя, их родители.

Кто же оказался из них наиболее дальновидным, мудрым, реалистически оценивающим шансы советчиком?

---

¹³¹ Винский Г.С. Мое время. Записки Винского. Спб., 1914, стр. 17–18.

Первое место заняли одноклассники. Учителя оказались неважными пророками, впрочем, как и родители. Но это не вина, а беда нашей школы, которая лишь за последние годы всерьез начинает осознавать важность профессиональной ориентации и консультации, подготовки молодежи к сознательному и свободному выбору профессии.

Кстати, и о французском опыте, на который ссылался Г. Винский в екатерининские времена. Мне пришлось знакомиться с организацией работ в Центральном французском институте профессиональной ориентации. Некоторые их подходы представляются полезными. В школе, по мнению специалистов этого института, должен быть консультант по проблемам профессиональной ориентации. Это человек с высшим образованием, хорошо знающий проблемы экономики труда, возрастную психологию, методы выявления способностей. Он ведет наблюдения за развитием учащихся. Собирает данные об их успеваемости, смене увлечений, занятиях в кружках, данные тестирования. Перед окончанием среднего учебного заведения он приглашает для беседы к себе выпускника и его родителей и говорит примерно следующее: «За 10 лет учебы у нас сложилось мнение, что ваш сын имеет наибольшие склонности к математике. Если ваши семейные обстоятельства позволяют вам сейчас отправить его учиться в университет; то имейте в виду, что условия приема на данный факультет такие-то, такой-то конкурс, плата за обучение. Если же вы сейчас не имеете этой возможности, то в качестве запасной профессии мы могли бы вам рекомендовать для сына специальность программиста. Обучение проводится в таком-то городе, срок — столько-то месяцев, условия учебы такие-то. Имейте в виду, что наши рекомендации носят сугубо личный характер, они нигде не фиксируются. Поэтому вы полностью вправе решать сами, считаться с ними или нет».

Как в этих условиях ведется работа по профессиональной ориентации? Начиная с шестого класса учащихся знакомят с различными профессиями. В то же время начинает проводиться ежегодное анкетирование учащихся. В анкете каждый школьник указывает, кем бы он хотел стать и почему. Это позволяет педагогам сопоставлять личные профессиональные склонности молодежи с потребностями народного хозяйства данного района, округа. С другой стороны, это позволяет вскрывать определенные противоречия и в ходе работы по профориентации,

своевременно влиять на развитие профессиональных склонностей учащихся. Наконец, само заполнение анкет актуализирует в глазах учащихся проблему выбора профессии, способствует более серьезному и ответственному принятию решений. Благодаря этому совершается переход от абстрактно-романтического подхода к профессии к реалистическому выбору, учитывающему как собственные стремления и способности, так и потребности общества в кадрах (по профессиям).

В начале 10-го класса начинается самый ответственный этап выбора профессии. Газеты заблаговременно (примерно за год) публикуют специальные приложения «Как, когда и куда я могу подать заявление о приобретении профессии», которые адресованы выпускникам будущего года. Наряду с этим школы получают специальные справочники и брошюры с подробным описанием этих профессий.

В октябре каждый десятиклассник на основе этой информации должен направить специальную анкету-заявление на конкретное предприятие с указанием избранной им профессии. Предприятие обязано в течение двух недель ответить десятикласснику о своем решении. При положительном решении десятиклассники заключают соглашение о профессиональном обучении в училище при данном заводе или фабрике. Если же по тем или иным причинам (скажем, подано слишком много заявлений по данной профессии) предприятие не может принять данного десятиклассника, то он имеет время для того, чтобы избрать другой вариант.

В марте все десятиклассники, как правило, уже заключают соглашения о приобретении профессий. При этом примерно четыре пятых заключают эти соглашения с первого заявления. Это говорит о довольно высокой эффективности системы профессиональной ориентации.

Вся эта работа обеспечивается соответствующими научно-методическими центрами и кадрами. Посредниками между школой и производством являются консультационные центры профориентации, которые имеются во всех округах и большинстве районов. Их штаты, куда входят психологи, педагоги, инженеры, определяются в зависимости от количества учащихся в 6–10-х классах данного района. Центры обеспечены помещениями, оборудованием как для групповых, так и для индивидуальных бесед, имеют необходимую литературу, проспекты, витрины, которые показывают потребности в кадрах

(по профессиям) в данном городе или районе (обычно указывается спрос и предложение на каждый день).

Основная задача и показатель эффективности работы центра — это степень соответствия между профессиональными склонностями молодежи и потребностями народного хозяйства. Поэтому сотрудники центра внимательно изучают школьные опросы, разрабатывают рекомендации для школ и родителей учащихся. Специальная работа ведется с теми учащимися, профессиональные стремления которых трудноосуществимы. При этом центры исходят из общей методологической установки, что выбор профессии — это сугубо индивидуальное решение. Задача центра лишь помочь в принятии этого решения.

Немаловажное значение имеет и правильная расстановка акцентов. В ряде работ по профессиональной ориентации, в передачах по радио и телевидению упор делается на выгоде, на том, что будет иметь молодой человек, избрав данную профессию. При этом часто выхолащивается само содержание профессии, то есть речь идет об абстрактной профессиональной роли, а не о реальности, которую можно понять лишь вместе с тем индивидуальным, специфическим, что вносится в нее конкретной личностью. Обездушиваются и исчезают важнейшие нравственные, мировоззренческие характеристики, которые способны эмоционально окрасить и поднять сравнительно простой труд до уровня служения, творчества. Мы не говорим уже о том, что крен *на иметь, а не быть* при решении вопроса о призвании и выборе профессии способствует укреплению потребительских ориентации среди молодежи.

В этом деле, может быть, больше, чем в других, требуется чувство меры. Мы, разумеется, за то, чтобы молодые люди хорошо знали из достоверных источников как можно больше о различных профессиях, чтобы была издана «Энциклопедия профессий», где давалась бы вполне научная, объективная характеристика различным занятиям — и об условиях труда, и об оплате, и о противопоказаниях. Все это полезно, все это поможет избежать ошибок.

Только не будем забывать — это лишь полдела. Главное, чтобы опоры выбора были на соответствующей глубине. Тогда все остальное приложится: и «закрепление» кадров, и сокращение текучести и миграции, и «приживаемость». Здесь тот же оттенок, как в известной перефразировке: чтобы жить, надо есть, но нельзя жить, чтобы есть.

Чем дальше мы уходим от человека экономического, тем больше нам приходится цитировать уже не научных работников, а писателей. Этот глубокий, почти невесомый оттенок, конечно же, не мог ускользнуть от внимания русских литераторов, и прежде всего Ф. М. Достоевского. О нем Аркадий допытывает Версилова в «Подростке».

«— Слушайте, ничего нет выше; как быть полезным. Скажите, чем в данный миг я всего больше могу быть полезен? Я знаю, что вам не разрешить этого; но я только вашего мнения и ищу: вы скажите, и как вы скажете, так я и пойду, клянусь вам! Ну, в чем же великая мысль?

— Ну, обратить камни в хлебы — вот великая мысль.

— Самая великая? Нет, взаправду, вы указали целый путь, скажите же: самая великая?

— Очень великая, друг мой, очень великая, но не самая; великая, но второстепенная, а только в данный момент великая: наестся человек и не вспомнит; напротив, тотчас скажет: «Ну вот я наелся, а теперь что делать?». Вопрос остается вековечно открытым»¹³².

Благо всего человечества — великая цель, если понимать ее не как «наестся и не вспомнит», но как свободное и всестороннее развитие личности. Свободное и всестороннее развитие личности не может быть без свободы выбора профессии, когда экономически или политически жизненные пути молодых детерминированы.

Развитие общества, рост образования расширяют диапазон вариантов жизненных путей, доступных каждому, и вместе с тем усложняют проблемы выбора. Те, кто выбирает профессию сегодня, больше нуждаются в помощи, чем те, кто вступал в жизнь 30 лет назад.

Три уровня, три этапа — экономический, социальный, духовный — охватывает проблема выбора. И конечно, можно застопориться на любом из них. Тогда анализ неизбежно будет ущербным. С другой стороны, нельзя объять необъятное. В науке каждый из уровней предполагает свой подход, свой угол зрения, свои методы познания. И дело здесь не в престижном противопоставлении, когда экономиста за узость критикует социолог, а социолога — писатель. Каждый из нас занимает свое место в общественном разделении труда, и нет в нем

¹³² Достоевский Ф.М. Собр. Соч., т. 8. М., 1957, стр. 235.

позиций абсолютно выгодных или абсолютно проигрышных. «Вот мои расчеты баланса трудовых ресурсов на перспективу» — говорит экономист, передавая эстафету социологу. «Вот результаты наших исследований престижа профессий и их соответствия потребностям общества в кадрах», — в свою очередь, говорит социолог, знакомя писателя с результатами своих работ. «Вот нравственные и духовные проблемы, которые из этих обстоятельств вырастают», — свидетельствует писатель в своей новой повести или романе. И уже пошла эстафета в обратный путь: литератор заставил социолога увидеть иные горизонты, а новые исследования социологов понудили экономистов по-другому подойти к размещению капитальных вложений, полнее учесть изменившиеся потребности молодежи.

Почему же эта картина выглядит как утопия, почему так часто прерывается эта эстафета? Для каждого перехода — от экономического к социальному, а от него к духовному — требуются не только новые условия, но и новые подходы, новые критерии. Их не так просто обрести, почувствовать, усвоить разным людям, представителям разных областей знания. «Сыт, крыша над головой есть. Чего ему еще надо?» — говорят одни. «Профессию хорошую получил, да и заработок приличный. Чего он мучается?» — спрашивают другие. И не понимают друг друга они совсем, ибо у них сплошь и рядом не только разные ценности жизни, но и разные нравственные ориентации.

Социологический подход к проблеме выбора профессии нацелен на изучение влияния того «внешних условий». Потребности общества в кадрах, социальная структура, демографическая ситуация, системы образования и аспираций — все это во многом определяет поведение молодежи на распутье. Во многом, но не во всем. Есть еще субъективные, психологические особенности индивида, которые накладывают свой неповторимый отпечаток и во многом осложняют проблему выбора. Предыстория внутреннего развития каждого, особенности характера и физического склада, мотивы активности — все это предмет специального анализа.

Мы не касаемся этого лишь потому, что не хотим выходить здесь за рамки собственной профессиональной роли. Нам хотя бы сначала примерно очертить особенности той сильно пересеченной местности, где приходится совершать первые шаги миллионам молодых. Поэто му и помощь с этой стороны состоит в учете этих особенностей и воздействии на них в интересах молодежи.

И здесь нужно уже не сетовать, а ратовать: за совершенствование системы образования, которая не на словах, а на деле должна готовить к сознательному и свободному выбору профессий, за учет демографических особенностей подрастающего поколения, за создание научной системы профессиональной ориентации и консультации, за социологическое просвещение молодежи, которая должна реально представлять себе мир, в который она вступает.

Социально-рационалистический подход, связанный у нас в стране с возрождением социологических исследований, дал много интересного для понимания закономерностей поведения, являлся, безусловно, шагом вперед. Не случайно исследования проблем выбора профессии вызвали живейший отклик не только среди специалистов, но и литераторов. Впрочем, некоторые из них сразу же заметили в работах социологов определенную профессиональную ограниченность. Понимание человека как существа духовного, нравственного, а выбора профессии как поисков призвания, смысла бытия — естественная позиция для литератора. В этом случае проблема выбора профессии выходит за рамки социально-экономических отношений и оборачивается своей философской стороной.

* * *

Первый выбор — всегда трудный выбор. И не только потому, что его должны делать уже не дети, но еще не взрослые. И не потому только, что своеобразны, переменчивы aspirations, личные планы, внутренний мир каждого.

Это трудный выбор потому, что динамичны и противоречивы окружающая нас жизнь, внешние условия — социально-экономические, демографические, культурные, без которых нельзя понять поведение молодежи в начале пути. И помочь ей в этих трудных решениях нельзя без систематических исследований. Мы должны постоянно фиксировать ритмы поколений, чувствовать пульс общества, угадывать новые проблемы, предвидеть поведение юношей и девушек, изменение их оценок, предпочтений, ценностей жизни. И, как это уже не раз бывало за последние десятилетия, пока поспевают со всеми своими тылами и орудиями наука, подлинными разведчиками новых проблем здесь могут и должны быть писатели.

ГЛАВА II

ОБЛИК ПРАВСТВЕННОСТИ

Что я такое? Разум ничего не говорит на эти вопросы сердца.

Отвечает на это только какое-то чувство в глубине сознания.

С тех пор как существуют люди, они отвечают на это не словами, то есть орудием разума, частью проявления жизни, а всей жизнью.

Л. Н. Толстой

Чем больше мы в ходе на шего социологического исследования вникали в проблемы молодежи, тем яснее становилось нам, что наш анализ ограничен, что есть такие нравственные и духовные глубины в жизни юношей и девушек, которых не постигнешь с помощью традиционных научных методов. А без анализа их наше исследование не было бы комплексным, не затронуло бы те аспекты жизни молодежи, без которых обойтись нельзя. И мы обратились к литературным произведениям, в которых писатели, используя свои методы и свои подходы, ведут исследования этих же проблем.

Из произведений нашей художественной литературы последних лет наиболее остро и полемически поставлены эти вопросы, как нам кажется, в повести Владимира Тендрякова «Ночь после выпуска»¹³³, которая не случайно вызвала дискуссию как в литературных, так и в научных журналах, огромный интерес читателей и зрителей (она была поставлена в ряде театров) и, безусловно, многое дает если не для ответов, то для уяснения социальных и нравственно-философских проблем, с которыми сталкивается молодежь сегодня.

1. Ночь после выпуска

Повесть «Ночь после выпуска» на первый взгляд подчеркнуто схематична. Выпускной вечер с торжественной частью, с речью директора и ответным словом луч шей ученицы вдруг несколько отклоняется от традиционного сценария, когда Юлечка Студенцева неожиданно сказала:

---

¹³³ Журнал «Новый мир», 1974, №9.

«...Школа заставляла меня знать все, кроме одного — что мне нравится, что я люблю. Мне что-то нравилось, а что-то не нравилось. А раз не нравится, то и дается трудней, значит, этому ненравящемуся и отдавай больше сил, иначе не получишь пятерку. Школа требовала пятерок, я слушалась и... и не смела сильно любить... Теперь вот оглянулась, и оказалось — ничего не люблю. Ничего, кроме мамы, папы и... школы. И тысячи дорог — и все одинаковы, все безразличны... не думайте, что я счастливая. Мне страшно. Очень!»

Юлечка двинулась к своему месту, и все сделали вид, что так и надо, и вечер шел, как положено. И лишь потом, когда выдохлась запрограммированная официальная часть, оставшиеся в школе шесть педагогов вспомнили и горячо заспорили о Юлечкином выступлении. А шесть юношей и девушек, вооружившись «пушечным ядром» — бутылкой «Гамзы» в плетенке, в городском сквере на берегу реки стали говорить по-своему о своем.

И пошли короткими главками две линии: учителя в учительской и выпускники на берегу реки, там где кончаются городские огни.

Одна из проблем, которым посвящена повесть, — это выбор профессии, жизненного пути. Слов нет, проблема значительная. Особенно сейчас. И видимо, уже давно она интересовала В. Тендрякова. Больше десяти лет назад я выписал из его статьи в «Литературной газете»: «Сделать выбор... Наверное, вся учеба ребенка должна сводиться к этому — как выбрать дело всей жизни. То дело, к которому больше всего предрасположены его природные способности, то дело, которое из увлечения может перерасти в страсть, то дело, которым он станет полезен обществу, — профессию, специальность!»¹³⁴.

Проблемы выбора профессии. Они архиважны для нашей школы, для общества, для самих детей, для каждого из нас. И ключ к ним двойной: познать себя и познать общество — реальный мир профессий, социальных институтов и отношений, в который ты вступаешь.

Эти вопросы все больше привлекают к себе исследователей: психологов, социологов, экономистов. В разных районах страны проводятся эксперименты по раннему выявлению способностей. На самых высоких форумах все чаще

¹³⁴ «Литературная газета», 1965, 5 октября.

говорят о профориентации и профконсультации. Сама школа начинает все глубже осознавать, что ее функции не только в том, чтобы обучать, но помочь миллионам молодых в выборе жизненного пути.

Только очень наивные люди могут надеяться, что проблемы самоопределения могут быть решены психотехниками или экономистами, ибо не все понимают их многоплановость и глубину. В своей жизни отдельный человек может от чисто экономических проблем, связанных с удовлетворением материальных потребностей, подняться до социальных и духовных. Впрочем, может и «заикнуться» на одном из первых этапов. А может сразу начинать жизнь по-крупному, с обратных итераций — от поисков смысла жизни к выбору занятия и трудоустройству.

Тендряков вводит нас в эти проблемы сначала очень осторожно. «Словно и не было странного выступления Юлочки Студенцевой... И только, словно сквознячок в теплой комнате, среди разгоревшегося веселья — отлаживающая настороженность». Но из этого-то и потекли две линии в повести — учителя и ученики.

2. Какой быть школе?

Шесть учителей задержались в щедро залитой электрическим светом учительской, куда слегка доносится «жалкий, стертый запах минувшей весны». Шесть выпускников над обрывом, падающим к реке, на границе двух миров — щедрого света и непокоренной тьмы.

В центре спора педагогов конфликт в понимании роли школы сегодня. Смертельно обиделась за всю свою жизнь и за школу, с которой себя отождествляла, старая, не любимая учениками преподавательница литературы Зоя Владимировна. «За наши труды нас очередной раз умыли», «Черная неблагодарность», «Плевков в сторону школы!», «И самое обидное — одернуть, наказать мы уже не можем. Теперь эта Студенцева вне нашей досягаемости!». «Вы против школы поднялись, Ольга Олеговна, — говорит Зоя Владимировна завучу, — а с меня начали. Не случайно, да, да, понимаю. И правы, трижды правы вы: та школа, которой вы так недовольны сейчас, та школа и

я — одно целое. Всю школу, какая есть, вам перечеркнуть не удастся...»

«Только она, Студенцева, такая? — возражает Ольга Олеговна. — Другие все целенаправленные натуры? Знают, по какой дороге устремиться? Вера Жерих, знает, Быстрова?.. Да мы можем назвать из всего выпуска, пожалуй, только одного увлеченного человека — Игоря Проухова. Но его увлечение возникло помимо наших усилий, даже вопреки им».

И она категорически формулирует: «...Своим преподаванием вы, Зоя Владимировна, в конечном счете, плодите невежд». «Преподадим неустойчивое, испаряющееся, причем в самой категорической, почти насильственной форме — знай, во что бы то ни стало, отдай все время, все силы, забудь о своих интересах». «С одной стороны, устаревшие программы: с другой — косные привычки самих преподавателей, а посередине — школьный завуч».

Зоя Владимировна не представляет себе иной школы. Ольга Олеговна убеждена, что школа должна меняться, что год за годом выпускать людей ничем не интересующихся, ничем не увлеченных — это грозная опасность для общества.

«...Сорок лет одни и те же готовые формулы. Вся литература — набор сухих формул, которые нельзя ни любить, ни ненавидеть. Не волнующая литература — вдумайтесь! — говорит она директору школы. — Это такая же бессмыслица, как, скажем, негреющая печь, несветящийся фонарь. Получается: сорок лет Зоя Владимировна обесмысливала литературу. Пушкин, Достоевский, Толстой, Чехов глаголом жгли сердца людей. По всему миру люди горят их пламенем — любят, ненавидят, страдают, восторгаются. И вот зажигающие глаголы попали в добросовестные, но, право же, холодные руки Зои Владимировны... Сорок лет! У скольких тысяч учеников за это время она отняла драгоценный огонь! Украла способность волноваться! Вы в этом видите пользу, Иван Игнатьевич?!

— Но она еще была преподавателем и русского языка, — возражает директор, — научила тысячи детей грамотно писать. Хоть тут-то признайте, что это немалая заслуга.

— Научить правильно писать слово — и отучить его любить. Это все равно что внушить понятия высокой морали и вызвать к ним чувство безразличия».

Между тем учителя, присутствующие при этом споре, озабочены своим. Павел Павлович Решетников настаивает,

чтобы ему дали возможность пестовать тех, кто действительно способен к физике. Иннокентий Сергеевич ратует за кинофикацию, которая разгрузит педагогов, позволит им заниматься доводкой и шлифовкой каждого человека в отдельности. Директор Иван Игнатьевич высмеивает их за миражи и напоминает, что за последние годы школа и так изменилась к лучшему. «О чем вы спорите?! — вновь вмешивается Ольга Олеговна. — Как преподнести знания — механизированным или немеханизированным путем! Юлия Студенцева до ноздрей нами набита этими знаниями, а тем не менее... Снова мне, что ли, повторять: у нас часто формируются люди без человеческих устремлений! А раз нет человеческого, то животное прет наружу вплоть до звериности...»

Главное требование к будущей школе — это не только обучение, но формирование личности.

«— Дадим себе отчет: о чем мы сейчас мечтаем? Только о том, чтобы лучше готовить учеников? Нет! Готовить лучших людей! Мечтаем усовершенствовать человеческую сущность. А об этом мечтали с незапамятных времен. Можно сказать, мечта рода человеческого».

И хотя хмыкнул Решетников: «Не по Сеньке шапка. Задача не школьного масштаба» — все очевиднее становится, что давно декларированная цель, которую директор школы формулирует так: «Надели ученика, кроме знаний, еще высокими личными качествами», сегодня острее, чем когда-либо, встала перед нашим обществом, в том числе и перед школой. Это признают не только литераторы, но и педагоги. «Каждый учитель, — пишет директор знаменитой Павлышской средней школы имени В. А. Сухомлинского Н. Кодак в своей рецензии на повесть В. Тендрякова, — работает по-своему, преподает свой предмет и *лишь за него* беспокоится и ответствен, а *тов воспитание человека идет стихийно*»¹³⁵.

3. Не разберетесь ли вы сами?

Тем временем шестеро выпускников откупоривают «пшечное ядро» и поднимают первый тост. «Я, бывший раб школы номер три, пью сейчас за власть над другими! Желаю вам всем властвовать кто как сможет!»

¹³⁵ «Литературная газета», 1974, 20 ноября.

Этот тост поднимает Игорь Проухов, единственный «определившийся человек», признанный школьный художник, который надеется, что написанные им полотна заставят его современников «ненавидеть то, что он ненавидит, послушно любить, послушно негодовать». Конечно, этот тост — полушутливая импровизация признанного «мастера высокого стиля». Но это не просто «хохма». И вряд ли стоит игнорировать то, что он продолжает и как бы раздвигает проблему, поставленную Юлечкой, — кем быть? Психологически он тоже мотивирован: десять лет подчинения, беспрекословного исполнения распоряжений старших не могло не породить у некоторых из выпускников представления о том, что взрослые — это те, кто властвует, что «в жизни ты должен или подчиняться, или подчиняться!».

Реакция выпускников на этот тост далеко не однозначна. «За власть? Пусть так! Но извини, Цезарь, я выпью не с тобой» (Генка). «Когда-нибудь, Гена за власть... за чью-то над собой. Сейчас рано. Сейчас... За свободу!» (Натка). «Надо мной всегда будут властвовать» (Вера). Целая гамма оттенков. И опять на самом краю Юлька: «Игорь, ты сказал, даже мыши подчиняют друг друга. И ты собираешься перенять — живи по мышиному, сильный давит слабого? Не хочу!»

Героев повести не перепутаешь друг с другом. Внешне они очень различны: Генка — городская знаменитость, самбист, гроза шпаны из пригородного поселка; Игорь Проухов с его невероятными картинами, немислимыми парусиновыми штанами, измазанными краской; красавица Натка Быстрова; «компанейская девка» Вера Жерих; сурово озабоченная Юлечка Студенцева; суетливый, хи пующий, непревзойденный исполнитель песен Высоцкого Сократ Онучин. Но здесь в этой первой сцене на берегу реки открывается, что все эти юноши и девушки отличны друг от друга не только внешне. В этом тревоги Ольги Олеговны, которую ученики прозвали Вещим Олегом, напрасны: нет, не нивелировала их школа.

Но есть в них и нечто общее — беспомощность. На пороге новой жизни оказывается, что школа не помогла им понять себя, понять мир тысячи дорог, в кото рый они вступают. Если в спорах выпускников тема призвания явно или неявно присутствует постоянно, то в учительской — даже сейчас, после выступления Юлечки, — она вопль вопиющего в пустыне Вещего Олега.

Вот здесь и обнаруживается, что две линии в повести — учителя и выпускники — почти не связаны между собой, они параллельны. За это многие критиковали повесть В. Тендрякова.

В самом деле, что здесь — просчет или продуманная авторская позиция?

Есть такое сложно закрученное социологическое понятие — «инерция ценностных ориентаций образовательных организаций». Второй Европейский семинар по социологии образования был посвящен как раз этой теме, в том числе скрытым ценностным ориентациям образовательных организаций. Если это кратко пояснить, речь идет о том, что *время от времени возникает определенный разрыв между официально декларируемыми целями обучения, скажем, в школе и реально внушаемыми ориентациями*. Этот разрыв возникает, когда те или иные виды школ, созданные для решения конкретных задач, вступают в противоречия с изменившимися потребностями общества. Между тем преподавательский состав как носитель определенных ценностных ориентаций продолжает вольно или невольно сеять те же семена, которые он привык сеять. И, произнося даже вполне правильные, «новые» слова, он тем не менее ориентирует по-старому.

Так, видимо, происходит и с нашей средней общеобразовательной школой. Созданная в основном для подготовки молодежи к поступлению в вузы, она, естественно, и имела это в качестве решающего критерия успеха или неуспеха. Однако ситуация в стране изменилась. Сегодня лишь небольшой процент оканчивающих среднюю школу поступает в вузы, а две трети выпускников должны идти после окончания школы непосредственно на производство. И хотя все нужные слова сказаны: о пользе производительного труда, о том, что труд — это дело чести, что всякий труд почетен, но больше всего сама школа по-прежнему все-таки гордится теми, кто поступил в вуз. Из этого суженного, традиционного понимания функций среднего образования вырастает недооценка новой, очень важной роли школы как главного советчика молодежи в выборе профессии, в самоопределении, в поисках призвания.

Мы пока еще не добились такого положения, когда бы столь нужное и важное воспитание учащихся при помощи труда и в процессе труда повсеместно воспринималось и осуществлялось с такой же обязательностью, как, скажем, общеобразовательная учеба с ее научно обоснованной программой, развернутым

планом, четкой организацией, проверкой и оценкой знаний. Ведь это же факт, но факт, наводящий на серьезные размышления, что под влиянием школы профессию выбирает пока лишь только каждый пятый ее выпускник. В то же время четверо из пяти имеют смутное представление о том, чем они будут заниматься после окончания школы. Такой весьма невысокий коэффициент полезного действия профориентационной работы объясняется тем, что в ряде школ принцип политехнизма, по-видимому, воспринимается не более как общепринятая декларация, которая не обязательно должна быть руководством к действию»

Игнорировать такие противоречия означало бы исказить действительные проблемы нашей школы. Напротив, не лакировка, а вскрытие, понимание их способствуют осознанию новых задач, когда проблемы воспитания, подготовки к вступлению в самостоятельную трудовую жизнь стали одной из главнейших задач школы.

Изменение целей требует изменения методов и подходов. Это предполагает не зубрежку, а стимулирование самостоятельного мышления, понимания реальных противоречий, изменения самих методов преподавания, которые одновременно должны быть и воспитанием, активным привлечением самих учащихся к обсуждению и решению сложных вопросов

Самостоятельное мышление как в области естественных, так и общественных наук, которое вырабатывается при таких методах преподавания, — важнейшее условие формирования личности. Оно поднимает воспитуемого до уровня воспитателя, преодолевает разрыв между учителями и учениками, который так наглядно обнаруживается и в повести «Ночь после выпуска». Это характерное представление о разделении общества на пассивную массу воспитуемых и воспитателей, которые находятся вне социальных условий.

4. Задача не школьного масштаба

Впрочем, будем справедливы к школе. Она одна не может справиться с задачами, решать которые должно все общество. В известном смысле усовершенствовать человеческую личность и правда «задача не школьного масштаба». Даже если отвлечься от биологических, генетических и прочих особен-

ностей и говорить лишь о социальной среде, то и здесь можно выявить достаточно факторов, влияющих на формирование личности.

Ближайшая сфера социального окружения — семья. Она прежде всего «лепит» ребенка непрерывно, сознательно и бессознательно. Она играет решающую роль в детские годы, до тех пор, пока не появятся друзья, подруги, которые образуют новую сферу социального окружения, конкурирующую с первой и в юношеские годы часто оттесняющую семью, родителей на задний план. Следующий слой — школа, одна из главных организаций, в которые включен ребенок, юноша. Чем она формальнее, чем сильнее разрыв между воспитателями и воспитуемыми, чем крепче давят учителя учеников авторитетами, угрозами, наказаниями (вспомним Зою Владимировну), тем сильнее отчуждение ученика от школы, тем меньше ее роль в формировании ребенка. Действие рождает противодействие, и на казенную школу ученик всегда быстро вырабатывает иммунитет, одевается в такую броню, которую не прошибешь ничем. Наконец, молодой человек связан и со всем обществом в целом. Это прежде всего массовые коммуникации: печать, кино, телевидение, радио. И не только они, но и реальные столкновения с обществом — на улице, в магазине, в городе и за городом.

Все эти элементы социального окружения не только спорят друг с другом, они и внутренне противоречивы. Ничто не проходит мимо, все оседает в нашей коре или подкорке. Одни из этих влияний оказываются, чисто внешними, другие — скрытыми, третьи проявляются лишь в критических ситуациях. И формирующий воспитательный результат — это своеобразная равнодействующая всех этих влияний.

В четвертой главе В. Тендряков кратко рассказывает о пригородном поселке Индия. «Это экзотическое название произошло от весьма обыденных слов — «индивидуальное строительство», сокращенно «индстрой». Когда-то, еще при закладке комбината, из-за острой нехватки жилья было принято решение — поощрять частную застройку. Выделили место — в стороне от города, за безымянным оврагом. И пошли там лепиться дома — то тят-ляп, на скорую руку, сколоченные из горбыля, крытые толем, то хозяйские — добротные, под железом, с застекленными террасками, со службами. Давно вырос город, немало жителей Индии переселилось в пятиэтажные, с газом, с канализацией здания, но Индия не пустела и не соби-

ралась вымирать. В ней появлялись, новые жители. Индия — пристанище перекасти-поле. В Индии свои порядки и свои законы, приводящие порой в отчаянье милицию. Именно там объявился уголовник, имевший срок «за мокрое», Яшка Топор. «Яшке подчинялась вся Индия. Яшку боялся город». Город как бы распадается на два социума: городок, где школа, огни, милиция, кино, мороженое, и Индия, где Яшка Топор. С такими урбанистическими парадоксами мы сталкиваемся нередко. Только называется Индия по-разному. В Барнауле она называлась Шанхай. А в небольшом подмосковном городке Ступино — Хап-Городок. Там даже объявления вывешивались: «Продается дом с двумя верандами, участок 8 соток. Смотреть Хап-Городок, ул...». Так и делился город на Соцгородок и Хап-Городок.

Все это имеет прямое отношение к теме нашего разговора. Противоречия, реально существующие в жизни, не могут не находить своего отражения в сознании молодежи, не могут не влиять на формирование личности. Пусть в преобразованном виде, но Индия присутствует в сознании каждого из этих ребят и проявляется порой самым неожиданным образом, в острых ситуациях, на пределе.

Да что Индия! Все элементы социальной среды, все влияния варятся и клокочут внутри каждой из этих личностей. Только это не видно, ибо молодые люди научились вести себя, не раскрывать подлинную шкалу своих ценностей, свои переживания, свои страсти.

Порой недооценивается, что в среде подростков формируются свои понятия о дозволенном и недозволенном, свои тайны, свои лидеры и тираны, свои пределы, переступить которые им страшно трудно. Эта субкультура — серьезный конкурент официальной культуре, и ее влияние на формирование молодых людей недооценивать нельзя.

5. Прежде и теперь

Учителя — ученики. Две линии, почти не связанные между собой. Но иногда они все-таки не могут не соприкоснуться друг с другом. И тогда, словно от замыкания проводов под высоким напряжением, в ночи вспыхивают искры, чтобы на мгновение осветить героев под новым ракурсом.

Проблема поколений все время незримо присутствует в повести: в двух линиях повествования, в обелиске, в педагогах, двое из которых прошли войну, в том, как постоянно примеряют они своих воспитанников к испытаниям своей молодости. «Ты можешь представить нынешних ребят в занесенных снегом окопах где-нибудь под Ельней? Или у нас под Ленинградом, где мы жрали мерзлые почки с берез?» — спрашивают они друг друга.

Вопросы обычные, традиционные, тысячи раз слышанные нами. Только, пожалуй, не вполне корректно поставленные. Жизнь нашего довоенного поколения не баловала нас альтернативами. Реальная трагедия жизни открывала для нас единственно возможный путь — на фронт, вместе со всем народом. Поэтому, не преуменьшая сте пени наших жертв и лишений, не будем в то же время преувеличивать сложности наших решений, их нравственного значения. Решения принимала за нас сама жизнь, история. И скажем честно, в чем-то нам было легче: на миру и смерть красна.

Молодым людям, вступающим в жизнь сегодня в отутуженных костюмах и ярких галстуках, о которых мы не смели и мечтать, не легче, чем нам.

Разумеется, экономические, социальные, духовные проблемы были всегда. Только острота, интенсивность их различна. Люди, вступавшие в самостоятельную жизнь в предвоенные годы, хорошо помнят многодневные очереди за хлебом, за «мануфактурой», карточную систему, перенаселенные коммунальные квартиры и многое другое. Решение элементарных бытовых, экономических нужд (питание, одежда, жилье) для большинства населения было доминантой. Это не могло не влиять на формирование ценностей жизни, на мотивы поведения и критерии успеха. И это если не снимало, то, во всяком случае, оттесняло проблемы всестороннего развития личности, поисков призвания, нравственного совершенствования.

Было бы крайне легкомысленно недооценивать значение экономических бытовых вопросов сегодня. Однако нельзя не видеть, что рост народного благосостояния, насыщение материальных потребностей, развитие образования в нашей стране ведет к существенному изменению системы ценностей жизни населения, и прежде всего молодежи. Это в 1970-х годах сказывалось на многих сторонах жизни и в итоге нашло отражение в законодательных актах. Если, например, раньше говорилось

о праве на труд, то в 1970-х годах это право дополнилось правом на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой и образованием гражданина.

Все это означает, что в 1970-х годах молодые люди были уже менее детерминированы, чем представители довоенных поколений. Они имели значительно больше вариантов, альтернатив. У них расширилась свобода выбора. Они должны были все чаще принимать самостоятельные решения, которые к тому же тоньше, острее, сложнее тех проблем, с которыми сталкивалось довоенное поколение. И при этом молодое поколение 1970-х годов должно было опираться сплошь и рядом в своем выборе на внутренние нравственные критерии. Но были ли они у них? Не совершается ли здесь переход от трагедии жизни довоенного поколения к трагедии свободы поколения 1970-х?

6. Трагедия свободы

В. Тендряков верно улавливает в своей повести то, что молодежь 1970-х острее нуждалась в нравственных ориентирах, чем довоенное поколение. И он стремится выявить, каковы же критерии, нравственные ориентиры у выпускников 1970-х.

Именно для этого неутоленная, рискованная жажда самопознания у юношей и девушек вдруг оборачивается в его повести в полуигру во мнения — что я о тебе думаю? «А до доньшка ли мы знали друг друга?», «Давайте расстанемся, чтобы ничего не было скрытого». Возможно, все действительно свелось бы к игре, если бы это был не последний вечер, если бы не Юлькино выступление, если бы Генка не поставил сам себя против всех...

Много споров, вопросов, возражений вызывают эти страницы повести. Допустима ли такая драматизация? Нет ли искусственности в приеме, к которому прибегает автор?

Вряд ли писатель, не обостряя до крайности ситуацию, может вести глубинное исследование человеческих характеров. В противном случае все неизбежно свелось бы к описанию поверхностного, к банальностям. Серьезный писатель всегда аналитик и страстно стремится вскрыть глубинное, не видимое невооруженным глазом. Без этого нет исследования, задача

которого именно и состоит в том, чтобы за видимостью вскрыть сущность явления. Это в полной мере касается и литературного творчества, которое всегда есть езда в незнание, открытие новых характеров, глубин человеческой души.

Как же пробиться в эти сумеречные тайники?

Сейчас много говорят о всемогуществе науки в XX веке. Все это, видимо, так. Биологи с математиками пытаются разработать модель мозга. Кибернетики убеждены, что их компьютеры способны мыслить и даже слагать стихи. Психотехники вроде бы измеряют интеллект с помощью тестов. Только будем откровенны: если уподобить человека айсбергу, то все эти упражнения современной науки в основном касаются видимой части личности, «все ищут ключи под фонарем, а они, вполне вероятно, скрыты в темноте, под водой».

Нет, не ученым, вооруженным ЭВМ, синхрофазоциклотронами, батискафами и прочими орудиями современной науки, а писателям, у которых, как и тысячу лет назад, одно оружие — перо, приходится исследовать подводные части людей-айсбергов, проводить мысленные эксперименты в предельной ситуации, выяснять скрытые ценности, подлинные мотивы, нравственные устои.

Уильям Голдинг в своем романе «Повелитель мух»¹³⁶, исследуя нравственные устои английской молодежи, создает критическую ситуацию весьма драматически — самолет терпит катастрофу, гибнут все взрослые. На необитаемом острове оказывается несколько десятков детей, которые начинают без взрослых создавать свои порядки. И вот уже вскоре начинается борьба не на жизнь, а на смерть между двумя группками, одну из которых возглавляет разумный, человечный Рольф, а другую — неистовый, жестокий Джек. Но не склонны дети слушать голос разума, и к Джеку в конце концов примыкает большинство. Одичавшая толпа детей и подростков доходит до убийства своих товарищей, преследует Рольфа.

Свобода обнажает замазанный прежде конфликт между звериным и духовным, показывает, каким хрупким является слой культуры, который прежде казался основой личности каждого из этих подростков. И вот уже коварный вождь Джек разжигает костры ненависти в душе каждого из них. И, заколдованные ритмом дикой песни, сплетаются тела подростков в

---

¹³⁶ Журнал «Вокруг света», 1969, № 7—11.

единый страшный организм. Это и есть тот страшный зверь, который убивает Саймона и Хрюшку, которого по ночам, оставшись наедине с собой, так боится каждый из этих маленьких дикарей. И уже ничего не остается для них, кроме ненависти, страха, преследований и крови.

Как темно сердце человеческое, как топок слой цивилизации! — хочет сказать своим романом Голдинг. А за ним, за этим тонким слоем, — зверь. Пока тебя сдерживает культура, пока ты не вырван из нее — ты человек. Но вот ты получил полную свободу, ты можешь предаться всем своим страстям, распустить все свои эмоции — все полетело в тартарары: воспитанность, мораль, гуманизм. Ты начинаешь жить снова на уровне первичных рефлексов.

«— А я-то думал, — с удивлением говорит офицер с подошедшего в конце концов к острову корабля, глядя на толпу дикарей, — а я-то думал, что англичане, даже если они дети... ведь вы англичане, верно?.. что англичане способны завести порядки получше...».

В. Тендряков исследует другое общество, у него иные цели исследования, иной подход, иные методы. И, добавим, методы достаточно острые, которые не могут не вызывать вопросов. Все-таки нет ли здесь некоторого литературного форсажа? Неужели действительно взаимные оценки способны вызвать такие страсти?

Несколько лет назад в Новосибирске в Академгородке группа научных сотрудников полушута решила провести социально-психологический эксперимент. Каждый должен был сначала оценить самого себя по целому ряду качеств — интеллектуальных, деловых, волевых, моральных. Затем каждый оценивал по аналогичным показателям всех остальных участников эксперимента.

Обследование было практически анонимным: каждый обозначал свою анкету произвольным трехзначным номером. Однако руководитель эксперимента при желании мог выяснить, кто есть кто.

Какие же страсти породил этот эксперимент среди участников — зрелых, остепененных научных работников! Один из участников, используя недозволенные приемы, подсмотрел во время заполнения анкет, что приятель низко оценил его интеллект. За этим последовала целая серия объяснений и скандалов. Другой требовал, чтобы ему сказали, как оценил его ка-

чества руководитель данного научного коллектива, который тоже участвовал в эксперименте. Третий пытался через знакомых выяснить, как оценили его друзья, с которыми он связан уже много-много лет.

Впрочем, это неудивительно; взаимные оценки затрагивают самые чувствительные стороны человека. «Чем бы человек ни обладал на земле, — писал Блез Паскаль, — прекрасным здоровьем и любыми благами жизни, он все-таки недоволен, если не пользуется почетом у людей, он настолько уважает разум человека, что, имея все возможные преимущества, он чувствует себя неудовлетворенным, если не занимает выгодного места в умах людей. Вот какое место влечет его больше всего на свете, и ничто не может отклонить его от этой цели; таково самое неизгладимое свойство человеческого сердца. Даже презирующие род людской, третирующие людей, как скотов, — и те хотят, чтобы люди поклонялись и верили им»¹³⁷.

Участникам эксперимента в Академгородке уже вскоре стало ясно, что папка, в которой хранились взаимные оценки членов коллектива, — это бомба, способная взорвать весь коллектив. Поэтому все материалы были трижды перешифрованы так, чтобы никто, даже самые ближайшие сотрудники, проводившие расчеты, не могли знать, кто есть кто и как оценил один другого.

Выпускники в повести В. Тендрякова не ведают, что творят. Они взрывают бомбу, и при свете взрыва автор пристально глядится в их изменившиеся лица.

7. Непокоренная тьма

И вот уже «компанейская девка» Вера Жерих выкладывает напрямик Генке, какой он черствый и толстокожий эгоист. А Юлечка бьет еще хлестче — щедрость его притворная, благородство наигранное, красота фальшивая. Закипает обида у Генки, и пригрозил он своему другу Игорю, а тот «завелся» и ответил взаимностью — рассказал, как Генка выступал на комитете комсомола против картин Игоря, «даже растленность мне вклеил... Ходил в обнимочку, а за пазухой нож держал...».

---

¹³⁷ Паскаль Б. Мысли. — СПб., 1999.

Но когда и Натка, которую он так любит, говорит: «Жалкий ты, Генка!», то сорвался он, кровь ударила в голову, не ожидал такого, и уже не до игры, а как бы ударить и как можно больше. На тебе, Вера! Вот тебе, Юлька! Получай, Игорь!

А уж тебе, Натка, любимая, больше всех. «Как рань ше любил, так теперь ненавижу!», «Ты просто самка, которая ждет, чтобы на нее кинулись...»

И уже Натка не выдерживает и в ярости бросается на Генку.

Бомба взорвалась и не пощадила никого. Словно «непокоренная тьма», спрятанная в душе каждого из них, кинула их друг против друга, в первую очередь против Генки, оскорбившего всех.

Кажется, дошли они до края в ярости, обиде и ненависти своей к Генке, но вот Сократ, после того как Генка убежал, вспоминает, что Яшка Топор, которого Генка — опытный самбист — недавно публично бросил на асфальт, готовится убить Генку. И вот уже вопросы — кто я? кем быть? — раздвигают свои рамки и оборачиваются острейшим нравственным испытанием.

Первая реакция — ну и пусть! И яростнее всех — Натка. «Жалеть прикажешь? Мне — его? Весь город завтра узнает, пальцами показывать станут: сук-ка!.. Мне жить нельзя, а ему можно? Да я бы его своими руками!.. Не-на-виж-жу!» И Натка требует, грозит, чтобы никто не смел мешать Яшке Топору расправиться с Генкой.

Сократ Онучин добавляет несколько деталей: убийство Генки должно произойти возле карьера, а труп Яшка Топор бросит в яму с кислотой — «там, говорят, какие-то страшные кислоты, все они разъедают — и мясо и кости». И вдруг примелькавшее слово *убить* обретает для них свою подлинную плоть, поднимается во весь свой рост. «Обиженный Генка, обидевший других! Рост сто девяносто, лепное лицо, крутой лоб, белесые брови, волосы светлой волной... И в запретном месте заполненная ядовито зловонными, разъедающими все живое отходами яма. Для Генки. Генка Голиков и яма...».

Пелена спадает с их глаз. Наступает просветление. И вдруг замечают они, что едва не стали соучастниками убийства. А может быть, и стали «маленькими, пяти минутными, но мощниками убийцы», раз согласились молчать, не предупредив Генку о грозящем ему.

Игорь еще ищет самооправдание, но Юлька: «Не лги... Никто из нас ничего не чувствовал... И я тоже. Каждый думает

только о себе... И ни в грош не ставит достоинство другого... Это гнусно... вот и доигрались...».

И вот уже качнулась Натка и, с трудом передвигая ноги, прошла мимо обелиска к обрыву искать, спасти Генку Голикова.

Кто же остановил их?

Кто заглушил вырвавшуюся наружу ярость?

«АРТЮКОВ ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ — рядовой

БАЗАЕВ БОРИС АНДРЕЕВИЧ — рядовой

БУТЫРИН ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ — старший сержант...

Обелиск — знакомая принадлежность города. Настолько знакомая, привычная, что уже никто не обращал на нее внимания, как на морщину, врезанную временем, на отцовском лице. Обелиск весь вечер стоял рядом, в нескольких шагах... Сейчас его заметили — отводили глаза и вновь, и вновь возвращались к двум столбцам имен на камне с тусклой, выеденной непогодой позолотой...

Убитые... Умерших своей смертью тут нет. Окаменевшая гордость за победу и память о насилии, совершенном около трех десятилетий назад, задолго до рождения тех, кто сейчас немотно отводил глаза...».

8. Как научить добру?

Обелиск — один из главных героев повести. Он как бы руководит выпускниками в трудную минуту. Убери обелиск, и неизвестно, чем могла бы кончиться эта драма. Обелиск принципиально отличает ситуацию, описанную Тендряковым, от трагедии детей, оказавшихся на необитаемом острове в романе Голдинга. Обелиск — это нравственный ориентир. Он дает право математику Иннокентию Семеновичу с надеждой сказать в конце повести: «Они должны быть добрее нас». «Убитые уже не могут ни любить, ни ненавидеть. Но живые хранят их имена. Для того, наверное, чтобы самим ненавидеть убийство и убийц». Так решает Тендряков важнейшую нравственную проблему своей повести.

Он шел к ней, углубляясь, шаг за шагом. Автор повести начинает как исследователь с внешнего, привычного — выбора профессии. Но он не задерживается на этом.

Ступенька вниз. И вдруг под новым углом зрения, в свете новых критериев поблек прежде драматический накал. И появились новые, куда более острые проблемы.

Путь не окончен. Еще шаг вглубь. И уже эти вроде бы главнейшие проблемы отходят на задний план, а из первобытных глубин, из подсознательного бьют фонтаны неистовой злобы и ненависти. Откуда она, эта злоба, — от Яшки Топора? Или от Зои Владимировны, которая ведь тоже хотела бы отомстить Юльке за ее выступление? От среды?

За рамками повести находится иной мир. Он отнюдь не такой благопристойный, как в школьных учебниках. Там почтается сила, власть. Там хозяйничают шайки. Там свои законы. Этот мир лишь чуть намечен в повести. Но чтобы судить об этих ребятах, нужно обяза тельно помнить о существовании этого жестокого мира.

Индия и городок, залитые светом, — важный социально-психологический аспект анализа. Но молодые люди в эту ночь не случайно оказались над обрывом, где стоит обелиск. «Обелиск с именами погибших в дальних краях, схороненных в неведомых могилах, стоит на границе двух миров — обжитого и необжитого, щедрого света и непокоренной тьмы».

Здесь автор делает новый шаг. Он начинает анализ человека духовного, нравственного.

«Научить бы самому простому, банальному из банального, тому, что повторялось из поколения в поколение, что вошло во все расхожие прописи — вроде уважай достоинство ближнего, возмущайся насилием...» — мечтает Ольга Олеговна.

Она права: это стержень, основа нравственного воспитания. Реши эту задачу — остальное приложится. Только вот почему-то не достало времени человечеству одолеть ее.

Впрочем, рационализаторских предложений хоть отбавляй. «Раз у нас в школе много аморальных поступков — нужно срочно ввести курс этики, — предлагают некоторые. — Тогда мораль сразу поднимется на требуемую высоту». Я слышал такие предложения и невольно представлял себя перед дверью с надписью «Тише! Идут экзамены» десятиклассника, выпрашивающего у товарища: «Старик, ну дай шпаргалку. А то я опять на *совести* засыплюсь!». Каждый раз я удивлялся, как не понимают, не чувствуют авторы таких предложений, что нравственность нельзя выучить, что это слишком тонкая вещь, что она отнюдь не всегда пропущена через рассудок и что, кро-

ме деморализации общества, курс этики в школе ничего дать не может.

«Уважай достоинство ближнего...». Как просто и легко произнести эти слова! Приятно мечтать о том, как однажды появится это новое, нравственное поколение тонких, деликатных, все понимающих людей. Только вот неясно: откуда оно возьмется? Если перечитаешь разговоры в учительской, вспомнишь, как педагоги говорят друг с другом, то не станешь ближе к ответу на этот вопрос. Напротив, невольно приходишь к выводу, что яблоко от яблони недалеко падает: учителя — и не в последнюю очередь Ольга Олеговна, на стороне которой все наши симпатии, — удивительно бесцеремонны, бестактны в отношениях между собой. Трудно сказать, чем порожден этот стиль. Может быть, на заре туманной юности внушили им, что быть принципиальным — значит резать правду-матку в глаза? А может быть, это пришло позднее: агрессивность как форма самозащиты? Или это вид профессионального заболевания? Но чем бы ни было порождено это неуважение достоинства ближнего, очевидно, что при таких способах общения можно не только саму правду зарезать, но и коллег до инфаркта довести.

Но, кроме школы, есть еще и семья. К сожалению, в повести В. Тендрякова этот важнейший социальный институт, эта колыбель нравственности почему-то игнорируется. Из-за общей ли конспективности изложения? Или потому, что автор полагал, что для семнадцатилетних влияние семьи несущественно, что молодые в основном ориентированы на сверстников?

Даже если это так, то все равно отчуждение это возрастное, временное. Нравственные устои семьи с плюсом ли, с минусом ли, но все равно находят свое отражение в поведении подростков, не говоря уже о том, что взрослые дети обычно возвращаются к ценностям своих родителей и становятся удивительно похожи на них. В любом случае читателю представляется немотивированным и в содержательном и в художественном плане такое самоограничение художника в анализе нравственных проблем молодежи.

Если роль родителей и педагогов в повести вряд ли можно преувеличить, то кто же, что же все-таки формирует нравственное сознание выпускников?

9. Прочны ли опоры?

С социально-психологической точки зрения проблемы нравственного воспитания в значительной степени связаны с конструированием внутренних референтных групп, то есть системы образов, нравственных эталонов, на которые невольно оглядывается, ориентируется молодой человек в своем поведении, решая, что такое хорошо и что такое плохо.

Мы постоянно живем среди образов не только реальных, но и почерпнутых нами из художественной литературы, которая не случайно в английском языке определяется как fiction. Так бывает во сне. Но нечто подобное происходит и наяву. Ведь в нашем сознании и подсознании живут не умирая не только коллеги по работе или соседи по квартире, но Гришка Мелехов и Катюша Маслова, Степан Чаузов и Родион Раскольников и многие другие. Мертвые и живые, герои реальные и вымышленные принимают активное участие в нашей жизни.

Если люди
    в меня входят,
Не выходят
    они из меня.
Колобродят внутри,
    хороводят,
Сквозь мою немоту гомоня...
Стал немножечко я сумасшедший,
Ибо там,
    в потаенной тени,
Ни одной я не бросил из женщин,
И меня не бросали они.
Воскрешения дружб неуклюжи,
Как стараньем себя ни тирань,
Но терял я друзей
    лишь снаружи,
А внутри
    никогда не терял.

Это верно заметил поэт Е. Евтушенко¹³⁸. Только к этому нужно добавить второй, параллельный мир, населенный людьми-

¹³⁸ Журнал «Юность», 1975, № 6, стр. 36.

образами, созданными нашим воображением. Вот из тех и других отбирает каждый человек группу самых близких, самых дорогих, которые бывают его советчиками на распутье. И если он совершает поступок, который вызвал бы их одобрение, был бы санкционирован ими, он получает огромное нравственное удовлетворение. Напротив, если человек оказался в конфликте со своей референтной группой, для него это — особенно если это нравственный человек — связано с внутренним разладом и острыми переживаниями.

Герои художественной литературы — полноправные члены нашей референтной группы. Но стать ими они могут лишь при некоторых предварительных условиях. Прежде всего они должны быть созданы рукою мастера, написаны так талантливо и правдиво, чтобы быть вполне конкурентоспособными по сравнению с образами реальных людей, которых ты встречал в жизни. Малейшее искажение жизненной правды — и ты уже никогда не допустишь героя в свой внутренний мир, в свою референтную группу, и не будет это произведение иметь никакого влияния на твою нравственность. К тому же формирование референтной группы — процесс сугубо интимный. Едва человек чувствует, что им пытаются манипулировать, внедрять кого-то в его внутренний мир, он захлопывается как раковина, чтобы сохранить самое дорогое — себя как независимую личность. И опять от этого произведения и его героев нравственный, воспитательный эффект будет нулевой.

Споры в учительской о преподавании литературы в повести В. Тендрякова при повторном чтении поэтому уже воспринимаются в новом повороте — как разговор о нравственном воспитании. И о том, что нельзя губить ради устаревших программ и формально-бюрократических выдумок этот один из немногих реальных инструментов нравственного воспитания молодежи. Такова одна преимущественно социально-психологическая сторона нравственной проблемы, которую исследует автор повести «Ночь после выпуска».

Но есть еще более глубокий аспект нравственности, который далеко выходит за рамки школы и которого касается автор, стремясь полнее понять, каковы же истоки нравственности у этих семнадцатилетних? Достаточно ли прочны их опоры?

Испокоен веков человечество пыталось упрочить опоры нравственности. Для этого были придуманы удивительные способы укоренять их не только в настоящем, но и в прошед-

шем, не только на земле, но и на небе, в недостижимом, трансцендентном. А уже на них, как на аксиомах, возводить все здание нравственности.

Век просветителей и гуманистов принес надежды, что люди сами по себе растут добрыми, как деревья, и не нуждаются во всех этих сложных сооружениях. Но прошли столетия, и круг замкнулся, вновь стало очевидно: нравственность — важнейшее, необходимейшее условие существования человеческого общества. И ее нельзя строить впопыхах, на неустойчивом, секундном, испаряющемся.

Вечные ценности не валяются на дорогах. Основы нравственности должны быть укоренены в земле предков, в традициях семьи, в могилах отцов и дедов, в нравственных образцах прошлого и настоящего. Забвение, замалчивание прошлого, произвольность оценок лишают человека не только знания истории, но и нравственного чувства. Если рушатся связи, теряется чувство преемственности, уважения к предшественникам, то, значит, все, что до тебя, зря. И сам ты оказываешься духовно гол, и все тебе дозволено, и нет у тебя родины. Новейшая история не раз свидетельствовала, на что оказываются способны люди без прошлого.

В наши дни, или, как говорят, в эпоху научно-технической революции, когда все так подвижно и текуче, особенно важно сохранение исторической памяти, чтобы не лишать нравственных ориентиров новые поколения. *Короткая историческая память не дает прочных устоев.* Чем толще культурный слой, чем глубже приходится копать археологам, тем надежнее и прочнее эти опоры. Чем благодарнее, чем протяженнее назад наша память, тем больше шансов, что молодые, столкнувшись с новыми духовными испытаниями, не дрогнут, не отступят.

Это наше счастье, что мы живем не на необитаемом острове, что рядом — дома, улицы, погосты, а под нашими домами культурный слой — этот спрессованный, тысячелетний опыт народа, нравственные опоры нашего самосознания.

Дорожить историей своего народа, впитывать ее, как воздух, знать во всех противоречиях и зигзагах, хранить имена и памятники прошлого — это не забота об эрудиции, а одно из важнейших условий нравственного воспитания новых поколений.

*Мятеж не может кончиться удачей,
В противном случае его зовут иначе...*

Из книги эпиграмм С. Маршака

По-разному отражаются в зеркале художественной литературы проблемы молодежи разных стран, разных миров. Контрастность жизненных путей, специфика коллизий, борьбы, поисков призвания и смысла бытия молодого поколения других стран не могут не способствовать более глубокому самопознанию нашей молодежи. Особенно когда произведение не спекулятивное, не «из головы» автора, а основано на реальных фактах и драмах современности. Пожалуй, одним из самых точных произведений такого рода, отражающих проблемы западной молодежи «на изломе», в один из самых драматических моментов в истории молодежного движения, когда, как при землетрясении, вдруг разверзлись «земные хляби» и обнажились с небывалой четкостью главнейшие социально-нравственные проблемы, является роман французского писателя, профессора Робера Мерля «За стеклом»¹³⁹. Тем более, что мне довелось именно в тот период быть во Франции и наблюдать зарождение одного из самых ярких движений современной молодежи, присутствовать при яростных спорах и дискуссиях вокруг этих проблем, знакомиться с материалами исследований.

Вот почему хотелось засвидетельствовать, что господствующим ощущением при чтении романа у меня было чувство острой подлинности. Поэтому главный секрет успеха романа Мерля, как представляется, — это *достоверность*.

10. 22 марта 1968 года

В кратком введении к своему роману «За стеклом» профессор гуманитарного факультета Парижского университета, размещенного в Нантере, городе-спутнике французской столицы, Робер Мерль довольно сухо вато рассказал о замысле романа, о том, как студенты, исповедуясь своему профессору, помогали ему войти в свою «субкультуру», и, наконец, о том, что в качестве объекта повествования автор избрал один день — 22 марта 1968 года — будничным днем для 12 тысяч студентов Нантера, который ознаменовался для ста сорока из них оккупацией административной башни и зала ученого совета. То, что этот день обретет неожиданное значение в свете дальнейших коллизий, не знают герои романа. Но мы, читатели, берем в руки эту кни-

---

¹³⁹ Робер Мерль. За стеклом. М., 1972.

гу и сразу вспоминаем цепочку последовавших за этим днем драматических событий мая — июня 1968 года: студенческое движение против полицейского произвола, за демократическую реформу высшей школы и одно из них, претендовавшее на то, что оно полнее других воплощает «дух революции» — движение 22 марта, баррикады в Латинском квартале, забастовку 10 миллионов французов, захват трудящимися заводов и учреждений, отставку генерала де Голля, небывалый взрыв молодежного и студенческого движения во всем капиталистическом мире. Робер Мерль рассказывает о событиях этого дня подчеркнуто сдержанно. И тем не менее невольно начинаешь с нарастающим интересом глотать страницу за страницей. А на какой-то из них почувствуешь, что автор уже *повел* тебя. И сразу откуда-то из запасника памяти отчетливо возникнут не забытые, а лишь отодвинутые картины.

Париж. Начало 1968 года. Студенческий городок, где истекает двухмесячный срок моего пребывания «для того, как говорилось в приглашении, чтобы вступить в контакт со своими коллегами и ознакомиться с социологическими центрами Франции».

Уже несколько дней я безуспешно пытаюсь «вступить в контакт» с моим давним знакомым, профессором Нантера. Наконец мы договорились о встрече.

— Что с вами? — удивился я, увидев вместо элегантного и ироничного интеллектуала просто очень уставшего человека.

— Со мной ничего. Наш аквариум (так назывался Нантер) превратился в кипящий котел. Вчера до студентов дошел слух, что деканат готовится исключить студента-анархиста Кон-Бендита и составляются списки «леваков». Студенты стали протестовать. Тут им подвернулся декан. Они его помяли. «Легавый, фашист!». А он, между прочим, участник Сопротивления! Декан возмутился и сдуру позвонил в полицию. Явились ажаны. Бог мой! Что здесь началось! Скамьи, стулья, все, что попало под руки, — в щепки. Вооружились кто чем мог — и на полицию. Виданное ли дело: пускать полицейских на территорию университета! После такого побоища Нантер уже не университет, а склад динамита.

— А как же профессура?

— Черт с ней, с профессурой! Каждый будет выкручиваться как сумеет. Им не привыкать. Беда в другом: мы, коммунисты, не можем договориться, как быть. Встать на защиту дека-

на? Но это значит сомкнуться с репрессивной властью. Солидаризироваться со студентами? Но это значит одобрять насилие, хулиганство всех этих маоистов, анархистов.

— И что же вы в конце концов решили?

— Пока ничего. Вся беда в этом. Уж очень сложна ситуация. Это будущие историки все разложат по полочкам. А нам? Как нам свести концы с концами, когда они действительно противоречат друг другу?

Автор романа «За стеклом» очень точно передает этот крайне сложный, парадоксальный настрой студенческого движения на одном из первых его этапов. И это как бы приподымает завесу над последующими драматическими событиями мая — июня 1968 года, которые, породив огромную художественную и социологическую литературу, продолжают по-прежнему вызывать споры и волновать воображение.

11. На распутье

У каждой страны, как и у каждого человека, свое амплуа, своя роль в историческом потоке. И ее нужно постоянно заново переосмысливать, ибо играть свою роль — это значит играть роль, которая адекватна твоему сегодняшнему, а не вчерашнему «я». Не только отдельным молодым людям, но стране в целом в связи с гигантскими изменениями в мире под влиянием бурного развития науки и техники приходится мучительно искать свою новую роль, решать проблемы «самоопределения и выбора профессии».

«Добрая старая Франция. Хорошая кухня, «Фоли-Бержер», веселый Париж, парижские моды и экспорт коньяка, шампанского и даже бордо или бургундского. С этим покончено. Франция начала, и притом в широком масштабе, промышленную революцию. Сегодня она благодаря своему сельскому хозяйству и промышленности во многих областях конкурентоспособна в плане цен и даже часто в плане техники. Не всегда, но часто. В довершение всего наши промышленники, вместо того чтобы спать в своих кабинетах под прикрытием границ, теперь садятся в самолет, и их видят в Европе почти повсюду, даже в Америке». Так образно и приподнято описал на одной из пресс-конференций Жорж Помпиду новое лицо Франции — страны, которая в 1960-е годы по темпам экономического рос-

та (в среднем 5,8% в год) среди наиболее развитых стран уступала только Японии.

Но это лишь один из огромного числа образов многоликой Франции. В 1967—1968 годах не только французы, но и иностранцы не могли не видеть иной облик Франции, не чувствовать тревогу, напряженность, смятение. «Да, на авансцене мы выглядим неплохо — и делаем смелые заявления, — говорили мне, — но будущее страны создается не там, а в экономике, науке, просвещении».

А что же происходило за сценой? Непрерывное повышение цен. Угрожающий рост безработицы. Лихорадочная скупка золота. «Скажите откровенно, — доверительно спрашивают меня, — вы и ваши коллеги, русские профессора, сейчас закупаете золото?».

На прилавках книжных магазинов Парижа в 1967 году — бестселлер «Американский вызов» Жан Жака Сервана Шрайбера. Опираясь в основном на американские источники, он пророчествует о грядущем Франции, о ее растущей зависимости от США. Он приводит данные американского Бюро ценов, из которых следует, что если экономический рост в начале этого века в Америке достигался в основном за счет дополнительных капиталовложений, то теперь решающими факторами экономического роста стали знания, образование. А именно в этих областях Франция серьезно и в нарастающих пропорциях отстает от США. Число студентов в 1966 году в процентах к населению от 20 до 24 лет составляло во Франции 16%, а в США — 43%, специалистов высшей квалификации в странах «Общего рынка» 101 тысяча (на 180 миллионов населения), а в США 450 тысяч (на 190 миллионов населения, то есть в пять раз больше), в три с половиной раза в США больше, чем в странах «Общего рынка» дипломированных ученых.

Как отвечать на американский вызов?

Правящие круги имели намерение решать эти проблемы с технократических позиций. Технократический ответ: в области экономики — «Общий рынок»¹⁴⁰, в области политики — предложение о будущей политической интеграции Европы, в области финансов — опора на золотой стандарт, в области на-

¹⁴⁰ Эта идея витала в массовом сознании европейцев еще в начале XX века и звучала из уст немецкого политика Розы Люксембург в виде предложения об образовании «Соединенных штатов Европы». В итоге данное предложение было реализовано в форме Евросоюза.

уки — срочная модернизация и объединение усилий всей Европы, в области общественных наук — отказ от абстрактного теоретизирования, развитие количественных методов, широкое использование компьютеров для программирования и управления, в области просвещения — реформа Фуше.

Технократический ответ на проблемы, реально вставшие перед Францией в связи с развитием научно-технической революции, предполагал такой способ решения вопросов, который максимально устраивает крупную французскую буржуазию. В подтексте этого решения — усиление власти монополистического капитала. Подобный способ решения лишь усиливал и канонизировал социальное неравенство, селекцию в области образования, от которых остро страдает и против которых боролась студенческая молодежь за стеклянными стенами Нантера.

Можно ли разбить это стекло, преодолеть одиночество, отчуждение, неравенство в стране, народ которой первым в мире написал на своем знамени слова: Свобода, Равенство и Братство? Какую роль в этом может и должна сыграть система образования? Вокруг этих вопросов шла острейшая политическая борьба.

За столом четверо, и спор в полном разгаре.

— Равенство — это тирания, — говорит американский философ французскому коллеге, поливая соусом румяный кусок цесарки.

— Люди неравны, и их можно уравнивать лишь насилуем. Но и от этого они не станут равными. Поэтому вы их все время должны держать под прессом тирании.

— Вы умышленно смешиваете понятия, — возражает француз. — Речь идет не о том, чтобы ликвидировать биологические различия, а о преодолении внешних, социальных причин неравенства. Вас устраивает общество, где ваш сын от рождения имеет в несколько раз меньше шансов на получение образования, интересной работы лишь потому, что он родился не в семье буржуа? Нет? Так вот, меня тоже. И я считаю, что общество, где шансы всех в этом плане равны, то есть не детерминированы богатством родителей, социальным происхождением, местожительством, дает максимальные возможности для выявления индивидуальных особенностей, специфических способностей, талантов. Если хотите, в известном смысле равенство в сфере социальной — условие и предпосылка для

выявления неравенства биологического, для наиболее полного выражения своеобразия личности, для наиболее эффективного использования интеллектуального потенциала общества.

— А неравенство биологическое, разумеется, немедленно закрепит себя социально в виде определенных страт, привилегий и символов?

— Да, если общество будет на это взирать сложа руки. Вот здесь функции общества действительно будут специфичны: не позволять индивидуальные природные особенности закреплять в социальной дифференциации.

— Это невозможно! Социальная дифференциация коренится в психологии людей. Они сами создают иерархические структуры, а затем воспроизводят их в реальной жизни.

— Это было сказано до вас и значительно короче: «Разум диктует свои законы природе». Я считаю для себя честью спорить не только с вами, но и с Иммануилом Кантом. Тем не менее это, на мой взгляд, ошибочный тезис. В психологии отражаются и закрепляются существующие социальные структуры. Поэтому тенденция воспроизводить аналогичные, иерархические структуры, безусловно, есть. Но из этого следует, что в социалистическом обществе, по мере того как преодолеваются реальные социальные различия, исчезают и иерархические структуры в психологии людей.

Они горячатся, но тем не менее успевают есть и пить. А хозяйка, которая переводит разговор, даже не притронулась к своей цесарке.

— Вот так всегда было и есть, — наконец говорит она. — Пока двое спорят о равенстве и свободе, третий умирает с голоду.

12. Власть и образование

Борьба вокруг этих вопросов к началу 1968 года вышла далеко за пределы кулуарных споров философов. Весь арсенал современной науки используется борющи мися между собой партиями и группами. Огромный резонанс имела книга одного из наиболее крупных специалистов по социологии образования профессора Пьера Бурдьё «Наследники». На большом статистическом материале Бурдьё показал, что главная функция французского университета — воспроизводство властвующей элиты.

— Почему вы делаете такой акцент на роли образования в наследовании власти и привилегий? — спрашиваю я.

— Из всех решений проблемы сохранения власти и привилегий, — поясняет Бурдые, — не существует ни одного более скрытого и потому более приспособленного к обществам, которые склонны отрицать наиболее простые формы наследственного перехода власти и привилегий, чем решение, которое дает система образования. Она обеспечивает воспроизводство структуры классовых отношений и в то же время скрывает за своим нейтральным отношением то, что она выполняет эту функцию. Объективные механизмы обеспечивают правящим классам монополию на наиболее престижные учебные заведения. И опять монополия для всех скрыта под маской демократического отбора, который учитывает якобы лишь достоинства и таланты.

— Как же вы представляете себе механизм этого воспроизводства?

— Культурное богатство, которое было накоплено и передано по наследству предыдущим поколением, реально принадлежит (хотя теоретически предлагается каждому) тем, кто владеет средствами использования его для своих целей. Поэтому восприятие и владение им доступны только тем, кто знает шифр. То есть обладание культурным богатством как символическим багажом предполагает владение очень тонкими инструментами, позволяющими пользоваться им. А они находятся в монопольном владении высших социальных слоев. Они осуществляют передачу этих инструментов благодаря непрерывной деятельности той невидимой «системы образования», которая существует внутри культурных семей. Поэтому достаточно дать свободу действия законам культурного перехода, чтобы добавить новый капитал к имеющемуся уже культурному богатству, воспроизводя тем самым существующую структуру распределения культурного капитала между классами общества.

«Не говоря уже о материальных трудностях, — размышляет о сегрегации трудящихся в системе образования один из героев романа Мерля, — им всегда будет не хватать культурного багажа и богатства словарного запаса буржуазии, «вкуса» и «нюансов», таящихся в изящном лицемерии лексикона, всей этой тонкости и лингвистической изоцирности, которые, будь они прокляты, всасываются с молоком матери. Когда подумаешь обо всем этом наследии, «духовном» ли, финансовом ли, становится просто тошно».

Директор французского демографического института профессор А. Сови и профессор А. Жирар рассказывают мне о целой серии эмпирических исследований по проблемам образования, которые были начаты в 1944 году национальным обследованием, цель которого установить, как влияет социальное происхождение на интеллектуальный уровень детей школьного возраста. Эти работы убедительно опровергли предрассудки о биологическом происхождении социальной дифференциации в системе образования и на огромном статистическом материале показали, как нарастает социальное неравенство с переходом из одного учебного класса в другой. «Несмотря на значительные успехи в области науки и техники, социальное равенство в системе образования еще далеко не обеспечено», — пишут они в работе «Социальные классы и система образования».

Вот резюме их исследования:

«Несоответствие социальной структуры студентов Парижского университета и других высших учебных заведений Франции социальной структуре активного населения объясняется не только селекцией абитуриентов при поступлении в высшие учебные заведения. Это несоответствие — результат всего отборочного механизма, действующего в стране на всех этапах образования, — которое принимает из года в год все большие размеры...

...Все свое духовное и материальное наследие родители сознательно или бессознательно передают своим детям. Культурное наследие тем более важно, что дети, получив более высокое образование, чем у их родителей, занимают и более высокооплачиваемые должности. Будущее ученика нередко зависит от мнения учителя, которое почти всегда совпадает с желаниями родителей, принадлежащих к высшим слоям общества. Вот почему это мнение отражается в социальной стратификации.

...Социальное равенство достигнуто пока только в обязательных начальных школах. Но к концу пятого года обучения в них начинается процесс дисперсии — отсеивания учащихся в зависимости от их социального положения. По существу же социальное неравенство начинается раньше, до поступления в школу, со дня рождения ребенка, с той семейной атмосферы, в которой растут дети...

...Задержка или отставание в каком-либо классе также ничем не компенсируется впоследствии».

Буржуазное общество для своего существования нуждается не просто в воспроизводстве материальных благ, но и власти. Кто завтра будет стоять у решающих рычагов управления, принимать наиболее крупные решения? Кто обеспечит незыблемость буржуазных отношений, конкурентоспособность промышленных и сельскохозяйственных корпораций? В чьих руках окажутся могущественные средства информации?

Ответ на эти важнейшие вопросы дает и система образования. Развитие французской системы образования в период, предшествовавший описываемым в романе «За стеклом» событиям, носило противоречивый характер. С одной стороны, за 15 лет (1950–1965 годы) численность учащихся увеличилась с 6,7 миллиона до 11,1 миллиона, контингенты средних школ — с 540 тысяч до 1350 тысяч. Быстро росло высшее образование: в 1945 году насчитывалось 145 тысяч студентов, а в 1965 году — 400 тысяч. Французские правящие круги, учитывая требования НТР, должны были идти на расширение практически всех видов образования.

Однако эти изменения не затрагивали самой структуры образования, что позволяло буржуазии осуществлять социальную сегрегацию, обеспечивать себе монополию на образование.

Селекция в условиях страны с большими традициями либерального капитализма осуществляется при помощи замаскированного, тонкого, эластичного и тем не менее весьма четко работающего механизма. Он включает в себя большое разнообразие каналов подготовки, в том числе тушковых, формальную и неформальную иерархию типов школ, специфические критерии оценки успеваемости, которые прежде всего охватывают социально-значимые культурно-языковые нюансы, закладываемые семьей, «судей-педагогов», вполне принимающих эти правила игры, эту систему и ее критерии.

В итоге: помимо тех, кто отсеялся на предыдущих этапах, даже из «счастливчиков» — выпускников лицея — 40% терпят неудачу при сдаче экзаменов на степень бакалавра, которая дает право на поступление в вуз. И это преимущественно дети трудящихся. В 1967 году министр просвещения Франции, указывая на эту ситуацию, восклицал в парламенте: «Если на выпускных экзаменах терпит неудачу один лицеист, это семейная драма; но, когда то же происходит со 100 тысячами лицеистов, это становится национальным бедствием».

Найти свою подлинную роль — важная задача и для системы образования. Каждый этап в развитии общества объективно требует специфического оптимального распределения населения по уровню образования. Это объективное требование производства. Но образование не просто агент производства. Оно играет исключительно важную роль в воспроизводстве социальной структуры, наследовании культуры, формировании личности. Поэтому борьба прогрессивных и реакционных сил Франции в области образования — это борьба за технократическую или демократическую модель образования.

— Нельзя ли пояснить, что вы конкретно имеете в виду, — спрашиваю я у своих французских коллег.

— Если ориентироваться лишь на чисто экономические показатели — темпы роста национального дохода, то есть рассматривать систему образования как придаток производства, то мы получим технократическую модель. В этом случае в стране будет готовиться узкая группа специалистов высшей квалификации, которая затем получает доступ к решающим рычагам власти в экономике и политике. Наряду с этим готовится некоторое количество специалистов среднего уровня. Что же касается образования широких масс трудящихся, то оно консервируется на весьма низком уровне и сводится в основном к овладению профессиональными навыками. В качестве придатка к этому трудящиеся получают эрзац-культуру — так называемую массовую культуру. Социальный, аспект этой пирамиды нетрудно предугадать. В элите окажутся выходцы из буржуазии, сын же рабочего будет рабочим.

— Добавьте к этому проблему власти. Технократическая, или элитарная, модель образования очень удобна для правящего класса не только в силу ее экономичности, не только потому, что она обеспечивает воспроизводство существующей социальной структуры, но и потому, что она создает самые благоприятные условия для решения политических проблем, для удержания власти. Правящая элита, располагая средствами массовых коммуникаций, имеет в этом случае самые благоприятные условия для того, чтобы использовать культурную брешь в своих политических интересах, манипулируя сознанием трудящихся, адаптируя их к буржуазным ценностям жизни. Вот почему реформа Фуше — это технократическая реформа, смысл которой ожесточить отбор, обеспечить все условия для обучения элиты и девальвировать образование для большинства.

— Наконец, не забудьте о необходимости пропорционального развития всех социальных подсистем, в том числе и образовании, Я подчеркиваю — всех, ибо у нас есть политики, страдающие эйфорией. Они приходят в восторг, едва заметят, что по какому-нибудь показателю в системе образования мы выглядим лучше, чем США. Прямо как в анекдоте: «Да, я в два раза меньше ростом, чем Америка, но зато значительно превосхожу ее по размеру костюма».

Большая социально-критическая работа, проделанная французскими социологами перед 1968 годом, оказала огромное влияние на понимание подлинной роли образования в буржуазном обществе. Это, с одной стороны, способствовало сплочению демократических сил, препятствовало проведению реакционных реформ в области образования. С другой стороны, это нередко порождало пережесты, отрицание роли образования вообще со стороны некоторых экстремистских групп и мыслителей.

Именно коммунисты в романе «За стеклом», обсуждая вопрос о том, что многие «группаки» забрасывают учебу, правильно, тонко отмечают нюансы, связанные с ролью образования в буржуазном обществе.

«— Глупее некуда. Все равно что отказываться от жратвы только потому, что пицца поступает по капиталистическим каналам.

— Ну, не совсем, — сказала Дениз. — Когда речь идет об образовании, то отравлена сама пицца.

Жоме потер правую ноздрю мундштуком.

— Да, но отравлена весьма неравномерно. Когда имеешь дело с конкретными вещами, следует различать оттенки».

И, подумав, Жоме добавляет новый аргумент:

«— Большинство известных революционеров блестяще учились в буржуазных университетах. Карл Маркс защитил диссертацию по философии в Берлинском университете; Ленин сдал экзамены на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, Фидель Кастро — доктор права...».

Цели высшего образования в романе «За стеклом» олицетворяет административная башня Нантера. «Претенциозный монумент, шедевр иерархической вертикали, фаллический символ репрессивной власти, а на самом верху, на восьмом этаже, гигантское окно ученого совета, и каждый из профессоров, рассевшись на своей кафедре, следит, как с вышки, за

двенадцатью тысячами покорных студентов, за двенадцатью: тысячами «домашних животных», которых нужно направить в загон, набить «объективными» знаниями, а потом подвергнуть отбору и вернуть обществу в виде совершенных служащих капиталистической системы, «аполитичных» и «выходящих».

Камера, клетка, аквариум, замкнутые миры. В разных поворотах, с разных углов зрения, но в единой системе образов рисует Робер Мерль университет. «Студенты были там, за стеклом, под опекой и охраной, их вскармливали не естественными продуктами, а гранулированными удобрениями, их ограждали от слишком резкого ветра, они дышали кондиционированным воздухом, они вызревали в соответствии с планом в предписанные сроки, и в конце их либо принимали, либо отбрасывали. Отбрасывали их в случае провала без всякой пощады, как яблоки, не достигшие стандартного размера». И если даже они еще не утратили всех иллюзий относительно своей роли, своего места под солнцем, уготованного им будущего, все равно они были переполнены комплексами, чувством одиночества, вины и смятения.

13. Столпы и жертвы иерархии

Робер Мерль не только дает убийственную характеристику буржуазному университету, но и детально, как и положено ученому, описывает анатомию его как социального института. Вот они порознь и вместе, «в статике и в динамике», наедине со своими мыслями и на трибуне, столпы и жертвы университетской иерархии — декан Граппен и его помощники, «профы», ассистенты, студенты, служители. Но главное, что занимает автора романа, это само студенческое движение.

Следует подчеркнуть, что в романе Мерля не представлены все классы французского общества. Да и набор социальных типов самой молодежи далеко не полон. Укажем хотя бы на те из них, которые нельзя упускать из поля зрения.

Это прежде всего рабочая молодежь, которая остается за рамками романа Мерля, но играет решающую роль в молодежном движении. Совсем иной социальный тип — молодые пленники потребительского общества. «Вы спрашиваете, что любит молодежь? — говорили мне. — Можем ответить одно:

автомобиль и телевизор. Что читает? Ничего. О чем мечтает? Об автомобиле и телевизоре. О чем спрашивают, когда мы вернулись из СССР? О том, сколько в СССР автомашин, телевизоров и каких». Это не клевета на французскую молодежь. Это правдивое описание одного из ее социальных типов в южном приморском городке, где главный интерес местных жителей ограничен вопросами: «Почем купил? Почем продал? За сколько сдал?»

Хиппи. Период, описываемый в романе «За стеклом», — это время, когда многие западные ученые связывали с ними большие надежды. «Они могли бы создать действительно новый образ жизни» — под таким заголовком сообщал в начале 1968 года журнал «Лайф» об интервью с крупнейшим английским историком Арнольдом Тойнби. «Конечно, — говорил он, — их напряженно работающие родители из среднего класса имеют право сказать: «Наш образ жизни и наши идеалы, возможно, ошибочны, но что делаете *вы* с *вашей* жизнью? Вы, возможно, справедливо проклинаете нас, но какова *ваша* альтернатива? Каков *ваш* позитивный образ жизни?» Если хиппи не смогут дать на это ответ, я не думаю, что они придут к чему-то». По мнению Тойнби, если они смогут производительно трудиться в обществе, заниматься профессиональной деятельностью, но с новыми идеалами и новым духом, где погоня за деньгами не будет самым главным, то они смогут создать новый образ жизни, даже новую религию.

Е. Амбарцумов тонко отмечает, что «бунтари точно определили каналы, по которым современный внешне демократический капитализм осуществляет, не прибегая к прямому насилию, свою власть над массами. Эти каналы — потребление и организация. Стимулируя в человеке потребителя вещей, культуры, идеологии, капитализм превращает принуждение, внешнее по отношению к индивиду, в ярмо внутреннее, им самим неосознанно возлагаемое на себя каждый день и час. Участвуя во всевозможных институтах и организациях буржуазной системы, индивид из свободной личности превращается в некую совокупность ролей, от которых он не в состоянии отказаться».

Антибюрократическая и антипотребительская заостренность лозунгов, символика, заимствованная из «третьего мира», подчеркнутая революционность, много слойность и противоречивость идеологии студенческого движения

1968 года во Франции довольно подробно проанализирована в ряде работ советских исследователей¹⁴¹. Поэтому здесь хотелось бы отметить лишь те аспекты начальных этапов движения и борьбы вокруг него, которых непосредственно касается Робер Мерль.

«Быть студентом, — остро, но противоречиво рефлексирует один из явно симпатичных автору героев, студент Менстрель, — это ровным счетом ничего не значит, это не социальная категория, не профессия, это некое состояние, которое определяется даже не настоящим временем, а будущим, тем, к чему ты себя готовишь, но как раз такие, как

Бушют, о своем будущем не имеют ни малейшего представления, а именно они воображают себя студентами, даже если ни хрена не делают, потому что о будущем отказываются думать, отказываются выбирать для себя будущее. Вот они и вынуждены фабриковать своего рода псевдонастоящее, как студенты: в нем укорениться намертво и даже находить оправдание собственному состоянию с помощью некой идеологии.

Особо хотелось бы отметить статьи К. Мяло в журнале Вопросы философии: «Социальная динамика майского движения», 1969, № 2; «Проблема «третьего мира» в левозэкстремистском сознании», 1972, № 1.

«В былые времена, чтобы почувствовать себя студентом, прибегали ко всяким фольклорным штучкам: студенческий берет, разгул по случаю окончания учебного года, розыгрыш новичков. Теперь оккупируют аудитории, бойкотируют экзамены, лупят деканов. И, заметь, лупят во имя борьбы против общества насилия».

Очаровательная, богатая Брижитт ничего не имеет против того, чтобы пользоваться такой идеологией самооправдания. «В политической терминологии, — заявляет она, — есть своя красота. Когда ты не знаешь, куда идешь, ты находишь формулу, а формула обладает магической силой оправдывать твои действия. Но ее мучают свои «лично классовые» проблемы. «Мир плохо устроен. В конце концов, разве я виновата, что родилась на авеню Фош? Если бы я зарабатывала на хлеб, вкалывая на каком-нибудь велосипедном заводе, Давид бы меня

---

¹⁴¹ Особо хотелось бы отметить статьи К. Мяло в журнале «Вопросы философии»: «Социальная динамика майского движения», 1969, № 2; «Проблема «третьего мира» в левозэкстремистском сознании», 1972, № 1.

любил. И простил бы мне даже фригидность, отнеся ее за счет пролетарской усталости и классового гнета».

Тем временем «профы» с высоты своей «вышки» обсуждают проблемы молодежного движения.

«— По-моему, — продолжает начатый разговор Фрейенкур, — произошло следующее. Внезапно обнаружилось, что молодежь представляет гигантский рынок сбыта пластинок, транзисторов, электрофонов, спортивного инвентаря, товаров для туризма, и тогда радио, телевидение, печать стали отводить ей огромное место во Франции, да и во всей Европе, возник своего рода культ молодежи на американский манер и по тем же коммерческим причинам. Отсюда все и пошло. Молодежь превратили в кумир, псевдокумир, разумеется, поскольку реальная власть осталась в руках стариков. Студенты в силу того, что они хорошо владеют техникой мышления, первыми поняли, какой за всем этим кроется обман. Массовое обучение, жесткая конкуренция, ограниченность спроса, с которой они сталкиваются по окончании, а в самом университете — никакой возможности влиять на систему обучения, на программы и методы. На первый взгляд — кумир, на поверку — дети, которых держат на помочах. Считаю, что стремление установить студенческую власть родилось из этого противоречия».

«— Меня поражает одно, — развивает свою версию профессор Арнольд, — отказ студенческого движения сформулировать свои цели и создать свою организацию. Мне кажется, что такая позиция присуща сейчас не одному студенческому движению, но шире, целому идейному течению. Возьмите структурализм, это рабочая гипотеза, которая тяготеет к исключению содержания и языка. Возьмите новый роман: это попытка изгнать из повествования персонажи и фабулу. Возьмите, наконец, студенческое движение: это стремление лишить революционный порыв организации программы и стратегии. Во всех трех случаях вы имеете дело с валоризацией форм путем выхолощивания сути. В основе этой тенденции — безнадежность, маскируемая терроризмом или, во всяком случае, высокомерным презрением к противнику. Структурализм, новый роман, студенческие движения: три антигуманистические попытки, свидетельствующие, возможно, о том, что человек устал быть человеком». Прислушивающийся к этой дискуссии ассистент Дельмон замечает про себя, что у каждого из них была своя теория событий, выработанная и выношенная в бессонные

ночи, последовавшие за первыми студенческими беспорядками. И теперь, когда один излагал свою, другой, в свою очередь, думал о своей. «Обмену мыслями между «профами», — иронизирует он, — не хватает не мыслей, но обмена».

А тем временем реакционер — глава отделения профессор Рансе, слушая эту академическую беседу, думает про себя с яростью: «Кучка бесноватых баламутит весь факультет, срывает лекции, освистывает профессоров, оскорбляет декана, поднимает на него руки, а чем заняты тем временем коллеги? Они, видите ли, связывают «студенческое движение» с определенным «идейным течением» нашей эпохи!» В конце концов Рансе не выдерживает и на вопрос Фременкура: «Итак, какие меры вы нам предлагаете?» — безапелляционным тоном говорит: «Они очевидны. Примо: исключить из университета кучку хулиганов, которые его пятнают. Секундо: чтобы предупредить всякую возможность беспорядков в дальнейшем, создать в студенческом городке факультета университетскую полицию».

Профессор Рансе выступает в романе как своеобразная персонализация репрессивной власти, как фигура, способная лишь отвергать с порога любые формы протеста. Этот персонаж напоминает читателю, что «реаки» во французском университете не миф, созданный студентами, что они реально существуют и выступления против них — это не война с ветряными мельницами, а важная форма политической борьбы, в которой молодежь имеет все основания рассчитывать на поддержку широких масс трудящихся. В силу этого и само студенческое движение при всей противоречивости позиций отдельных групп получает в романе важную характеристику как движение, отражающее реальные противоречия буржуазного общества в эпоху научно-технической революции, как движение, которое для тысяч юношей и девушек явилось серьезной школой политического воспитания и обусловило их дальнейшую эволюцию.

Нет, не разумное, доброе, вечное сеет университет. Это школа ненависти и борьбы. Она идет между администрацией и студентами, между «профами» и ассистентами, между самими профессорами. Ассистент Дельмон иронизирует: «Любопытно, до какой степени овладевает административный зуд университетскими деятелями среднего возраста. Заведующий отделением, замдекана, декан, ректор, член Консультативного

совета, какая борьба честолюбий идет вокруг этих пожирающих время должностей. А может, это утомление от умственных усилий толкает факультетских «профов», переваливших за пятьдесят, к деятельности более практического характера? Или эта ничтожная частица власти компенсирует им снижение сексуальной потенции?» Но у него еще сохраняются иллюзии относительно солидарности профессоров, которой также нет и в помине. «Солидарность бонз, мой дорогой, — просвещает его один из профессоров, — давно не существует. Будем открытвенны. Высшая школа всегда напоминала банку с пауками. Это среда, где честолюбивые притязания безмерны, раны самолюбия неизлечимы, взаимная ненависть достигает степени бреда».

Неудивительно, что этот раздираемый противоречиями французский университет породил и одно из самых ярких молодежных движений современности.

14. «Группаки»

Идеализация экономических успехов СССР, упорное противостояние вьетнамцев американской военной экспансии, события на Кубе и в Латинской Америке, «культурная революция» в Китае, усиление классового напряжения внутри страны обусловило общий сдвиг влево в настроениях французского студенчества. Даже далекий от «активизма», занятый поисками приработка студент Менстрель не может не соглашаться с необходимостью борьбы. «Все это, впрочем, правда, — признается он самому себе, — наше общество действительно общество насилия, а наш университет — классовый университет. Нужно быть болваном, чтобы это отрицать».

Однако в идеологии самого студенческого движения было немало противоречий.

Даниэль Кон-Бендит в шутку спрашивает: «— Уж не связан ли ты втайне с одной из пяти группок, которые подрывают основы?»

— Их пять? — сказал Дельмонт. — Так много?

— Анархи, троцкисты, прокитайцы.

— Пока всего три.

— Нет, пять, — сказал Даниэль с компетентным видом. — Потому что существуют две враждующие между собой троцкистские группы и две прокитайские, готовые сожрать друг

друга. Коммунистов я, разумеется, здесь не касаюсь, — продолжал Даниэль с иронической улыбкой. — Это люди солидные, положительные, уважающие порядок».

Между тем именно студенты-коммунисты, как показывает Робер Мерль, глубже всех понимали не только вред сектантства, но и особенности возникновения и развития идеологии «группаков».

«— ...Вообще, любая секта, — говорит коммунист Жоме, — возникает, как правило, в результате серьезных идеологических расхождений. Но как только эта секта возникла, она начинает вырабатывать свою особую фразеологию и смотреть на все со своей колокольни. И тут уж ей важнее отделиться от соседней секты, чем эффективно бороться против империализма. Вторая фаза: по мере того как секта таким образом отрывается от действительности, ее доктрина превращается в священное писание, а каждый «группак» — в священнослужителя. Отсюда осуждения, отлучения, обличения. Тут мы имеем дело с такими образчиками стиля: мы обладатели истины, а ты дерьмо, предатель, толлистская сука, ты ни хрена не смыслишь в Марксе, мы тебе рога обломали, сволочь ты этакая...».

В студенческих движениях Франции 1968 года отчетливо проявилось стремление молодежи вырваться из опутывающей ее системы буржуазных традиций и авторитетов за счет экстравагантности, в том числе и своеобразной политической игры с пересаживанием: «Кто левее?» Это было связано и с реанимацией, казалось бы, отошедших в прошлое идеологий, прежде всего троцкистской и анархистской, которые воспринимаются со всеми ошибками и извращениями, во всеоружии политиканства и догматизма.

«— ...Твое описание буржуазного общества, — критикует один из группаков студентку-троцкистку Лию Рюби, — коренным образом расходится с реальными фактами». Мировой капитализм не только не переживает застоя, но, напротив, усиливает свою экспансию. Цель реформы Фуше не разрушение университета, но, напротив, технократическое приспособление его к целям экономической экспансии. Твое видение мира, как, впрочем, видение мира всей твоей группы, совершенно ирреально и антиисторично (Лиля презрительно улыбнулась). Ты застряла на уровне предвоенной эпохи, на уровне великого американского кризиса 1929 года, захвата власти фашистами в Германии и победы Франко в Испании. Коро-

че, мир остановился вместе со смертью Троцкого, с тех пор для тебя только повторяется одна и та же неизменная ситуация. 1968-й все еще 1938-й!».

Выступает демагог-маоист Бурелье. «— ... Не следует забывать, товарищи, — продолжал он все так же бесстрастно, — что трудящиеся массы стихийно революционны (среди дюжины присутствующих студентов возникло какое-то движение, Лия побледнела, даже Давид почувствовал себя шокированным: Маркс утверждал как раз противоположное)». А когда Бурелье указывает на элементарное невежество в марксизме, тот нимало не смущаясь, ссылается на идеи Мао Цзэдуна. «Иными словами, — иронизирует Давид, — даже тогда, когда идеи Мао Цзэдуна противоречат Марксу, они являются высшим выражением марксизма». И невольно, читая страницы, описывающие эту теоретическую дискуссию «группаков», складывается отчетливое ощущение, что это уже было. Внешний модернизм, игра на публику «влево» вполне устраивает правящий класс, ибо все это не что иное, как бег на месте.

По мысли Мерля, студенческая молодежь находится как бы и в объятиях традиций, и вне их. «Странно, — размышляет профессор Фременкур, — что эта война, так много значившая для нас, для них только нудная страница в учебнике истории. Ладно. Не будем возмущаться. Они могут обзывать отряды республиканской безопасности ээсовцами, так как им не пришлось видеть ээсовцев в деле. Они высмеивают либерализм, так как всегда жили в обществе, где демократические свободы гарантированы законом. Они разоблачают потребительское общество, так как сами никогда не голодали. Нужно помнить, что их опыт и наш лежат в разных плоскостях.

15. Мертвые хватают живых

Традиции традициям рознь. И политические традиции во Франции крайне противоречивы. Здесь не только традиции Парижской коммуны, когда К. Маркс с восхищением писал о людях, штурмующих небо. Здесь и традиции беспринципного аморализма, идущие от хитроумного Фуше, продажного Мильерана.

Мертвые хватают живых. И молодой анархист Давид Шульц снисходительно наставляет свою подружку: «Усвой, лапочка, провокация, как мы ее понимаем, отнюдь не беспредельна.

Это весьма полезное оружие в политической борьбе». Здесь, конечно, сказывается цинизм, привитый в семье. Отец Давида — преуспевающий врач, который «за удаление аппендикса дерет 500 тысяч монет с этих кретинов, которые лопаются от денег», — с усмешкой говорит своему сыну; «Ты должен был бы меня одобрить — я эксплуатирую эксплуататоров...».

Со сдержанной иронией, как бы отрешенно, рассказывает Мерль о том, как демагогия, ложь, проникают в само студенческое движение. Чтобы не говорить об этом прямолинейно, в лоб, Робер Мерль вводит фигуру агента министерства внутренних дел студента Нунка.

Сначала, наблюдая за дискуссией при захвате Административной башни Пантера, тот поражается легко мыслию «группаков». У них просто каша в голове, у этих гошистов, думает он. Они начисто лишены чувства революционной ответственности. «Нунк, разумеется, ничего не имел против кражи в политических целях, но такого рода акции должны быть заранее продуманы, подготовлены, и, главное, об этом не кричат со всех крыш. Обсуждать публично, в присутствии 150 человек, стоит или нет совершать уголовные преступления с точки зрения тактики, непростительный инфантилизм».

Однако, услышав затем восторженные речи о том, будто бы освобождение студентов, разгромивших «Америкэн экспресс», — результат занятия башни в Нантере, он приходит в изумление. Студенты вот уже пять часов заседали в профессорском зале, и было совершенно очевидно, что Божé ничего не сообщал полиции. Иначе она давно бы уже появилась и выставила их отсюда. Откуда студенты взяли, что освобождение товарищей связано с оккупацией башни? С какой стати они пришли в безумный восторг и поздравляют себя с «победой»? Что до правительства, то Нунк не без иронии прислушивался к тому, как это правительство именовали «репрессивным» именно тогда, когда оно проявляло преступную (и непонятную Нунку) снисходительность, отпуская студентов, разгромивших «Америкэн экспресс». Обе стороны продемонстрировали свою непоследовательность и некомпетентность, и Нунк как профессиональный контрреволюционер был этим беспредельно огорчен. От обоих лагерей можно было бы ждать большей серьезности и деловитости. Хотя Франция — страна высоко развитая, хотя она наслаждается высоким уровнем жизни и всеми благами культуры, Нунк уже не раз имел случай с воз-

мушением убедиться, что французы часто ведут себя в общественных делах как народ слаборазвитый. Они проявляли легкомыслие, по всей вероятности, неискоренимое, как в своей манере делать революцию, так и в методах подавления.

Наконец, когда стали зачитывать резолюцию, Нунк уже испытывает известное восхищение гошистами. «Их резолюция заставляла признать, что они обладают своего рода талантом сваливать вину на правительство, проявляя при этом недобросовестность дипломированных политиканов, которые обращаются с фактами самым вольным образом. Например, утверждение, что «нападение на некоторые американские здания» послужили «предлогом» для ареста Ксавье Лангледа, звучало, по меньшей мере, странно после всего, что присутствующие услышали из его собственных уст! Столь же неотразимо разоблачение «нового шага», сделанного правительством, которое арестовало этих активистов «дома», будто место, где приводится в исполнение приказ об аресте, является отягчающим обстоятельством! И будто этих активистов не освободили по истечении законного срока задержания! Нунк подумал: может, он до сих пор недооценивал гошистов? Декларированное ими намерение оккупировать 29 марта на весь день корпус «В» свидетельствовало о смелости их тактических замыслов. Полностью используя в своих интересах пассивность администрации, «группаки» развивали наступление, не упуская ни секунды, и — верх цинизма — они оправдывали это «суровостью» мер, принятых против них! «На любое усиление репрессии, — говорилось в резолюции, — мы ответим самым решительным образом». Исторически прием, конечно, архизвестный. Одна страна всегда нападает на другую и захватывает ее территорию под предлогом законной самозащиты. Но все же, когда подобный макиавеллизм проявляют двадцатилетние студенты, об этом стоит задуматься. Во главе этих группок стоят «политики», ум и решительность которых не следует недооценивать».

Личная жизнь «группаков» также не вызывает симпатий. Познакомившись с рабочим-алжирцем, подруга анархиста Шульца умиляется. «Нет, этот парень просто невероятен. Он гуляет с девочкой, она ему не уступает, и он не чувствует себя ни обойденным, ни смешным. Напротив, он радуется отношениям нежной привязанности, это длится больше года, она выходит замуж, и теперь, когда о ней говорит, у него на глазах слезы. Представить себе Давида или его дружков в такой ситу-

ации немислимо. Для них это просто нелепость, они сочли бы свое самолюбие оскорбленным, и трех бы дней не выдержали, а уж их комментарии...».

Даже служители — привратники университета и те не могут отказать себе в критике «группаков». «Да уж языком трепать и драться это они умеют, никто им не указ. И заметь, всегда непременно в послеобеденные часы, — сказал второй служитель, вскинув правую руку. — Утром все спокойно: господа изволят почитать! Станут они устраивать революции утром! Утро неприкосновенно, утром деточки бай-бай! Они встают в полдень, эти господа, как кокотки».

Не следует удивляться некоторой жесткости в оценках лидеров «группаков» в романе «За стеклом». Робер Мерль верно указывает на очень важные процессы функционирования системы либерального капитализма и формирование правящей элиты. Действительно, быть «правым» во французском университете просто неприлично. Но тогда возникает вопрос: откуда же берутся все эти миллионы служащих капиталистической системы — управляющие, идеологи, журналисты, профессора, инженеры? И каково все-таки будущее лидеров студенческих групп?

Гошистское крыло в университетах крайне неустойчиво, и многие бывшие леваки быстро разочаровываются, легко меняют убеждения. Это хорошо знают и представители правящего класса, которые как на неизбежную болезнь, как на детские забавы смотрят на участие своих сыновей в этих движениях. «Изучай право, сынок, я куплю тебе нотариальную контору. Изучай медицину, я оборудую тебе кабинет. Изучай фармакологию, я подарю тебе лабораторию. Тебя это не интересует, ты предпочитаешь психологию? Bravo, Давид, очень умно! Человеческие отношения, искусство управлять людьми, искусство продавать идеи широкой публике». — «Короче говоря, папа, ты хотел, чтобы я продавал дрянь дерьму?» — «Молодец, Давид, здорово сказано и, главное, верно. Ты умеешь всегда найти нужное слово, Давид! Весьма полезное качество для администратора — найти нужное слово! Хочешь стать членом административного совета, когда окончишь свой психо?» — «Но подумай, папа, какое будущее ты мне готовишь? Колесико потребительской буржуазной бюрократии? Сторожевой пес системы? Почему бы тогда не мечтать о полицейской карьере, почему не стать префектом?» Но мои выходы папу только сме-

шат. Что я ни скажу, он от меня в восторге. Движение протеста, согласен, он сам рад выbleвaть всю эту буржуазию. «Ты ее выbleвываешь, папа, но ты сам внутри ее». Он воздевает руки к небу: «Но ведь и ты тоже! Что поделаешь, мой мальчик, посоветуй, как из нее выбраться, если ты внутри? Не так-то это просто». И тут он прав. Она въелась в тебя, эта буржуазия, отпустит тебя на волю, а потом, хоп! — рванет, как понадобится, узду и втянет обратно. Она все втягивает в себя, даже движение протеста!».

Движение протеста было тогда у всех на устах и на работе, и в кафе, и дома.

— Нет, не уходите от вопроса. Каковы, по вашему мнению, подлинные причины этого молодежного взрыва? — настойчиво спрашивал сотрудник Центра социологических исследований своих коллег, собравшихся у него дома.

— Все дело в том, что 1968 год — год повышенной активности солнца, — отшучивается собеседник.

— Может быть, вы позволите и мне? — спрашивает вдруг хозяйка дома.

Я несколько удивлен, насколько мне известно, она специализируется по русской литературе XIX века.

— Не беспокойтесь, — улыбается она, — я не буду отбивать ваш хлеб. Я просто приведу вам две-три цитаты.

— Мы — все внимание, — говорю я.

— Итак, я цитирую, — продолжает дама. — «Вы спрашиваете моего мнения относительно стремлений, которые, кажется, обнаруживаются среди школьной молодежи, и относительно споров, которые предшествовали и сопровождали происшествия в Сорбонне».

«...В самом деле, каждое новое поколение приходит с мыслями и страстями, старыми как мир, хотя оно думает, что никто не имел их раньше его, потому что оно в первый раз находится под их влиянием; и оно убеждено, что оно вот-вот преобразует все существующее.

В то время как человечество пытается разрешить в продолжение тысячелетий эту великую задачу причин и следствий, которую оно едва ли разрешит и через тысячи веков, если и допустить, чего я не допускаю, возможность ее разрешения, двадцатилетние дети объявляют, что они имеют неопровержимое разрешение ее в их совершенно молодых мозгах. И, как первый довод в первом же споре, они начинают колотить по

тем, которые с ними не согласны. Должно ли из этого заключить, что это есть признак возвращения целого общества к религиозному идеалу, временно затемненному и оставленному? Или у всех этих молодых апостолов это есть только чистый физиологический вопрос, вопрос горячности крови, силы мускулов, горячности и силы, которые толкали молодежь двадцать лет назад на противоположные движения? Я склоняюсь к последнему предположению».

— Недурно.

— Нет, вы послушайте еще, как здесь комментируется проблема насилия. «Мнения подобны гвоздям, сказал один моралист из моих приятелей: чем больше по ним колотят, тем глубже их вколачивают». «Между истиной, которая составляет цель, и свободным исследованием, на которое всякий имеет право, силе нечего делать, несмотря на знаменитые примеры противного. Сила только удаляет цель, вот и все. Она не только жестока, она бесполезна, что составляет самый большой недостаток в деле цивилизации. Никакой удар кулака, как бы силен он не был, не докажет ни существование, ни несуществование бога».

— Довольна образно.

— Очень любопытно: кто же это?

— Вот этот вопрос я и хотела переадресовать вам. Предлагаю конкурс на главного эрудита: кто автор этих строк?

— Хм, я думаю, это из вчерашней «Фигаро», а автор — Раймон Арон.

— Нет, не угадали.

— Может быть, Турен?

— Ничего похожего.

— Это, по-моему, из «Монд».

— Опять ошиблись.

— Вы нас заинтриговали. Мы пассуем. Кто же автор?

— Так вот, это написано Александром Дюма в 1883 году...

— Не может быть! — удивляется социолог.

— Если это верно, то мир не движется.

— Я хочу видеть текст своими глазами.

— Пожалуйста, прошу проверить. Это на письма автора «Дамы с камелиями» Александра Дюма. Оно целиком приводится Л. Толстым в статье «Неделание» в 1883 году, где он разбирает, в частности, причины волнений в Сорбонне, и заканчивает он свою статью так: «...письмо же Дюма будит лю-

дей, указывая им то, что жизнь их вдет совсем не так, как она должна идти, и что они не знают того самого главного, что им нужно знать. Дюма так же мало верит в суеверие прошедшего, как и в суеверие настоящего. Но зато и именно потому, что он не верит ни в суеверие прошедшего, ни в суеверие настоящего, он сам наблюдает, сам думает и потому видит ясно не только настоящее, но и будущее, как видели его всегда те, которых в древности называли *водящими* пророками». Неплохой комплимент для нашего соотечественника. Не так ли?

Когда одна из ассистенток говорит профессору Фременкуру: «Как раз насилие, направленное против капиталистического общества, — единственное, чего это общество не может вобрать в себя», он воздевает руки к небу: «Но это ложно, это архиложно, милый мой попугайчик, даже если это и изрек сам Кон-Бендит! Система вбирает в себя и насилие. Стратегия либерального капитализма в этой области отлично известна. Она состоит как раз в том, чтобы обратить насилие оппозиции в свой капитал и запугивать им средние классы, укрепляя с помощью этого страха свою власть».

В этом немаловажную роль играют лидеры экстремистов. Жажда господства, вырабатывающаяся в стенах университета, вкус к власти, сплошь и рядом, будучи выражением некоторых индивидуальных задатков, пройдя через искусство студенческих движений, становится чертой характера. В известном смысле, участвуя в левых движениях, они вырабатывают в себе страсть к власти, которая сильнее, чем преданность доктрине. А студенческий активизм оказывается неплохим полигоном для того, чтобы проверить свою технику, свои силы, отточить зубы. В итоге те, кто прежде стремился властвовать в студенческих группах, теперь удовлетворяют ту же социальную потребность через бизнес, менеджерию, политику. Быть может, в их среде родилась поговорка: «Если человек в двадцать лет не был левым, у него нет сердца, но если он в сорок лет не стал правым, значит, у него нет ума».

16. Истэблишмент за работой

Да, буржуазную систему недооценивать нельзя. Она не только способна перековывать «группаков» в буржуа, объединять ультралевых и ультраправых, втягивать в себя движение

протеста, обращать насилие оппозиции в свой капитал, но и, усиливая эксплуатацию трудящихся, использовать для сохранения своей власти последние достижения науки, в частности, достижения социологии, которые позволяют ей манипулировать людьми, фиксировать пульс нации.

— Я создал институт еще до войны, — рассказывает директор Французского института общественного мнения профессор Жан Стетцель, — но Шарль де Голль сначала относился к моей деятельности скептически. — А потом?

— Перелом произошел после референдума 1945 года. Вы представить себе не можете, какая после войны и оккупации была у нас запутанная политическая ситуация. Предугадать реальную расстановку политических сил, их отношение к различным политическим партиям практически не мог никто. Но я решился — провел зондаж общественного мнения и за две недели до референдума положил перед генералом де Голлем результаты.

— Как отнесся к этому де Голль?

— Он пошутил и посоветовал заняться чем-нибудь посерьезней. Но вскоре я получил полное удовлетворение. Первым, кого он пригласил к себе после получения официальных результатов голосования, был я. Я никогда не видел генерала таким взволнованным. Он ходил огромными шагами по кабинету, держа в руках мой прогноз, полученный до референдума на основе опроса около двух тысяч человек, и официальные результаты выборов, в которых приняли участие десятки миллионов избирателей. По первому вопросу результат зондажа был 93%, а референдума — 94%. По второму вопросу результат зондажа 67%, а референдума — 66%. «Это фантастика! — повторял де Голль. — Вы даже не представляете себе значение того, что вы делаете. Предвидеть с такой точностью поведение десятков миллионов. Это новое сильнейшее средство в политической борьбе». Де Голль предложил перевести институт на государственное финансирование и создать нам все условия.

— И вы?..

— Мы отказались и сохранили себя в качестве независимого от правительства коммерческого института.

— Это, видимо, не означает, что вы не выполняете заказов для правительства?

— Разумеется, нет. У нас абонированы канцелярия генерала де Голля, министерства, ведомства, не говоря уже

о партиях, газетах, посольствах, фирмах, международных организациях.

Жан Стетцель демонстрирует основные работы ФИОРа. На протяжении многих лет регулярно ведутся зондажи популярности различных политических партий. Благодаря этому не от выборов к выборам, а постоянно рассчитывается баланс голов как по стране в целом, так и по отдельным регионам.

Вот «кардиограмма» генерала де Голля за последние десять лет па основе ежемесячных зондажей. Высшая и низшая точки графика отмечают драматические моменты в его политической карьере. И тогда, когда он принимал решения, отвечавшие чаяниям народа, и тогда, когда Он шел против них. А вот графики популярности Жоржа Помпиду и десятков других лидеров — практически всех, кто возникал на политической арене Франции за эти годы. Перечисляются некоторые вопросы, которые изучал ФИОМ путем проведения специальных зондажей. Роль Франции на мировой арене. Французы и Европейское оборонительное сообщество. Отношение французов практически ко всем сколько-нибудь существенным событиям международной жизни. Отношение к США. Французская молодежь об армии. Ориентация молодежи: степень бакалавра или военное училище. Проблема выбора профессии. И сотни других.

— Вот приятные для нас свежие результаты, — говорит Стетцель. — Результаты зондажа в декабре 1967 года популярности различных политических деятелей. Вопрос формулировался так: «Какое мнение у Вас — хорошее или плохое — о Джонсоне — президенте США, Косыгине — Председателе Совета Министров СССР, Кизингере — канцлере Федеративной Республики Германии, Вильсоне — премьер-министре Великобритании?». Самым популярным по результатам зондажа оказался А.Н. Косыгин.

Профессор Стетцель знакомит меня и с деятельностью Института по изучению французского и зарубежного рынка, который работает тоже под его эгидой. Огромное число французских и зарубежных фирм, готовясь к массовому производству и продаже тех или иных товаров — от зубной пасты до автомобиля, — прибегают к услугам института для того, чтобы получить прогноз спроса на свои товары.

— Прошу извинить меня, — завершает профессор Стетцель, — но я должен оставить вас. Приехали представители от монарха одной из ближневосточных стран для переговоров.

Они просят, что бы я с группой своих сотрудников выехал к ним для организации института общественного мнения. Видите, в современную эпоху даже монархи понимают, что совсем не вредно знать настроения своих подданных.

Монополия на средства производства, информацию, тонкие механизмы наследования привилегий и манипулирования общественным сознанием «подданных», изощренность политических лидеров — все это до поры до времени дает возможность правящим классам противостоять массовым движениям. В то же время такая система чревата опасными последствиями. Ощущение *непоправимости действительности*, сознания бессилия от гибкого, не поддающегося никаким существенным изменениям истеблишмента и порожденных им структур — вот где одна из причин ярости юношей и девушек, одержимых мечтой о равенстве и справедливости и нетерпением чувств.

Хотя это и не объясняет, разумеется, всего в поведении учащейся молодежи, но конфликт между мечтой и действительностью, *ощущение неизменяемости общественных структур должны быть обязательно в поле зрения тех, кого интересуют не только листья, но и корни движений протеста.*

С этих позиций студенческое движение 1968 года уже на первых шагах имело в подтексте проблему власти. Не только потому, что любое массовое движение такого типа почти всегда является своеобразным напоминанием о себе властям предрержающим со стороны масс и необходимым условием сохранения уже завоеванных демократических свобод, но и потому, что оно в дальнейшем развитии выдвинуло эту проблему в качестве центральной, сколько бы ни различались требования разных сил, участвующих в майском движении 1968 года.

Однако в период, который описывается в романе, эти идеи были у студентов скорее на уровне подсознания, смутного ощущения растущих ограничений, давления со стороны государства, усилившегося в период «пятой республики». Это отражалось тогда и в спорах французской профессуры между собой.

— Чем больше я слушаю и наблюдаю, тем меньше понимаю гибриды гошизма: свободолобие и антигуманизм, жертвенность и аморализм, анархию и властолюбие.

— Кое-что все-таки можно сказать. Если не забывать триады: свобода, жертва, власть. Хотя мы все ценим такие прояв-

ления демократия, как плюрализм мнений, высказываний, — не они главные показатели зрелости нации. Она определяется способностью отказаться от благ и привилегий ради своих прав как человека. Зрелый народ — это народ, готовый на жертвы ради свободы.

— Пока вы не подошли к моему вопросу.

— Напротив. Я почти ответил. Потребительское общество приковывает людей к вещам, превращает их в винтики, отучает от борьбы за свои права. Молодежь чувствует, что-то не так: власть крепнет, контроль становится тотальным, реальная свобода все меньше и меньше, а на авансцене кучка сытых и всем довольных политиканов. И когда на этом фоне возникает человек с бородой и автоматом — партизанский лидер, готовый за свои убеждения отдать жизнь, молодежь узнает в нем героя своего времени, своего вождя. Даже если он и аморален, и негуманен, и властолюбив.

— Не забывайте при этом извечные романтические мотивы: «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать».

— Все это так, но вот рассуждения о свободе и жертвах я бы скорее рассмотрел с позиций Марксова учения о рабочем дне. Помните, как там четко сказано. Капиталист стремится удлинить рабочий день, а рабочий — сократить. Право одного противопоставляется праву другого. В философии это определяется как антиномия. А там, где право одного противопоставляется праву другого, решение всегда принадлежит силе. Так и с демократией. Правящая верхушка стремится всю власть сосредоточить в своих руках. А народ — отобрать власть. Поэтому реальное распределение власти между правительством и народом всегда результат борьбы.

* * *

Как видно, во Франции в тот драматический момент многие представители буржуазии, да и лидеры «группаков» смещали акценты, игнорируя материальные факторы, сбивались на чисто карнавальную, поверхностную интерпретацию истинных причин и проблематики молодежных движений. И роман, о котором здесь шла речь, отнюдь не исказил господствовавшее тогда настроение умов. Но годы, прошедшие с тех пор, многое поставили на свои места, подчеркнули, что мир материален, что нельзя игнорировать экономические проблемы, выявили

подлинную подоплеку студенческого мятежа, его незрелость, ограниченность и обреченность.

Своеобразно трансформировались за эти годы и молодежные движения, разные пути избрали бывшие активисты. Одни сомкнулись с «репрессивной властью», с буржуазией, ушли в бизнес, стали делать карьеру — традиционный исход выходцев из состоятельных классов Франции. В парадоксальном единстве с ними оказались и те ультралевые группки, которые ушли в террор, прикрываясь марксистской фразеологией, а реально создавая лишь прецеденты, которые используются буржуазными государствами для репрессий.

* * *

Теперь, когда мы кратко познакомились с проблемами молодежи в начале пути, с тем, как отражаются они в социологическом исследовании и в художественной литературе, пора поразмыслить и о том, в чем же специфика этих своеобразных инструментов, исследования общества и человека. Тем более что за последние десятилетия численность людей и центров, которых увлекла социология молодежи, росла в геометрической прогрессии, явно обгоняя развитие других разделов социологии. Нынче, трудно назвать республику, область, край, где не проводились бы прикладные социологические исследования по молодежной тематике.

Не чуждо ничто человеческое и молодым и пожилым социологам. И когда после XX съезда КПСС в СССР стали возрождаться социологические исследования, многим из пионеров казалось, что вышли они на бескрайнее поле, что возможности новой области знания беспредельны, а сама она, по определению, нравственна и гуманна, ибо своим существованием демонстрирует поворот от тонн, метров, пудов к личности, человеку, его ценностям, потребностям, интересам, мотивам.

И такова была увлеченность этим новым делом, такая тяга была в этом круговращении, что вовлекались в него партийные и комсомольские руководители, хозяйственники, профсоюзные работники, газетчики. А за ними и немолодые, умудренные опытом литераторы стали частыми гостями на социологических конференциях и семинарах, присматриваясь, оценивая, вспоминая грехи «вульгарного социологизма» и выработывая свой новый подход.

Такая весомая поддержка со стороны выдавших виды представителей старшего поколения была весьма своевременной. Она еще раз подчеркнула ту важную роль, которую может и должна сыграть социология, свидетельствуя, что она пошла не от лукавого, что она нужна людям.

Только здесь грех не сказать, что таилась в этой увлеченности, в этом энтузиазме (особенно у молодых, изучающих проблемы молодых) и опасность. Общество, казалось бы объект, открытый для исследования, да и социология вроде бы нехитрая наука. Рассуждая так, за социологические исследования (а подготовки профессиональных социологов в вузах в то время не было) брались все, кому не лень: не только гуманитарии, но и электронщики, инженеры-строители, обувщики, физкультурники. В результате начался экстенсивный этап развития социологии молодежи.

Чтобы действительно продвинуться вперед, добиться повышения качества и эффективности социологических исследований молодежи, необходимо достаточно ясно представлять себе проблемы и методы этой весьма своеобразной области знания, ее реальные возможности, ее место во всей системе обществознания, ее взаимосвязи с литературой и искусством, ее нравственные проблемы и ее пределы.

17. Per aspera ad astra

Через тернии к звездам — общий закон развития науки, в том числе и такой сугубо земной, как социология. И хотя звезд с неба она не хватает, но потребность в социальном знании сегодня еще насущней, чем вчера. Подобно тому как развитие науки и техники, в первую очередь автоматизации, реактивной техники, космических полетов, на каком-то этапе стало лимитироваться неизученностью физических и психических возможностей человека (его способности к перегрузкам, невесомости, способности охватить и переработать поток поступающей информации), так и дальнейшее совершенствование управления общественными процессами в определенной степени стало лимитироваться недостаточной изученностью ряда аспектов жизни общества, слабым развитием прикладных социологических исследований.

Конкретный анализ общественных явлений и процессов характеризуется прежде всего комплексностью. Круг явлений,

попадающих в сферу социологических исследований, по необходимости значительно шире, чем в отдельной социальной области, скажем, в экономике. Социологические исследования не ограничиваются анализом экономических отношений, форм собственности и зависимых от них форм распределения материальных благ. Они охватывают всю совокупность общественных отношений, определяющих поведение социальных групп, не только производственные, но и другие отношения; не только классы, но и группы; не только объективные, но и субъективные явления и процессы.

Тот, кто внимательно присматривается к деятельности человека, не может не заметить, что она в отличие от действий животного предваряется идеально как стремление, желание. Следовательно, в деятельности человека в качестве ближайших непосредственных причин выступают идеальные факторы, которые опосредуют материальные. Анализ этого идеального мира, этих идеальных факторов наукой и искусством — необходимая предпосылка понимания закономерностей поведения человека. Социология, социальная психология не могли не привлечь к себе внимания прежде всего потому, что с самого начала они предпринимали отважную попытку описать хотя бы некоторые из этих идеальных факторов — стремления, желания, интересы, потребности.

С другой стороны, деятельность человека определяется непосредственно не просто идеальными факторами, но в значительной мере теми, которые принадлежат будущему. Идеальные модели будущего в огромной мере влияют на формирование сегодняшних целей, постоянно оказывают воздействие на поведение человеческих групп. Реалистичны они или иллюзорны, но эти осознаваемые или плохо осознаваемые образы будущего лежат в основе наших сегодняшних поступков и решений. Ведь «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»¹⁴². Поймать эти отблески будущего, оценить их с позиции интересов тех или иных групп, проверить их адекватность реальному поведению — значит приблизиться к пониманию факторов, которые управляют развитием общественных организмов. И этот подход, декларированный социологией в идеях социального управления, также не мог не привлечь к себе энтузиастов.

---

¹⁴² Ленин В.И., Полн. СОБР. Соч., т. 29, стр. 194.

Правильно поставленные социологические исследования — враг волюнтаризма, произвола, ибо любое самое авторитетное мнение рассматривается при этом лишь как гипотеза, пока оно не проверено опытом, на практике. Развитие социологических исследований тесно связано с развитием: демократии, они немислимы без нее. В свою очередь, они сами способствуют развитию демократических институтов и методов управления обществом.

Репрезентативные социологические исследования вы бивают почву из-под ног любителей игры в примеры, в «фактики», так как строятся на анализе всей совокупности относящихся к данному вопросу фактов или на математически обоснованной выборке. Они дают информацию о процессах и противоречиях, возникающих в ходе развития общества, позволяют всесторонне оценивать последствия принимаемых решений. Тем самым социальные исследования помогают принимать оптимальные решения, проводить политику, отражающую действительное положение вещей.

Это в полной мере относится к изучению проблем молодого поколения, его профессиональной ориентации.

В послевоенные годы именно социологам в значительной мере удалось привлечь внимание общественности к выбору профессии как социальной проблеме. Исследования субъективных и объективных факторов, влияющих на выбор профессии, социальных последствий первых самостоятельных решений молодежи как в личностном, так и в общественном аспектах, проводившиеся советскими социологами с начала 1960-х годов на базе массовых, представительных обследований: в Сибири, Ленинградской области, Средней Азии, Закавказье, республиках Прибалтики и других районах страны, были весьма актуальны и своевременны. Они подчеркнули, что выбор профессии нельзя свести только к педагогическим вопросам, что это крупная социальная проблема, которая требует комплексного подхода, учитывающего экономическую, социологическую, демографическую и социально-психологическую стороны дела. Они убедительно показали важность изучения профессиональных склонностей, которые тесно связаны с реальным выбором профессии.

Важной заслугой социологов также является научная разработка, связанная с изучением влияния демографических процессов на молодежные проблемы и на функционирование

системы образования. Исследование этих вопросов особенно актуально в условиях обострения проблемы трудовых ресурсов вследствие отдаленных последствий второй мировой войны «демографической ямы». Отсюда, казалось бы, вывод ясен: нужно подумать о более полном и в ряде случаев более раннем вступлении молодежи в трудовую жизнь.

Я пишу, *казалось бы*, не случайно. Наряду с отмеченной выше тенденцией, как это почти всегда бывает в социальной жизни, существует и контртенденция. Она связана с тем, что НТР требует в ряде случаев удлинения сроков образовательной и профессиональной подготовки.

Отсюда вырастает серьезная научная и практическая проблема перед социологами, исследующими проблемы молодежи: учитывать не только необходимость более полного и раннего вовлечения молодежи в трудовую жизнь, но и опасность, связанную с тем, что это может привести к дальнейшему (уже недопустимому) снижению рождаемости. Вот почему, в частности, изучение специфики профессионального пути молодой женщины становится весьма актуальной проблемой.

С этим же связана проблема социальной и профессиональной ориентации молодежи, вступающей в самостоятельную трудовую жизнь. Здесь мы должны учитывать, что реальный выбор профессии в конечном счете связан с материальными условиями жизни общества, зависит от уровня производительных сил и производственных отношений, общественного разделения труда и вытекающей отсюда структуры занятий. С другой стороны, вакансии заполняются живыми людьми, имеющими различные ценностные ориентации и профессиональные стремления, специфические оценки престижа.

Оценки и скрытые за ними различия в поведении различных социальных групп нельзя игнорировать. Какой бы нелепой ни представлялась нам шкала престижа профессии у той или иной социальной группы, как бы ни расходилась она с нашими собственными представлениями и оценками, мы не можем не учитывать ее, поскольку этими оценками, этой шкалой престижа руководствуются тысячи и тысячи людей, принимая свои решения, выбирая профессии, переходя с одного места работы на другое, меняя место жительства. Напротив, знание этих феноменов массового сознания и эффективное, своевременное воздействие на них имеют важное значение для управления трудовыми ресурсами.

18. Человек и его работа

Один из важнейших объектов общественно-экономического планирования — трудовые ресурсы. Оно тесно связано с эффективным функционированием системы образования, профессиональной подготовкой специалистов и квалифицированных рабочих для всех отраслей экономики, культуры, науки.

К трудовым ресурсам нельзя подходить с узкими мерками и критериями. Они не только главная производительная, но и главная потребительная сила. Они не просто объект экономических расчетов, а главный персонаж «исторической драмы». Поэтому управление трудовыми ресурсами предполагает комплексный аналитический подход, вторжение в область субъективного, изучение мотивов поведения различных социальных групп.

Проблема трудоустройства имеет территориальный, отраслевой и профессиональный аспекты. Трудовые ресурсы размещены по территории страны очень неравномерно. При нехватке рабочей силы в одних районах, областях, городах наблюдается избыток ее в других. Следовательно, чтобы эффективно управлять трудовыми ресурсами, важно регулировать перераспределение рабочей силы, систематически информировать население о потребностях в кадрах, а предприятия и учреждения — об имеющихся трудовых ресурсах. Это способствует сокращению потерь, связанных с трудоустройством. Большое значение имеют социальные исследования и для управления движением населения. Большая часть мигрантов — молодежь.

Управление трудовыми ресурсами — дело тонкое и кропотливое. Возьмем текучесть кадров. Борьба за ее сокращение можно разными методами. Допустим, стало известно, что на предприятиях города увеличилась текучесть. К этой информации можно отнестись по-разному. Опытный руководитель, рассматривающий свое мнение лишь как гипотезу, подлежащую проверке, предложит изучить причины. Тщательное обследование обнаружит самые разнообразные и подчас неожиданные причины: в одном случае они связаны с разностью в оплате труда, в другом — со скудостью социальных фондов.

Возьмем одну из серьезных исследовательских проблем — проблему молодежи, вступающей в сознательную трудовую жизнь. Каковы личные планы молодых людей в этот период?

Как они реализуются? Что знают юноши и девушки о новых профессиях? Какова популярность профессий и какие занятия избирают различные группы молодежи? К каким территориальным, профессиональным, социальным передвижкам ведет выбор профессии? В какой степени выбор профессии обусловлен традициями семьи, успеваемостью, местом жительства и другими факторами? Каковы особенности трудоустройства разных групп молодежи?

Вопросы эти имеют не только познавательное значение. Обеспечить соответствия между личными стремлениями разных групп молодежи и интересами общества — важная задача. Экономический эффект здесь не всегда бросается в глаза, в результате чего вроде бы непосредственно заинтересованные субъекты не склонны изучать важные вопросы, считая, что они не имеют отношения ни к рублям, ни к пудам, и несут потери, которые измеряются миллионами пудов и миллиардами рублей.

Назовем, например, те невидимые потери, а стало быть, и невидимые резервы, которые связаны с выбором первой профессии. Это потери школы, где многих ребят ориентируют на профессии, которыми они никогда не будут заниматься.

Это потери при переквалификации юношей и девушек — опять материальная база, станки, сырье, заработная плата педагогам, стипендии.

Это потери от текучести рабочей силы. Среди тех, кто пишет заявление об уходе с завода, есть много людей, которые выбрали профессию необдуманно. Половина ежегодных потерь из-за текучести кадров приходится на долю молодых рабочих.

Без кропотливой работы, не разобравшись в сути процессов, нельзя дать обоснованных рекомендаций, как реализовать подобные невидимые резервы.

19. Социология и нравственность

Трудно представить себе развитие современной области знания — да еще такой самоутверждающейся, как социология, — без борьбы честолюбий, без ярмарки тщеславия. «Справьтесь, например, — предупреждал еще сто лет назад Ф. М. Достоевский, — с такой страстью, как зависть: она груба и пошла, но она проникает и в самую благородную душу ученого. Захочется

и ему участвовать во всеобщей пышности, блеске. Что значит перед торжеством богатства торжество какого-нибудь научного открытия, если только оно не будет так эффектно, как, например, открытие планеты Нептун. Много ли останется истинных тружеников, как вы думаете? Напротив, захочется славы, вот и явится в науке шарлатанство, гоньба за эффектом, и пуще всего утилитаризм, потому что захочется и богатства. И не может это не подталкивать отдельных сжигаемых страстью к продвижению молодых научных работников к экспериментам, рискованным не столько для них, сколько для реципиентов — людей, которые должны давать им информацию»¹⁴³.

В редакцию «Литературной газеты» поступило письмо.
«Уважаемые товарищи!

Наш институт готовится к переходу на так называемую «карповскую систему», при которой оценка труда научных сотрудников определяется многими показателями, влияющими на эффективность научной работы.

Помочь определить эти показатели взялись социологи — вот уже полтора года, как в институте создана и работает социологическая лаборатория. Поначалу к ее деятельности относились с уважением и доверием, тем более что в преамбуле к первым анкетам цель работы определялась так: улучшение психологического климата в коллективе института, создание обстановки, которая способствовала бы увеличению эффективности научной работы. Поэтому такой, например, вопрос: «С кем бы Вы не хотели работать в одной лаборатории?» — хотя и вызвал некоторую настороженность, но все же был воспринят как допустимый: может быть, знание ответов на него необходимо для строго научного подхода к улучшению психологического климата.

Через некоторое время выяснилось, что по ответам на упомянутый вопрос выставляется балл, который определяет «негативную экспрессивность» сотрудников. Потом оказалось, что сотрудники с высоким баллом «негативной экспрессивности» могут быть понижены в должности.

После этого отношение к работе социологов стало другим. Появились сомнения в том, правильные ли выводы делают они, подводя итоги анкетирования. Сомнения относились не только к методике оценки «негативной экспрессивности», но и других показателей. Многие стали отказываться от участия в опросах. Однако был издан приказ по институту, в котором сотрудникам фактически вменялось в обязанность отвечать на вопросы социологических анкет. Люди ста-

---

¹⁴³ Достоевский Ф.М. Полн., СОБР., соч., т. 10, Спб., 1985, стр. 155–156.

ли придумывать ответы, боясь подвести товарища. В институте создавалась нервная обстановка — об улучшении психологического климата забыли и думать. На вопросы и критические замечания по поводу работы социологов начальник лаборатории отвечает, что сотрудники института некомпетентны судить об этом. Это, конечно, правильно, только здесь речь идет не о сугубо научных социологических проблемах, а о реальных результатах практической деятельности данной лаборатории. Нам кажется, что эти результаты могут способствовать лишь снижению эффективности труда научных сотрудников и в корне противоречат задачам, которые стоят перед институтом».

20. Из легенды о великом инквизиторе

Письмо не было анонимным. Под ним стояли фамилии авторов (указывать которые вряд ли имеет смысл). В институт был направлен корреспондент.

И вот передо мной груда материалов — статьи, анкеты, приказы, интервью с научными сотрудниками.

История, казалось бы, вполне обычная. В НИИ появилась новая социологическая лаборатория. Ее молодой руководитель, назовем его Петров, сразу же начал эксперимент.

Было решено применить в НИИ систему оплаты, которая проходит апробацию в физико-химическом институте имени Карпова: в зависимости от эффективности работы научных сотрудников она дает возможность повышать зарплату до 50% и понижать до 30%. «Существенным условием этой системы, — поясняет в одной из своих статей директор НИИ (назовем его Константинов), — является то, что все изменения в оплате научных сотрудников происходят в пределах лимитированного фонда зарплаты. Однако при лимитированном фонде повышение оплаты части сотрудников неизбежно влечет за собой снижение ее у другой, даже в том случае, если эффективность труда этой последней будет значительно повышена. Мы считаем, что это противоречие может быть «снято» только в том случае, если при переходе на «карповскую систему» с лимитированным фондом зарплаты параллельно будет происходить сокращение численности работающих за счет интенсификации научно-исследовательского процесса». Так родилась идея использовать взаимные оценки сотрудников, чтобы определять их квалификацию «для сокращения численности работающих».

О существовании этой идеи сотрудники института вначале не знали и потому достаточно спокойно отвечали на вопросы первой анкеты: «Является ли руководитель Вашей лаборатории, сектора, группы, темы (подчеркнуть) профессионально-образованным человеком в той мере, в какой это необходимо для успешного руководства Вашей научно-исследовательской работой?», «Достаточно ли высок общий уровень развития Вашего руководителя?», «Обладает ли Ваш руководитель аналитическим складом интеллекта?», «Достаточно ли высок уровень эстетического развития Вашего руководителя?» Потом появились вторая анкета и новые вопросы, типа: «С кем, из работников Вашей лаборатории Вы не хотели бы работать в одном коллективе?» К ней тоже отнеслись с доверием.

Каково же было всеобщее удивление, когда на аттестационной комиссии Петров начал выступать по поводу каждого аттестуемого, держа в руках так называемый «Лист оценки» с цифрами: «Уровень авторитетности — 0,13», «Профессиональная образованность — 0,09»; «Оригинальность и самостоятельность в решении научных проблем — 0,03», «Справедливость в решении спорных вопросов — 0,12», «Общая эрудиция — 0,01», «Личное обаяние — 0,02», «Негативная экспрессивность — 0,05» и т.п.

Тогда и стало известно, что руководитель группы М. получила семь голосов «против» по пункту «С кем бы Вы не хотели работать?». Решением аттестационной комиссии М. была переведена из руководителей группы в рядовые научные сотрудники, и, естественно, ей был понижен оклад. А вот мнение ее непосредственного начальника: «Я думаю, надо в первую очередь судить по делам. М. работает в институте около 20 лет. У нее большое количество внедренных разработок — 16. Может быть, у нее в характере есть такие черты, которые сотрудникам, поверившим, что искренний ответ будет способствовать «повышению психологической сплоченности коллектива», хотелось бы изменить, но разве это основание для административных выводов?».

Отношение в НИИ к лаборатории, возглавляемой Петровым, стало резко меняться. «Люди очень нервничают, и у них есть для этого основания», — говорила временная сотрудница Е., которой аттестация вообще не коснулась.

Возникшая в результате накаленной обстановки не смутила тов. Константинова. Готовясь к работе квалификационной ко-

миссии, связанной с переводом на новую оплату труда, директор института издал приказ, в котором говорится:

«В целях успешного проведения работы квалификационных комиссий по переводу на новую систему оплаты труда научных сотрудников; разработанную в НИИ, приказываю:

1. Начальникам всех лабораторий НИИ обеспечить условия для проведения в обязательном порядке анкетирования по анкетам № 2, №3, № 4.
2. Анкетирование по указанным анкетам проводить за подписью опрашиваемых.
3. Ответственность за сохранение тайны индивидуально анкетирования возложить на начальника лаборатории...».

Поощряемый дирекцией, продолжал действовать и Петров. У него появилась даже новая концепция, которую он формулировал следующим образом; «У всех сложилось впечатление, что роль социологии примирять, сглаживать, улучшать психологический климат. Такой подход узок. У нас общество едино, у нас нет противоречий между основной массой работников и администраторами, так что нечего и сглаживать».

«Меня называют Великим Инквизитором, — со вздохом признается Петров, — думаете, мне хочется им быть? Но проблема интенсификации научного труда требует этого».

Таковы фанты. А теперь попробуем разобраться в них

21. С чего начинается социолог?

Социология начинается там, где кончается; инквизиция. И наоборот. Социология кончается там, где начинается инквизиция.

Если бы тов. Петров знал основные вехи развития той науки, от имени которой хотел выступать, то он не стал бы кокетливо становиться в позу мессии или мученика, услышав о том, что его называют инквизитором, а очень печально и самокритично посмотрел бы на дело своих рук.

Настоящий социолог или социальный психолог — фигура непростая. Это объясняется тем, что различные этапы социологического исследования предъявляют специфические требования к ученому. На одном этапе надо быть глубоким и оригинальным теоретиком, на другом — изощренным методологом,

на третьем — вежливым, обворожительным интервьюером, на четвертом — внимательным, аккуратным кодировщиком, на пятом — острым интерпретатором. Естественно, что все эти качества редко сочетаются в одном лице. Подобно тому как хирургическая операция сегодня немыслима без ассистентов, инженеров, хирургических сестер, анестезиологов, современный социологический проект реализуется научным коллективом, в котором каждый выполняет свои специфические функции.

Однако, какую бы роль ни играл тот или иной научный сотрудник, есть одно общее свойство, которое касается каждого работающего в этой области знания, качество, с которого начинается настоящий социолог, в чем он действительно родной брат врачу. Это свойство связано с требованием — не навредить!

Социолог отличается прежде всего гуманной и высоконравственной позицией. Он начинается с признания полной и безусловной суверенности личности человека, которая сама по себе обладает высшей ценностью. Даже если вам мерещится полный переворот в формах оплаты труда или докторская диссертация, вы, если вы настоящий социолог, не имеете права нанести ущерб личности, которая участвует в вашей работе.

Социолог начинается с того, что он отказывается принимать участие в бездушных, манипуляторских затеях, которые не согласуются с нравственными принципами науки: Это требование встречают в штыки нравственно глухие научные работники, невольно свидетельствуя тем самым о своей профессиональной непригодности.

Социолог обязан знать состояние своей в высшей степени специфической науки, иметь представление о том, насколько разработаны те или иные методы, прошли ли они соответствующую апробацию и в какой мере их можно использовать. Методы социологии столь же ответственны, сколь и методы врачевания.

Социологические исследования при правильной их постановке имеют огромное воспитательное значение. Они разъясняют проблему и оказывают благоприятное влияние на человеческое общение. Они дают образцы тактичного, уважительного отношения к человеку. Они способствуют более глубокому пониманию специфических особенностей и мотивов поведения других людей, разрушают предвзятость и предрассудки.

Общество — объект, открытый для наблюдения, Каждый человек, опираясь на собственный опыт, пытается судить

о том, что люди любят, что им не нравится, как они относятся к тем или иным явлениям или друг к другу. Однако социолог-профессионал в отличие от дилетанта помнит, насколько тонка и хрупка структура межличностных взаимоотношений, как легко разрушить ее и нанести тяжелую травму человеку, что разрушить коллектив, перессорить людей куда проще, чем создать отношения уважения и товарищеского сотрудничества.

Неделикатность в области человеческих отношений, общении с «позиции силы», давление «креслом», удары авторитетом — вещи столь же не допустимые для социолога, как для хирурга пользование топором.

- Не будете ли вы столь любезны ответить на ряд вопросов?
- Нет, я не хотел бы отвечать сейчас ни на какие вопросы.
- Извините за беспокойство, всего хорошего.

И все. Больше социолог никаких вопросов не имеет права ставить. Никаких «почему», никаких призывов к совести, долгу.

Это любезность, что незнакомый человек согласился затратить свое время и ответить на вопросы, которые вы ему задали. Он имеет полное право не отвечать. Если же у него возникает хотя бы малейшее подозрение, что информация, которую он поставляет, может навредить ему, то это ошибка исследователя. После такого сигнала он должен немедленно прекратить анкетирование или интервьюирование и заново пересмотреть всю методику.

Люди, бывшие во Франции, нередко отмечают, что французы мало коммуникабельны. Действительно, во французских поездах можно наблюдать такую картину: каждый укладывает свой чемодан на полку, раскрывает книжку или газету, достает бутерброд, бутылочку воды или вина. И никто не спрашивает друг друга: «А вы откуда? Вы куда? Кем работаешь?». Как-то я заговорил об этом с французскими психологами, и они объяснили мне все иначе. «Нам кажется, что дело не в малой коммуникабельности, а в деликатности. Вдруг у вашего соседа по купе умирает близкий человек, и ему совсем не хочется обсуждать ваши вопросы. А другой в дороге просто хочет немного собраться с мыслями. Поэтому, если я не знаю, расположено ли данный человек вступать в контакт, я не имею права нарушать его душевный покой».

Бестактный человек — это микроагрессор. Он так же социально опасен, как пьяный шофер. Он посягает на ваше настроение, на ваше «я», на суверенитет вашей личности.

Бестактность не является монополией безграмотных социологов. Любителей задавать вопросы значительно больше. Среди подобных душевно глухих людей просматриваются два основных типа: одни как бы спускаются «по вертикали», другие везжают «по горизонтали».

Я поступаю на работу. Обязуюсь печь хлеб, тачать сапоги или печатать книги. В связи с этим я вступаю в производственные отношения с начальником своего цеха. В определенных пределах я должен выполнять его распоряжения. Но я совсем не обязуюсь его любить или восхищаться его эстетическими взглядами. Меня можно жестоко критиковать, если я плохо справляюсь со своими прямыми обязанностями, но никому не позволено ссорить меня с коллегами. Я не продал по коллективному договору свою бессмертную душу, свое «я». И он, начальник цеха, не имеет права допытываться, как я отношусь к своему мастеру, к своей жене или к тому, кто работает рядом, подобно тому как я, видимо, не имею права спрашивать, считает ли он «профессионально-образованным» человеком директора предприятия. Наше равенство перед законом, наши отношения коллегиального сотрудничества в том, в частности, и выражаются, что только в области труда и во время труда я подчинен своему руководителю, а в остальном я равен ему. А может быть, и выше его. И я совсем не обязан, встретив его в кино, здороваться первым или на рыбалке выполнять его распоряжения, ловить на червя, если я хочу ловить на блесну.

Одно из профессиональных заболеваний, которое, к сожалению, не изучается соответствующими институтами, заключается в том, что некоторые люди с трудом выходят из своей роли: привыкнув распоряжаться в служебном кабинете, они и за пределами его по инерции продолжают командовать. Это бесцеремонное вторжение в чужую жизнь, нарушение суверенности личности нельзя квалифицировать иначе как злоупотребление служебным положением.

Второй тип — «по горизонтали». Каковы же его признаки? У некоторых крупных специалистов возникает уверенность в непререкаемости своего авторитета, причем не в области собственных исследований, здесь они как раз обычно держатся скромно, но в целом. Скажем, известному химику начинает казаться, что он гений в экономике, и в праве, и в психологии, и в других областях науки.

Как-то я присутствовал на выступлении одного крупного математика. Он твердо отвечал «не знаю» на 90% вопросов, касающихся его предмета, и вел себя здесь в высшей степени корректно. Зато без тени сомнения брался за решение любой задачи из других областей знания, особенно связанных с общественными науками. Твердые «да» и «нет» сыпались здесь на все сто из каждых ста вопросов.

Ну а если такой специалист становится социологом (кстати, это случилось за последние годы не так уже редко)? Тогда отсутствие социологического образования дополняется еще и гуманитарным невежеством. Инженеры привыкают к отношениям типа человек — машина и переносят их на отношения совсем иного типа: человек — человек. «Машинный подход» опасен привычкой к тому, что машине можно задавать любые вопросы. При этом не возникает никаких этических проблем: не хватает информации — добрать, вот и все. Такой подход, к сожалению, характерен и для большой группы людей, пытающихся заниматься социологией.

Разумеется, в исследовании могут использоваться самые тонкие методы: тесты, вопросы, значение которых понятно лишь профессионалам. Поэтому нельзя по отдельным, выдернутым из контекста пунктам анкеты пытаться судить о работе в целом. Однако два условия должны соблюдаться при любом социологическом исследовании: первое — добровольность представления информации и второе — честность во взаимоотношениях между социологом и тем, кого он опрашивает.

22. Увлечения и ограничения

В начале развития любой области знания ее апологеты представляют ожидаемые результаты в преувеличенном виде. Это не удивительно. Ведь здесь до начала исследований они имеют дело с непрофессионалами, которые обычно не представляют себе, как тернист путь науки, которые не знают, что лишь одна десятая часть реализованных исследований дает действительно важные результаты. Правда, настолько важные, что они с лихвой перекрывают все затраты. Если человек сам не попробовал этой езды в незнакомое, не ощутил на собственной шкуре трудностей поиска, вряд ли он действительно поймет других. Неудивительно, что поначалу ученым приходится, говоря

о своей области знания, несколько завышено представлять ее возможности. Без этого не построишь синхрофазоциклотрон стоимостью в сотни миллионов рублей, не создашь современный вычислительный центр, не организуешь новый, современный биологический институт. Без этого нельзя провести и серьезных социологических исследований.

Впрочем, дело не только в этом. Люди сплошь и рядом становятся жертвами собственной пропаганды. И ученым, работающим в социологии, которые столько сил потратили на то, чтобы пробить эту новую область знания, начинает казаться, что они всемогущи, что они методами своей науки способны изучить человека и общество вдоль и поперек. Увлекаясь, они вторгаются в соседние области знания, в искусство, в литературу, полагая, что все им ведомо и доступно. Здесь, на этих рубежах, сплошь и рядом происходит превращение науки в «светские формы религиозного сознания». Вот почему поистине актуально и сейчас, прежде чем объединяться — размежеваться, критически оценить используемые методы, уяснить себе, кто есть кто, где твои сферы влияния. Социология, как мы уже говорили выше, возрождалась у нас в стране как наука дискурсивная, широко использующая статистические и математические методы. С тех пор, как в 1964 году в Новосибирске в Академгородке была издана книга «Количественные методы в социологических исследованиях», интерес к ним не затухал. Именно это отмечали после VI Всемирного социологического конгресса западные обозреватели, пытаясь понять причину, специфику и направления «социологического бума» в СССР. Этот интерес к количественным методам был вызван не столько стремлением приподнять социологию, сколько практической направленностью, стремлением дать свои разработки в форме, которая позволяла бы их непосредственно учесть при подготовке и принятии соответствующих решений. И такой перекокс в сторону логических, математических методов был бы естественным и плодотворным, если бы сохранялось чувство меры, если бы он не был связан с недооценкой литературы и искусства, как исключительно важных форм познания социальных явлений и процессов.

Перелом намечился лишь за последние годы, когда социологи стали более явственно ощущать пределы своей области знания. Этому способствовало и то, что сам взгляд на искусство и науку стал за последнее десятилетие более обогащенным.

Если прежде наука с ее специфическими методами рассматривалась часто как единственная форма познания окружающего нас мира, то теперь даже для представителей самых точных областей знания становится все более очевидным, что в познании социального без литературы, искусства не обойтись.

Член-корреспондент АН СССР, физик Е.Л. Фейнберг в своей статье в журнале «Вопросы философии» справедливо выступил против фетишизации логического мышления, против недооценки синтетических, интуитивных форм познания, характерных для искусства.

«...И в эпоху научного знания, — пишет он, — интуитивное постижение несколько не утратило своего важнейшего значения (хотя некоторые объекты суждений, опосредованные дискурсивно и опытно, перешли в сферу науки). Более того, рост авторитета дискурсивного знания, доходящий до попыток фетишизации дискурсии, с одной стороны, ослабление таких источников авторитета интуиции, как религиозная мистика, обрядовость и опора на божественный авторитет — с другой, предъявляют повышенные требования к искусству в целом и к ассоциативной, эмоциональной и интеллектуальной восприимчивости тех, кому искусство адресовано. Возможно, в этом кроются и причины усложнения, обострение форм, средств, используемых искусством.

Поэтому, можно полагать, искусство как метод, помогающий удержать познание от монополии дискурсии (функции которой во все возрастающей степени передаются машине) и тем обеспечить полноту познания, будет необходимо и в будущем, поскольку адекватное и полное познание в целом есть необходимое условие существования человечества».

Хотя здесь автор и рассматривает искусство в основном с точки зрения познания, с его суждениями трудно не согласиться. Более того, этот подход дает возможность дифференцированно посмотреть на соотношение дискурсии и интуиции в различных областях знания. Математика, физика, техника, химия, биология, гуманитарные науки — наверное, я не очень ошибусь, если буду утверждать, что соотношение дискурсии и интуиции в них различно, хотя, может быть, я и не вполне строго ранжировал их по этому признаку. Если в математике почти безраздельно господствует дискурсия, если она, особенно в XX веке, захватила командные высоты в физике, технике, то вряд ли это можно утверждать о гуманитарных науках,

в частности о социологии, где роль интуиции в действительно содержательных открытиях чрезвычайно велика, хотя, конечно, социология, как, впрочем, и биология и история, стремясь выглядеть прилично и современно, при каждом удобном и неудобном случае стремится облечь свои интуитивно полученные выводы в дискурсивные наряды.

Важная роль чисто интуитивного познания в науках об обществе обуславливает противоречивые последствия. Во-первых, это требует иных нелогических форм доказательности истины. Сплошь и рядом критериями истины здесь являются суждения, которые разделяются другими специалистами. Вот почему отбор специалистов, способных отличать сверкающие крупинки нового знания от серого песка эпигонства и невежества, имеет первостепенное значение для существования социологии.

Во-вторых, нельзя не видеть, что возрастание роли интуиции расширяет возможности спекуляции. Фетиши авторитета, должности, звания, кресла — все это может быть использовано и нередко используется вместо дискурсивных критериев истины и существенно ослабляет чисто научные позиции гуманитариев.

Нередко самообман ученого-социолога питается ограниченностью информации. Ну, скажем, имеющаяся статистика позволяет ему учесть влияние пяти факторов, влияющих на данный процесс. На них он может построить удивительные дискурсивные замки, использовать теорию графов, теорию вероятностей, математическую статистику, мощные компьютеры и пр. Беда лишь в одном: он ищет потерянный ключ под фонарем. А на самом деле данный социальный процесс обусловлен не пятью, а ста факторами. Да к тому же вовлеченные в исследования пять факторов не являются главными, определяющими. В итоге все эти упражнения не дают адекватного представления о данном процессе.

«Порок таких работ, — говорит И. Грекова, человек весьма искушенный и в математике, и в литературе, — отсутствие доматематического, качественного анализа явления, подлинной постановки задачи. Умение ставить задачи, безусловно, должно быть отнесено к области искусства, и в этой зоне наука теснейшим образом смыкается с искусством, включая в себя элементы искусства как неотъемлемую часть.

К сожалению, многие авторы пренебрегают этой важнейшей стороной научных исследований и заполняют свои страницы

пустыми формальными выкладками. Через этот барьер формул и мутных мыслей (зачастую неясных даже автору) трудно бывает продрагаться, чтобы с уверенностью квалифицировать работу как образец псевдонауки»¹⁴⁴.

23. Вагранка или модель человека

Это особенно важно, когда в социологических или в социально-психологических исследованиях мы от среднестатистического человека или от среднеарифметического представителя того или иного класса или группы доходим до проблем личности. Выдергивая то одну, то другую группу факторов, мы неизбежно искажаем картину, хотя порой нам и кажется, что мы просто делаем ее менее сложной, более простой. Но без этих сложностей при бесчисленных ограничениях и абстракциях теряется то, что поэт называл «лица необщим выражением», что мы называем личностью. Напротив, при комплексном подходе столько тончайших, социально-психологических проблем всплывает перед исследователем. Здесь такие нюансы, такие глубины, которые не постигнешь с помощью каменных орудий современной социологии и психологии и которые, будем справедливы, некоторые исследователи просто не чувствуют.

Все это лишь подчеркивает настоятельную необходимость использования для *более полного* познания социальных явлений не только средств науки, но и искусства, прежде всего литературы.

Тут требуются невероятные психологические эксперименты в предельной ситуации. Тут нужно идти до края, до пропасти. И здесь не обойтись без писателей, которые задолго до появления слов о системном, комплексном и прочих подходах доступно разъяснили вещи, которые мы нынче начинаем переткрывать. «Что знает рассудок? — спрашивал, например, Ф. М. Достоевский. И отвечал: — Рассудок знает только то, что успел узнать (иного, пожалуй, и никогда не узнает; это хоть и не утешение, но отчего же этого и не высказать?), а натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть врет, да живет»¹⁴⁵.

¹⁴⁴ Журнал «Вопросы философии», 1976, № 10, стр. 105.

¹⁴⁵ Достоевский Ф.М. Собр. Соч., т. 4, М., 1956, стр. 155.

Если так подходить к натуре человеческой, то в ней обнаруживается немало удивительного, алогичного, парадоксального. Например, в структуре ценностей жизни, мотивов поведения, о которых теперь любят говорить и писать социологи.

«Ведь вы, господа, сколько мне известно, — говорит цитировавшийся выше автор устами одного из своих героев, — весь ваш реестр человеческих выгод взяли средним числом из статистических цифр и из научно-экономических формул. Ведь ваши выгоды — это благоденствие, богатство, свобода, покой, ну и так далее, и так далее; так что человек, который бы, например, явно и зазнамо пошел против всего этого реестра, был бы, по-вашему, — ну да и, конечно, по-моему, обскурант или совсем сумасшедший, так ли? Но ведь вот что удивительно: отчего это так происходит, что все эти статистики, мудрецы и любители рода человеческого при исчислении человеческих выгод постоянно одну выгоду пропускают? Даже в расчет ее не берут в том виде, в каком ее следует брать, а от этого и весь расчет зависит»¹⁴⁶.

О какой же все-таки выгоде, от которой весь расчет зависит, говорит этот знаток души человеческой, высмеивая любителей «научно-экономических формул» и «статистических цифр»? Вот, пожалуйста, «свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий, каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия, — вот это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту». И удивительнее всего: это, оказывается, не так уж вредно нашему брату, «может быть выгоднее всех выгод.., потому что во всяком случае сохраняет нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность».

Можно спорить с Ф. М. Достоевским, но нельзя не видеть, что такие нюансы не схватишь с помощью дискурсивного знания. В этих рассуждениях свобода самовыражения, самоосуществления, право на собственные поиски и ошибки — это главнейшая выгода, без которой человек не может сохранить себя как личность. И то, что мы стремимся расширить эту свободу, обеспечить в том числе расширение свободы поисков призвания не для капризничающих одиночек, а для всего об-

---

¹⁴⁶ Там же, стр. 149.

щества, для всех классов и социальных групп — лучшее свидетельство того, что здесь создаются все более благоприятные условия для синтеза человека экономического, социального и духовного, реальных шагов к обществу, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»¹⁴⁷.

Социолог, и не будем об этом забывать, изучает, строго говоря, не личность, а среднестатистического человека в среднестатистической ситуации. При операции осреднения живого человека как бы обстругивают. В результате у него из бесконечного числа граней, в которых запечатлелась в нем его и его предков природа, история, социум и что придавало ему отблеск единственности и неповторимости, остается совсем немного — в зависимости от того, как его обстругивали исследователи. Он может стать трехмерным или плоским как доска, а то и одномерным человеком. Если по результатам такого абстрагирования (то есть обстругивания) мы попытаемся делать прогнозы относительно его поведения — мы только людей насмешим: индивидуум скончался при операции осреднения, а для изучения поведения живых людей нельзя использовать трупы. И здесь в нашем анализе мы наталкиваемся на пределы, которые не перейдешь.

К тому же этот среднестатистический человек в среднестатистической ситуации, конечно же, безнравственный и бездуховный. А если мы из него выпотрошили совесть, способность к самооценке и к самоограничению, нравственное самосознание, то его модель оказывается весьма несовершенной. И хотя сейчас некоторые математики в эйфории публично обещают сконструировать модель человека, это может вызвать у людей, способных к критическому анализу, лишь усмешку. Эти математики (или кибернетики) имеют тысячекратно преувеличенное представление о возможностях науки и тысячекратно преуменьшенное представление о сложности человека, который уж наверняка не менее неисчерпаем, чем атом.

Как-то два математика в Академгородке объявили, что они построят модель человека. Они напряженно работали два года. Наконец, когда дело дошло до выдачи результатов, они несколько смущенно объявили: «Модель человека у нас пока не получилась, но мы построили модель КМК — Кузнецкого металлургического комбината, точнее, модель вагранки (заводская печь для переплавки чугуна)».

¹⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, стр. 447.

Это было, конечно, честное признание. И оно имеет важное приложение и сегодня, прежде всего в главном: «Давайте не путать человека с вагранкой. Давайте реально видеть пределы научного знания».

Пределы — здесь, пределы — там, — скажет недовольный читатель. — А как же прогресс науки? Не знаю, кто и когда вбил нам в голову эту мысль об исключительной самоценности развития науки. И так прочно, что стали мы забывать, что прогресс знания не цель, а средство. Причем средство, целиком и полностью подчиненное интересам человека и человечества.

Речь, конечно, не идет об абсолютных, неизблемых пределах. По мере того как сужаются возможности дискурсивного познания социума и человека, все более расширяются иные горизонты. В том, чего сегодня не может совершить наука, не преступая своих собственных ограничений и нравственных пределов, ей может помочь искусство и прежде всего литература.

24. Социология и художественная литература

Писатели называют социологию «родственной наукой». К сожалению, «родственники» бывают разные. Сплошь и рядом они отличаются от чужих людей бесцеремонностью. Нечто подобное происходит, когда «социологический родственник» отважно сулит раскрыть «суть искусства» или осуждающе покачивает головой по поводу отклонения прозаика в изображении своих героев от среднестатистического образа.

Представим себе, например, последствия использования подобных подходов к таким произведениям, как «Белый пароход» Ч. Айтматова или «Живи и помни» В. Распутина, огромная нравственная сила которых органически связана с исключительностью ситуации, в которой оказываются герои. Да и сами герои здесь индивидуальны, необычны, неповторимы, и именно благодаря этому они так поражают воображение читателя, так, говоря словами Ф. М. Достоевского, «пробивают сердца».

Часто различия между литературой и социологией смазывают: написано ярче, живее — литература, суше — социология. В действительности дело не в форме. Суть в том, что они работают в разных плоскостях. По мере перехода от человека экономического и социального к человеку нравственному и

духовному роль социологии резко уменьшается, ибо она наталкивается на свои естественные пределы. Напротив, роль литературы резко возрастает, она вырывается на оперативный простор, где ей почти все доступно и дозволено.

Здесь нельзя рассчитывать, что научные работники откроют глаза литераторам, укажут нравственные и духовные коллизии. А ведь это главное поприще творчества писателя. Несоизмеримость героев художественных произведений, несводимость их к общему знаменателю, сложность и непредсказуемость художественного взаимодействия книги и читателя, опасность обстругивания образа фактически не дают право социологу на оценочные суждения, а тем более на декларации о том, хорошо или плохо отражает этот роман реальную жизнь¹⁴⁸.

Впрочем, оговоримся: речь идет о потенциях, а отнюдь не о возможностях, реализованных в каждом произведении. Повсюду множество повестей и романов, авторы которых просто занимаются иллюстрацией исторических или социологических схем и которые ничем, кроме амбиции, не отличаются от тех, кто печатается под скромной рубрикой — публицистика. Мы не говорим уже о том, что многие из этих романов не содержат ни попыток осмысления новых социально-экономических или старых исторических проблем, характерных для публицистики, ни корректного, фундированного анализа их, что требует наука, оценочные суждения, а тем более на декларации о том, хорошо или плохо отражает этот роман реальную жизнь.

Здесь опять рвется социология за свои пределы. Опять хочет возвыситься на плечах других: оценивать, сравнивать, командовать, управлять. С чувством растущей настороженности я наблюдаю за этими попытками вторжения в творческий процесс, ибо наука для многих литераторов все же авторитет, к ней, что ни говори, прислушиваются. Серость, тривиальность многих современных произведений искусства в огромной мере результат ориентации части наших писателей на эти средне-статистические образцы, которые выдаются за типические. Деятели науки должны быть вдвойне бдительными и тройне корректными, ибо всякая попытка инвентаризации, осредне-

---

¹⁴⁸ Разумеется, социологи имеют право, как и все, высказывать свое мнение, но в этом случае они выступают лишь в роли читателя, а отнюдь не как ученые-специалисты.

ния художественных произведений, вольно или невольно это покушение на самое дорогое для настоящего художника — на свободу его творчества. Там, где начинается сфера собственно художественного творчества, литератор — главный распорядитель, исследователь и интерпретатор.

Удивительный секрет настоящего художественного произведения — напоминать читателю, что он существо, живущее между Землей и Небом, отрывать его от повседневности, вводить его в иной мир, где герои книг окружают его и он сам становится одним из них. «Гений писателя стократно приумножал мой жизненный опыт, — писал в своей последней статье скончавшийся недавно советский писатель А. И. Смирнов-Черкезов. — Я был графом и безлощадным крестьянином, был влюбленной девушкой и старой бабушкой, был бродягой, картежным игроком, сумасшедшим, убийцей, был даже лошадью и собакой. Много раз рождался и умирал, жил в Древней Элладе и в гитлеровской Германии, побывал в аду и в раю, сражался с Наполеоном и ветряными мельницами. Я испытал все искушения и страсти, поднимался на вершину человеческого духа и низко падал. Каждый день я живу своей и чьей-то еще жизнью и низко кланяюсь писателю, когда эта чужая жизнь становится моей».

Литература сжимает, концентрирует человеческую жизнь, рассматривает *предельные* ситуации, с которыми человек сталкивается подчас слишком поздно и в таком состоянии, что не имеет уже сил и времени их понять и осмыслить. Подобно металлу человек обнаруживает себя на изломе, в экстремальных условиях. Только тогда выявляются действительные ценности и резервы личности. Но ведь человек не живет и не может жить постоянно в такой предельной ситуации, у любого самого сильного человека внутренние, ресурсы ограничены. И если социолог фиксирует человека в повседневной жизни, то настоящий художник всегда рассматривает человеческую судьбу как сумму его предельных состояний, когда наиболее полно раскрываются его глубинные ценности, нормы, цели и методы.

Писатель имеет право ставить своего героя в самые исключительные, подчас невероятные условия. Когда, например, герой одного из произведений оказывается за линией фронта, в тылу мятежников, с заданием взорвать мост, чтобы обеспечить успех наступления республиканцев, он живет эти дни такой напряженной жизнью, он оказывается в таких переплетах, он так

раскрывается в своих поступках, что вряд ли найдется критик, который усомнится в том, что художественно это не только оправданно, но необходимо. И когда в свой последний бой вступает тяжело раненный Джордан, который отдал все, что мог, за то, что казалось ему достойным и дорогим, читатель не только верит ему больше, чем многим своим закадычным друзьям, но и постигает, почему «этот колокол звонит по тебе».

Сжимая жизнь героев до суммы звездных часов, литература создает новое пространство, новые измерения. В них читатель может уйти, как писал М. Горький, от «томительно грустной жизни», когда кажется, что смысл утерян и жить дальше нельзя. «И только в сфере искусства, — пишет один из крупнейших английских прозаиков, Джон Уэйн, — человечество способно воспарить над своими поражениями и несоответствиями. Лишь созерцая великое полотно, слушая великую симфонию, читая великий роман или поэму, мы присутствуем при утверждении человека без его отрицания, при человеческих достижениях без человеческих провалов — и все это исключительно благодаря тому, что отрицание, провалы художественно осмысляются и показываются нам вместе со всем остальным, поднимаясь до высот искусства, когда наши несовершенства, как в зеркале, отражаются перед нами сквозь наши достоинства, и мы тогда умиротворенно и с благодарностью воспринимаем самих себя».

С этим неразрывно связана «охранительная функция литературы». Она активно защищает право человека на индивидуальность, неповторимость, суверенность его внутреннего мира. «Так, — совершенно справедливо говорит писатель Д. Данин, — параллельно проблеме охраны внешней среды возникает проблема охраны внутреннего мира человека. И так же, как в решении первой проблемы неопределима роль науки, так в решении второй неопределима роль искусства».

Герои этого параллельного мира создают те органические, нравственные ценности, которые лежат в основе собственного поведения читателя в критических ситуациях. Они очерчивают Волгу, дальше которой отступать нельзя. (Хотя пределы эти не универсальны: у одних Волга течет по Днепру, у других — по своему руслу, у третьих — далеко за Уралом.) Тем самым литература, обозначая пределы, преступать которые можно лишь ценой разрушения личности, активно способствует формированию совести.

Здесь литература помогает не только формированию нравственных норм. Она позволяет обрести смысл своего назначения, неразрывную связь не только с семьей, родом, но и с высшими ценностями культуры. Человек социальный возвышается до человека духовного.

25. К человеку нравственному

Понять, осмыслить во всей полноте эти проблемы тем сложнее, что в человеке так все туго связано, так взаимоопосредованно, так круто замешено. К тому же духовное и нравственное сплошь и рядом подменяется социальным и рациональным. Между тем нельзя добиться повышения роли литературы в нравственном воспитании народа без понимания этой специфики.

Человек социальный, например, очень широкое понятие. И его появление знаменовало собой начало целой эпохи. А когда он вовлек в поле своего зрения и стал идентифицировать свои собственные проблемы не только с семьей, но и с родом, племенем, нацией, на конец, всем человечеством, никто уже не мог отрицать, что на такой уровень не поднималось ни одно живое существо, что он поистине, общественное животное.

Тем не менее не только и не столько это выделяло его из животного мира. Ведь нынче общепризнано, что животные вступают между собой в социальные отношения, объединяются в малые группы и довольно сложные организация. Развитие их подчиняется определенным законам, которые изучает сегодня целый комплекс наук.

Главное отличие человека от животного в сфере нравственного и духовного, что, разумеется, отнюдь не предполагает отрицание его биологической природы или значения социальных факторов. Что же касается социальной сферы, то она всегда находится между духовным и плотским. И она может быть по-разному окрашена. Когда социальная активность идет от духовных потребностей, она имеет высший смысл, она поднимает человека. Когда социальная деятельность окрашена лишь материальным интересом, человек биологизируется и как бы возвращается к своим дальним предкам. Биосоциальные ориентации гипертрофируются, вытесняя нравственные и духовные. В результате возникает и получает распространение специфический тип личности, который с некоторыми оговорками можно было бы назвать рациональным.

Термин «рациональный» нам не кажется вполне адекватным. Он может быть уточнен. Но дело, видимо, не в дефинициях. В их прокрустово ложе не втиснешь подчас такие сложные и многообразные феномены. Для расшифровки этого типа, который хотя и не крещен, но довольно широко распространен, попробуем просто набросать эскиз к его словесному портрету.

Человек рациональный — промежуточный продукт общества. В социологии для определения подобного типа используют термин «внешне-ориентированная личность». Ее антагонистом является «внутренне-ориентированная личность», которая не следует внушаемым извне правилам поведения. К человеку рациональному ближе всего первая. Он, по сути, весь вовне.

Годами в его сознании внедрялось, что человек — продукт среды. И в конце концов он поверил. Благодаря этому он получил ряд преимуществ, прежде всего постоянное чистое алиби, с него сняли ответственность за свои поступки. Если человек рациональный не нарушает какие-то нормы, то лишь потому, что боится внешних санкций. Даже если у него эти нормы становятся полурефлекторными, они как бы результат своеобразной дрессировки. У человека в этом случае с помощью кнута и пряника вырабатываются лишь временные, условные рефлексы, а не нравственное самосознание. Попытки же внедрить в сознание рационального человека образцы поведения, используя кино, печать, телевидение, не затрагивают обычно глубин человеческого «я» и без труда нейтрализуются или опровергаются разумом — этим слугой эмоций, потребностей, интересов: Да он и сам себя постоянно чувствует, как бы в жестком игровом противоборстве с обществом или с теми или иными социальными институтами. И на угрозы общества он отвечает выработкой своей контркультуры. «Красть нехорошо, за это посадят в тюрьму», — говорит ему общество. «Правильно, но не пойманный — не вор», — возражает он.

У человека рационального, как видно, нет внутренних ограничений, то есть *он лишен совести*. Благодаря этому он способен получать удовольствие, если ему удастся кого-то перехитрить, обмануть.

Человек рациональный видит одну реальную цель жизни — получение максимума удовольствий. В основе его помыслов и действий, как у общественного живот ного, лежит *свой кровный интерес* (обеспечить воспроизводство своего рода, удовлетворить свои биологические потребности плюс некото-

рые социальные потребности, часто связанные с первыми, — богатство, власть, престиж, статус). К духовным, нравственным ценностям он относится снисходительно иронически как к пережиткам прошлого, хотя и сознает, что людей духовных, нравственных можно неплохо использовать в своих интересах. Поэтому он морализует, оценивает, призывает к соблюдению «правил общежития», этики. Но при этом сам он лишь имитирует нравственные поступки, ибо начисто лишен внутреннего морального чувства. Себе он грехи отпускает с легкостью необыкновенной: «иначе я не мог», «мне тяжело, поэтому мне это дозволено», «с волками жить — по-волчьи выть».

Он понимает, что его желания ограничены стремлениями других. Он так хочет обустроить свою жизнь, чтобы она учитывала не только его противостояние природе, но и обществу. Сквозь призму кровного интереса он видит необходимость познания социума. Человек рациональный непрерывно, словно четки, перебирает варианты: *что выгодно, что невыгодно*. Нынче он привлекает к этим расчетам компьютеры, что, впрочем, по сути, ничего не меняет.

Стремясь иметь самые точные и конкурентоспособные расчеты, он нуждается в новейшей информации и ищет ее везде, где возможно, — в печати, в статистике, социологии, в социальной психологии. Он постоянно не только добывает, но и торгует социальной информацией, которая для него окрашена материально. В основе его отношений с другими стремление меньше дать, больше взять, но как минимум обеспечить *эквивалентный обмен*. В значительной мере добыче и обмену информацией подчинены его личные отношения — знакомства, дружба.

Рациональный человек очень привязан к этому миру и его благам. У него высоко развито чувство самосохранения. Он космополитичен, у него обычно нет сантиментов, чувства родины, но развито ощущение групповой солидарности с себе подобными. У него мало мужества, но много гибкости. За исключением состояния аффекта, ненависти, фанатизма, он не способен на жертвы, но всегда — на компромисс. Это обусловлено как раз тем, что он не имеет надежных нравственных опор, они в меняющемся, сиюминутном.

Как видно, человек рациональный — гедонист.

Он оживлен, но не одухотворен.

Он обычно исполнитель, но не творец.

Он не религиозен, но суеверен, то есть сплошь и рядом во власти светских форм религиозного сознания.

Как видно, рациональный человек — существо во многом несовершенное. Изучение и отрицание его средствами искусства — необходимое условие формирования человека нравственного и духовного.

Кратко, человек духовный — это *человек с совестью*. Иначе говоря, со способностью внутренне различать добро и зло, оценивать свои помыслы и поступки, формулировать для себя нравственные предписания, требовать от себя их исполнения. «Голос внутренней совести не есть абстракция, — пишет в «Литературной газете» академик А.Д. Зурабашвили, — а святейший дар, без которого невозможна жизнь и деятельность человека».

В этом случае человек становится обладателем внутренних ценностей столь весомых, что именно они определяют его главные решения и поступки. Человек духовный преодолел в себе опаснейшее искушение видеть смысл существования в удовлетворении своих непрерывно растущих потребностей. Благодаря этому он обрел новую грань свободы, которая делает его способным служить высшим ценностям культуры, поискам истины, смысла бытия.

Он признает огромную роль социальных и экономических проблем в жизни человека, но он всегда видит в них не цель, а средство. Он не может полагать, что творимые людьми социальные институты могут быть выше их самих, а магия природы, искусства для него не менее важны, чем материальное, ибо благодаря им растет духовное богатство в мире.

Человек духовный не против рационального знания, но он угадывает его ограниченность, чувствует, что в мире немало есть такого, «что и не снилось нашим мудрецам». Работая в науке, он сохраняет определенную самостоятельность. Он никогда не позволяет авторитетам, мифам и идолам науки увлечь себя целиком. Именно благодаря этому основные открытия в науке были сделаны такими свободными, бескорыстными и самоотверженными людьми.

С развитием человечества может происходить переход к человеку духовному. Но может и наоборот: сфера духовного вытесняется и заменяется биосоциальными эрзацами.

В своей жизни отдельный человек может от чисто экономических проблем, связанных с удовлетворением материаль-

ных потребностей, подниматься до нравственных и духовных. Впрочем, может и «заикнуться» на одном из первых этапов.

Вот почему представляется весьма знаменательным появление целой плеяды русских прозаиков за последние годы — С. Залыгина, В. Распутина, В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Белова и ряда других авторов, про изведения которых имеют огромный общественный и нравственный резонанс. Их повести и романы не имеют вроде бы прямого отношения к молодежной тематике в отличие, скажем, от повести В. Тендрякова «Ночь после выпуска» или романа Р. Мерля «За стеклом», которые мы рассмотрели специально. Да и главные герои этих книг совсем немолодые люди, а подчас простые деревенские старухи. А издают этих авторов — и очень охотно — молодежные издательства.

Это представляется весьма симптоматичным и обнадеживающим. Деление на молодежную и взрослую литературу всегда очень условно. А в условиях современного информационного бума тем более. Что же касается самого главного — нравственного эффекта, то трудно назвать других представителей нашей художественной прозы, произведения которых имели бы такое же важное значение для формирования человека духовного, как книги перечисленных мною выше авторов.

Тем не менее, хотя многие из них стали «модными писателями» и книги их идут нарасхват, нравственное значение их произведений недостаточно осмыслено нашим литературоведением. А тут есть о чем подумать и поспорить. Это настоящая проза, и она заслуживает глубокой литературной критики и интерпретации. Ведь речь идет о новых своеобразных попытках духовного самопознания народа.

Для нравственного воспитания молодежи принципиальное значение имеет разработка глубоких, подчас скрытых истоков нравственного поведения. Здесь очень важно видеть за все растущим универсализмом и стандартизацией современной жизни специфические, свойственные данному народу глубинные, укоренившиеся в веках традиции, которые, пробиваясь через наносный слой современности, определяют поведение личности, групп, народа, особенно на крутых поворотах истории. Именно эти глубины народной жизни привлекают этих авторов, а не внешние технико-экономические проблемы. Возьмите «Прощание с Матёрой» В. Распутина. И смех и грех слушать и читать споры и вопросы о том, как же все-таки относится автор

к строительству гидростанции, в результате которого будет затоплена Матёра. Да никак он к этому не относится. Не это его волнует, не для того он взялся за перо.

Ему видятся иные дали, его терзают другие вопросы. И земля родная, и дом родной для него не жилплощадь, а нечто в тысячу раз более важное — основа жизни и нравственности народной. «В земле, в почве, — говорил сто лет назад устами своего Парадоксалиста Ф. М. Достоевский, — есть нечто сакраментальное. Если хотите переродить человечество к лучшему, почти что из зверей поделайте людей, то наделите их землей и достигнете цели»¹⁴⁹. А здесь почти обратная ситуация. Разбредаются с Матёры крестьяне и становятся совсем иными. И лишь старухи — эти носители народного начала — догадываются, что мы в нашем техническом, урбанистическом упоении подчас готовы все выкинуть «на свалку истории», не соображая, что вместе с водой выплескиваем ребенка, рушим опоры народной нравственности.

Автора занимает вроде бы побочный продукт подобных решений — как сказываются они на неповторимом, веками сформировавшемся духовном облике народа. А на поверку этот побочный продукт, как мы теперь лишь начинаем понимать, оказывается главнейшим.

Вот почему так мучительно для Распутина прощание с Матёрой.

Повесть «Живи и помни» Распутина тоже порой пересказывают так: дезертир во время войны прячется в лесу, а жена его Настёна знает об этом, но не сообщает по инстанциям, а кормит, прячет и любит его. А когда узнают сельчане обо всем, начинают ее ловить, то не находит она иного выхода как утопиться.

Только схема эта настолько обездушена, что отражает содержание повести с точностью, как говорят, до наоборот. В действительности Настёна, главный герой повести, потому оказывается в безвыходном положении, что она носитель истонченных нравственных начал, что она не может не жить по ним и трагический конец ее неизбежен. И жизнь оказывается невероятно трудной и нравственный выбор таким беспощадным. И война повернулась тут разрушением нравственных начал людей, находящихся далеко от войны. И то, что нам до слез жалко На-

¹⁴⁹ Достоевский Ф.М. Полн. Собр. Соч., т. 10, стр. 290.

стёну с ее трудной судьбой, с ее внутренней честностью, с ее самоотверженной любовью, с ее трагической гибелью — лучшее свидетельство того, что Распутин учит добру, что он добился огромного нравственного воспитательного эффекта, который важен как для старых, так и для молодых.

Такие произведения имеют важное воспитательное значение не только потому, что мы «не Иваны, не помнящие родства». Они учат нас глубже понимать сложность и спаянность социальной и духовной жизни человека. Читая «Последний поклон» В. Астафьева, нельзя не поразиться не только лиричности и пронизательности автора, который сумел сохранить память в сердце о тех трудных, голодных годах, но и написать прекрасный образ старой бабки своей, которая заменила ему родителей, поставила его на ноги, воспитала, научила чувствовать, как опасно рушить во имя модных нововведений невосстанавливаемые ценности.

Сергея Павловича Залыгина никак не причислишь к молодым авторам. Но лишь недавно, когда он опубликовал новый роман «Комиссия», многим захотелось вновь перечитать его роман «Соленая падь» в повесть «На Иртыше», ибо в целом, в единстве своем это своеобразная трилогия о судьбах сибирского крестьянства в самые переломные, драматические моменты его истории. И опять же замечательна эта трилогия не только правдивостью и художественностью своей, не только обилием исторического материала (а чтобы реальнее это ощутил молодой читатель, отмечу, что для одного лишь романа «Соленая падь», произведения по существу документального, С. Залыгин сделал 100 тысяч страниц конспектов и выписок из различных архивов). Самое существенное здесь история и эволюция духовных ценностей сибирского крестьянства.

Для анализа таких тонких материй автор не мог ограничиваться лишь историческим материалом: он не историк, он — художник. Вот почему в романе «Комиссия» С. Залыгин широко использует при исследовании духовной жизни сельчан предания, мифы, легенды, идущие от первых переселенцев в Сибирь, которые не только не потеряли свое значение в годину величайших потрясений, но, напротив, служат важнейшими (порой единственными) нравственными ориентирами, пронизывают в преобразованном виде всю жизнь сельчан, помогают им отличать в запутанных ситуациях добро и зло, служат своеобразными нравственными императивами. И опять

внешняя драматическая канва этих произведений не должна нас сбивать с панталыку. Залыгина, как и Распутина, интересуют прежде всего не сами по себе исторические события или социально-экономические преобразования, а их духовный, нравственный эффект. И, скажем, когда в повести «На Иртыше» описывает он коллективизацию в одном сибирском селе, как в ходе ее выселяется и объявляется пособником классовому врагу Степан Чаузов, самый трудолюбивый и нравственный мужик на селе, за акт милосердия, за спасение детей, оставшихся без родителей, автор поднимается до высокого обобщения, показывая, что цель не оправдывает средства, что даже во времена крупных социальных преобразований нельзя приносить в жертву совесть, нравственные, духовные начала народа.

Эти произведения художественной литературы, по явившиеся у нас за последние годы, реально противостоят обезличке, стандартизации, рационализации, всей этой суете сует, которую порой называют вестернизацией и которая, чего греха таить, захватывает у нас порой некоторые группы молодежи. Способствуя самопознанию народа, в том числе нашей молодежи, помогая отчетливее понять себя, свою подлинную историю, свой неповторимый облик, они в то же время свидетельствуют, что художественная литература была и остается у нас главным средством познания истоков нравственности, духовных начал народной жизни.

26. Вместо заключения

Комплексность — необходимая предпосылка успешного решения проблем воспитания подрастающего поколения, в том числе нравственного воспитания. И отдача от этого также комплексная, многоплановая. Она выражается не только в том, что молодые люди становятся более воспитанными, более вежливыми. Повышение уровня нравственности народа означает, что общество стало более зрелым, человечным, что социальные отношения стали менее жесткими и формальными, что производство стало более эффективным и качественным.

«Мы все привыкли думать, — писал Лев Толстой, — что нравственное учение есть самая пошлая и скучная вещь, в которой не может быть ничего нового и интересного; а между тем вся жизнь человеческая, со всеми столь сложными и раз-

нообразными, кажущимися независимыми от нравственности деятельностями — государственная, научная, и художественная, и торговая — не имеет другой цели как большее и большее уяснение, утверждение, упрощение и общедоступность нравственной истины».

В нравственном воспитании всегда оказываются воедино слиты и совершенствование внешних условий, и совершенствование самого себя. Игнорировать последнее, сводить все только к внешним условиям не менее опасно, чем забывать о необходимости изменения социальных отношений. Человек отвечает не только за социум, но прежде всего за самого себя.

Воспитание нравственности ничего общего не имеет с морализаторством. В. Тендряков в «Правде» в статье «Совесть за партой» справедливо отмечал, что «совести нельзя обучить как химии». Для этого, пишет он, человек «должен быть приобщен к великому нравственному опыту всего рода людского, мало того — научиться сопереживать то, что в разные времена духовно потрясало человечество».

Но как же приобщить новые поколения к великому нравственному опыту всего рода людского?

Прежде всего не игнорировать его. При всех своих блужданиях и ошибках человечество накопило огромный опыт. Он дает возможность не только точно определять цель (повышение нравственности), но и во многом правильно отвечать на вопрос *как?*

Мы уже подчеркивали особую роль, которую играет искусство, литература в нравственном воспитании подрастающего поколения.

Все произведения искусства с нравственных позиций можно было бы подразделить на две группы. Первая — произведения, потрясающие душу, *пробуждающие совесть*. Вторая — произведения, *убаюкивающие совесть*. Поскольку обычная жизнь не каждый день предлагает серьезные испытания совести, не ставит человека в предельные ситуации, когда он сам должен делать нравственный выбор, будучи готовым идти на подлинный риск и самопожертвование, то в этих условиях единственным способом борьбы против атрофии совести является внутреннее переживание предельных ситуаций, которые может дать подлинное искусство. Всесторонне, мысленно, интуитивно, эмоционально, подсознательно, переживая вместе с героем художественного произведения его нравственные коллизии, его поиски,

его решения, читатель не может постоянно не оглядываться на себя, мучаясь этими проблемами как своими собственными. И, закрыв книгу и возвращаясь из мира художественного вымысла в реальный, он приходит уже иным: очищенным, узнавшим о себе немало удивительного, с окрепшими выстрадавшими нравственными ориентирами, более опытным и зрелым духовно. Огромное число срединных, массовых произведений литературы и искусства, не затрагивающих глубинных пластов человеческого сознания и психологии, усыпляют совесть. Передко оказывают деморализующее влияние. Напротив, самые жестокие произведения нашей и мировой литературы, например, романы и повести Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др. дают такую встряску читателю, на такой предельной ноте повествуют о делах человеческих, так бесстрашно раскрывают проклятые вопросы и конфликты духовные, что их роль в формировании человека нравственного и духовного сегодня мы уже не имеем право недооценивать.

За последние годы, как мы уже отмечали, все больше произведений, авторы которых обращаются к сложнейшим духовным проблемам, к истокам нравственности, способствуя росту самосознания нашего народа. «Мне близки эти писатели, — справедливо говорит Ю. Бондарев о Белове и Астафьеве, — потому что они вскрывают глубокие социально-нравственные пласты народной жизни, касаясь непреходящих духовных ценностей. Когда утрачивается традиция, исчезает ощущение истоков и взаимосвязей, так как настоящее — это реализованные возможности прошлого. Каких бы высот ни достиг современный прогресс, нравственные начала в человеке являются охранителями его духовного мира, который не имеет права быть пустыней обезвоженной, однако богатой синтетическими ценностями. Если человек утратит чувство ответственности перед миром, чувство сопричастности чужой боли, он превратится в машину с пластмассовыми деталями».

Если наша страна оказалась способной перенести тягчайшие испытания, если и ныне мы встречаемся с высокими проявлениями нравственности, то это прежде всего благодаря наследственной информации, которую мы получили через великую русскую литературу, самую бескомпромиссную, самую отчаянную, самую ищущую в мире. Эти традиции живут и крепнут в нашей литературе, составляют надежный фундамент нравственного воспитания молодежи.

«ВОЗРОЖДАЮЩАЯСЯ СОЦИОЛОГИЯ И ОФИЦИОЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ»¹⁵⁰

Рассказывать автобиографию, говорить, почему избрал социологию, как складывалась профессиональная карьера — дело довольно скучное. Самая короткая наша биография на кладбище: две даты, соединенные дефисом. Но если не сводить дело только к датам... Я потомственный сибиряк. Мой отец был преподавателем Барнаульской гимназии с 1907 по 1917 год, а потом преподавал русскую литературу в школах Барнаула. Можно бы рассказать о том, что мой дед был крепостным горнорабочим на демидовских рудниках здесь же, в Барнауле, и освобожден был в 1861 году по реформе Александра II. Видимо, он был упорный мужик, потому что стал землемером — выучился сам. При освоении земель на Алтае в то время это была важная профессия, и через двадцать лет он был уже почетным гражданином Барнаула.

Если говорить об особенностях моей судьбы по сравнению с судьбами большинства социологов, то прежде всего это то, что в 1937 году мой отец был арестован органами НКВД по абсолютно липовым материалам, как мне удалось узнать совсем недавно. В официальном свидетельстве о смерти утверждалось, что отец умер в 1944 году от сердечной недостаточности. Я раскопал материалы в КГБ и выяснил, что он был расстрелян 2 октября 1937 года [1]. Это был важный фактор в моей жизни. Моя мать, учительница литературы, была уволена, а я как сын врага народа — исключен из школы без права поступления. Это продолжалось примерно восемь месяцев, потом, в 1938 году (мы писали разные ходатайства, просьбы и прочее) из Москвы пришло указание о том, чтобы меня вернуть в школу, а Шубкину восстановить на работе. Все это наложило определенный психологический отпечаток, и я выпал, так сказать, из общего круга людей более или менее благополучных.

В 1941 году я окончил среднюю школу, наш выпускной вечер, как и у многих — это уже стало немножко банальностью — был 21 июня. Мы всю ночь гуляли с одноклассниками, с утра начали танцевать (22-го утром был какой-то праздник, оркестрик пиликал в Парке культуры), и вот поднялся человек, как говорили тогда, в «сталинке», во френче, отодвинул дирижера и сказал: «Товарищи, сейчас поступило сообщение из Москвы о том, что фашистская Германия напала

---

¹⁵⁰ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. / Ответственный редактор и автор предисловия Г.С. Батыгин; Редактор-составитель С.Ф. Ярмолюк. — СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

на нашу страну. В связи с этим праздник отменяется, расходитесь по домам». Что мы и сделали. Поскольку все мы считали, что война справедливая, если на нас напали — кто же будет защищать страну, если не мы, — то решили добровольно идти в армию. Добровольцев собрали и сказали: «Мы ценим ваш патриотический порыв, но у нас мобилизация проходит в плановом порядке, поэтому трудитесь на своих местах, когда понадобится, мы вас мобилизуем». Я еще нигде не трудился, но тут пришла директор школы и сказала: «Володя, у нас забрали физкультурника, ты не согласишься преподавать с пятого по десятый класс физкультуру?». Других предложений не было, я согласился и тридцать дней проработал в этой школе.

На 31-й день получил повестку из военкомата — явиться на следующее утро, имея при себе лыжи, ботинки, все необходимые вещи. Я был немножко удивлен, но явился, как положено, и увидел сплошь знакомых — вся сборная Алтайского края по лыжам была мобилизована одновременно. Нас погрузили в эшелон и повезли не на запад, а на восток в качестве инструкторов в лыжно-парашютные батальоны, в составе которых, как предполагалось, мы должны были вступить в войну. На следующий день особисты начали заполнять на нас всякие документы — ну, не анкеты, а такие гроссбухи: год рождения, образование... Репрессированные есть? По какой статье? Я сказал, что арестован отец по статье 58 пункт 10 (контрреволюционная пропаганда). Вскоре вышел офицер: «Иванов, Сидоров, Петров, Шубкин — команда 33, выходи строиться». Мы построились, нас посадили в эшелон и повезли. У меня было дурацкое, наивное впечатление, что нас решили послать прямо в бой. Я фронта не боялся, а даже рвался туда: казалось, помимо всего прочего, это может сыграть какую-то роль, чтобы реабилитировать отца. Я считал, что он находится в заключении и надеялся, что он еще жив.

Нас высадили в Новосибирске и повезли в степь. В степи, неподалеку от Новосибирска находились какие-то огромные склады, там валялись стройматериалы, доски. Сказали: «Стройте здесь себе трехэтажные нары». Мы стали пилить доски, делать нары. Сделали нары. Уже было холодновато. Достали бочки, из которых сделали печи. На следующий день привезли колючую проволоку и столбы, и мы начали на огромной территории вокруг себя тянуть проволоку, самоогораживаться. Мы огородили всю эту территорию и только тогда узнали, что нас привезли не куда-нибудь, а в стройбат, который должен здесь рыть какие-то котлованы для авиационного завода — его перевозили сюда с Украины. Началась очень тяжелая работа. Мы были в гражданке, во вшах, получали баланду. Я несколько раз подавал заявление, чтобы отправили на фронт, но таких на фронт не брали как неблагонадежных.

Когда я немного познакомился с соседями, выяснилось, что с одной стороны от меня взрослый мужик (в моем представлении) лет

тридцати. Я спросил: «За что тебя сюда?». «Пятьдесят девятая. Политический бандитизм». — «А что это?». — “Да вот председатель мою жену прижал, я его стукнул». А с другой стороны лежал или мой одноклассник или даже моложе меня, совсем еще пацан. Когда я спросил, за что его, он говорит: «Покушение на теракт». Что такое? В школе, говорит, стреляли резинкой, и он попал в портрет товарища Сталина. Тогда с 12 лет брали, года три, по-моему, он отбыл, а уже потом его послали в стройбат.

Короче говоря, я там «просмолил» примерно до декабря, а в декабре вышло какое-то очерденное тайное постановление о том, чтобы детей врагов народа отправивать в распоряжение своих военкоматов. И перед Новым годом я, весь завшивленный, грязный, тощий, изголодавшийся, приехал к себе домой в Барнаул. На этом первый этап моей военной службы закончился.

Дальше еще интереснее. Здесь я в первый раз столкнулся с тем, чему потом посвящал статьи, — с бюрократией. Получаю повестку: явиться для отбора в авиационное училище. Прихожу, раздевают догола — нас человек сто молодых людей со средним образованием, — вертят на соответствующих стульях, проверяют вестибулярный аппарат, смотрят спереди и сзади. После этого — надеть штаны, пройти в соседнюю комнату. Там заседает «мандатная комиссия», перед ними очень похожие гроссбухи, с которыми я столкнулся уже раньше. Есть ли репрессированные? Да, есть. Ну, мне сразу от ворот поворот. В общем, в училище я не попал. Так меня почти каждую неделю вызывали для отбора в разные училища. Всюду я был годеи физически и всюду «мандатная комиссия» заворачивала меня как неблагонадежного. Не вызывать же по их правилам не могли: у меня среднее образование.

Однажды приятель сказал мне, что в Барнауле разместился штаб формирующейся 315-ой стрелковой дивизии. Я пришел туда сам и спросил начальника штаба, нужны ли им люди со средним образованием. Надо сказать, что в то время среднее образование было редкостью. Начштаба очень обрадовался, сказал, что даже в артиллерию они вынуждены брать людей с двумя классами. Он тут же выписал на меня запрос, я пошел с ним в военкомат, и меня взяли в армию. Так я стал наводчиком орудия.

Весной 1942 года мы приехали в Камышин, а летом наша дивизия была брошена под Сталинград. 23 августа 1942 года я впервые поймал в панораму (пушечный прицел) немецкий танк. Тогда мы не знали, что это был самый драматический, по характеристике маршала Василевского, день Второй мировой войны: прорвав все линии нашей обороны, немцы вышли к Волге. Все это описано мной в статье в «Литературной газете» [2]. В общем, я прошел сначала от Сталинграда до Миуса. Здесь получил контузию и ранение осколками. Мне повезло — меня успели вывезти. Через пару часов немцы замкнули кольцо. Потом я лечился в госпиталях и вернулся в свою 315-ю дивизию.

Тогда от дивизии, в которой было при формировании пятнадцать тысяч человек, осталось человек пятьдесят. Не все, конечно, были убиты, убивало процентов двадцать, а четыре пятых были раненые. Я участвовал в штурме Перекопа. Тогда весь наш 4-й Украинский фронт стоял на участке в семь километров. В 1944 году мы уже научились воевать и били немцев успешнее, чем раньше.

В апреле 1944 года при штурме Севастополя я получил тяжелое ранение. Мне дали инвалидность третьей группы и списали «вчистую». Я вернулся в свой Барнаул и сдал экзамены в Ленинградский инженерно-строительный институт, который находился там в эвакуации. Учился хорошо и за месяц сдал экзамены за весь первый семестр. Вскоре институт вернулся в Ленинград, и я вместе с ним оказался в Ленинграде. Года через два я понял, что специальность инженера — не моя. Я уже тогда интересовался гуманитарными вопросами, слушал лекции на ряде факультетов университета. Мне казалось, что, занимаясь гуманитарными науками, я пойму, наконец, почему так странно устроено наше общество.

Потом я попал в Москву, собираясь поступить на философский факультет, но знакомая девушка сказала, что там вроде бы учат всему, а когда учеба кончается, человек ничего не умеет и не знает. Я подумал и поступил на экономический факультет. В 1951 году окончил университет и стал преподавать политэкономия в Московском лесотехническом техникуме. Одновременно читал много лекций в обществе «Знание». Вскоре мне предложили перейти в вуз.

В то время я начал писать, а затем защитил кандидатскую диссертацию по дифференциальной ренте в сельском хозяйстве. Когда примерно в 1960 году мне сказали, что в Институте философии АН СССР есть социологи — сектор со странным названием «новых форм труда и быта», — я заинтересовался. Меня взяли туда старшим научным сотрудником. Я почувствовал в социологии новые, свежие подходы по сравнению с экономикой, где вся мотивация человеческой деятельности сводилась, по существу, к доходам, рублям и квадратным метрам жилплощади.

* * *

Сейчас поднимается новая волна интереса к истории советской социологии. Однако уже просматривается, не говоря о неизбежной конкуренции между представителями различных школ, центров, отдельных ученых, своеобразный поколенческий подход к истории возрождения этой науки. Разумеется, представители младшего поколения считают, что социология началась с их приходом, среднего — с их, старшего — с их. Последних, правда, все меньше и голоса их все слабее.

От имени последних я и хотел бы рассказать о том, что было и как это делалось в действительности. Именно рассказать — без научной

тарабарщины, а уж там пускай кто хочет теоретизирует, обобщает. Главное, чтобы будущий теоретик хотя бы примерно представлял себе условия, в которых мы жили и работали.

Появление социологии, начало “конкретных социальных исследований» после смерти Сталина и XX съезда КПСС было неожиданным. И для власть предержащих, ибо она возникла не по велению *сверху*, как это было с научным коммунизмом, историей партии, истматом, а *снизу*. Возрождение социологии было сюрпризом и для западных политологов, советологов и социологов.

Профессор Сеймур Мартин Липсет в своих «Комментариях» к книге «Исследования социальной стратификации и советская наука» писал: «В подлинном смысле, академическая социология невозможна в тоталитарном обществе, поскольку неизбежно проливает свет на распределение привилегий, что присуще самой природе этой дисциплины. Такие режимы, как нацизм, сталинизм и, по-видимому, маоизм, которые не могут терпеть малейшей оппозиции линии партии, также не могут позволять социологам выяснять, кто что делает, и, особенно по отношению к другому. Поскольку всегда должна быть брешь между социальной реальностью и идеологическим самооправданием социальных систем, имеется возможность при анализе «реальности» количественно обеспечивать боеприпасами для критики системы и тех, у кого есть потребность выявлять существование такой пропасти» [3].

Формы сопротивления тоталитаризму, существовавшие в России, весьма многообразны, и объективный исследователь, отдавая должное феномену Солженицына, правозащитному движению, самиздату, не сможет не признать, что на начальной стадии возрождение социологии происходило «полуподпольно», ибо сам термин «социология» был запрещен. Этот термин в СССР применяться лишь как обозначение враждебной буржуазной «лженауки». Становление советской социологии было «полуподвальным», в период, когда произошло переселение социологов из Института философии в полуподвал, где между канализационными и водопроводными трубами проходили «исторические заседания Президиума Советской социологической ассоциации» и произносилось множество речей и аргументов в пользу ее полной институционализации. Все это свидетельствует о том, что социология — это одна из форм сопротивления тоталитаризму, господствующей марксистско-ленинской идеологии. Уже на этих этапах она активно способствовала разрушению сложившихся догм, стереотипов, духовному и интеллектуальному освобождению ученых-обществоведов.

Это почти сразу поняли люди, стоявшие во главе партии, прежде всего — управлявшие идеологией. Они старались всеми силами ликвидировать социологию. Однако после XX съезда КПСС обстановка в стране изменилась, и идеологи партии не

могли действовать привычными методами — расстрелять для порядка несколько десятков ученых и отбить у остальных желание даже приближаться к той запретной области знаний. Затем были предприняты попытки «канализировать» социологию в марксизм, превратить социологов в мальчиков на побегушках, которые поставляют факты, нужные для подтверждения и иллюстрации сложившихся в историческом материализме и практике партии схем и стереотипов.

Так возникло два крыла в социологии: научное, социально-критическое, и апологетическое. Они не были жестко очерчены, среди них было множество промежуточных течений. Мы уже не говорим о том, что лидерам основных направлений, чтобы сохранить себя и свои коллективы под ударами партийных идеологов, постоянно приходилось извиваться, маневрировать, чтобы организовать исследование, издать книгу, провести конференцию или симпозиум. Во что превращала такая деятельность самих социологов в нравственном и психологическом плане, как это отражалось на качестве издаваемых ими в дальнейшем материалов, читатель сам может догадываться. Говоря о двух главных направлениях нашей социологии и промежуточных течениях, необходимо учитывать, что все это происходило в обстановке, когда основные социологические книги и статьи (как отечественные, так и западные) были под запретом, и профессионализация социологов была крайне затруднена. Тем не менее, социологи учились, пользуясь своеобразным социологическим самиздатом, пробиваясь в спецхраны, получая какую-то литературу от ученых из других стран. Поэтому они росли и довольно быстро овладевали мастерством прикладной социологии.

Я буду рассматривать то течение, которое, на мой взгляд, было действительно научным, социально-критическим и которое вызвало растущий интерес советской общественности, прежде всего журналистов и писателей, а также западных специалистов. Для меня лично этот период был связан с переездом из Москвы в Академгородок (под Новосибирском) и с работой в Сибирском отделении Академии наук СССР.

* * *

Когда в начале 60-х годов А.Г. Аганбегян предложил моей жене и мне поехать поработать в Сибирь, я сначала решительно возражал.

— Это, может быть, для тебя Сибирь — экзотика, а я там родился. И зная наши порядки, могу смело утверждать, что уехать туда легко, а вот вернуться трудно. Если не невозможно.

— Володя, ты не в курсе дела. Есть решение Политбюро о бронировании жилплощади тем ученым, которые уезжают в Академгородок. Поэтому вы можете вернуться, когда захотите.

Тут я всерьез задумался. На следующий день мы были у директора Института экономики Сибирского отделения Академии наук, члена-корреспондента Г.А. Пруденского.

— У меня единственный в Советском Союзе институт, — импозантно начал Герман Александрович, — где я могу предоставить полную свободу творчества. Занимайтесь, чем хотите. Моя задача: обеспечить вас штатами, помещением, ресурсами. Мы действуем, как американцы: просто покупаем мозги в расчете, что творческие мозги сами будут эффективно функционировать. Впрочем, я уже принял решение — подписал вам командировки в Новосибирск. Поезжайте на 3–5 дней, посмотрите, оглядитесь. Если понравится — милости просим, если нет — насильно мил не будешь.

На следующий день мы были в Академгородке. Он встретил нас мягкой теплой зимой. В аэропорту нас ждал автомобиль ЗИМ, там сидел Фрэд Бородкин с цветами, которые были вручены моей супруге. Мы остановились в гостинице и, оставив там дочь, немедленно пошли на занятия по математике, которые тогда вели академик Канторович и другие видные математики. Вечером представитель дирекции бросил перед нами связку ключей и небрежно сказал: «У нас сейчас несколько квартир. Вы можете посмотреть их. Если вам какая-нибудь из них понравится, забирайте ключ и останавливайтесь в этой квартире». Мы не устояли...

Академгородок, его строительство и организация жизни довольно точно отражали менталитет ВПК и партийных функционеров. Прежде всего — огромная дифференциация. Это не была дифференциация, органически выросшая, которая создавалась столетиями, как в Геттингене и других научных европейских городках. Нет, она закладывалась еще при строительстве и в этом смысле точно отражала представления тех, кто командовал строителями, как нужно организовать науку в тоталитарном государстве. В глаза бросались коттеджи. Их получали академики без учета состава семьи (один академик мог получить двухэтажный коттедж с огромным количеством комнат и специальной обслугой). Полкоттеджа выделялось членам-корреспондентам, иногда докторам. Основная масса ученых (старшие научные сотрудники, кандидаты наук) жила в обычных домах с трехметровым потолком и раздельным санузлом. Наконец, в Академгородке был участок, целиком застроенный пятиэтажками, «хрущобами», который здесь иронически называли «Гарлем» (низкие комнаты, совмещенные санузлы и т. п.). Они предназначались для младших научных сотрудников, лаборантов, инженеров.

Дифференциация касалась не только жилья. Она сказывалась и на снабжении продуктами: элита была прикреплена к специальным столам заказов; ежедневно подъезжал фургончик, из которого выносили закрытые белыми салфетками корзины с колбасой, мясом, сыром и всякими деликатесами, которые невозможно было купить

в магазинах. Поэтому почти вокруг всех, имевших «высшие категории», роились их друзья и знакомые, не получившие еще по тем или иным причинам званий докторов, член-корреспондентов и академиков. Все знали, что часть продуктов пойдет для этих людей (в шутку их у нас называли «прилипалами»). Дифференциация касалась и снабжения промышленными товарами (ведущие ученые имели возможность получать хорошие товары) и медицинского обслуживания (лекарства, лучший персонал были для высокопоставленных сотрудников). Это иногда приобретало просто анекдотический характер, что описано у меня в повести «Ближний свет — дальний свет», опубликованной в альманахе «Алтай»[4].

Когда мы начали сравнительные советско-польские исследования и в Академгородок приехала моя коллега из Варшавы Машка Ярославская, корреспонденты спросили ее:

— Как вам понравился наш Академгородок?

Ярославская лихо ответила:

— По-моему, больше таких городков строить не надо. Ведь мы живем еще в очень несовершенном, несправедливом мире. Но в больших городах эта несправедливость как-то спрятана, размазана, не так режет глаза, как у вас, где она приобрела характер анекдота. Академгородок, правда, очень интересен для будущих археологов. Когда они раскопают его через несколько веков, то будут знать все о менталитете основателей этого города.

К тому же, ученые всегда живут, — продолжала она, — в состоянии конфликта: они рождают новые идеи. А новые идеи, их качество и значимость нельзя оценить сразу так, как важность табуретки. Но в Академгородке, где быт, жилье и работа составляют одно целое, этот конфликт приобретает тотальный характер. Мужья поспорили на работе, и в результате жена не дает соседке кастрюли. Или наоборот. Жены поссорились, а из-за этого разошлись и мужья. В результате возникает новое направление науки.

Да, действительно, неполадивших ученых, как в отстойнике, собирал Лаврентьев в своем Институте гидродинамики. Кого там только не было: и биологи, и математики, и экономисты — все, кто поссорился со своим начальством, но не желал уезжать из Академгородка, оказывались сотрудниками этого странного института. Я думаю, это беда всех малых городков (каждый, как говорится в эпиграфе американского фильма «Ловко устроился», знает о другом немножко больше, чем о самом себе).

Моя личная судьба здесь, в Академгородке, складывалась не очень гладко, порой драматически. Вскоре Пруденский понял, что мы вместе с Аганбегяном, Можиным и другими представляем довольно «могучую кучку» и что, пока не поздно, нас надо «растащить». Я был приглашен в коттедж к директору. Он отечески беседовал со мной, подчеркивая, что мои таланты далеко не вос-

требованы, и только он поможет мне развернуться на полную мощность. В связи с этим он предлагал мне стать его заместителем по научному совету, занимавшемуся внеурочным временем, а также написать за полгода докторскую диссертацию по той же теме, взяв материалы, которые собирались научными сотрудниками в Красноярске. Я решительно отказался: это ставило меня в ложное положение, я не привык работать по чужим материалам. Тем более, что уже вел здесь свою работу — мы начали массовое обследование молодежи Сибири, в частности, выпускников средних и неполных средних школ. Это были тысячи и тысячи людей, и сама методика была достаточно оригинальной (Пруденский этого будто не видел).

Через пару дней, придя в институт, я увидел приказ, обязывающий меня и мою группу из семи человек целиком переключиться на изучение повышения коэффициента сменности оборудования. Я возмутился, но Пруденский сказал:

— Как вы смеете возражать? Сам Хрущев подчеркнул значение этой темы.

Я говорил, что это даже не экономическая, а, скорее, технологическая проблема. С какой же стати я с людьми, которые в большинстве своем являются выпускниками философских факультетов, буду заниматься повышением коэффициента сменности оборудования?

— Смотрите, вам же будет хуже, — сказал директор.

Вскоре я это почувствовал. Каждую неделю на протяжении примерно двух месяцев меня вызывали на партбюро и грозили всеми смертными карами, вплоть до исключения из партии, за невыполнение важнейшего распоряжения директора. Стало понятно, чего стоили слова Пруденского о том, что он обеспечит нам свободу творчества, какую не предоставит ни один другой институт. Но я упирался, хотя мы с женой уже подумывали складывать вещи и возвращаться в Москву.

А тут явилась еще комиссия парткома. Ее возглавлял Фомин, который работал у Пруденского и занимался бюджетами времени научных сотрудников. Члены комиссии заявляют, что мы при проведении наших массовых обследований ставим цель совершить, используя методы социологии, идеологическую диверсию: столкнуть поколения отцов и детей (было в то время такое «увлечение» штатных идеологов — всюду искать конфликт поколений). «В чем вы это видите?» — спрашиваю я. «Как в чем? В вашей анкете есть вопросы об образовании выпускников школ и их родителей», — отвечает комиссия. «Ну и что?» — недоумеваю я. «Так ведь у вас получится, что нынешнее поколение более образованно, чем их отцы. Значит отцы должны уступать власть детям? Так ведь получается». Напрасно произносил я какие-то слова о том, что рост образования новых поколений — это показатель роста культуры, прогресса: комиссия была четко запрограммирована на поиск идеологических ошибок.

Сейчас это кажется нелепым и смешным. Но тогда было невесело.

* * *

Отцы-основатели Сибирского отделения в идеологические игры старались не вмешиваться. Московско-ленинградская социология сама находилась под постоянным подозрением. А нужна была поддержка от человека, который пользовался бы реальным авторитетом в наших экономико-социологических кругах.

И тут мне в голову пришла мысль: «Поеду-ка я к академику Станиславу Густавовичу Струмилину». Я с ним встречался только раз до того — он выступал перед студентами экономического факультета МГУ в 1949 году. И тогда он произвел впечатление отважного человека.

Струмилину было уже около 90 лет. И за свою жизнь он испытал немало. В начале века, будучи заключенным Петропавловской крепости, в знак протеста отважился в камере-одиночке имитировать самоубийство. Он был меньшевиком. После революции активно работал в плановых органах. Тем не менее, Сталин почему-то ни его, ни его товарища Г.М. Кржижановского не тронул.

— Бывают причуды и у тиранов, — сказал он мне в ходе беседы. — Ведь все уже было подготовлено. Даже в 1937 году в «Правде» была опубликована статья «О воинствующем меньшевизме Станислава Струмилина».

Прилетев в Москву, я позвонил ему. Он принял меня сразу, мы встретились у него дома на Ленинском проспекте. Сдавали ноги, и жена каждые полчаса отрывала его от стола, чтобы он 10–15 минут походил по комнате. Однако голова была ясной и глаза загорелись, когда я рассказал ему о своих сибирских социологических приключениях.

— Эти власть имущие ничему не учатся, — сказал он. — Знаете, как я их водил за нос в 1919 году, чтобы провести вот эти массовые обследования (и он показал на первый том своего «Собрания сочинений»). Они ничего не понимают и не хотят понимать. Вы проводите очень интересное обследование. Ценно, что в одной анкете вы агрегировали данные и о желаниях (вы говорите “аспирациях”), и об их реализации. Главное — доведите это исследование до результата. Надо обязательно прежде всего завершить обследование, собрать все эти десятки тысяч анкет. Это главное. Говорите им что угодно — лишь бы не мешали. Ведь у них все равно не хватает ни мозгов, ни воображения, чтобы представить себе конечный результат. Я целиком на вашей стороне.

И он с увлечением начал рассказывать мне о системе нашего образования, статью о котором он завершал.

К моему возвращению в Академгородок появился новый вариант решения конфликта с Пруденским: вообще уйти на время из Академии наук, где в области экономики и социологии «самодержцем» от Урала

до Тихого океана был Пруденский, и перейти в другое ведомство — Новосибирский государственный университет. Там как раз только что создали лабораторию экономико-математических исследований. И я вместе со своими сотрудниками перешел в университет.

Г.А. Пруденский прошел школу советского ученого-обществоведа. Много лет он был секретарем Свердловского обкома партии. Затем оказался в Москве в качестве заместителя председателя Комитета по труду, который возглавил Каганович. Думаю, что несмотря на внешний либерализм и импозантность, Пруденский главное почерпнул именно в те годы, будучи в партийной и государственной номенклатуре. Поэтому он не мог просто отпустить сотрудников, которые не сошлись с ним в подходах к социологии, — он должен был заставить их склониться перед своей мощью и силой.

Когда после перехода в Новосибирский университет я зашел к ученому секретарю Института экономики, мне сообщили, что есть распоряжение Пруденского арестовать всю информацию, все анкеты, поступившие на наше имя и связанные с проведением массового обследования среди молодежи. Были приставлены сотрудники, которые из поступавшей в институт почты извлекали наши анкеты и запирали их в огромном сейфе. Там они и хранились. Тогда у нас и возникла идея, не подводя этих сотрудников, попытаться продублировать поступавшую информацию — попросту говоря, переписать анкеты. Наняв примерно пятьдесят студентов университета, мы разместили их в одной из аудиторий. Сами мы приходили в Институт экономики, оставляли портфели у наших «тайных агентов», сидевших в том же помещении, где находились «арестованные анкеты». «Агенты» загружали ими портфели, и мы уходили в университет. Там раздавали анкеты студентам, которые от буквы до буквы переписывали их заново, затем относили оригиналы обратно и забирали новую партию. Так продолжалось несколько дней. В результате нам удалось переписать тысячи анкет, поступивших из различных регионов Новосибирской области, которые в дальнейшем были использованы при разработке. Мы так и называли это — «операция двойной Герман».

По материалам пилотажных исследований я подготовил первую статью «О мобильности молодежи в связи с выбором профессии» [5]. Поскольку в то время я получил приглашение из Президиума Академии наук выехать с делегацией социологов в Польскую Народную Республику, я представил аналогичный доклад в Президиум. Об этом стало известно Пруденскому, и вскоре из Москвы я получил сообщение о том, что доклад признан антимарксистским, ибо там фигурируют такие категории, как мобильность и прочее. Поэтому доклад отвергается.

В тот же период коллектив, в котором я работал, срочно «математизировался». Лаборатория имела постоянные тесные контак-

ты с отделом математической экономики в Институте математики, который возглавлял академик Канторович. Все это оказывало очень большое влияние не только на экономистов, но и социологию. Обсудив вопрос с Аганбегяном, мы начали формировать первую у нас книгу «Количественные методы в социологических исследованиях». В ней участвовали многие наши специалисты, которые работали в различных областях математической статистики, теории графов, корреляционного анализа и т. д. Книга вышла в 1964 году, в дальнейшем (в 1966 году) она в сокращенном виде была переиздана в Москве, в издательстве «Наука» [6].

Книга привлекла внимание социологов у нас в стране. Начался своеобразный математический бум, продолжавшийся несколько лет. Пиком его, я полагаю, был 1967 год, когда в Сухуми собралась Всесоюзная конференция по количественным методам в социологии. Приехали несколько математиков-академиков, крупные специалисты из разных областей гуманитарных наук, работало много секций. Эта конференция отразила период полуобразованности социологов, когда им казалось, что, широко используя математические методы, они сразу и автоматически решают все социальные проблемы. В 1967 году, когда я встречался с Паулем Лазарсфельдом в Париже и выступал у него на семинаре в Сорбонне, он мне говорил, что такой же период был и в США после выхода книги Додда «Измерение общества» и его книги «Математическое мышление в социальных исследованиях». Владимир Шляпентох, выступая на Сибирском семинаре, удачно изобразил эту общую зависимость в виде кривой: когда знания о математике у гуманитариев минимальны, престиж математики среди них близок к нулю; затем, когда у гуманитариев наступает период полуобразованности в отношении математики, ее престиж достигает своего максимума; наконец, когда гуманитарии, социологи достаточно глубоко знакомятся с возможностями математики, наступает третий этап, и престиж математики, снижаясь, тем не менее не опускается до исходной точки, а занимает какую-то промежуточную позицию.

Как-то при встрече Аганбегян сказал мне, что звонил главный редактор «Правды» Зимянин и просил помочь в изучении читательской аудитории. «Может быть, ты предложишь кого-нибудь?» Я сказал, что, по-моему, очень подходит для такой тематики кандидатура В.Э. Шляпентоха. Шляпентох с энтузиазмом согласился и с огромной энергией в это включился. Сначала его группа исследовала читательскую аудиторию «Правды». Потом, опираясь на «Известия», «Литературную газету», «Труд», Шляпентох развернул крупные исследования, которые охватывали практически все регионы страны. Он умел извлекать из полученных материалов ценные выводы: как растет самосознание в различных слоях нашего населения и как население воспринимает различных духовных и идейных

лидеров в нашей стране, как читатель оценивает писателей, журналистов и т.д. Эта работа пошла очень интенсивно, Шляпентох опубликовал целую серию материалов по этим исследованиям, достаточно широко известных и у нас, и за границей.

* * *

В шестидесятые годы важную роль начинает играть Советская социологическая ассоциация — это из истории тоже не выкинешь. Первоначально она создавалась Президиумом Академии наук СССР просто как узкая группа для поддержания контактов с зарубежными учеными в период подготовки и проведения (раз в четыре года) Всемирных социологических конгрессов. На Запад выезжало десятка полтора в основном ортодоксальных марксистов, идеологических бойцов, которые и доказывали всем великие преимущества марксизма-ленинизма. Эту ассоциацию (после того, как ее руководителем стал Е. Осипов, а вице-председателями В. Ядов, Кудрявцев, Замошкин, В. Шубкин и другие) нам удалось повернуть на внутренние нужды. По решению Президиума ССА я создал в это время ее Сибирское отделение. Вместе с Шляпентохом мы организовали работу Сибирского социологического семинара. Раз в месяц к нам приезжали коллеги со всей Сибири и Дальнего Востока, мы проводили совместные круглые столы, обсуждали наиболее острые проблемы в области социологии. Это была своеобразная школа повышения мастерства и профессионализма социологов на огромном пространстве от Урала до Тихого океана. Приезжали и многие ведущие социологи из Москвы, Ленинграда, некоторых западных стран. Это создавало возможности для развития социологии в условиях, когда она не была еще институционализирована, и это подготовило, с другой стороны, создание Института социологии.

В тот же период мы, договорившись с академиком Спартаксом Беляевым, ректором Новосибирского университета, создали здесь «подпольную кафедру» социологии, которая начала читать систематический курс лекций для студентов гуманитарного факультета и факультета экономической кибернетики. Все это вызывало интерес к социологии в Президиуме Сибирского отделения АН СССР. После ряда встреч с академиком М.А. Лаврентьевым я подготовил проект постановления «О развитии социологических исследований в Сибири и на Дальнем Востоке», который и был принят.

Благодаря развитию социологии по-новому открывалось советское общество. Социологическое просвещение сказывалось и на принятии ряда решений. Однако основная масса номенклатуры по-прежнему игнорировала реальные процессы и явления, находилась во власти тех догм и схем, которые она освоила в молодости. Что же касается самих социологов, то с началом перестройки и демократической эйфории они все больше внимания стали уделять политической борьбе,

зондажам общественного мнения, внешним «шумовым» эффектам нашей жизни, нередко игнорируя ее латентные пласты. Можно полагать, что эта болезнь обусловлена не только дефицитом информации. Это важно иметь в виду и сейчас, когда открылся доступ к самой различной исторической и социологической литературе.

* * *

В те далекие времена, треть века назад, я, как и немногочисленные еще тогда коллеги, согрешившие с социологией, был полон энтузиазма.

— Вы понимаете, — убеждал я сотрудников журнала «Коммунист», где готовилась моя статья [7], — социология обращена непосредственно к человеку. Нельзя эффективно управлять обществом, не имея обратных связей. К тому же социология, являясь функцией демократии, сама способствует ее развитию. Она органически против всех форм насилия. Социология — это своеобразное зеркало нашего общества...

— А вы уверены, что я хочу посмотреть в ваше зеркало? — ехидно спросил один из сотрудников. — На кой черт мне ваше зеркало, если я и так уверен, что прекрасен во всех отношениях? Я хорошо, комфортно себя чувствую. А тут являетесь вы с вашей социологией, и я узнаю, что отнюдь не так обаятелен, как мне представлялось: кривой нос, глаза слезятся, изо рта какие-то желтые клыки выпирают. Нет уж, избавьте нас от вашего зеркала. Так нам спокойнее.

Как точно была эта ирония, я оценю через несколько лет, когда все сколько-нибудь серьезные исследования стали запрещаться, а грозные комиссии, созданные М. Суловым, С. Трапезниковым и их подручными, обвиняли социологов во всех «измах» и смертных грехах. Вскоре после прихода нового директора Института конкретных социологических исследований (ИКСИ) М. Руткевича (в начале 1970-х годов) произошел новый разгром социологии, десятки ведущих специалистов были изгнаны или вынуждены уйти и мыкаться на обочине. Их места заполнялись послушными «новобранцами», которые начинали повторять пройденное — изучение с азов проблем, ясных еще двадцать лет назад. И никто из видных обществоведов не протянул тонувшим руку помощи. Они были заняты своими играми: покорные доктора становились послушными членами-корреспондентами, а те вскоре вырастали в полновесных застойных академиком.

Но земля все-таки вертится. И вот мы бредим гласностью и демократией. Соревнуемся в прогрессивности и радикализме, в играх с пересаживанием — кто левее. Тут, чтобы от мечтаний двигаться к яви, без социологии никак не обойтись.

Рассказывают притчу о слепцах, которых просили описать слона. Тот, кто потрогал хобот, сказал, что слон длинный и теплый.

Ощупавший клык заявил, что слон твердый и острый. А тот, кто наткнулся на ногу слона, утверждал, что слон высокий и круглый, как дерево. Никто из них не лгал. Но нетрудно видеть, как далека картина в целом от описаний каждого из них. Так и представления о явлениях общественной жизни.

Нет ничего сложнее и загадочнее социального явления. На нем всегда отблеск тайны. Социальная жизнь имеет свои подводные течения, свои землетрясения и цунами. Познание их требует не только использования статистики, математики, кибернетики, но и известной тонкости нервной организации, чувства меры, остроты политического мышления, реализма и интуиции — всего того, что в совокупности и представляет собою талант исследователя-обществоведа.

Схемы общественного развития, которые оседают в массовом сознании, обычно бедны и прямолинейны. И это к добру не ведет. Научный подход состоит именно в том, чтобы обеспечить систематическую проверку стереотипов, максимально возможно приблизиться непосредственно к явлению и тем самым минимизировать просчеты, в основе которых лежит устаревшая, односторонняя или частичная информация. «Степень научности» тем выше, чем точнее мы описываем в наших понятиях, концепциях, моделях, теориях то или иное явление, тот или иной процесс, чем решительнее отходим от односторонности и прямолинейности. Социология в этом случае выполняет одну из самых значительных своих функций, показывая связь личной жизни человека с историческим процессом.

Литература

1. См.: *Шубкин В.Н.* Свидетельство о смерти // Социологический журнал. 1994. № 1; *Шубкин В.Н.* Двойной расстрел // Алтай. 1993. № 3.
2. *Шубкин В.Н.* Один день войны // Литературная газета. 1987. 23 сентября.
3. *Lipset S. M.* Commentary: Social stratification, research and Soviet scholarship // International Journal of Sociology. 1973. Spring-Summer. Vol. III. N 1–2. P . 355.
4. Алтай. 1988. № 1.
5. Вопросы философии. 1964. № 8.
6. Количественные методы в социологии. М.: Наука, 1966.
7. *Шубкин В.Н.* О конкретном исследовании социальных процессов // Коммунист. 1965. №4.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

АНКЕТА ВЫПУСКНИКА

Ответы на вопросы анкеты будут использоваться только в научных целях. Лицам, проводящим анкетирование, запрещается сообщать кому бы то ни было содержание анкеты.

Уважаемый товарищ! Через несколько месяцев Вы окончите среднюю школу. И видимо, уже примерно наметили для себя путь на ближайшие годы: где и по какой профессии работать, в каком техникуме или вузе учиться, более или менее определили свое отношение к тем или иным профессиям, специальностям.

Знание Ваших профессиональных склонностей имеет важное значение для планирования народного хозяйства, для улучшения работы по трудоустройству молодежи, для совершенствования учебно-воспитательного процесса.

Мы просим Вас как можно точнее и добросовестнее ответить на вопросы нашей анкеты, так как от этого зависит успех и результативность данного исследования.

Сначала прочтите внимательно все вопросы!

Шифр (просьба не заполнять)			Шифр (просьба не заполнять)
1 ____	1. Школа № _____ _____ (название города, села, района)		
2 ____	2. Что Вы думаете делать после окончания школы? (Подчеркните что-нибудь одно): работать, совмещать работу с учебой; учиться; прочие планы.		
3 ____	3. (Не заполнять) _____		
РАЗДЕЛ А (Этот раздел заполняется только теми, кто в п. 2 подчеркнул «работать» или «совмещать работу с учебой»).		РАЗДЕЛ Б (Этот раздел заполняется только теми, кто в п.2 подчеркнул «учиться» или «совмещать работу с учебой»).	
Если Вы намерены после окончания школы работать (или совмещать работу и учебу), то:		Если Вы намерены после окончания школы учиться (или совмещать работу и учебу) то:	11 ____

Приложения

Шифр (проект заполнить)			Шифр (проект заполнить)
4	4. В какой отрасли народного хозяйства Вы думаете работать? (Подчеркните одну из перечисленных ниже): Промышленность тяжелая. Промышленность легкая. Строительство. Сельское хозяйство. Лесное хозяйство. Транспорт. Связь. Торговля. Общественное питание. Жилищно-коммунальное хозяйство. Здравоохранение. Просвещение. Наука. Искусство. Кредитные учреждения. Аппарат государственного и хозяйственного управления. Прочее.	12. Где Вы думаете учиться? (Подчеркните): в профессионально-техническом училище; в специальном училище (медицинском, педагогическом и т.п.); в техникуме; в вузе.	12
		13. Укажите полное название учебного заведения, в которое Вы хотите поступить _____	13
		14. (Не заполнять)	14
		15. Какую профессию Вы хотите приобрести в результате обучения?	15
		16. (Не заполнять)	16
		17. Чем Вас привлекает эта профессия? _____ _____ _____	17
5	5. (Не заполнять)		
6	6. По какой профессии Вы думаете работать после окончания школы? 		
7	7. (Не заполнять)		
8	8. Чем Вас привлекает эта профессия?	18. В каком классе возник у Вас интерес к этой профессии?	18
9	9. В каком классе возник у Вас интерес к этой профессии?	19. Кто пробудил этот интерес? (отец, мать, педагоги, специалисты и т.д.)	19
10	10. Кто пробудил этот интерес? (отец, мать, педагоги, специалисты и т.д.)	20. Что повлияло на формирование интереса к этой профессии? (чтение литературы, газеты, радио, телевидение, производство иное обучение и т.д.)	20
11	11. Что повлияло на формирование интереса к этой профессии? (чтение литературы, газеты, радио, телевидение, производстве иное обучение и т.д.)		
21	21. Уверены ли Вы в том, что сумеете приобрести наметенную Вами профессию? (Подчеркните): да, нет.		

РАЗДЕЛ В

22. Как Вы относитесь к перечисленным ниже профессиям? (Самостоятельно оцените привлекательность всех перечисленных ниже профессий по 10-балльной системе: самая любимая, привлекательная, с Вашей точки зрения, профессия получает высшую оценку — 10 баллов, профессия средней привлекательности — 5 баллов, самые непривлекательные — 1 балл, остальные профессии — соответственно промежуточные оценки. Если совсем ничего не знаете о профессии, поставьте — 0.)

№№	Профессии	Оценка в баллах
1	Моторист, рабочий, обслуживающий двигатель	
2	Токарь	
3	Фрезеровщик	
4	Шлифовщик	
5	Столяр, плотник	
6	Электромонтер, электромеханик	
7	Слесарь	
8	Электро- и газосварщик	
9	Механик	
10	Кузнец, прессовщик	
11	Портной, швея	
12	Каменщик, штукатур	
13	Маляр	
14	Строитель-монтажник	
15	Шахтер	
16	Металлург	
17	Рабочий химической промышленности	
18	Ткач, прядильщик	
19	Рабочий обувной фабрики	
20	Полиграфист	
21	Рабочий лесозаготовок	
22	Тракторист	
23	Работник животноводства	
24	Работник полеводства	
25	Работник железнодорожного транспорта	
26	Машинист тепловоза и электровоза	
27	Шофер	
28	Летчик	
29	Радиотехник	
30	Почтовый работник	
31	Повар	
32	Официант	
33	Продавец	
34	Канторский работник	
35	Работник жилищно-коммунальных предприятий	
36	Бухгалтер, счетовод	

Приложения

№№	Профессии	Оценка в баллах
37	Экономист, плановик	
38	Культурно-просветительный работник, библиотекарь	
39	Моряк	
40	Военный	
41	Работник милиции	
42	Юрист	
43	Работник речного транспорта	
44	Медсестра, фельдшер, акушерка	
45	Учитель начальной школы	
46	Воспитатель дошкольных учреждений	
47	Преподаватель средней школы	
48	Преподаватель высшей школы	
49	Врач	
50	Врач-ветеринар	
51	Агроном	
52	Лесовод	
53	Журналист	
54	Писатель	
55	Работник искусства	
56	Ученый математик	
57	Ученый-медик	
58	Ученый-физик	
59	Ученый-экономист	
60	Ученый-химик	
61	Ученый-философ	
62	Ученый-биолог	
63	Ученый-филолог	
64	Ученый-геолог	
65	Ученый-историк	
66	Ученый-кибернетик (в экономике)	
67	Инженер-строитель	
68	Инженер-металлург	
69	Горный инженер	
70	Инженер-нефтяник	
71	Инженер-электрик	
72	Инженер-радиотехник	
73	Инженер-связист	
74	Инженер-транспортник	
75	Инженер-механизатор сельского хозяйства	
76	Инженер-химик	
77	Инженер-машиностроитель	
78	Инженер-текстильщик	
79	Инженер-швейник	
80	Инженер-пищевик	
81	Инженер-геолог	

Приложения

Шифр (просьба не заполнять)	РАЗДЕЛ Г			Шифр (просьба не заполнять)
23 ____	23. Ваш пол (подчеркните): мужской, женский			
	Сведения о родителях	Отец	Мать	
24 ____	Национальность	_____	_____	
25 ____	Образование	_____	_____	26 ____
27 ____	Профессия	_____	_____	28 ____
29 ____	Кем работает	_____	_____	30 ____
31 ____	Каков примерно заработок	_____	_____	32 ____
33 ____	К какой социальной группе принадлежит? (Подчеркните)	Рабочий Колхозник Служащий Прочие	Рабочая Колхозница Служащая Прочие	34 ____
35 ____	35. Каков примерно общий месячный доход Вашей семьи, включая заработки (денежные и натуральные) родителей и доходы других членов семьи, проживающих вместе с Вами (зарплата, стипендии, пенсии и т.д.) _____			
36 ____	36. Сколько всего (вместе с Вами) членов в Вашей семье? _____			
37 ____	37. В том числе детей до 16 лет? _____			
38 ____	38. Какую жилую площадь занимает Ваша семья (без кухни и подсобных помещений)? _____ кв. м			
39 ____	39. Ваша успеваемость (в среднем) за прошедшую часть учебного года? _____ (отлично, хорошо, удовлетворительно, неудовлетворительно)			
	По математике _____	По истории _____		
	По физике _____	По литературе _____		
40 ____	По химии _____	По русскому языку _____		

Приложения

Шифр (просьба не заполнять)	РАЗДЕЛ Г		Шифр (просьба не заполнять)
41 ____	По биологии _____	По иностранному языку _____	
42 ____	По географии _____		
43 ____	43. Какой профессией Вы овладели в результате производственного обучения? _____ _____		
44 ____	44. Где Вы живете в настоящее время? _____ _____ _____ (укажите название города, села, района)		
45 ____	45. Думаете ли Вы в связи с поступлением на работу сменить место жительства? (Подчеркните): да, нет		
46 ____	46. Если «да», то где думаете жить? _____ _____ _____ (укажите название города, села, района)		
47 ____	47. (Не заполнять) Если Вам не удастся в этом году поступить работать или учиться по намеченной Вами профессии, то что Вы будете делать?		
48 ____	48. Если поступить на работу, то по какой другой профессии? _____ _____	Если поступить в другое учебное заведение, то какую другую профессию Вы бы избрали в этом случае? _____	49 ____
50 ____	50. Какая, по Вашему мнению, помощь необходима учащимся при выборе профессии? _____ _____		
51 ____	51. Ваше любимое занятие в свободное время _____ _____		
	Укажите Вашу фамилию и имя		

Приложение 2

Ответы на вопросы анкеты будут использоваться только в научных целях. Лицам, проводящим анкетирование, запрещается сообщать кому бы то ни было содержание анкет.

АНКЕТА ВОСЬМИКЛАСНИКА

Уважаемый товарищ! Через несколько месяцев ты окончишь неполную среднюю школу. И, видимо, уже примерно наметил себе путь на ближайшие годы: где и по какой профессии работать, в каком учебном заведении учиться, определил более или менее свое отношение к разным профессиям, специальностям.

Знание профессиональных склонностей учащихся имеет важное значение для планирования народного хозяйства, для улучшения работы по трудоустройству молодежи, для совершенствования учебно-воспитательного процесса.

Мы просим тебя как можно точнее и добросовестнее ответить на вопросы нашей анкеты, так как от этого зависит успех и результативность данного исследования.

Сначала **прочти** внимательно все вопросы!

Шифр (просьба
не заполнять)

1 ____	1. Школа № _____ _____ (название города, села, района)
2 ____	2. Что ты думаешь делать после окончания школы? (Подчеркни что-нибудь одно): работать, совмещать работу с учебой, прочие планы.
3 ____	3. (Не заполнять)
РАЗДЕЛ А	
(Этот раздел заполняется только тем, кто в пункте 2 подчеркнул «работать» или «совмещать работу с учебой».) Если ты намерен после окончания школы работать (или совмещать работу и учебу) то:	
4 ____	4. В какой отрасли народного хозяйства ты думаешь работать? (Подчеркни одну из перечисленных ниже): Промышленность тяжелая. Промышленность легкая. Строительство. Сельское хозяйство. Лесное хозяйство. Транспорт. Связь. Торговля. Общественное питание. Жилищно-коммунальное хозяйство. Здравоохранение. Просвещение. Наука. Искусство. Кредитные учреждения. Аппарат государственного и хозяйственного управления. Прочее.

Приложения

5 ___	5. (Не заполнять)
6 ___	6. По какой профессии ты думаешь работать после окончания школы? _____
7 ___	
8 ___	8. Чем тебя привлекает эта профессия? (Значением для народного хозяйства, творческим характером труда, заработком и т.д.) _____
9 ___	9. В каком классе возник у тебя интерес к этой профессии? ____ _____
10 ___	10. Кто пробудил этот интерес? (Отец, мать, педагоги, специалисты и т. п.) _____
11 ___	11. Что повлияло на формирование интереса к этой профессии? (Чтение литературы, газеты, радио, телевидение, производственное обучение и т.д.) _____
РАЗДЕЛ Б	
	Этот раздел заполняется только тем, кто в п. 2 подчеркнул «учиться» или «совмещать работу с учебой».
	Если ты намерен после окончания школы учиться (или совмещать работу с учебой), то:
12 ___	12. Где ты думаешь учиться? (Укажи полное название учебного заведения, в которое ты хочешь поступить. Если в среднюю школу, то с каким профилем производственного обучения) _____
13 ___	13. (Не заполнять)
14 ___	14. Какую профессию ты хочешь приобрести в результате обучения? _____
15 ___	15. (Не заполнять)
16 ___	16. Чем тебя привлекает эта профессия? (Значением для народного хозяйства, творческим характером труда, заработком и т.д.) _____
17 ___	17. В каком классе возник у тебя интерес к этой профессии? ____ _____
18 ___	18. Кто пробудил этот интерес? (Отец, мать, педагоги, специалисты и т.д.) _____
19 ___	19. Что повлияло на формирование интереса к этой профессии? (Чтение литературы, газеты, радио, телевидение, производственное обучение и т.д.) _____
20 ___	20. Уверен ли ты в том, что сумеешь приобрести намеченную тобой профессию? (Подчеркни): да, нет.

РАЗДЕЛ В

21. В какой степени привлекательны для тебя следующие профессии? Поставь крестик (+) в соответствующей графе: Очень привлекательна; Привлекательна; Так себе; Не привлекательна; Очень не привлекательна. Если совсем ничего не знаешь о данной профессии, поставь крестик в последней графе.

Шифр (просьба не заполнять)	№ п/п	Профессии	Очень привлекательна	Привлекательна	Так себе	Не привлекательна	Очень не привлекательна	Ничего не знаю о ней
	1	Моторист, рабочий, обслуживающий двигатель						
	2	Токарь						
	3	Фрезеровщик						
	4	Шлифовщик						
	5	Столяр, плотник						
	6	Электромонтер, электромеханик						
	7	Слесарь						
	8	Электро- и газосварщик						
	9	Механик						
	10	Кузнец, прессовщик						
	11	Портной, швея						
	12	Каменщик, штукатур						
	13	Маляр						
	14	Строитель-монтажник						
	15	Шахтер						
	16	Металлург						
	17	Рабочий химической промышленности						
	18	Ткач, прядильщик						
	19	Рабочий обувной фабрики						
	20	Полиграфист						
	21	Рабочий лесозаготовок						
	22	Тракторист						
	23	Работник животноводства						
	24	Работник полеводства						

Приложения

Шифр (просьба не заполнять)	№ п/п	Профессии	Очень привлека-тельна	Привлекательна	Так себе	Не привлека-тельна	Очень не при-влекательна	Ничего не знаю о ней
	25	Работник железнодорожного транспорта						
	26	Машинист тепловоза и электровоза						
	27	Шофер						
	28	Летчик						
	29	Радиотехник						
	30	Почтовый работник						
	31	Повар						
	32	Официант						
	33	Продавец						
	34	Канторский работник						
	35	Работник жилищно-коммунального предприятия						
	36	Бухгалтер, счетовод						
	37	Экономист, плановик						
	38	Культурно-просветитель-ный работник, библио-текарь						
	39	Моряк						
	40	Военный						
	41	Работник милиции						
	42	Юрист						
	43	Работник речного транс-порта						
	44	Медсестра, фельдшер, акушерка						
	45	Учитель начальной школы						
	46	Воспитатель дошколь-ных учреждений						
	47	Преподаватель средней школы						
	48	Преподаватель высшей школы						
	49	Врач						
	50	Врач-ветеринар						
	51	Агроном						

Приложения

Шифр (просьба не заполнять)	№ п/п	Профессии	Очень привлека- тельна	Привлекательна	Так себе	Не привлека- тельна	Очень не при- влекательна	Ничего не знаю о ней
	52	Лесовод						
	53	Журналист						
	54	Писатель						
	55	Работник искусства						
	56	Учений-математик						
	57	Ученый-медик						
	58	Ученый-физик						
	59	Ученый-экономист						
	60	Ученый-химик						
	61	Ученый-философ						
	62	Ученый-биолог						
	63	Ученый-филолог						
	64	Ученый-геолог						
	65	Ученый-историк						
	66	Ученый кибернетик (в экономике)						
	67	Инженер-строитель						
	68	Инженер-металлург						
	69	Горный инженер						
	70	Инженер-нефтяник						
	71	Инженер-электрик						
	72	Инженер-радиотехник						
	73	Инженер-связист						
	74	Инженер-транспортник						
	75	Инженер-механизатор сельского хозяйства						
	76	Инженер-химик						
	77	Инженер-машиностро- итель						
	78	Инженер-текстильщик						
	79	Инженер-швейник						
	80	Инженер-пищевик						
	81	Инженер-геолог						

Приложения

Шифр (просьба не заполнять)	РАЗДЕЛ Г			Шифр (просьба не за- полнять)
22	22. Твой пол (подчеркни): мужской, женский.			
	Сведения о родителях	Отец	Мать	
23 ____	Образование	_____	_____	24 ____
25 ____	Профессия	_____	_____	26 ____
27 ____	Кем работает	_____	_____	28 ____
29 ____	Каков примерно зарабо- ток	_____	_____	30 ____
31 ____	К какой социальной группе принадлежит? (Подчеркни)	Рабочий Колхозник Служащий Прочие	Рабочая Колхозница Служащая Прочие	32 ____
33 ____	33. Каков примерно общий месячный доход твоей семьи, включая заработки (денежные и натуральные) родителей и доходы других членов семьи, проживающих вместе с тобой (зарплата, стипендии, пенсии и т.д.) _____ _____			
34 ____	34. Сколько всего вместе с тобой членов в твоей семье? _____ _____			
35 ____	35. В том числе детей до 16 лет? _____ _____			
36 ____	36. Какую жилую площадь занимает твоя семья (без кухни и подсобных помещений)? _____ кв. м			
37 ____	37. Твоя успеваемость (в среднем) за прошедшую часть учебного года? _____ _____ (отлично, хорошо, удовлетворительно, неудовлетворительно)			
38 ____	По математике _____	По истории _____		
39 ____	По физике _____	По литературе _____		
40 ____	По химии _____	По русскому языку _____		
	По биологии _____	По иностранному языку _____		
	По географии _____			
44 ____	44. Где ты живешь в настоящее время? _____ (укажи название города, села, района)			

Приложения

Шифр (просьба не заполнять)	РАЗДЕЛ Г	Шифр (просьба не за- полнять)
45 ____	45. Думаешь ли ты в связи с поступлением на работу сменить место жительства? (Подчеркни): да, нет	
43 ____	43. Если «да», то где думаешь жить? _____ _____ _____ (укажите название города, села, района)	
44 ____	44. (Не заполнять)	
45 ____	Если тебе не удастся в этом году поступить работать или учиться по намеченной тобой профессии, то что ты думаешь делать? _____	
	а) Если поступать на работу, то по какой другой специальности? _____	
	б) Если поступать в другое учебное заведение, то какую другую профессию ты бы выбрал в этом случае? _____ _____	
46 ____	46. По какой профессии ты больше всего не хотел бы работать? _____	
47 ____	47. Какая, по твоему мнению, помощь необходима учащимся при выборе профессии _____ _____	
48 ____	48. Ваше любимое занятие в свободное время _____ _____	
	Укажи свою фамилию и имя	

АНКЕТА РАБОЧЕГО

Уважаемый товарищ! Цель опроса, который проводит социологическая группа Новосибирского государственного университета, состоит в том, чтобы выяснить, какова популярность, привлекательность различных профессий у разных групп населения.

Иногда говорят, что судить о профессии может лишь тот, кто работал по ней. Но вряд ли можно встретить человека, который работал бы по всем перечисленным ниже профессиям. Тем не менее у каждого из нас есть свое собственное, определенное отношение к той или иной профессии. Одни профессии нам нравятся больше, другие — меньше и т.д. Именно Ваше личное отношение к различным профессиям и интересует нас.

Мы просим Вас как можно точнее и добросовестнее ответить на вопросы нашей анкеты, так как от этого зависит успех и результативность данного исследования.

1 ___	По какой профессии Вы сейчас работаете? _____
2 ___	Сколько лет Вы работаете по этой профессии? _____
3 ___	Какая квалификация Вам присвоена (разряд, класс и т.п.)? _____
4 ___	Можете ли Вы сказать, что Ваша нынешняя профессия нравится больше всех других? (Подчеркните): да, нет, не знаю.
5 ___	Если «Да», то чем Вас привлекает работа по Вашей профессии? _____
	Если «Нет», то:
6 ___	а) Чем не нравится? _____
7 ___	б) По какой другой профессии Вы хотели бы работать? _____ _____
8 ___	По какой профессии Вы особенно не хотели бы работать и почему? _____ _____

9. В какой мере привлекательны для Вас следующие профессии? Поставьте крестик (+) в соответствующей графе: Очень привлекательна. Привлекательна. Так себе. Не привлекательна. Очень не привлекательна. Если совсем ничего не знаете о данной профессии, поставьте крестик в последней графе.

Приложения

Шифр (проект не заполнять)	№ п/п	Профессии	Очень привлекательна	Привлекательна	Так себе	Не привлекательна	Очень не привлекательна	Ничего не знаю о ней
	1	Токарь						
	2	Фрезеровщик						
	3	Слесарь						
	4	Механик						
	5	Кузнец, прессовщик						
	6	Металлург, сталевар						
	7	Инженер-металлург						
	8	Инженер-машиностроитель						
	9	Полиграфист (наборщик)						
	10	Рабочий лесозаготовок						
	11	Рабочий-химик						
	12	Портной, швея						
	13	Инженер-химик						
	14	Инженер-швейник						
	15	Каменщик, штукатур						
	16	Маляр						
	17	Строитель-монтажник						
	18	Столяр, плотник						
	19	Инженер-строитель						
	20	Машинист тепловоза, электровоза						
	21	Шофер						
	22	Летчик						
	23	Радиотехник						
	24	Почтовый работник						
	25	Инженер-связист						
	26	Инженер-транспортник						
	27	Тракторист						
	28	Животновод						
	29	Полевод						
	30	Агроном						
	31	Инженер-механизатор сельского хозяйства						
	32	Повар						
	33	Официант						

Приложения

Шифр (просьба не заполнять)	№ п/п	Профессии	Очень привлекательна	Привлекательна	Так себе	Не привлекательна	Очень не привлекательна	Ничего не знаю о ней
	34	Продавец						
	35	Работник милиции						
	36	Канторский работник						
	37	Бухгалтер, счетовод						
	38	Экономист, плановик						
	39	Культпросветработник, библиотекарь						
	40	Медсестра, фельдшер						
	41	Воспитатель детского сада						
	42	Учитель средней школы						
	43	Врач						
	44	Писатель						
	45	Артист, художник, музыкант						
	46	Научный работник						

Шифр (просьба не заполнять)

10 ____	Ваш пол (подчеркните): мужской, женский.
11 ____	Год рождения _____
12 ____	Ваше образование _____
13 ____	Если Вы не окончили учебное заведение, то с какого курса или класса Вы ушли? _____
14 ____	Если имеете незаконченное образование, то почему в свое время прервали учебу? (Подчеркните главную причину): Война. Служба в армии. Необходимость работать и содержать семью. Состояние здоровья. Не видел необходимости продолжать учебу. Какая-либо иная причина (допишите) _____
15 ____	Если Вы не продолжаете сейчас свое образование, то почему? (Подчеркните главное обстоятельство): Недостаток времени и возможностей ввиду семейных обстоятельств. Трудно сочетать работу с учебой. Состояние здоровья. Возраст. Считаю достаточным имеющееся образование. Какая-либо иная причина (допишите) _____

Приложения

16	___	Ваш общий трудовой стаж _____
17	___	Работали ли Вы раньше по другим профессиям? (Подчеркните): да, нет.
18	___	Если «Да», то перечислите профессии, по которым Вы работали _____
19	___	Где Вы прожили большую часть своей жизни? (Подчеркните): В городе. В рабочем поселке. В деревне.
20	___	Где вы живете сейчас? (Подчеркните): В городе. В рабочем поселке. В деревне.
21	___	К какой социальной группе вы принадлежите? (Подчеркните): Рабочий. Колхозник. Служащий.
		Сведения о родителях
		Отец Мать
22	___	Образование _____ 23 ___
24	___	Профессия (основная) _____ 25 ___
26	___	Кем работают или работали _____ 27 ___
28	___	Социальное положение (подчеркните)
		Рабочий Рабочий 29 ___ Колхозник Колхозник Служащий Служащий Прочие Прочие
30	___	Сколько всего (вместе с Вами) членов в вашей семье? _____
31	___	В том числе детей до 16 лет? _____
32	___	Каков примерно общий месячный доход Вашей семьи, включая заработки и доходы (денежные и натуральные) всех членов семьи, проживающих вместе с Вами? _____
33	___	Какова Ваша среднемесячная зарплата?
34	___	Какова общая жилая площадь Вашей семьи без кухни и подсобных помещений? _____ кв. м
35	___	Ваше семейное положение? (Подчеркните): холост, женат (замужем).
36	___	Если Вы женаты (замужем), укажите профессию жены (мужа) _____
37	___	Есть ли у Вас дети? (Подчеркните): да, нет.
38	___	Если «да», то какую профессию Вы считаете, они должны избрать? _____
39	___	Ваша дочь (дочери)
40	___	Назовите, пожалуйста, профессии трех Ваших самых близких знакомых или товарищей
41	___	1 _____, 2 _____, 3 _____

АНКЕТА № 1

Ответы на вопросы анкеты будут использованы только в научных целях.

Уважаемый товарищ! В жизни каждого молодого человека бывают моменты, когда он оказывается на распутье и от принятого решения в значительной степени зависит его будущее. Один из таких моментов — выбор профессии.

Кем быть? — этот вопрос ставит перед Вами уже не учитель, а жизнь. Цена ошибки — не двойка, а порой бесполезно прожитые годы.

Нелегко в одиночку правильно решить вопрос. Ведь нужно познать самого себя, свой характер, свои склонности и способности, сильные и слабые стороны. Это особенно важно сделать сейчас, перед окончанием школы. Однако мало кто, особенно в юности, способен видеть себя объективно, со стороны. Вот почему было бы очень ценно посмотреть на себя, на свой характер, на свои способности глазами коллектива.

Мнение коллектива слагается из мнений отдельных людей. Это обследование, проводимое социологической группой Лаборатории экономико-математических исследований Новосибирского университета, ставит своей целью — на основе взаимных оценок — получить коллективное мнение о каждом члене Вашего коллектива.

Успех этого исследования в Ваших руках. Мы просим Вас попытаться как можно честнее, объективнее, не преувеличивая и не преуменьшая, стараясь преодолеть личные симпатии и антипатии, дать ответы на наши вопросы (анкета № 1 и анкета № 2).

В анкете № 1 Вы должны указать свою фамилию и имя.

1. Прежде всего попытайтесь оценить свои собственные качества (способности). К какому виду труда у Вас наибольшие способности? Какая работа Вам больше всего по душе и удается лучше других? И, наоборот, к каким видам труда у Вас меньше всего данных? Определите степень наличия у себя данного качества (способности), исходя из среднего для Вашего класса уровня. Для этого поставьте крестик (+) в соответствующей графе, считая, что 5 — очень высокое положительное содержание данного качества или способности; 4 — высокое положительное; 3 — нейтральное, т. е. и не положительное, и не отрицательное; 2 — низкое отрицательное; 1 — очень низкое отрицательное. Так, например: 5 — очень трудолюбив; 4 — трудолюбив; 3 — не очень трудолюбив, но и не очень ленив; 2 — ленив; 1 — очень ленив.

Степень наличия качества и способности

	Очень высокая положительная	Высокая положительная	Не высокая и не низкая (нейтральная)	Низкая отрицательная	Очень низкая отрицательная	
	5	4	3	2	1	
1. Трудлюбив 2. Обладает глубокими знаниями, начитанный 3. Организованный 4. Коллективист 5. Прямой, искренний, принципиальный 6. Смелый и решительный 7. Остроумный, обладает чувством юмора 8. Любознательный 9. Верный своему слову 10. Воспитанный, тактичный Бескорыстный Настойчивый, упорный Способности к работе с вещами («золотые руки») Способности к организации людей Способности к воспитанию детей						Ленив Обладает поверхностными знаниями, неначитанный Неорганизованный Индивидуалист Беспринципный Робкий, нерешительный Неостроумный, не понимает шуток Нелюбознательный Не держит слова, безответственный Грубый, бестактный Корыстолюбивый Безвольный Нет способностей к работе с вещами Нет способностей к организации людей Нет способностей к воспитанию детей

Приложения

	Очень высокая положительная	Высокая положи- тельная	Не высокая и не низкая (нейтраль- ная)	Низкая отрица- тельная	Очень низкая отри- цательная	
	5	4	3	2	1	
Способности к работе с книгами						Нет способностей к работе с книгами
Способности к технике						Нет способностей к технике
Способности к спорту						Нет способностей к спорту
Способности к математике						Нет способностей к математике
Способности к физике						Нет способностей к физике
Способности к химии						Нет способностей к химии
Способности к биологии						Нет способностей к биологии
Способности к географии						Нет способностей к географии
Способности к медицине						Нет способностей к медицине
Способности к иностранным языкам						Нет способностей к иностранным языкам
Способности к истории						Нет способностей к истории
Способности к литературной работе						Нет способностей к литературной работе
Способности к музыке						Нет способностей к музыке
Способности к рисованию и лепке						Нет способностей к рисованию и лепке
Способности к театру						Нет способностей к театру
Способности к административной работе						Нет способностей к административной работе

2. А теперь, учитывая свои способности и реальные условия жизни, попытайтесь решить: кем целесообразнее всего Вам следует быть, на какой работе Ваши способности раскроются наиболее полно?

3. В связи с этим, что следовало бы Вам сделать сейчас, сразу после окончания школы? (Подчеркнуть): Поступать на работу. Совмещать работу с учебой. Учиться. Прочее.

4. Если поступать на работу, то куда? _____

5. Если работать, то по какой профессии? _____

6. Если учиться, то где? _____

(название учебного заведения, факультет)

7. Если учиться, то по какой профессии? _____

8. Теперь, учитывая Ваши способности и реальные условия жизни, попытайтесь угадать, как в действительности сложится Ваша судьба в ближайшем будущем (осенью этого года).

1. Как Вам кажется, что Вы будете делать осенью этого года? (Подчеркните):

Работать. Совмещать работу с учебой. Учиться. Прочее.

2. Если работать, то где? _____

3. Если работать, то по какой профессии? _____

4. Если учиться, то где? _____

(название учебного заведения, факультет)

5. Если учиться, то по какой профессии? _____

АНКЕТА № 2

Ответы на вопросы анкеты будут использованы только в научных целях.

Уважаемый товарищ! В жизни каждого молодого человека бывают моменты, когда он оказывается на распутье и от принятого решения в значительной степени зависит его будущее. Один из таких моментов — выбор профессии.

Кем быть? — этот вопрос ставит перед Вами уже не учитель, а жизнь. Цена ошибки — не двойка, а порой бесполезно прожитые годы.

Нелегко в одиночку решить этот вопрос. Ведь нужно познать самого себя, свой характер, свои склонности и способности, свои сильные и слабые стороны. Это особенно важно сделать сейчас, перед окончанием средней школы. Однако мало кто, особенно в юности, способен видеть себя объективно, со стороны. Вот почему было бы очень ценно посмотреть на себя, на свой характер, на свои способности глазами коллектива.

Мнение коллектива складывается из мнений отдельных людей. Это обследование, проводимое научными сотрудниками социологической группы Лаборатории экономико-математических исследований Новосибирского университета, ставит своей целью — на основе взаимных оценок — получить коллективное мнение о каждом из членов Вашего коллектива.

Успех этого исследования в Ваших руках. Мы просим Вас попытаться как можно честнее, объективнее, не преувеличивая и не преуменьшая, стараясь преодолеть личные симпатии и антипатии, дать ответы на наши вопросы (анкета № 1 и анкета № 2).

Анкета № 2 — анонимная, т. е. фамилию указывать не нужно.

1. Теперь оцените качества (способности)

К какому виду деятельности у него (у нее) наибольшие способности? Какая работа ему (ей) удастся лучше всего? И, наоборот, к каким видам труда у него (у нее) меньше всего данных? Определите у него (у нее) степень наличия данного качества (способности), исходя из среднего для Вашего класса уровня. Поставьте крестик (+) в соответствующей графе, считая, что 5 — очень высокое положительное содержание данного качества или способности; 4 — высокое положительное; 3 — нейтральное, т. е. и не положительное и не отрицательное; 2 — низкое отрицательное; 1 — очень низкое отрицательное. Так, например: 5 — очень трудолюбив; 4 — трудолюбив; 3 — очень трудолюбив, но и не очень ленив; 2 — ленив; 1 — очень ленив.

Степень наличия качества и способности

	Очень высокая положительная	Высокая положи- тельная	Не высокая и не низкая (ней- тральная)	Низкая отрица- тельная	Очень низкая отрицательная	
	5	4	3	2	1	
1. Трудолюбив 2. Обладает глубо- кими знаниями, начитанный 3. Организованный 4. Коллективист 5. Прямой, искрен- ный, принципи- альный 6. Смелый и реши- тельный 7. Остроумный, об- ладает чувством юмора 8. Любознательный 9. Верный своему слову 10. Воспитанный, тактичный Бескорыстный Настойчивый, упорный Способности к работе с вещами («золотые руки») Способности к ор- ганизации людей Способности к вос- питанию детей Способности к ра- боте с книгами						Ленив Обладает поверх- ностными знания- ми, неначитанный Неорганизован- ный Индивидуалист Беспринципный Робкий, нерешит- ельный Неостроумный, не понимает шуток Нелюбознатель- ный Не держит слова, безответственный Грубый, бестак- тный Корыстолюбивый Безвольный Нет способнос- тей к работе с вещами Нет способностей к организации людей Нет способностей к воспитанию детей Нет способностей к работе с книгами

Приложения

	Очень высокая положительная	Высокая положи- тельная	Не высокая и не низкая (ней- тральная)	Низкая отрица- тельная	Очень низкая отрицательная	
	5	4	3	2	1	
Способности к технике						Нет способностей к технике
Способности к спорту						Нет способностей к спорту
Способности к математике						Нет способностей к математике
Способности к физике						Нет способностей к физике
Способности к химии						Нет способностей к химии
Способности к биологии						Нет способностей к биологии
Способности к географии						Нет способностей к географии
Способности к медицине						Нет способностей к медицине
Способности к иностранным языкам						Нет способностей к иностранным языкам
Способности к истории						Нет способностей к истории
Способности к ли- тературной работе						Нет способностей к литературной работе
Способности к музыке						Нет способностей к музыке
Способности к ри- сованию и лепке						Нет способностей к рисованию и лепке
Способности к театру						Нет способностей к театру
Способности к административной работе						Нет способностей к административной работе

2. Учитывая, что почти в каждом классе есть более активные ученики («заводи́лы») и менее активные ученики, к какой группе Вы его (ее) отнесли бы? (Подчеркните): К пассивной. К активной. Не знаю.

А теперь, учитывая его (ее) способности и реальные условия жизни, попробуйте дать ему (ей) ряд советов.

3. Кем целесообразнее всего ему (ей) следует стать, на какой работе его (ее) способности раскроются наиболее полно? _____

4. В связи с этим, что по Вашему мнению ему (ей) следовало бы делать сейчас, сразу после окончания школы? (Подчеркните): Поступать на работу. Совмещать работу с учебой. Учиться. Прочее.

5. Если поступать на работу, то куда? _____

6. Если поступать на работу, по какой профессии? _____

7. Если учиться, то где? _____

(название учебного заведения, факультет)

8. Если учиться, то по какой профессии? _____

Наконец, учитывая способности Вашего одноклассника (одноклассницы) и реальные условия жизни, попробуйте угадать, как в действительности сложится его (ее) судьба в ближайшем будущем (осенью этого года).

9. Как Вы думаете, что он (она) будет делать осенью этого года? (Подчеркните):

Работать. Совмещать работу с учебой. Учиться. Прочее.

10. Если работать, то где? _____

11. Если работать, то по какой профессии? _____

12. Если учиться, то где? _____

(название учебного заведения, факультет)

13. Если учиться, то по какой профессии? _____

14. Ваш пол (Подчеркните): мужской, женский. _____

Оценки привлекательности профессий выпускниками средних школ

Профессии	№ проф.	Новосибирск			
		юноши		девушки	
		1963	1964	1963	1964
Промышленность		5,0	4,8	5,1	5,2
Тяжелая промышленность		5,4	5,1	5,3	5,3
<i>Рабочие</i>		4,6	4,3	4,2	4,1
Машинисты-мотористы	1	4,4	4,0	3,4	3,6
Станочники по металлу	2	5,3	4,9	4,1	3,9
Станочники по дереву	3	3,4	3,0	2,8	2,8
Электромонтеры	4	5,0	5,1	4,2	4,2
Слесари	5	4,8	4,4	3,5	3,5
Электрогазосварщики	6	4,3	4,1	4,1	4,3
Механики и наладчики оборудования	7	5,1	5,0	3,8	3,7
Кузнецы, штамповщики	8	3,8	3,3	2,9	2,9
Шахтеры	13	5,6	5,2	5,8	5,5
Сталевары	14	5,7	5,4	5,6	5,5
Рабочие-химики	15	5,0	5,0	4,7	6,4
Полиграфисты	18	3,0	2,8	3,5	3,7
Рабочие лесозаготовок	19	3,4	3,0	2,8	2,7
Токари	72	4,9	4,5	3,8	3,6
<i>Инженеры</i>		6,8	6,5	6,8	7,0
Инженеры-металлурги	58	6,2	5,8	5,3	6,34
Горные инженеры	59	6,4	6,1	6,8	6,9
Инженеры-нефтяники	60	5,8	5,5	6,1	6,4
Электрики	61	6,9	6,8	6,4	6,4
Инженеры-радиотехники	62	8,1	7,8	7,5	7,5
Инженеры-химики	65	6,7	6,3	7,9	8,0
Инженеры-машиностроители	66	7,0	6,8	6,8	6,6
Инженеры-геологи	70	7,1	7,2	7,6	7,5
Легкая промышленность		3,1	3,3	4,7	4,9
<i>Рабочие</i>		2,8	2,6	4,3	4,5
Портные, швейники	9	2,6	2,5	4,5	4,9
Ткачи, прядильщики	16	2,9	2,7	4,6	4,8
Обувщики	17	2,8	2,6	3,7	3,6
<i>Инженеры</i>			3,9	3,9	5,1
Инженеры-текстильщики	67	4,3	4,0	5,7	5,8
Инженеры-швейники	68	3,8	3,6	5,1	5,4
Инженеры-пищевики	69	3,8	3,5	4,5	4,7

Приложение 6

Новосибирской области в 1963 и в 1964 гг. (по десятибалльной шкале)

Средние города				Мелкие города				Села			
юноши		девушки		юноши		девушки		юноши		девушки	
1963	1964	1963	1964	1963	1964	1963	1964	1963	1964	1963	1964
4,9	5,3	5,3	5,7	4,8	5,1	4,9	5,3	5,2	4,9	5,0	5,0
5,3	5,8	5,5	5,9	5,3	5,6	5,0	5,3	5,7	5,4	5,0	5,0
4,5	4,9	4,5	4,8	4,6	4,8	4,1	4,3	5,1	4,5	4,1	4,0
4,4	5,0	3,7	4,1	4,7	4,7	3,5	4,4	5,4	5,5	3,6	3,2
5,1	5,4	5,4	5,2	5,5	5,6	4,6	4,2	5,9	5,2	4,5	4,2
3,4	3,5	3,1	5,0	3,7	3,9	2,9	3,0	4,0	3,7	3,2	2,9
5,2	5,3	4,7	4,8	5,7	6,0	4,1	5,0	6,1	6,0	4,5	4,4
4,3	5,1	3,7	4,5	4,7	4,5	3,5	3,7	5,2	4,4	3,7	3,5
4,1	4,6	4,6	5,1	4,7	5,1	4,3	4,7	5,1	5,1	4,3	4,4
5,4	5,5	3,9	4,9	4,9	5,4	3,5	4,1	5,4	5,3	3,6	3,6
3,6	4,3	3,4	3,7	3,8	3,7	3,0	2,9	4,3	3,8	3,2	2,6
5,3	6,2	6,1	6,0	5,3	5,8	5,3	5,5	6,0	5,4	5,2	5,0
5,9	6,2	5,9	6,1	5,4	7,0	5,0	5,6	6,0	5,6	4,9	4,7
6,4	5,0	5,3	6,8	7,2	4,8	5,3	6,2	6,7	5,0	4,9	5,6
3,2	2,7	3,7	3,8	2,7	3,0	3,5	3,6	2,9	2,7	3,6	3,4
3,0	3,5	2,7	3,2	2,9	3,1	2,7	2,7	3,4	3,2	2,9	2,6
5,0	5,7	4,6	3,2	5,1	5,1	4,3	4,0	5,2	4,6	4,0	3,9
6,6	7,1	6,9	7,5	6,5	6,8	6,3	8,4	6,8	6,5	5,3	6,5
6,2	6,5	6,5	7,1	5,7	6,5	5,7	6,3	6,3	6,0	6,0	6,0
6,6	6,9	7,0	7,1	6,1	6,5	6,3	6,8	6,6	6,4	6,3	6,5
5,8	5,9	6,1	6,8	5,2	5,3	5,6	6,0	6,0	5,4	5,7	5,6
7,2	6,9	6,6	6,9	6,8	7,3	5,8	6,2	7,1	6,8	5,8	6,1
7,9	8,3	7,4	8,0	8,0	7,1	6,7	7,7	7,6	7,2	6,6	6,8
6,3	6,9	7,6	8,5	6,0	6,8	7,2	7,8	6,0	5,9	6,4	7,2
7,3	8,0	6,6	7,4	6,7	6,9	6,1	6,3	7,3	7,0	5,9	6,2
6,8	7,2	7,4	7,9	7,2	7,2	7,1	7,6	7,3	7,1	7,2	7,3
3,2	3,3	4,8	4,9	2,9	3,2	4,6	5,1	3,2	2,9	5,0	5,0
2,7	2,7	4,6	4,4	2,3	2,8	4,2	4,7	2,5	2,3	4,7	4,9
2,3	2,1	4,5	4,6	2,2	2,4	4,3	4,7	2,3	2,1	5,0	6,2
3,0	2,9	5,8	4,9	2,6	3,2	5,0	5,7	2,8	2,6	5,4	5,3
2,8	2,5	3,6	3,6	2,2	2,7	3,3	3,6	2,4	2,3	3,7	3,2
5,3	3,4	3,8	4,9	5,4	3,5	3,5	4,9	5,6	3,8	3,4	5,1
4,0	4,5	5,8	5,9	4,1	3,9	5,6	6,2	4,4	3,7	5,7	5,8
3,4	3,4	4,9	5,1	3,1	3,2	4,8	6,0	3,8	3,1	5,5	5,2
3,5	3,4	4,1	3,5	3,3	3,5	4,2	4,4	3,7	3,3	4,5	4,5

Приложения

Профессии	№ проф.	Новосибирск			
		юноши		девушки	
		1963	1964	1963	1964
Строительство		4,5	4,3	4,8	4,9
<i>Рабочие</i>		3,7	3,7	4,0	4,0
Каменщики-штукатуры	10	3,2	3,3	3,6	3,5
Маляры	11	2,6	2,6	3,0	3,0
Строительные монтажники	12	5,1	5,1	5,4	5,6
<i>Инженеры</i>		6,4	6,2	7,0	7,2
Инженеры-строители	57	6,6	6,2	7,0	7,2
Транспорт и связь		5,8	5,8	5,8	6,0
Транспорт		5,8	5,8	5,7	5,8
<i>Рабочие</i>		5,1	5,1	4,7	4,9
Рабочие железнодорожного транспорта	23	4,4	4,4	4,3	4,4
Машинисты тепловозов	24	5,5	5,6	5,0	5,2
Шоферы	25	5,5	5,3	4,8	5,1
<i>Техники</i>		8,0	7,9	8,2	8,5
Летчики	26	8,0	7,9	8,2	8,5
<i>Инженеры</i>		5,8	5,6	6,0	5,9
Инженеры-транспортники	64	5,8	5,6	5,9	5,9
Связь		6,0	5,7	6,1	6,3
<i>Рабочие</i>		3,6	3,3	4,2	4,4
Работники связи (почтальоны, телефонисты)	28	3,6	3,3	4,2	4,4
<i>Техники</i>		7,8	7,6	7,4	7,6
Радиотехники	27	7,8	7,6	7,4	7,6
Инженеры		6,4	6,0	6,6	6,8
Инженеры-связисты	63	6,4	6,0	6,6	6,8
Сельское хозяйство		8,3	8,4	8,8	3,8
<i>Рабочие</i>		8,1	3,1	3,3	3,3
Трактористы, комбайнеры	20	3,7	3,8	3,6	3,6
Работники животноводства	21	2,7	2,8	3,1	3,0
Работники полеводства	22	2,7	2,7	3,3	3,1
<i>Специалисты</i>		3,5	3,6	4,2	4,3
Врачи-ветеринары	42	3,2	3,2	4,4	4,5
Агрономы	43	3,5	3,4	4,3	4,3
Лесоводы	44	3,8	3,4	4,0	4,0
Инженеры-механизаторы сельского хозяйства	71	–	4,8	–	4,5

Приложения

Средние города				Мелкие города				Села			
юноши		девушки		юноши		девушки		юноши		девушки	
1963	1964	1963	1964	1963	1964	1963	1964	1963	1964	1963	1964
4,3	4,2	5,2	5,3	4,2	4,8	5,0	4,9	4,7	4,6	5,1	5,0
3,6	5,6	4,6	4,4	3,6	4,0	4,5	4,2	4,0	3,9	4,6	4,2
3,0	2,9	4,3	4,0	3,5	3,5	4,4	3,9	3,6	3,3	4,3	4,1
2,7	2,6	3,4	3,4	2,5	2,8	3,6	3,2	2,9	2,7	3,9	3,4
4,8	5,1	6,1	5,6	4,7	5,7	5,5	5,6	5,6	5,4	5,7	5,3
6,2	6,0	7,0	8,2	6,1	7,0	6,6	6,8	6,5	6,6	6,7	7,0
6,2	6,0	7,0	8,2	6,1	7,0	6,6	6,8	6,5	6,6	6,7	7,0
5,9	6,3	6,0	6,3	6,1	5,5	5,7	6,0	6,4	6,2	6,0	5,9
6,2	6,5	5,8	6,2	6,2	6,6	5,7	5,8	6,6	6,6	5,9	5,9
5,6	5,8	5,0	5,3	5,8	6,1	5,1	5,0	6,0	6,4	5,4	5,2
4,9	4,7	4,6	4,7	5,0	5,1	5,0	4,8	5,4	5,6	5,1	5,2
6,5	6,0	5,8	5,8	6,5	6,6	5,3	5,2	6,5	6,6	5,5	5,2
5,5	6,5	4,7	5,8	6,1	6,5	5,0	4,6	6,0	6,9	5,6	5,3
7,9	8,5	8,2	8,6	7,7	8,3	7,9	8,0	8,6	8,1	7,8	7,7
8,5	7,9	8,5	5,7	8,6	7,7	8,3	7,9	8,0	8,6	7,9	7,7
6,0	6,6	5,7	6,5	5,7	6,3	5,4	5,8	6,1	5,7	5,6	5,7
6,0	6,6	8,2	6,5	5,7	6,8	5,4	5,8	6,1	5,6	5,7	—
5,5	6,1	6,2	6,4	6,1	6,3	5,7	6,2	6,1	5,6	6,0	7,7
3,2	4,0	4,7	4,6	4,0	4,3	4,5	4,6	4,4	3,8	5,1	4,9
3,2	4,0	4,7	4,6	4,0	4,3	4,5	4,6	4,4	3,8	5,1	4,9
7,0	8,0	7,8	7,9	7,7	8,0	7,0	7,7	7,7	7,2	6,9	7,1
7,0	8,0	7,8	7,9	7,7	8,0	7,0	7,7	7,7	7,2	6,9	7,1
6,2	6,4	6,2	6,7	6,3	6,4	5,7	6,4	6,2	5,6	5,9	6,3
6,2	6,4	6,2	6,7	6,3	6,4	5,7	8,4	6,2	5,6	5,9	6,3
3,4	3,8	3,8	4,5	3,8	3,7	4,1	4,0	4,5	4,6	4,5	4,4
3,3	8,8	3,5	4,0	3,9	3,5	4,0	3,5	4,7	4,7	4,5	4,1
3,8	4,5	3,7	4,9	4,5	4,1	3,6	6,0	6,2	4,5	4,1	—
2,9	2,6	3,3	3,7	3,2	2,9	3,8	3,2	3,8	3,5	4,4	4,0
2,9	2,8	3,5	3,8	3,6	3,1	4,2	3,8	4,4	4,2	4,5	4,3
3,5	4,3	4,2	5,0	3,7	3,9	4,2	4,3	4,3	4,6	4,4	4,6
3,4	3,3	3,9	4,0	2,8	2,6	3,7	3,3	3,7	2,9	3,8	3,7
3,5	4,0	4,3	5,2	4,2	3,9	4,8	4,9	4,9	4,6	5,3	5,1
3,4	4,1	4,3	5,0	3,6	3,6	4,1	4,1	4,3	3,9	4,2	4,1
8,5	6,7	8,0	6,4	9,9	5,8	9,8	5,3	—	7,8	—	6,2

Приложения

Профессии	№ проф.	Новосибирск			
		юноши		девушки	
		1963	1964	1963	1964
Сфера обслуживания		2,4	2,6	3,1	3,2
<i>Работники низшей квалификации</i>		2,2	2,4	2,6	2,8
Работники общественного питания (повара, официанты)	29	2,6	3,0	3,1	3,3
Продавцы	30	2,0	2,2	2,6	2,9
Делопроизводители	31	2,1	2,1	2,3	2,5
Работники коммунальных предприятий	32	2,0	2,2	2,3	2,2
<i>Работники средней квалификации</i>		2,2	2,2	2,8	2,7
Бухгалтеры, счетоводы	33	2,2	2,1	2,8	2,7
<i>Работники высшей квалификации</i>		3,6	3,5	4,8	5,3
Экономисты-плановики	34	3,6	3,5	4,8	5,3
Просвещение, культура и здравоохранение		4,5	4,5	6,3	6,5
Просвещение		4,3	4,3	6,1	6,3
<i>Работники средней квалификации</i>		3,1	3,1	5,2	5,4
Воспитатели детских учреждений	38	3,1	3,1	5,2	5,4
<i>Работники высшей квалификации</i>		4,6	4,7	6,4	6,6
Учителя начальных школ	37	3,5	3,0	5,3	5,6
Преподаватели средних школ	39	4,5	4,5	6,5	6,7
Преподаватели высших школ	40	5,9	5,9	7,5	7,5
Культура		4,8	4,6	6,6	6,7
<i>Работники средней квалификации</i>		3,2	3,3	4,9	5,3
Работники культпросвета и клубные (библиотекари)	35	3,2	3,3	4,9	5,3
<i>Работники высшей квалификации</i>		6,3	5,9	8,2	8,0
Здравоохранение			4,8	4,8	6,4
<i>Работники средней квалификации</i>		3,1	3,2	4,8	4,8
Медсестры, фельдшера, акушерки	36	3,1	3,2	4,8	4,8
<i>Работники высшей квалификации</i>		6,3	6,2	8,0	8,3
Врачи	41	6,3	6,3	7,9	8,3

Приложения

Средние города				Мелкие города				Села			
юноши		девушки		юноши		девушки		юноши		девушки	
1963	1964	1963	1964	1963	1964	1963	1964	1963	1964	1963	1964
2,3	2,5	2,6	3,3	2,4	2,3	2,9	2,9	2,8	2,4	3,3	3,1
2,1	2,5	2,7	3,1	2,3	2,3	2,7	2,8	2,7	2,3	3,2	3,0
2,7	4,0	3,5	3,5	2,8	2,8	3,3	3,3	3,0	2,5	3,5	3,4
2,2	2,3	2,9	3,2	2,2	2,1	3,0	2,6	2,3	2,3	3,4	3,4
1,5	2,2	1,9	2,6	1,9	2,0	2,4	2,1	2,3	2,0	2,3	2,5
1,8	2,2	2,1	2,6	2,2	1,9	2,3	2,2	2,7	2,3	2,8	2,3
2,2	2,3	1,7	3,0	2,2	2,0	2,4	2,5	2,7	2,4	3,0	2,8
2,2	2,3	2,9	3,0	2,2	2,0	2,4	2,5	2,7	2,4	3,0	2,8
2,9	2,8	4,0	4,5	2,7	2,8	4,0	3,8	3,5	3,0	4,0	3,9
2,9	2,8	4,0	4,5	2,7	2,8	4,0	3,8	3,5	3,0	4,0	3,9
4,2	4,8	6,6	6,8	4,4	4,3	6,7	6,5	4,6	4,6	6,7	6,8
4,1	4,9	6,7	6,7	4,4	4,2	6,9	6,7	4,6	4,6	7,0	6,9
3,2	3,9	5,9	6,0	3,1	2,9	6,1	6,0	3,7	3,3	6,8	6,4
3,2	3,9	5,9	6,0	3,1	2,9	6,1	6,0	3,7	3,3	6,8	6,4
4,4	5,2	6,9	7,0	4,8	4,6	7,2	6,9	4,9	5,0	5,2	7,1
3,3	4,1	6,0	5,9	3,8	3,8	6,5	6,3	4,2	4,0	6,7	6,5
4,4	5,3	7,1	7,2	5,0	4,7	7,4	7,1	5,0	5,3	7,3	7,5
5,6	6,2	7,6	8,0	5,7	5,4	7,8	7,2	5,6	5,8	7,1	7,3
4,3	4,6	6,9	6,6	4,6	4,5	6,5	6,2	4,9	4,7	6,3	6,6
3,3	3,8	5,7	5,2	3,7	3,7	5,7	5,4	4,4	4,9	5,9	5,9
3,3	3,8	5,7	5,2	3,7	3,7	5,7	5,4	4,4	4,0	5,9	5,9
5,3	5,3	8,1	8,1	5,4	5,4	7,3	7,0	5,5	5,4	6,7	7,3
6,6	4,4	4,6	6,3	7,1	4,2	4,2	6,6	6,3	4,4	4,3	6,9
3,1	3,2	5,0	5,5	3,0	2,8	5,6	5,2	3,4	3,2	5,8	6,0
3,1	3,2	5,0	5,5	3,0	2,8	5,6	5,2	3,4	3,2	5,8	6,0
5,7	6,0	7,8	8,6	5,3	5,4	7,6	7,4	5,3	5,4	7,2	7,8
5,7	6,0	7,7	8,6	5,3	5,4	7,6	7,4	5,3	5,4	7,2	7,8

Приложения

Профессии	№ проф.	Новосибирск			
		юноши		девушки	
		1963	1964	1963	1964
Наука		6,5	6,2	7,4	7,3
Физико-математические науки		8,2	8,0	8,2	8,0
Математики	46	7,9	7,6	8,2	7,1
Физики	48	8,4	8,3	8,2	7,9
Естественные науки		6,6	6,3	7,6	7,5
Медики	47	7,0	5,3	8,3	8,1
Химики	50	7,1	6,7	8,1	8,1
Биологи	52	5,5	6,9	6,6	6,4
Геологи	54	6,7	6,3	7,3	7,3
Общественные науки		5,6	5,2	6,9	6,8
Экономисты	49	5,4	4,8	6,7	6,6
Философы	51	5,9	5,3	7,1	7,0
Филологи	53	4,8	4,4	6,7	6,5
Историки	55	5,8	5,5	6,8	6,9
Экономисты-математики	56	6,2	5,8	7,1	7,2

Приложения

Средние города				Мелкие города				Села			
юноши		девушки		юноши		девушки		юноши		девушки	
1963	1964	1963	1964	1963	1964	1963	1964	1963	1964	1963	1964
5,6	6,1	6,8	7,3	5,3	5,7	6,4	6,6	5,6	5,4	6,1	6,5
7,7	8,8	7,9	8,1	7,0	7,2	7,0	7,2	6,8	6,9	6,5	7,0
7,4	7,6	7,9	8,2	6,7	6,8	7,1	7,4	6,7	6,6	6,6	7,1
7,6	8,8	7,8	8,0	7,4	7,6	6,9	7,0	6,9	7,1	6,3	6,9
5,6	6,1	7,1	7,7	5,3	5,7	6,8	7,1	5,6	5,3	6,5	6,9
5,8	5,9	7,7	8,2	5,4	5,6	7,3	7,3	5,4	5,2	7,2	7,6
6,3	7,2	7,6	8,8	5,9	6,5	7,3	7,6	5,9	5,8	6,5	7,3
4,7	4,5	5,8	6,4	4,3	4,2	5,9	6,2	4,8	4,0	5,7	6,0
5,6	6,7	7,3	7,3	5,7	6,3	6,9	7,2	6,4	6,2	6,4	6,9
4,6	5,1	6,0	6,6	4,6	4,9	5,7	5,8	5,1	4,7	5,6	5,8
4,1	4,6	5,1	6,2	4,4	4,3	5,1	5,0	4,5	3,9	4,9	5,2
4,7	4,9	6,1	6,6	4,4	4,9	5,8	5,7	4,9	4,4	5,4	5,8
3,9	4,4	5,8	6,6	3,9	3,9	5,6	5,9	4,7	3,8	5,6	5,7
4,9	5,3	6,6	6,7	4,9	5,5	6,2	6,3	5,6	6,0	6,2	6,3
5,2	6,0	6,5	7,0	5,1	5,4	6,0	6,3	5,4	5,2	5,9	6,2

Шубкин Владимир Николаевич

СОЦИОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО: Научное познание и этика науки.

Монография

Издатель: Центр социального прогнозирования и маркетинга
127106, г. Москва, ул. Гостиничная, дом 9, корпус 4.
Тел.: 482-18-47.

email: scentre@online.ru

Художественное оформление обложки
и компьютерное макетирование
М.Л. Уранова

Подписано в печать 15.01.2010. Формат 60×90 1/16.
Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печат. л. 26,5. Тираж 500 экз.
Заказ №

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»
Российской академии наук
140010, г. Люберцы Московской области, Октябрьский проспект, д. 403.
Тел.: 554-21-86.

Для заметок

Для заметок
